

КЭТРИН КУРТЦ

ХРОНИКИ ДЕРИНИ

КЭТРИН КУРТЦ

КЭТРИН КУРТЦ

КЭТРИН КУРТЦ

'

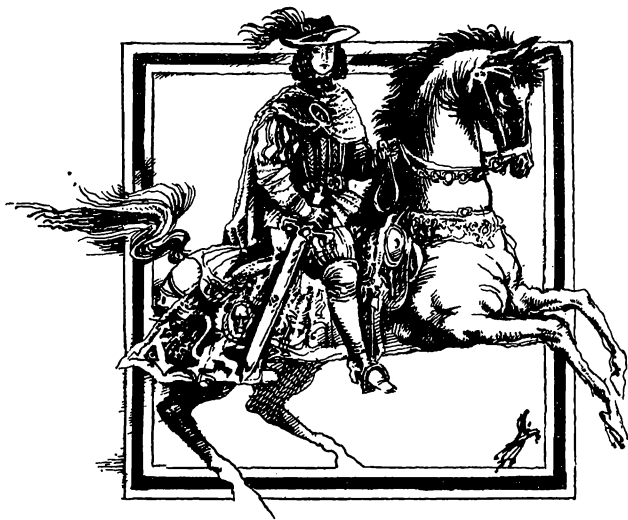
'

КЭТРИН КУРТЦ

ХРОНИКИ ДЕРИНИ

КНИГА 2

ВЫСШИЙ ДЕРИНИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ»

1992

Перевод В. Федорова
Составитель А. Лютиков

Куртц К.

К 93 Хроники Дерини: Романы./Пер. В. Федорова.—
СПб: АП «Васильевский остров», 1992.— 368с.

Во вторую книгу вошел последний роман
трилогии «Высший Дерини».

К $\frac{4804010100-160}{022(01)-92}$ Без объявл.

ISBN 5-7012-0318-2

©Перевод. В. Федоров, 1992
©Состав. А. Лютиков, 1992
©Макет. Агентство «СФИНКС СПб»,
1992
©АП «Васильевский остров», 1992

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

Имя, данное мальчику, было Ройстон — Ройстон Ричардсон по отцу. Кинжал, который он боязливо сжимал в руке сейчас, в надвигающихся сумерках, принадлежал не ему.

Вокруг в хлебных полях Дженан Бейла валялись трупы. В мертвой тишине изредка слышались голоса ночных птиц да завывание волков вдали, на северных холмах.

За полем, на улицах городка горели факелы, указывая живым путь туда, где они могли получить помощь и отдохнуть. Много народу с обеих сторон полегло здесь, в Дженан Бейле, сегодня вечером.

Битва была жестокой и кровавой. Она началась в середине дня. Всадники Нигеля Халдана, дяди юного короля Келсона, подъехали к предместью городка в первой половине дня. Алые королевские знамена со львами сверкали золотом, на шкурах лошадей блестели капли пота.

— Это пока только авангард, — сказал принц. Он и его отряд в тридцать человек должны были разведать дорогу в Корот, куда направлялась королевская армия.

Корот, столица восставшего герцогства Корвин, был в руках мятежных архиепископов Лориса и Корригана. Эти архиепископы, которым помогал предводитель фанатиков-повстанцев Варин, настаивали на том, что надо начать новую волну преследований Дерини: расы могущественных колдунов, которые некогда правили

всеми Одиннадцатью Королевствами; Дерини, которых долго боялись и подавляли и которых теперь олицетворял герцог Корвина Аларик Морган — полукровка Дерини. Три месяца назад архиепископы отлучили его от церкви.

Принц Нигель пытался успокоить народ Дженан Бейла. Он напомнил им, что люди короля не собираются грабить и разорять их земли, молодой Келсон запретил это делать. И не герцог Аларик несет угрозу миру в Одиннадцати Королевствах, хотя архиепископы утверждают обратное. И утверждение, будто Дерини — раса, олицетворяющая зло на земле, тоже суеверная чепуха.

Сам Брион, хотя и не был Дерини, всю жизнь доверял Моргану. Он так высоко ценил герцога, что несмотря на протесты Королевского Совета сделал его Чемпионом Короля. И никто не может сказать, что Морган не оправдал его доверия!

Но жители Бейла не слушали.

Факт, неожиданно обнаружившийся на коронации Келсона,— что он наполовину Дерини, хотя сам не подозревал об этом, породило волну недоверия ко всему королевскому роду Халданов. Этому способствовало и то, что молодой король оказывал поддержку еретiku герцогу Аларiku и его кузену священнику Дункану Мак Лейну, тоже Дерини.

Ходили слухи о том, что, так как король защищает Аларика и Мак Лейна, его самого отлучили от церкви, что он и ненавистный герцог Аларик объединились с остальными Дерини и теперь собираются напасть на Корот, чтобы подорвать в корне движение против Дерини, уничтожив Лориса и Корригана, а также обожаемого Варина. Варин ведь предсказывал все это.

И вот местные повстанцы долго вели отряд Нигеля вокруг Дженан Бейла, заманивая его обещаниями показать удобный для армии путь с богатыми пастбищами и водными источниками. Но когда отряд пробирался через зеленые поля незрелого хлеба, повстанцы неожиданно напали на него, сея смятение и смерть в его рядах. И пока люди короля разбирались и отступали, унося раненых, на поле осталось много мертвых рыцарей, повстанцев и лошадей. Измятые,

рванные королевские знамена яркими пятнами нарушали ровный фон молодой зелени.

Ройстон, держа руку на рукояти кинжала, застыл на мгновение, затем обошел лежащий труп и продолжил свой путь по узенькой тропинке — к дому.

Ему было всего десять лет, и он был очень мал для своего возраста, однако возраст ничуть не помешал ему принять участие в грабеже.

Кожаный мешок, висевший у него на плече, был набит едой, конской сбруей и многим другим, что он смог снять с убитых врагов. Даже подвешенный к поясу богато разукрашенный кинжал в роскошных ножнах, совершенно неуместный рядом с его лохмотьями, был вытасчен из седельной сумки мертвой лошади.

Он не стыдился своего занятия. Обирать мертвых — обычное дело для крестьян во времена войн, а теперь, когда крестьяне восстали против своего герцога, и даже против короля, это стало просто необходимостью. Оружия у повстанцев было мало, да и то в основном косы, пики, дубинки. А грабя мертвых врагов, они могли получить кинжалы, мечи, шлемы, доспехи, а изредка, если повезет, найти золотые и серебряные монеты.

Возможности были неограниченные. Так как отступающие враги уносили с собой только раненых, а повстанцы заботились о своих, на поле боя оставались только убитые. А мертвых никто не боялся, даже такие маленькие, как Ройстон.

И все же Ройстон очень внимательно смотрел по сторонам, когда шел по тропе, далеко обходя лежавшие на пути трупы. Он не боялся, это чувство неизвестно тем, кто родился в Корвине, но ведь можно было наткнуться на того, кто еще не умер, а ему этого вовсе не хотелось.

И как бы в ответ на его беспокойные мысли раздался волчий вой, и теперь уже много ближе, чем раньше. Ройстон задрожал и выбежал на середину тропы. Воображение его разыгралось, и ему казалось, что в темных зарослях по сторонам тропы кто-то движется. Мертвых он не боялся, но четвероногие хищники,

выходящие на поля с наступлением темноты, были очень опасны. У него не было желания встречаться с ними.

Внезапно впереди и немного слева ему почудилось какое-то движение. Стиснув кинжал, он наклонился и нащупал другой рукой камень размером с кулак, затем растянулся на земле и затаил дыхание. Ройстон вытянул шею, стараясь рассмотреть что-нибудь в густых зарослях.

— Кто здесь? — голос его охрип. — Ответь, а то я подойду ближе!

В зарослях послышался шорох, стон и затем кто-то чуть слышно произнес:

— Воды... пожалуйста, кто-нибудь...

Ройстон закинул мешок за спину и осторожно поднялся, вынимая из ножен кинжал.

Конечно, это мог быть повстанец и, следовательно, друг, которого не заметили, когда выносили раненых. Но он мог оказаться и врагом.

Ройстон приближался потихоньку, камень и кинжал наготове, нервы напряжены.

В сумерках было трудно что-нибудь разобрать, но все же он увидел, что в зарослях лежит повстанец. Да, он четко разглядел вышитую на плече серую, словно сталь, эмблему сокола. Глаза под тяжелым шлемом были закрыты, руки неподвижны. Ройстон подошел поближе, чтобы рассмотреть бородатое лицо человека, и не смог удержаться от возгласа. Он узнал его! Это был Малькольм Дональдсон, лучший друг его брата.

— Маль! — мальчик бросился сквозь заросли и опустился рядом с раненым на колени. — Боже милостивый! Маль, что с тобой? Ты тяжело ранен?

Тот, кого звали Маль, открыл глаза и с трудом сфокусировал взгляд на лице мальчика. Узнав его, он попытался улыбнуться, затем снова закрыл глаза, как бы стараясь подавить нахлынувшую боль. Он с трудом кашлянул и опять открыл глаза.

— О мальчик, ты очень вовремя оказался здесь. Я боялся, что эти шакалы прикончат меня. Дай мне мой меч.

Он откинул плащ, и в складках окровавленной одежды стали видны очертания меча с крестообразной рукоятью.

Когда Ройстон увидел меч, глаза его округлились. Он с замиранием сердца провел пальцами по лезвию.

— Ах, Маль, какой замечательный меч! Ты им зарубил кого-нибудь из ратников короля?

— Конечно, он испробовал их крови. Но один из них, будь он проклят, оставил во мне кусок стали. Взгляни, перестала ли рана кровоточить? — он постарался приподняться на локтях, а мальчик наклонился, чтобы осмотреть рану. — Я постарался перевязать ее, прежде чем... А! Осторожно! Она опять начнет кровоточить!

Плащ, которым была перевязана нога Маля, затвердел от засохшей крови, и мальчик, отгибая его, старался посмотреть в сторону, чтобы не упасть в обморок.

Маль получил сильнейший удар мечом в правое бедро. Рана начиналась над коленом и тянулась вверх на шесть дюймов. Каким-то образом он умудрился наложить повязку, благодаря чему все еще оставался в живых. Однако повязка уже изжила себя, она имела ярко-красный цвет, потому что вся пропиталась кровью.

Маль потерял много крови, в этом сомнений не было, и больше терять уже было нельзя.

Когда Ройстон снова взглянул на рану, в глазах у него все поплыло и он с трудом проглотил комок в горле.

— Ну, как там?

— Кровь... кровь все еще течет, Маль. Я думаю, нам не остановить ее самим. Нужна помощь.

Маль лег на землю и вздохнул.

— Это плохо, парень. Сам я не могу двинуться и боюсь, ты не успеешь кого-нибудь привести сюда до темноты. А все дело в этом куске стали. Может, ты попробуешь вытащить его?

— Я? — глаза Ройстона округлились, и он задрожал при одной мысли об этом. — Маль, я не смогу. Как только я ослаблю повязку, сразу начнет хлестать кровь. Я не хочу, чтобы вместе с ней тебя покинула жизнь только потому, что я не знаю, что надо делать.

— Не спорь, парень, я...

Маль оборвал себя на полуслове. Он смотрел через плечо мальчика, и его челюсть отвисла от изумления.

Мальчик медленно повернулся и увидел на фоне заката силуэты двух всадников. Они находились уже не более чем в двадцати футах.

Когда всадники спешили, Ройстон медленно поднялся, крепко сжимая кинжал в руке.

Кто эти люди? И откуда они появились? Он не мог их рассмотреть, пока они подходили, так как заходящее солнце било ему в глаза и превращало их шлемы в красно-золотые нимбы.

Когда они подошли совсем близко и сняли шлемы, Ройстон увидел, что они вряд ли старше, чем Маль,— не старше тридцати лет. Один из них был темноволосый, другой — светлый. Серо-стальные плащи с изображением сокола не скрывали длинных мечей в кожаных ножнах, висевших на боку у каждого.

Тот, что посветлее, остановился в нескольких ярдах, взял шлем в левую руку и показал, что в правой у него нет оружия.

Более темный стоял на шаг сзади, и на его лице играла добрая улыбка, когда он смотрел на настоящего мальчика.

Ройстон понял, что бояться ему нечего.

— Не бойся, сынок. Мы не сделаем вам ничего плохого. Может быть, мы можем чем-нибудь помочь?

Ройстон внимательно их рассматривал: серые плащи, небритые несколько дней лица, на которых читалось явное дружелюбие, и решил, что они ему нравятся.

Он взглянул на Маля, ожидая совета, и тот слабо кивнул.

Ройстон отступил на шаг назад, и двое подошли и склонились над раненым. После минутного колебания мальчик тоже опустился на колени рядом с Малем и стал наблюдать, что делают двое незнакомцев. В его темных глазах светилось беспокойство.

— Вы люди Варина,— уверенно сказал Маль, пытаясь улыбнуться.

Темноволосый человек стал стягивать перчатки.

— Благодарю,— продолжал Маль,— что вы оставились мне помочь, хотя ночь уже совсем близко. Я — Маль Дональдсон, а это Ройстон. Вы сможете вытащить из раны осколок?

Темноволосый тщательно исследовал рану, а затем встал на ноги и пошел к своей лошади.

— Обломок в ране,— сказал он, доставая кожаный саквояж из сумки.— Чем скорее мы его вытащим, тем лучше. Ройстон, ты можешь достать лошадь?

— У нас нет лошади,— прошептал мальчик.— Может... может, мы отвезем его домой на ваших? До дома моей матери совсем недалеко.

Он смотрел на этих странных людей. Темноволосый снова встал на колени перед раненым. Теперь стал говорить светловолосый:

— Очень жаль, но у меня и моего друга нет времени. Может быть, у тебя найдется осел или мул? Или повозка, что было бы лучше всего.

У Ройстона загорелись глаза:

— Да, осел. Думаю, Миллер одолжит мне его. Я успею обратно до того, как совсем стемнеет.

Он вскочил на ноги и бросился бежать, но затем остановился, обернулся и с восхищением посмотрел на их серые плащи с эмблемой сокола:

— Вы люди Варина. И вы выполняете особое задание, потому и не можете здесь долго задерживаться. Я правильно решил?

Двое обменялись взглядами. Темноволосый замер. Но светловолосый засмеялся, подошел к мальчику и похлопал его по плечу.

— Да, к сожалению, ты решил правильно,— сказал он тихо.— Но только не говори никому. Беги и приводи осла, а мы позаботимся о твоём друге.

— Маль?

— Беги, парень. Со мной все хорошо. Эти люди — братья. Они едут по делу самого Варина.

— Бегу, Маль.

Мальчик побежал по дорожке и скоро скрылся из виду.

Темноволосый открыл саквояж и стал доставать бинты и инструменты.

Маль попытался приподняться, чтобы увидеть, что же он делает, но светловолосый легонько придавил его голову к земле.

Маль почувствовал холод и влагу, когда темноволосый начал смывать с ноги засохшую кровь, затем ощутил слабую боль.

Блондин шевельнулся и взглянул в потемневшее небо.

— Может быть, нужно побольше света? Я могу сделать факел.

Другой кивнул:

— Сделай. И, кроме того, мне на несколько минут понадобится твоя помощь. Нам нужно предотвратить смерть от потери крови.

— Я посмотрю, что смогу сделать.

Светловолосый успокаивающе кивнул Малью, а затем поднялся и стал что-то отыскивать в кустах.

Маль повернул голову, наблюдая за ним и удивляясь, где же он собирается найти факел. Затем взгляд его снова вернулся к человеку, который возился с его ногой. Поморщившись, когда тот случайно задел осколок, он затем откашлялся, чтобы прочистить горло.

— По вашему выговору я могу судить, что вы не из наших мест,— проговорил он выжидающе, пытаясь отвлечься от мыслей о том, что делает этот человек и что собирается делать дальше.— Вы приехали издалека, чтобы помочь лорду Варину?

— Не совсем издалека,— ответил, склонившись над раной, темноволосый.— Мы в течение нескольких недель выполняли особое задание, а теперь направляемся в Корот.

— Корот?.. — начал Маль.

Он увидел, что светловолосый нашел длинную палку и стал обматывать один ее конец сухой травой.

Маль опять подумал, как же блондин собирается зажечь ее?

— Значит, вы едете к самому лорду Варину? А!

— Прошу прощения,— пробормотал темноволосый, склонившись над раненой ногой.

Он покачал головой и продолжал работать.

За головой Маля что-то сверкнуло, и к тому времени, когда Маль обернулся, факел уже пылал всюду.

Блондин закрепил его так, чтобы пламя освещало ногу Маля, затем встал на колени рядом с ним и стал снимать перчатки.

На лице Маля, по которому заструились слезы от дыма факела, отразилось замешательство.

— Как вы это сделали? Я ничего не видел.

— Ты все пропустил, мой друг,— засмеялся светловолосый и прикрепил мешочек к поясу.— Как я мог сделать? Ты думаешь, что я Дерини и могу вызвать небесный огонь, чтобы зажечь факел?

На его лице появилась обезоруживающая улыбка, и Маль улыбнулся в ответ.

Ну конечно же, этот человек не может быть Дерини. Ни один человек, служащий Варину, не может быть представителем этой расы. Ведь Варин поклялся уничтожить всех, кто только имеет дело с колдовством. Ясно, что здесь не колдовство, блондин использовал обычные способы, чтобы зажечь факел.

Тем временем светловолосый полностью переключился на то, что делает его коллега, а Маль отругал себя за глупость и стал пристально смотреть в небо.

Непонятное чувство охватило его, какое-то необъяснимое ощущение, что его душа, странно колеблясь, покидает тело. Он чувствовал, как они копаются с его ногой, но боль была где-то вне его, не причиняла ему никаких мучений.

Он наблюдал сам за собой как бы со стороны.

С полным безразличием он подумал, что, вероятно, сейчас умрет.

— Прошу прощения, если мы причинили тебе боль,— сказал светловолосый.

Его голос ворвался в размышления Маля, одновременно боль полоснула его ногу, и он как бы толчком вернулся к реальности.

Светловолосый продолжал:

— Постарайся рассказать нам, что здесь произошло. Это поможет тебе отвлечься от боли.

Маль прерывисто вздохнул и, пытаясь отогнать боль, быстро заговорил.

— Хорошо, я постараюсь. Да, вы ведь выполняли поручение Варина, так что не знаете, что случилось,— он поморщился и увидел, как светловолосый покачал головой.— Мы сегодня одержали победу,— он посмотрел в темнеющее небо.— Мы разгромили тридцать солдат короля, которых вел сам принц Нигель. Многих убили и ранили самого принца. Но ведь это же не последние. Король пошлет сюда большую армию, и мы будем жестоко наказаны за то, что осмелились выступить против него. И все это из-за герцога Аларика, будь проклято его имя.

— Да? — лицо светловолосого, несмотря на бороду, было спокойным и красивым, в нем не было никакой угрозы.

И все же Маль почувствовал, как дрожь пробежала по его телу, когда он проследил за направленным в сторону взглядом светловолосого. Маль не мог понять, почему чувствует себя так беспокойно, когда плохо говорит о своем господине. Однако его внимание снова вернулось к лицу незнакомца. Что же во взгляде незнакомца так тревожило его?

— И все его ненавидят так же, как ты? — мягко спросил светловолосый.

— Да нет, конечно, ни один из нас здесь не хотел восставать против герцога,— с удивлением услышал свой голос Маль.— Он был для нас хорошим господином, пока не связался с этой проклятой магией Дерини. Некоторые из служителей церкви даже называли его своим другом,— раненый помолчал немного и затем с силой хлопнул ладонью по земле.— Но архиепископы сказали, что он перешел все границы, которые даже герцогу нельзя переходить. Он и его кузен Дерини осквернили часовню Святого Торина,— Маль негодуяще фыркнул и помолчал.

— Кто должен за все ответить,— убежденно продолжил он,— так этот Мак Лейн: служитель господа и в то же время Дерини... И когда они не отдались на суд Курии, не признавая свои грехи, некоторые жители Корвина сказали, что останутся верными герцогу и королю, даже если их отлучат от церкви... Тогда

архиепископы наложили Интердикт на весь Корвин. Варин сказал, что единственный способ снять Интердикт — это захватить герцога и отдать его в руки архиепископов в Короте, а также помочь очистить страну от всех Дерини... Это единственный путь и... А! Осторожнее с моей ногой!

Маль в полубессознательном состоянии, откинувшись назад, видел сквозь туман боли, как незнакомцы возились с его ногой. Он чувствовал, как кровь хлещет из его бедра, ощущал давление бинта, который ему наложили, когда предыдущая повязка намокла и ее пришлось заменить новой. Сознание покидало его вместе с кровью. Он ощутил холодную руку на лбу, услышал тихий голос:

— Спокойно, Маль. Расслабься. Все будет хорошо. Нам нужно только немного помочь тебе. Расслабься и спи... и забудь все.

Сознание ускользало от него. Где-то вдали слышалось бормотание незнакомца. Это были слова, которых Маль не мог понять. Он ощущал, как внутри него разливается теплота, заглушающая все чувства и притупляющая боль.

Когда он открыл глаза, то обнаружил, что его рука сжимает окровавленный кусок металла. Незнакомцы убирали свои инструменты и прочие вещи в кожаный саквояж.

Светловолосый, увидев открытые глаза Маля, подмигнул ему, а затем приподнял его голову и поднес к губам фляжку с водой.

Маль автоматически начал пить. Голова закружилась, когда он попытался вспомнить, что же произошло. Станные серые глаза светловолосого были совсем близко от него, всего в нескольких дюймах.

— Я... я все еще жив,— прошептал Маль.— Я был уверен, что уже умер,— он смотрел на кусок стали, стиснутый в его руке.— Это... это просто чудо.

— Чепуха. Ты всего лишь потерял сознание. Сесть можешь? Твой транспорт уже прибыл.

Наконец светловолосый оторвал от губ Маля фляжку.

Тот, окончательно придя в себя, увидел, что возле него уже стоят Ройстон, удерживая мотающего головой осла, и крупная женщина с накинутой на плечи грубо тканой шалью. Вероятно, это была мать мальчика.

Маль снова вернулся к куску стали, зажатому в его руке, и посмотрел в серые глаза светловолосого.

— Я... я не знаю, что и думать,— пробормотал он.— Вы спасли...

— Не думай об этом,— ответил с улыбкой светловолосый. Он протянул руку и помог Малю подняться на ноги.— Не трогай бинты по крайней мере неделю, а затем, когда будешь менять их, будь поосторожнее, чтобы грязь не попала в рану. Тебе повезло, что рана оказалась не такой серьезной, как казалась.

— Да,— прошептал Маль, с трудом передвигаясь к ослу.

Ройстон едва удерживал осли, пока двое мужчин помогали Малю взобраться на него.

Женщина стояла поодаль, боязливо взирая на происходящее, не понимая, что же здесь случилось. Она с благоговейным трепетом смотрела на украшавшие плащи незнакомцев эмблемы соколов.

Маль, держась за их плечи, старался сесть так, чтобы его раненой ноге было удобно.

Затем, ухватившись за гриву осли, он выпрямился.

Двое незнакомцев отпустили его и отступили назад. Маль посмотрел на своих спасителей, кивнул и поднял руку, прощаясь. В руке у него все еще был зажат кусок стали.

— Еще раз благодарю вас, господа.

— Ты думаешь, что уже можешь благодарить? — спросил темноволосый.

— Конечно, если это проклятое животное не сбросит меня по дороге в грязь. Доброго пути, друзья, и передайте лорду Варину, когда его увидите, что мы готовы выполнять все его приказания.

— Передам,— пообещал светловолосый.

— Непременно передам,— тихо повторил он, когда мужчина, женщина, мальчик и осел двинулись по дороге в ночь.

Когда их уже не было видно и слышно, светловолосый повернулся к кустам, где ранее лежал раненый, взял факел и поднял его, чтобы второй мог при свете собрать

вещи. Затем он погасил факел, ткнув его в сырую глину на дороге. Серые глаза стали угрюмыми.

Он надолго задумался.

— Как ты думаешь, вылечив этого человека, не перешел ли я те границы, которые даже герцогу не позволено переходить, Дункан? — спросил он, нетерпеливо натягивая кожаные перчатки.

Дункан пожал плечами, беря в руки поводья.

— Кто на это может ответить? Он не вспомнит ничего, что ему не положено. Но в будущем тебе не следует разговаривать с этими деревенскими жителями. Неужели мне нужно говорить тебе это? Ведь это твой народ, Аларик!

Аларик Энтони Морган, герцог Корвина, Чемпион Короля, а теперь и отлученный от церкви колдун Дерини, улыбнулся, собрал поводья и вскочил на лошадь.

То же самое сделал и Дункан.

— Мой народ. Да, я думаю, это так, благослови их господь. Скажи мне, кузен, действительно ли во всем этом моя вина? Раньше я никогда так не считал, но за последние несколько недель я столько раз слышал это, что почти начал верить.

Дункан покачал головой, тронул шпорами бока лошади и поскакал по дороге.

— Твоей вины в этом нет. Это не ошибка одного человека. Мы просто дали возможность архиепископам сделать то, о чем они мечтали многие годы. Нынешняя ситуация складывалась на протяжении жизни нескольких поколений.

— Конечно, ты прав,— сказал Морган. Он пустил лошадь рысью и догнал кузена.— Но это не облегчает задачу объяснить все Келсону.

— Он поймет,— ответил Дункан.— Гораздо интереснее, как он среагирует на те сведения, что мы собрали за прошедшие недели. Вряд ли он понимает степень опасности, которой достигли волнения в этой части королевства.

Морган фыркнул:

— И я тоже. Ты можешь сказать, когда мы прибудем в Дель Шайю?

— К полудню,— ответил Дункан.— Могу держать пари.

— Да? — ухмыльнулся Морган.— Принято. А теперь поехали.

И они поскакали по дороге, ведущей от Дженаан Бейла, увеличив скорость, когда взошла луна и осветила им дорогу.

Они могли не беспокоиться о том, что их узнают, эти два молодых лорда Дерини. Ведь Малькольм Дональдсон и мальчик Ройстон просто бы не поверили, что разговаривали с Морганом и Дунканом. Герцоги или монсеньоры, Дерини или нет, они бы не скакали в обличье простых воинов-повстанцев, состоящих на службе у лорда Варина, в серых плащах с эмблемами сокола и с трехдневной щетиной.

Этого просто не могло быть.

Не могло быть и того, чтобы два еретика Дерини остановились помочь раненому повстанцу, особенно тому, кто всего несколько часов назад убивал солдат короля. Это было неслыханно.

И вот эти двое скакали все быстрее, приближаясь к месту встречи с молодым королем Дерини — к Дель Шайе.

ГЛАВА 2

Молодой человек с черными, как ночь, волосами сидел на маленьком походном стуле. Очень медленно и аккуратно он обматывал полоской кожи ручки щита, который лежал у него на коленях лицевой стороной вниз. Серые глаза скрывались за длинными черными ресницами.

Но разум вовсе не был поглощен этим занятием. Юноша совершенно забыл о роскошном украшении лицевой стороны щита, где на алом фоне сверкал золотом Лев Гвинеда.

Он забыл также и о бесценных коврах под его пыльными сапогами, о мече с украшенной драгоценно-

стями рукоятью, который висел так, чтобы его легко было достать и выхватить из роскошных кожаных ножен.

Потому что этот юноша, обматывающий ручку щита в своей палатке в Дель Шайе, был Келсон Халдан, сын короля Бриона. Тот самый Келсон, который всего несколько месяцев назад, сразу после своего четырнадцатилетия стал королем Гвинеды.

А сейчас это был просто взволнованный юноша.

Келсон посмотрел в сторону входа и задумался.

Полог, закрывавший вход в палатку, был опущен, но щель пропускала достаточно света, и Келсон понял, что уже наступил полдень. Он слышал размеренные шаги часовых, патрулирующих возле палатки, хлопанье шелковых выпелов на ветру, стук копыт и фыркание лошадей, пасущихся неподалеку возле деревьев.

Он снова вернулся к своему занятию и работал в тишине несколько минут, как вдруг раздались шаги. Он с надеждой поднял голову: полог палатки откинулся, и вошел юноша в доспехах и голубом плаще.

Глаза короля загорелись радостью.

— Дерри!

Дерри почтительно поклонился, когда Келсон произнес его имя, а затем прошел внутрь и присел на край королевской постели.

Он был ненамного старше короля — ему шел двадцатый год, но голубые глаза его под копной выющихся каштановых волос были угрюмы. Он взял в руки моток кожаной ленты, которой Келсон обматывал ручку щита, и с легким кивком снова положил ее на место.

— Я бы сделал это для вас, сэр. Чинить доспехи — не королевское дело.

Келсон пожал плечами, сделал последний виток и стал обрезать концы ленты кинжалом с серебряной рукоятью:

— Мне сегодня утром нечего было делать. Если бы я делал то, что должен делать король, то давно уже был бы в Корвине, разогнал повстанцев Варина и заставил архиепископов разрешить их конфликт.— Он пощупал ручку щита, обмотанную лентой, и со вздохом вложил кинжал в ножны.— Но Аларик сказал мне, что

этого нельзя делать, по крайней мере сейчас. И вот я жду, убивая время, храню терпение,— он бросил щит на постель, сложил руки на коленях.— А также стараюсь не задавать вопросы, на которые ты будешь отвечать очень неохотно. Но сейчас настал момент, когда я хочу задать один из таких вопросов. Во что обошелся нам Дженан Бейл, Дерри?

— Цена слишком высока. Из отряда в тридцать человек, который вел Нигель два дня назад, вернулось сегодня утром меньше половины. Да и из вернувшихся злых и усталых, некоторые не доживут до полудня. Ко всем людским потерям добавились еще и моральные: это поражение сильно ослабило боевой дух войск.

Келсон выслушал сообщение Дерри, не поднимая глаз, оно было слишком тяжелым грузом для его четырнадцати лет.

— Дело обстоит еще хуже, чем я думал,— пробормотал он, выслушав последние подробности печального рассказа.— Сначала архиепископы с их ненавистью к Дерини, затем этот фанатик Варин де Грей... и народ его поддерживает, Дерри! Даже если я остановлю этого Варина, договорюсь с архиепископами, не могу же я воевать со всем герцогством.

Дерри покачал головой.

— Думаю, вы переоцениваете этого Варина, сэр. Он привлек народ на свою сторону, совершив несколько чудес. Но преданность королям в крови народа, и она гораздо сильнее, чем призывы новых пророков, особенно таких, которые призывают к священной войне. Как только Варин будет уничтожен, крестьяне останутся без предводителя и весь их воинственный пыл исчезнет,— убежденно произнес Дерри.— Варин совершил роковую ошибку, сделав своей резиденцией Корот — место, где находятся архиепископы. Теперь его просто считают одним из приверженцев архиепископов, а не самостоятельным вождем.

— Но ведь есть еще и Интердикт,— с сомнением указал Келсон.— Забудут ли его крестьяне так быстро?

Дерри успокаивающе улыбнулся.

— Разведчики сообщают, что повстанцы плохо вооружены и плохо организованы и обучены. Когда они

столкнутся лицом к лицу с нашей регулярной армией, то разбегутся, как мыши.

— Я не слышал, чтобы они разбежались, как мыши, при Дженан Бейле,— фыркнул Келсон.— До сих пор не могу понять, каким образом плохо вооруженные крестьяне смогли захватить врасплох целый отряд. А где мой дядя Нигель? Мне бы хотелось услышать его объяснения тому, что произошло вчера.

— Постарайтесь быть с ним помягче, сэр,— сказал, опустив глаза, Дерри.— Он сегодня все утро провел вместе с врачами у раненых. И только час назад я уговорил его позволить врачам осмотреть его собственные раны.

— Он ранен? — в глазах Келсона появилось беспокойство.— Тяжело? Почему ты сразу не доложил мне об этом?

— Он просил не говорить, сэр. Рана не слишком серьезна. Он ранен в левое плечо и, кроме того, получил несколько царапин и ушибов,— Дерри помолчал.— Нигель сказал, что лучше бы сам погиб, чем потерять столько людей.

На лице Келсона появилось страдальческое выражение, но он постарался заставить себя улыбнуться.

— Я знаю. Его вины в том поражении нет.

— Не забудьте сказать это ему, сэр,— сказал Дерри спокойно.— Он чувствует себя так, словно предал вас.

— Только не Нигель. Он никогда не сделает этого.

Молодой король встал, расправил плечи, запрокинул голову и посмотрел на потолок палатки, находящийся в нескольких футах над ним. Коротко стриженные черные волосы растрепались, и он привел их в порядок, проведя рукой по голове, а затем снова повернулся к Дерри.

— А каковы последние новости от трех армий на севере?

Дерри подумал.

— Только те, что вам уже известны. Герцог Клейборна сообщает, что сможет удержать Канон Арранал, если, конечно, на него не нападут с севера и юга одновременно. А Его Светлость предполагает, что главные силы Венсита пойдут дальше на юг: возможно, к ущелью вблизи Кардосы.

Келсон медленно кивнул, задумчиво подергал свой кожаный ремень, а затем подошел к низенькому столу, заваленному картами.

— А от герцога Джареда нет известий? И от Брана Кориса?

Келсон взял циркуль, вздохнул и рассеянно прикусил его зубами.

— Может быть, что-то случилось? Что, если весенняя распутица кончилась раньше, чем мы предполагали? Тогда Венсит, может быть, уже двигается на Истмарх?

— Мы бы услышали об этом, сэр. И по крайней мере хоть один гонец пробился бы к нам.

— А если не смог пробиться ни один гонец?

Король стал внимательно изучать карту. Его серые глаза сузились, когда он уже в сотый раз продумывал свою стратегию в предстоящей войне.

Он измерил циркулем некоторые расстояния, пересчитал в уме цифры, а затем выпрямился, снова и снова взвешивая все возможности. И снова подтвердил для себя те выводы, к которым уже пришел раньше.

Келсон подозвал к себе молодого лорда.

— Дерри, повтори мне, что сказал об этой дороге лорд Петрис,— он показал ножкой циркуля на тонкую, еле заметную извилистую линию, обозначающую дорогу, которая вилась по склонам гор, отделяющих Торент от Гвинеда.— Если эта дорога станет проходимой хоть на неделю раньше, мы тогда можем...

Дальнейший разговор был прерван стуком копыт скачущей лошади, резко прервавшимся у самой палатки. В палатку ворвался часовой в красном плаще и поспешно отдал честь Келсону, который вскочил в тревоге.

Дерри насторожился, готовый при первом же признаке опасности защитить своего короля.

— Сэр, генерал Морган и отец Дункан едут сюда! Они уже миновали первую линию постов!

С криком радости Келсон бросил циркуль и кинулся к выходу, чуть не сбив с ног удивленного часового.

Когда он и Дерри выскочили наружу, у палатки в облаке пыли остановились два всадника. Они соскочили на землю. Из-под стальных шлемов были видны только

широкие улыбки и грязные бороды. Серые плащи и эмблемы соколов уже исчезли с их плеч, и когда они сняли свои пыльные шлемы, в них без труда можно было узнать светловолосого Аларика Моргана и темно-волосого Дункана Мак Лейна.

— Морган! Отец Дункан! Где вы были? — Келсон отошел подальше, так как путешественники стали с остервенением выбивать пыль из своей одежды.

— Прошу прощения, сэра,— хмыкнул Морган. Он сдул пыль со своего шлема и потряс головой.— Святой Михаил и все Святые! Какая сушь вокруг! Почему вы выбрали для лагеря Дель Шайю?

Келсон скрестил руки на груди и безуспешно пытался скрыть улыбку.

— Насколько я помню, это Аларик Морган посоветовал мне устроить лагерь как можно ближе к границе, но так, чтобы это было незаметно. Дель Шайя самое подходящее место. Ну, а теперь вы не хотите мне сказать, где были так долго? Нигель и остатки его отряда вернулись сегодня рано утром.

Морган бросил взгляд на Дункана, а затем дружески обнял Келсона за плечи и повел его в палатку.

— Может быть, мы обо всем поговорим за обедом, мой принц? — он сделал знак Дерри.— А если кто-нибудь позовет Нигеля и его капитанов, то они тоже смогут услышать мое сообщение. У меня нет ни времени, ни желания рассказывать больше чем один раз.

В палатке Морган с наслаждением развалился на походном стуле, вытянув ноги и бросив шлем на землю рядом с собой.

Дункан, в отличие от Моргана не забывший о требованиях этикета, подождал, пока усядется Келсон, а затем опустился на стул рядом с Морганом и положил свой шлем на колени.

— Выглядите вы ужасно,— сказал Келсон, рассматривая их критически.— Оба. Мне кажется, раньше я никогда не видел вас с бородами.

Дункан улыбнулся, откинулся на спинку стула и провел пальцами по бороде.

— Никогда, мой король. Но ты должен признать, что нам удалось с их помощью одурачить повстанцев. Даже Морган с его надменными манерами и ярко-желтыми волосами смог сойти за простого солдата. И мы две недели свободно путешествовали в одежде повстанцев.

— Однако это было опасно,— сказал Нигель, входя в палатку и усаживаясь на стул слева от Келсона. Он указал трем своим капитанам в красных плащах места вокруг стола.— Надеюсь, у вас все вышло удачно, риск оправдался, в отличие от нас.

Морган мгновенно нахмурился, подобрал под себя ноги. Все его легкомыслие исчезло.

Левая рука Нигеля висела на черной шелковой повязке, щеку пересекала темная глубокая царапина. Он был очень похож на покойного короля Бриона.

Морган усилием воли заставил себя не думать об этом.

— Мне очень жаль, Нигель. Я не только слышал о том, что произошло: мы видели все последствия боя в Дженан Бейле, оказавшись там всего через несколько часов после вас.

Нигель что-то буркнул и опустил глаза.

Морган понял, что должен сделать что-нибудь, чтобы поднять настроение Нигеля.

— Мы многое узнали за эти несколько недель путешествия,— весело продолжал он.— Некоторые сведения, которые мы почерпнули из разговоров с солдатами, очень забавны, хотя и бесполезны в стратегическом отношении. Очень интересно, что многие слухи и полублевы, которые рассказывают и пересказывают простые люди, касаются нас.

Он скрестил руки на груди и, откинувшись на спинку стула, весело улыбнулся.

— Вот вы, например, и не знаете, что я, по слухам, имею козлиные копыта,— он вытянул ноги в сапогах перед собой и посмотрел на них. Взгляды всех присутствующих устремились туда же. — Конечно, мало кто из людей, особенно крестьян, видел меня без сапог. Но как вы думаете, это правда?

Келсон улыбнулся.

— Ты шутишь, конечно. Разве это может быть правдой?

— А вы видели Аларика без сапог, сэр? — лукаво поинтересовался Дункан.

В этот момент в палатку вошел Дерри с огромным блюдом еды. Широко улыбнувшись он поставил его на стол.

— Я видел его ноги, сэр,— сказал он.

Морган ухватил с блюда огромный кусок мяса и ломоть хлеба.

Дерри продолжал:

— Несмотря на все слухи могу вас заверить, что у него нет козлиных копыт, даже лишнего пальца нет.

Морган благодарно махнул Дерри куском мяса, затем бросил испытующий взгляд на Келсона и Нигеля.

Нигель снова стал самим собой. Он откинулся на стуле и улыбнулся, поняв, конечно, для чего Морган все это рассказывал, и был ему благодарен за то, что тот разрядил обстановку.

Келсон, слегка озадаченный этим разговором, переводил взгляд с одного на другого и, наконец, окончательно решив, что все над ним подсмеиваются, покачал головой и постарался улыбнуться.

— Козлиные копыта! — фыркнул он.— Это же означает все время быть в напряжении!

— Иногда нужна и разрядка,— ответил, пожав плечами, Морган.— Ну, а теперь говорите, что нового произошло со времени нашего отъезда? Что привело вас всех и тебя в такое мрачное состояние духа?

Келсон покачал головой:

— В том-то и дело, что никаких новостей нет. И именно поэтому мне так беспокоит. Я пытаюсь выбрать наиболее правильный путь, чтобы покончить с нашими внутренними неурядицами, решить основной вопрос — как выйти с честью из конфликта и помириться с духовенством и восставшими подданными.

Дункан запил последний глоток мяса добрым глотком вина и кивнул Келсону:

— Мы об этом тоже много думали в последние дни, мой принц. И пришли к выводу, что самое разумное —

сначала попытаться помириться с духовенством, с шестью восставшими епископами в Джассе. Они хотят помочь тебе: ведь они в ссоре только со мной и Морганом. Ты тут ни при чем.

— Это верно. Если бы вас можно было формально восстановить в правах и очистить от всех обвинений Курии, я мог бы принять их помощь, не беспокоясь о том, что им придется пойти на сделку со своей совестью. Но до этого я не хочу даже вступать с ними в контакт. Если они до сих пор преданы мне, то только потому, что я король, и, может быть, немного потому, что доверяют мне лично. По крайней мере епископ Арлиан мне верит.

Морган вытер лезвие кинжала и спрятал его в ножны.

— Все правильно, мой принц. Именно потому мы так тщательно рассматривали этот вопрос, прежде чем обсуждать его с тобой. Как бы то ни было, мы не хотим пошатнуть доверие, которое эта Шестерка до сих пор питает к тебе.

— Значит, вы хотите ехать в Джассу и попытаться помириться,— сказал король.— А если у вас ничего не выйдет? Предположим, что вам не удастся убедить Шестерку?

Дункан подумал и сказал:

— Полагаю, у нас есть шанс. Если ты помнишь, я долго служил у епископа Арлиана и хорошо его знаю. И, уверен, он будет милостив к нам и сделает все, чтобы убедить своих коллег простить нас.

— Мне бы очень хотелось, чтобы все обстояло именно так.

Келсон задумчиво побарабанил пальцами по подлокотнику кресла, а затем сложил руки на груди.

— Значит, вы хотите отдать себя в руки епископов, надеясь на милость только одного человека,— он бросил на них взгляд.— Но ведь вы оба виноваты в том, за что вас отлучили от церкви. События в часовне Святого Торина нельзя отбросить, хотя, к счастью, там были чрезвычайные обстоятельства и вы действовали в целях самозащиты, это должно вам помочь. Но если вы все-таки потерпите неудачу, если отлучение подтвердят,

что тогда? Вы думаете, Шестерка позволит вам уехать оттуда?

На улице слышались чьи-то голоса, звуки ссоры, и Келсон замолчал, глядя на дверь.

Откинулся полог, и в палатку вошел часовой.

— Сэр, вас хочет видеть епископ Истелин. Он говорит, что дело весьма срочное.

Келсон нахмурился:

— Впусти его.

Когда часовой вышел из палатки, Келсон окинул взглядом всех присутствующих, обратив особое внимание на Моргана и Дункана.

Истелин был одним из двенадцати странствующих епископов, не имеющих своей епархии. Он не был в Джассе на заседании Курии, но услышав о происшедших там событиях, объявил, что присоединяется к Арлиану, Кардиелю и остальным епископам. Несколько недель назад он присоединился к армии Келсона у границ Корвина. Спокойный, уравновешенный прелат никогда не демонстрировал свое высокое положение в церковной иерархии, и то, что он так настойчиво добивался встречи с королем, было необычно для него.

На лице Келсона отчетливо проступило беспокойство, когда в палатку вошел епископ, держа в руке свиток пергамента. Вид его был угрюмым.

— Ваше Величество,— сказал он, поклонившись.

— Мой епископ,— ответил Келсон, поднимаясь со своего места.

Все остальные последовали примеру короля.

Истелин оглядел присутствующих и поздоровался кивком. Келсон разрешил всем сесть.

— Похоже, что у вас плохие новости, милорд,— проговорил король, не отрывая глаз от епископа.

— Вы не ошиблись, сэр.

Подойдя к Келсону, епископ протянул ему свиток.

— Сожалею, что мне приходится передавать эти новости, но вы должны знать их.— Келсон взял пергамент из холодных пальцев, и Истелин отошел на

несколько шагов назад. Он не хотел больше выдерживать взгляд юного монарха.

Келсон пробежал глазами верхний лист, и у него тоскливо заныло под ложечкой. Его губы сжались в тонкую белую линию, а серые глаза стали холодными. Дойдя до знакомой печати внизу листа, он перечел страницу еще раз, прежде чем перевернуть ее. Лицо его побелело.

Было видно, что он с трудом сдерживается, чтобы не скомкать листы.

Прикрыв ледяные глаза Халданов длинными ресницами, он медленно свернул листы в толстую трубку. Затем заговорил, не глядя ни на кого.

— Оставьте нас, пожалуйста, все,— голос звучал холодно, жестко, не допуская неповиновения.— Истелин, вы не должны говорить об этом никому. Ясно?

Истелин, уже направляющийся к двери, остановился, поклонился и ответил:

— Конечно, Ваше Величество.

— Благодарю. Морган и отец Дункан, останьтесь, пожалуйста.

Эти двое, уходившие вместе со всеми, остановились и обменялись взглядами, прежде чем вернуться к королю.

Келсон повернулся спиной к выходящим и стоял, покачиваясь и легко похлопывая свернутыми листами по ладони левой руки.

Морган и Дункан вернулись и встали в ожидании у своих мест, но когда Нигель решил присоединиться к ним, Дункан сделал предостерегающий жест и покачал головой, а Морган дернулся, как будто желая преградить ему путь.

Нигель пожал плечами и, круто повернувшись, последовал за остальными к выходу из королевской палатки.

После его ухода в голубых полотняных стенах остались только трое.

— Все ушли? — прошептал Келсон.

Он не двигался, и в тишине слышалось только его дыхание и легкое постукивание свитка по ладони.

Дункан вопросительно посмотрел на Моргана и снова перевел взгляд на короля.

— Да, сэр, все ушли. Что это?

Келсон внимательно осмотрел их. В серых глазах полыхал огонь, какого они не видели со времен Бриона.

Он скомкал листы и с отвращением бросил их на пол.

— Прочтите! — рявкнул он и бросился на постель, растянувшись на животе. Затем изо всех сил ударил по тюфяку: — Будь они трижды прокляты! Что теперь делать? Мы пропали!

Морган, в молчаливом изумлении посмотрев на Дункана, с беспокойством подошел к постели.

Дункан начал собирать разбросанные листы.

— Келсон, что случилось? Скажи нам. Тебе нехорошо?

Со вздохом Келсон приподнялся на локтях и посмотрел на них. Гнев в его глазах превратился в холодный огонь.

— Простите меня за несдержанность, — он лег на спину, уставившись в потолок. — Я король. Мне необходимо иметь выдержку. Это моя оплошность.

— Ну, так что же в этом послании? — настойчиво спросил Морган, глядя на спокойное лицо Дункана, который просматривал бумаги. — Скажи, что произошло?

— Я отлучен, вот что произошло, — ответил Келсон. — А еще все мое королевство находится под действием Интердикта, так что всякий, кто будет продолжать служить мне, тоже будет отлучен, как я.

— И это все? — с облегчением выдохнул Морган, сделав знак Дункану, чтобы тот принес документы, раскиданные в гнев Келсоном. — А я решил, что ты получил действительно какие-то ужасные вести.

Келсон резко сел на постели.

— И это все? — с сарказмом повторил он. — Морган, мне кажется, ты не понимаешь. Отец Дункан, объясни ему. Я отлучен! А также и те, кто останется со мной! И Гвинед тоже под действием Интердикта!

Дункан тщательно сложил бумаги и пренебрежительно бросил их на постель.

— Это не имеет силы, мой король!

— Что?

— Это не имеет силы,— спокойно повторил Дункан.— Одиннадцать епископов, сидящих в Короте, все еще не нашли двенадцатого, а это обязательное требование, которое четко зафиксировано в наших законах,— необходимо иметь двенадцать голосов, чтобы решение стало законом. Без этого все их решения не имеют силы.

— Двенадцать? О Боже, ты прав! — воскликнул Келсон, вскакивая с постели, схватил документы и вновь просмотрел их.— Как же я мог забыть?

Морган улыбнулся и вернулся на свое место, где его ждал недопитый стакан вина.

— Это понятно, мой король. Ты не привык быть преданным анафеме, как мы. Вспомни, что нас вполне законно отлучили почти три месяца назад. Давай лучше вернемся к нашему разговору.

— Да, конечно,— Келсон сел за стол, негодуя покачивая головой, когда его взгляд падал на документы.

Дункан тоже сел на свое место за столом.

— После получения этих бумаг стало ясно, что вам следует ехать в Джассу, и чем быстрее, тем лучше. Я прав?

— Да, мой король,— кивнул Морган.

— Но предположим, что коллеги Арлиана не поддержат его. Ведь наша единственная надежда — это помириться с ними. А если они не захотят? Особенно теперь, когда над нами нависла угроза отлучения и Интердикта? Ведь тогда всякие переговоры с Лорисом и Корриганом будут невозможны. Они не захотят нас слушать.

Морган задумался, рассеянно постукивая ногтем пальца по зубам, а затем посмотрел на Дункана.

Дункан не изменил своего положения и, казалось, был полностью поглощен яблоком, которое держал в руке, но Морган знал, что тот напряженно обдумывает ситуацию.

Если им не удастся достичь соглашения с Лорисом и Корриганом, предводителями враждебной фракции, Гвинед будет обречен. Как только минует весенняя распутица, в страну вторгнется Венсит из Торента. И

если в стране будет идти гражданская война, Венсит легко разобьет разрозненные армии обеих враждующих сторон. Да, конфронтация в Корвине должна быть закончена, и побыстрее. — Морган наклонился и поднял с пола свой шлем.

— Мы сделаем все, что сможем, мой король,— сказал он.— А каковы твои планы на то время, пока нас не будет? Я знаю, что ожидание и бездействие гнетут тебя.

Келсон опустил глаза на рубиновое кольцо и покачал головой.

— Да,— он поднял глаза и постарался улыбнуться.— Но ведь мне придется побороть себя и остаться здесь, верно? Но как только вы достигнете соглашения с епископами в Джассе, пошлите ко мне гонца.

— Разумеется. Ты помнишь, где мы назначили свидание?

— Да. Мне бы хотелось послать Дерри на север. Мне нужны вести от трех армий. Он проедет часть пути с вами, если вы не против.

— Согласен,— кивнул Морган, поправляя ремешок шлема.— Если хочешь, я налажу связь между вами через медаль. Он уже раньше имел такую связь со мной.

— Конечно. Но, может быть, этим займется отец Дункан? А заодно приготовит вам все для дороги. Вам нужны лошади, провиант...

Дункан допил вино, взял шлем, поднялся и сказал:

— Я с удовольствием прослежу за всем, Ваше Величество. Кроме того, я собираюсь переговорить с епископом Истелином и успокоить его.

Келсон долго смотрел на дверь, за которой исчез священник, а затем перевел взгляд на Моргана, как будто впервые видя этого высокого стройного человека, развалившегося в кресле перед ним. Опустив взгляд, он очень удивился, заметив, что пальцы его дрожат, и сжал их в кулак.

— Скажи... сколько времени займет у вас это путешествие и переговоры с епископами, Аларик? Я... мне нужно знать, чтобы рассчитать время до встречи с вами в назначенном месте.

Морган засмеялся и притронулся к кошельку на своем поясе.

— Я ношу с собой твоего Льва, мой король. Я твой Чемпион и поклялся всегда защищать тебя.

— Я спрашиваю не об этом, ты знаешь! — сказал Келсон, вставая и начиная нервно ходить по комнате взад и вперед.— Вы собираетесь отдаться на милость этих епископов, которые вполне могут перерезать вам горло, даже не выслушав вас. А ты что-то бормочешь о том, что собираешься защищать меня. Дьявол тебя побери, Морган, я хочу знать, что ты думаешь обо всем этом! Может быть, мне запретить вам ехать? Я хочу знать, доверяешь ли ты Арлиану и Кардиелю!

Морган, сидя в кресле, следил глазами за мечущимся королем. Когда тот остановился перед ним, Морган осмотрел его с головы до ног. В его серых глазах читались нетерпение, ожидание, беспокойство и даже страх.

Морган спрятал улыбку. Келсон, который был законным королем и обладал могуществом такой силы, что даже Моргану приходилось о таком только мечтать, все же был всего лишь мальчиком. Его пылкость и горячность порой забавляли Моргана.

Но Морган всегда чувствовал, когда король серьезен, и это был именно тот самый момент.

Морган опустил взгляд на шлем, который все еще держал в руках, а затем посмотрел в глаза королю.

— Я встречался с Арлианом только один раз, а с Кардиелем ни разу, но они единственная наша надежда. Мне всегда казалось, что Арлиан более или менее на нашей стороне. Он стоял за тебя во время коронации и не вмешивался, хотя должен был понять, что там была магия. Кроме того, мне говорили, что он и Кардиель были главными противниками наложения Интердикта. Думаю, нам не остается ничего другого, как довериться им.

— Но путешествие в Джассу может стоить вам головы,— начал было король.

— Ты думаешь, нас можно узнать? — фыркнул Морган.— Посмотри на меня. Разве я когда-нибудь носил бороду, или ходил в крестьянской одежде, или бывал в Джассе? Я, Аларик Морган? А какой отлученный от церкви, находясь в здравом уме, решится появиться в самом святом городе королевства, особенно теперь, когда все его ищут?

— Аларик Морган может рискнуть,— безнадежно вздохнул Келсон.— Но предположим, ты добрался до Джассы, вошел, не узнанный никем, во дворец епископов — и что дальше? Ты там никогда не бывал, как ты найдешь Арлиана и Кардиеля? А если тебя схватят раньше, чем ты их найдешь? Или какой-нибудь фанатик из числа стражников решит взять на себя всю славу и убить тебя еще до того, как ты переговоришь с епископами?

Морган засмеялся и хлопнул ладонью по шлему.

— Ты забыл одну вещь, мой принц. Ты Дерини. А это чего-нибудь да стоит.

Келсон некоторое время смотрел на Моргана, а затем счастливо рассмеялся, запрокинув голову.

— Ты очень добр ко мне, Морган, ты знаешь об этом? Нисколько не смущаясь, ты говоришь своему королю, что тот думает и рассуждает, как дурак. Ты позволяешь мне говорить о том о сем, пока я сам не пойму, как я смешон. Почему?

— Почему ты говоришь о том о сем, мой принц? Или почему позволяю?

Келсон ухмыльнулся.

— Ты знаешь, Морган, что я имею в виду.

Морган встал, стряхнул с себя пыль, неторопливо отбросив рукавом шлем.

— Ты молод и, естественно, любопытен, у тебя нет еще опыта, который придет с годами, мой принц,— сказал он спокойно.— Вот почему ты говоришь о том и о сем. И именно поэтому я не перебиваю тебя,— он немного подумал.— Я разрешаю тебе говорить, потому что это лучшее лекарство от тревоги: высказать все свои страхи и внимательно рассмотреть их. Когда ты поймешь, какие страхи реальные, а какие выдуманные, тебе будет легче бороться с ними. Ясно?

— Ясно,— Келсон встал, чтобы проводить Моргана к выходу.— Но ты будешь осторожен, да?

В этой фразе отчетливо звучало сомнение.

— Клянусь честью, буду осторожен, сэр.

ГЛАВА 3

Армия Брана Кориса, графа Марли, почти месяц стояла лагерем в долине под Кардосой. Их было две тысячи — этих людей графа Марли, и все они были преданы своему молодому господину. В палатках, стоящих рядами в сырой долине, они ждали, в сырости и грязи, когда кончится весенняя распутица и Венсит из Торента пошлет свои войска на Кардосу.

Во время войны люди Венсита будут применять магию, по крайней мере, все так думали. Это пугало ожидающих солдат, но тем не менее люди Марли были верны своему господину, несмотря на угрозу смерти.

Лорд Бран был хороший тактик и предводитель войск. Кроме того, он всегда был щедр по отношению к тем, кто его поддерживал. И не было причин думать, что и в этой кампании плата за хорошую службу будет другой. А в долгой войне что еще нужно солдату, кроме хорошей службы щедрому командиру?

Было раннее утро, но лагерь уже два часа как поднялся.

Лорд Бран в расстегнутой голубой тунике расположился у своего шатра и, потягивая подогретое вино, осматривал горы, освещенные восходящим солнцем. Его темно-золотые глаза сузились, когда он старался проникнуть взором сквозь плотный туман, на красивом лице застыло выражение упрямства и решительности. Он положил руку на украшенный драгоценностями пояс, отхлебнул вино. В его мысли не дано было проникнуть никому.

— Есть на сегодня какие-нибудь приказы, милорд?

Это был барон Кэмпбелл, давний вассал семьи графа. На его плече с подчеркнутой небрежностью был накинута плед в голубых и золотых полосах. В руке он держал шлем. Бран покачал головой.

— Уровень реки изменился на сегодня?

— Глубина реки все еще пять футов, милорд. Есть места, где глубина такая, что вода может скрыть человека на лошади. Вряд ли сегодня король Торента спустится с гор.

Бран поднес стакан к губам, сделал еще глоток, а затем кивнул.

— На сегодня все как обычно: часовые патрули по границам лагеря. И пошли ко мне оружейника: у меня что-то не в порядке с новым луком.

— Хорошо, сэр.

Кэмпбелл отдал честь и отправился выполнять приказы командира.

Из соседней палатки вышел человек в серой невзрачной одежде со свитками пергамента в руках.

Бран скушаяще взглянул на него, и человек, отвесив низкий почтительный поклон, протянул ему документы.

— Ваши письма готовы. Остались только подписи. Гонцы ждут приказаний.

Бран с легким кивком взял документы и начал бегло их просматривать. Выражение скуки на его лице усилилось. Он передал писцу бокал с вином, а сам принялся небрежно ставить подпись на каждом листе. Закончив, он вернул бумаги писцу и забрал у него свой бокал.

Бран уже хотел было вернуться к прежнему занятию — задумчиво смотреть на склоны гор, прихлебывая вино, но покашливание писца, старающегося привлечь его внимание, помешало ему.

— Милорд...

Бран недовольно повернулся к нему.

— Милорд, ваше письмо графине Риченде... Вы не хотели бы опечатать его?

Взгляд Брана упал на кипу бумаг, а затем снова на лицо писца. Он вздохнул, снял тяжелый серебряный перстень.

— Ты видишь это, Джозеф? — спросил он, опуская перстень в ладонь слуги.

— Да, милорд.

— Отвезешь письмо лично. И постарайся убедить мою жену и наследницу переехать в какое-нибудь нейтральное место, лучше всего в Джассу. Там под защитой епископов они будут в безопасности.

— Хорошо, сэр. Я еду сейчас же.

Бран кивнул ему, писец стиснул кольцо и, поминутно кланяясь, удалился.

Его место тут же занял человек в форме капитана, с головы до ног закутанный в грубый шерстяной плащ голубого цвета, теперь уже совершенно выцветший. Его голову украшал стальной шлем с голубым пером.

Бран улыбнулся капитану. Тот ответил широкой улыбкой.

— Что-нибудь случилось, Гвиллин?

Капитан отрицательно покачал головой. Голубое перо затрепетало в воздухе в такт движениям головы.

— Ничего, милорд. Всадники пятого эскадрона просят оказать им честь и устроить сегодня утром смотр, — он посмотрел на горы, по которым блуждал рассеянный взгляд Брана. — Все же более интересное зрелище, чем эти проклятые горы.

Бран посмотрел на Гвиллина с ленивой улыбкой.

— Конечно. Но имей терпение, мой друг. Тебе найдется много дела, когда кончится это сидение. Не будет же Венсит вечно торчать в горах.

— Вы правы...

Гвиллин кинул рассеянный взгляд на горы, но вдруг насторожился и стал более внимательно вглядываться в туман.

Бран, заметив интерес Гвиллина к раскинувшемуся перед ними ландшафту, посмотрел туда же, а затем щелкнул пальцами, подзывая пажа, который вертелся поблизости, ожидая приказа.

— Эрик, мою трубу, быстро. Гвиллин, объяви тревогу. Кажется, началось.

Когда паж умчался выполнять приказ, Гвиллин подал знак своим людям, ожидавшим неподалеку, и они помчались по лагерю.

Бран упорно вглядывался в туман, но фигуры были расплывчатыми и непонятными.

Отряд всадников спускался по склону. Их было человек двенадцать. И лошади, и сами люди в оранжевых плащах казались клочьями рыжего пламени на утреннем солнце.

Предводитель небольшой колонны, одетый в белое, держал в руке пику, на которой развевался белый флаг.

Бран нахмурился, приложил к глазам трубу и внимательно присмотрелся.

— На них эмблемы Торента,— тихо сказал он, когда к нему подошли Гвиллин и Кэмпбелл.— И их предводитель держит в руках флаг переговоров. Двое из отряда не в форме, может быть, они просто купцы.

Он опустил трубу, глядя на приближающийся отряд, затем отдал ее пажу и щелкнул пальцами, подзывая слуг.

— Беннет, Грэхем, соберите людей, чтобы встретить посланцев. Оказывайте им все знаки уважения, но будьте осторожны, так как это может быть и ловушкой.

— Хорошо, милорд.

Группа всадников продолжала спускаться с гор, а из лагеря уже, звеня кольчугами и сбруей, выехал эскорт, назначенный Браном.

К палатке самого Брана съехались его лорды и командиры. Всем было ясно, что, хотя состояние ожидания и неопределенности сохраняется, после переговоров с посланцами Венсита что-то может измениться.

Бран стоял и смотрел. Увидев, как две группы всадников встретились приблизительно в трехстах ярдах от границы лагеря, он вошел в свою палатку и через

несколько секунд появился оттуда с кинжалом на поясе и маленькой короной на голове.

Все приближенные сгруппировались вокруг него, ожидая приближения отряда парламентаров. Те были уже совсем близко.

Бран еще раньше решил, что двое из отряда принадлежат к знати, и теперь понял, что не ошибся.

Наиболее блистательный из них, высокий, одетый в роскошный черный плащ и алую тунику, величественно ехал во главе отряда. Подъехав к палатке, он соскочил с коня и направился к Брану. Вблизи стало видно, что одежда его пропиталась промозглой сыростью, но бородатое лицо было непроницаемо. Он снял свой шлем с черным пером и взял его в левую руку. Длинные черные волосы поддерживались серебряным зажимом. На прекрасном шелковом поясе висел кинжал с серебряной ручкой. Другого оружия у этого человека, по-видимому, не было.

— Полагаю, вы граф Марли, командующий этой армией? — слегка снисходительно осведомился он.

— Да.

— Тогда у меня послание для вас, милорд,— продолжал, слегка кланяясь, парламентар.— Я Лайонелл, герцог Аркенола. Я служу королю Венситу, который послал меня, чтобы засвидетельствовать почтение.

Глаза Брана, взгляд которых не отрывался от посланца Венсита, сузились, он положил руку на пояс.

— Я слышал о вас, милорд. Вы не родственник самому Венситу?

Лайонелл вновь слегка поклонился, как бы подтверждая предположение Брана, и улыбнулся.

— Да, я удостоен этой чести. Моя жена — родная сестра нашего обожаемого короля. Надеюсь, вы гарантируете нашу безопасность, пока мы находимся в вашем лагере, милорд?

— Разумеется. До тех пор, пока вы не будете нарушать этикет, вам бояться нечего. А что еще передал Венсит, кроме пожеланий здоровья? — спросил Бран.

Темные глаза Лайонелла впились в лицо Брана. Он поклонился и торжественно произнес:

— Милорд, граф Марли, Его Величество Венсит, король Торента и Толана, а также семи племен на востоке, просит, чтобы вы оказали ему честь и посетили его временную штаб-квартиру в Кардосе,— последовала маленькая пауза.— Он хочет встретиться с вами, чтобы обсудить возможности примирения и вывода войск из спорного района или найти другие приемлемые решения всех спорных вопросов, которые вы предложите ему,— Лайонелл был сама любезность.— Его Величество не ссорился с графом Марли и не хочет воевать с тем, кого уважал и ценил очень давно. Он ждет вашего немедленного ответа.

— Не давайте ответа,— прошептал Кэмпбелл, подходя ближе к Брану.— Это ловушка.

— Это не ловушка, милорд,— вмешался Лайонелл.— Чтобы вы поверили в искренность Его Величества, он приказал мне и моим людям остаться здесь в качестве заложников. Вы можете взять с собой одного офицера или, если хотите, почетный эскорт из десяти человек. Вы можете покинуть Кардосу и вернуться в свой лагерь когда захотите, в любое время, как только решите, что дальнейшее обсуждение бесполезно и не интересует вас. Я полагаю, такое предложение вполне приемлемо. Вы согласны?

Бран некоторое время внимательно смотрел на Лайонелла с непроницаемым видом, затем, сделав знак Гвиллину и Кэмпбеллу следовать за ним, повернулся и вошел в палатку.

Стены внутри палатки были обтянуты голубым и зеленым бархатом, украшены коврами и гобеленами.

Бран прошел в центр палатки и встал, задумчиво поигрывая рукоятью кинжала, а затем обратился к своим офицерам:

— Ну, так что вы думаете? Следует мне ехать?

Все обменялись взглядами, и заговорил Кэмпбелл:

— Прошу прощения, милорд, но мне это не нравится. Что мы можем получить от переговоров, кроме предательства? Несмотря на слова герцога Лайонелла, я ни на секунду не верю, что Венсит уведет войска. Ведь

сомнения в исходе битвы нет, если только он решится сойти с гор и начнет ее. Весь вопрос в том, сколько людей он при этом потеряет. А если он применит магию...

— Бедный Кэмпбелл,— угрюмо улыбнулся Бран.— Нехорошо напоминать мне о том, что я хотел бы забыть. Гвиллин?

Гвиллин пожал плечами под своим голубым плащом.

— Кэмпбелл кое в чем прав. Мне кажется, мы действительно не сможем долго удерживать этот проход, если Венсит нападет на нас. Но я все думаю, какое же соглашение он хочет заключить с нами? И все-таки я склонен согласиться с Кэмпбеллом: это пахнет ловушкой. Так что я не решаюсь ничего вам советовать.

Бран погладил пальцами шлем и кольчугу, которые лежали перед ним на стуле, потрогал ковер на стене.

— А кто тот второй с Лайонеллом — тот, что не спешил? Кто-нибудь из вас знает его?

— Это Меррит Рейдер, милорд,— ответил Кэмпбелл.— Его владения на севере. Они граничат с Толаном. Меня удивляет, что Венсит поручил ему эту миссию, особенно если задумал предательство.

— Именно так думаю и я,— кивнул Бран, продолжая поглаживать ковер.— И я уверен, что этим Венсит дает нам понять, что намерен вести серьезные переговоры. И настолько серьезные, что готов рискнуть своим родственником и могущественным союзником, оставив их у нас в качестве заложников, чтобы убедить нас,— Бран усмехнулся.— Я знаю себе настоящую цену, а потому сомневаюсь, что Венсит отдал этих двоих только за то, чтобы захватить и уничтожить меня. Если бы он хотел только этого, он мог бы добиться цели более простым и менее расточительным способом.

Гвиллин тревожно кашлянул.

— Милорд, а вы не допускаете возможности, что эти заложники останутся, чтобы что-нибудь сделать здесь, в лагере, после того как вы уедете? Если они Дерини, я думаю, не стоит и говорить, что они могут сделать. Это вполне может быть что-нибудь такое, чего мы и не обнаружим, пока вы не вернетесь в полной сохранности и они не уедут из лагеря к своему хозяину.

— Верно, милорд,— согласился Кэмпбелл.— Что помешает этим заложникам натворить здесь бед, пока вас не будет? Я им не верю, сэр.

Бран потер ладонями лицо и некоторое время смотрел в потолок, обдумывая все точки зрения. Наконец он со вздохом повернулся к ним.

— Не могу согласиться с вашей логикой. Каким-то образом я чувствую, что здесь нет никакого предательства. Если Лайонелл и Меррит — Дерини, то у них уже сейчас была бы уйма времени, чтобы уничтожить нас, если таково их намерение. А если они не Дерини, то что они смогут сделать, если будут окружены так же, как сейчас.

Он помолчал, вздохнул и продолжал:

— И еще: чтобы успокоить вас, я скажу Кордану, чтобы тот приготовил сильное снотворное, и предложу принять его всем, кто останется здесь. Если они согласятся, то, думаю, можно совершенно без всяких опасностей отправиться на переговоры с Венситом. Ну как?

Гвиллин с сомнением покачал головой, а затем пожал плечами.

— Риск все же есть, сэр.

— Но разумный. Кэмпбелл, найди Кордана и закажи ему снотворное. Гвиллин, ты поедешь со мной в Кардосу. Помоги мне влезть в кольчугу.

Минутой позже Бран и Гвиллин вышли из палатки и направились к ожидающим их эмиссарам Венсита.

Бран надел поверх туники кольчугу и голубой плащ, на котором распластал крылья вышитый орел — знак его высокого положения. В местах, не закрытых плащом,— на груди и ниже рукавов — кольчуга ярко сверкала на солнце, соперничая блеском с мечом, висящим на короткой перевязи.

Гвиллин стоял позади него, держа шлем Брана и его перчатки.

Золотые глаза Брана светились лукавством, когда он обратился к посланцам.

— Я решил принять приглашение вашего короля, герцог,— просто сказал он.

Лайонелл поклонился и постарался спрятать улыбку. Меррит и остальные его люди, которые успели спешиться во время отсутствия Брана, теперь стояли позади Лайонелла.

— Однако,— продолжал Бран,— есть некоторые условия, которые вы должны выполнить, чтобы я отправился в Кардосу. Но я не уверен, что вы согласитесь на них.

В это время к группе, окружающей Брана и Лайонелла, присоединились Кэмпбелл, оруженосец и тощий человек в одежде врача. Взгляд герцога стал подозрительным, когда он увидел врача: тот держал в руках какой-то сосуд с двумя ручками.

Меррит подошел ближе к Лайонеллу и что-то прошептал ему на ухо. Тот нахмурился и перевел взгляд на Брана.

— Назовите ваши условия, милорд.

— Полагаю, вы не примете за оскорбление некоторую предосторожность, милорд,— сказал Бран,— но я хочу быть уверенным, что ни вы, ни ваши люди не приподнесете мне сюрприз, пока меня здесь не будет.

— Понимаем.

— Я знал, что вы не станете возражать. Так вот, чтобы оградить себя от неприятностей, я дал указание врачу приготовить снотворное для тех, кто будет заложниками. Я ведь не знаю ваших истинных намерений, так как не умею читать мысли. Вы же, насколько я знаю, колдуны Дерини. Согласны ли вы принять мои условия?

Лицо Лайонелла потемнело, он с беспокойством оглянулся на Меррита и своих людей, прежде чем ответить.

Было ясно, что ни он, ни Меррит не относятся с энтузиазмом к перспективе провести несколько часов в лагере Брана в бесчувственном состоянии. Но отказ от его условия означает признание, что приглашение Венсита — ловушка.

Лайонелл, очевидно, получил определенные указания от своего короля, потому что заговорил довольно быстро:

— Простите мои колебания, милорд, но мы не предполагали такого поворота событий. Мы понимаем, чем вызвана ваша предосторожность, и заверяем вас, что наш король вовсе не намеревается вызвать катастрофу в вашем лагере с помощью магии. Стоило ему захотеть, он мог бы это сделать, не подвергая опасности наши жизни. Однако, и, думаю, вы нас поймете, мы, в свою очередь, тоже примем меры предосторожности: прежде чем принять снадобье, нам надо убедиться, что это просто снотворное.

— Я понимаю, конечно,— сказал Бран и подозвал к себе врача.— Кордан, кто проверит твоё лекарство, чтобы успокоить Его Милость?

Кордан показал на солдата, стоящего поблизости, и тот вышел вперед.

— Это Стефан Лангвиль, милорд,— пробормотал он, держа свой сосуд в руках и неотрывно глядя на Брана.

— Хорошо. Вас удовлетворяет этот человек, герцог? Лайонелл покачал головой.

— Нет, ваш врач мог специально подготовить его. Если вы собираетесь отравить нас, то этот человек мог предварительно принять противоядие. Можно я выберу сам?

— Конечно. Но прошу, чтобы выбор не пал на кого-нибудь из моих офицеров, так как они могут мне понадобиться. Зато из остальных вы можете выбирать любого, предоставляю вам полную свободу.

Лайонелл передал шлем одному из своих людей, а сам повернулся и пошел назад к всадникам Брана, окружившим прибывший отряд. Он внимательно осмотрел людей, затем подошел к одному из них и положил руку на шею его лошади. Лошадь отпрянула и фыркнула.

— Вот этот человек, милорд. Его не могли предварительно подготовить. Пусть он первый выпьет то, что предназначено нам.

Бран кивнул и сделал знак рукой.

Всадник соскочил с лошади и пошел к Брану. Лайонелл шел рядом, внимательно следя. Когда тот снял шлем и хотел передать его товарищам, герцог сам взял его из рук солдата, желая исключить любую возможность передачи какого-нибудь противоядия. Затем, дав

знак Мерриту охранять солдата, подошел к Брану и взял сосуд из рук Кордана. Его черные глаза сверлили Брана, не скрывая раздражения и подозрительности. Приподняв сосуд в знак приветствия, он пошел обратно, где стояли Меррит и солдат.

Один из людей Лайонелла взял чашу, осмотрел ее, понюхал содержимое, и только после этого подвели солдата и дали ему в руки сосуд.

Лайонелл и Меррит стояли рядом с ним, внимательно следя за его действиями. Когда все было готово к испытанию, Лайонелл бросил подозрительный взгляд на Брана:

— Какова доза приема?

— Достаточно глотка, Ваша Милость,— ответил Кордан.— Снадобье очень сильное.

Лайонелл проговорил, повернувшись к солдату:

— Хорошо. Отлично, дружище, глотни, если не боишься. Говорят, твой господин человек слова. Если это так, то ты проснешься и ничего с тобой не случится. Выпей.

Солдат взял сосуд и поднес его к губам. Набрав в рот жидкость, он некоторое время держал ее во рту, оценивая вкус, затем взглянул на Лайонелла и проглотил. Он еще успел с наслаждением облизать губы — ведь Кордан все свои лекарства делал на вине, потом покачнулся и рухнул бы на землю, если бы не Лайонелл и Меррит, которые подхватили его и осторожно опустили. К тому времени, когда он коснулся земли, он уже крепко спал, и ни толчки, ни оклики не могли разбудить его.

Лайонелл наклонился над ним, осмотрел его, приподнял веки, пощупал пульс, а затем неохотно кивнул Мерриту. Поднявшись, он медленно пошел к Брану. Его лицо было угрюмым, но решительным.

— Кажется, ваш врач действительно принес снотворное. Конечно, основываясь на таком беглом осмотре, нельзя исключить, что в жидкость введен медленный яд, а кроме того, вы ведь можете отравить нас или просто убить, пока мы спим. Но жизнь — игра, не так ли?

Его Величество ожидает или вас, или меня. И мне не хочется заставлять его ждать.

— Значит, вы принимаете наши условия?

Лайонелл поклонился.

— Да, но надеюсь, что нам для сна предоставят что-нибудь более удобное, чем просто земля,— он посмотрел на спящего солдата и сардонически улыбнулся.— Когда мы вернемся в Кардосу, Его Величество вряд ли будет довольно, узнав, что нам пришлось спать в грязи.

Бран поклонился и откинул полог своей палатки, возвращая Лайонеллу сардоническую улыбку.

— Заходите, вы будет спать в моей палатке. Я не хочу, чтобы говорили, будто лорды Гвинеда не умеют принимать знатных гостей.

Бран и его люди отступили в сторону, а Лайонелл поклонился и дал знак своим людям спешиться и следовать за ним. Все вошли в палатку.

Лайонелл с удовлетворением отметил богатое убранство, обменялся взглядами с Мерритом, а затем выбрал самое удобное из кресел и уселся в него, вытянув ноги. Стянув перчатки и сняв шлем, он положил их на пол возле ног. Свет, льющийся сквозь открытую дверь, подсвечивал черные волосы Лайонелла мягким блеском, в то время как попадая на кинжал, висящий у пояса, он порождал зловещие блики.

Люди Лайонелла усаживались в креслах, а пальцы их предводителя поигрывали рукоятью кинжала.

Меррит уселся рядом с Лайонеллом, напряженный и словно чего-то ожидающий.

Человек с сосудом неуверенно встал у центрального столба палатки.

Когда Бран и Гвиллин вошли в палатку, знаменосец Лайонелла, который должен был сопровождать их в Кардосу, немедленно приблизился и заглянул в палатку. Его лицо было белее, чем флаг, который он держал. Ведь только он и еще один могли быть уверены, что вернутся в Кардосу, когда чаша будет выпита.

Лайонелл осмотрел всех своих людей, а затем сделал знак человеку с чашей, чтобы тот обносил их по очереди. Каждый, кто пил из чаши, не отрывал глаз от Лайонелла. Когда подошла очередь Меррита, первый из выпивших уже обмяк в кресле. Человек с чашей в тревоге замер, а Меррит приподнялся в кресле, но Лайонелл покачал головой и дал знак Мерриту, чтобы тот тоже выпил.

Со вздохом Меррит повиновался и вскоре вытянулся в кресле, закрыв глаза.

Когда все успокоились, человек с чашей встал на колени перед Лайонеллом и протянул ее дрожащими руками. Глаза Лайонелла стали почти нежными, когда он взял чашу в руки и повертел ее в своих длинных пальцах.

— Они хорошие люди, милорд Бран,— сказал он, глядя на Брана прищуренными глазами.— Они доверили мне свои жизни, и я поставил их на карту в моей игре. Если по вашей вине я стану клятвопреступником, если им будет причинен хоть малейший вред, то клянусь, что отомщу даже из могилы. Вы понимаете меня?

— Я дал вам свое слово, герцог,— надменно ответил Бран.— Я сказал, что вам не причинят вреда. Если намерения вашего хозяина честные, то у вас нет причин чего-либо опасаться.

— Я не боюсь, мой друг, я предупреждаю,— мягко произнес Лайонелл.— Смотрите, чтобы ваше слово оказалось твердым.

Затем, приподняв чашу в знак приветствия, он поднес ее к губам, что-то пробормотал и выпил, отдал чашу слуге и вытянулся поудобнее. Еще успев ощутить озноб, хотя в палатке было тепло, он почувствовал, как сознание покидает его.

Слуга поставил чашу на пол, пощупал пульс своего господина, затем, полностью удовлетворенный, поднялся на ноги и поклонился Брану.

— Если вы готовы выполнить вашу часть соглашения, то нам нужно выезжать, милорд. У нас впереди трудный путь, большую часть которого придется проделать по ледяной воде. Его Величество ждет.

— Конечно,— пробормотал Бран, с удовлетворением глядя на спящих заложников.— Теперь можно не сомневаться, что они не нарушат дисциплину.

Бран взял шлем, перчатки и направился к выходу.

— Смотри за ними, Кэмпбелл,— приказал он.— Венсит хочет, чтобы они вернулись в целости и сохранности. Не будем его разочаровывать.

ГЛАВА 4

Город Кардоса был расположен на четыре тысячи футов выше уровня долины Истмарх. Раскинувшийся на высокогорном каменистом плато, он позволял править собой графам, герцогам, а иногда даже королям.

С запада и востока к нему можно было подобраться только через предательское ущелье — основной путь через горы Рельян.

Каждый год поздней осенью, в конце ноября, снег с Великого Северного моря отрезал город от мира, заваливая ущелье. И путь был закрыт до самого марта, пока зима полностью не сдавала свои позиции. Следующие три месяца ущелье, заполненное талым снегом и ледяной водой, превращалось в ад.

Кроме того, проходимость ущелья была неоднородной. Его восточная часть очищалась на несколько недель раньше, чем западная, и это служило причиной того, что город часто переходил из рук в руки.

Именно поэтому Венсит из Торента захватил ослабленный зимой город без всякого сопротивления: высокогорная Кардоса не могла надеяться на помощь и поддержку правительственных войск Гвинеда.

Венсит напал на Кардосу, и жителям ничего не оставалось как сдаться.

И вот, пока Бран и его нервничающий эскорт пробивались сквозь грязь и ледяную воду, приближаясь к городским воротам, новый правитель города нежилась в своих покоях во дворце и готовился к встрече гостей.

Венсит из Торента морщился, стараясь застегнуть ворот своего камзола, который никак не давался. Он с усилием вертел шеей, вытягивая петли.

Послышался осторожный стук в дверь. Венсит, поспешно разгладив бархат камзола на груди и поправив рукоять кинжала, чтобы удобнее было дотянуться рукой, посмотрел на дверь. Его глаза цвета голубого льда выразили легкое беспокойство.

— Войдите.

Почти тотчас же на пороге показался высокий нервный человек лет двадцати четырех. Он почтительно поклонился.

Как и все придворные, Горон был одет в роскошную фиолетово-голубую ливрею. Левую сторону груди украшал вышитый белый круг с черным оленем. Фиолетово-голубые цвета одежды означали принадлежность к Дому Фурстанов. На плечах Горона лежала тяжелая плоская серебряная цепь, говорящая о том, что он входит в состав личной свиты Венсита. Он с любопытством смотрел, как его господин скатывает в трубочку документы, разложенные на письменном столе у окна, и укладывает их в кожаный баул.

Он обратился к королю тихо и почтительно:

— Граф Марли прибыл, сэр. Впустить его?

Венсит закончил возню с документами и кивнул. Горон вышел, не сказав больше ни слова. Когда дверь за ним закрылась, Венсит, заложив руки за спину, принялся нервно ходить взад и вперед по толстому ковру.

Венсит из Торента был высоким, тощим, словно целиком состоящим из углов человеком лет пятидесяти.

Его огненно-рыжие волосы над светлыми, почти бесцветными глазами совершенно не тронула седина, широкие, кустистые, выгоревшие на солнце усы подчеркивали широкие скулы, треугольную форму лица.

Он двигался с грацией, которую трудно было предположить в человеке такого роста и комплекции.

Весь его облик был таков, что враги, которых хватало с избытком, сравнивали его с лисицей, конечно, когда не находили других, менее вежливых сравнений.

Венсит был чистокровным колдуном Дерини. Он происходил из древнего рода, история которого уходила далеко в глубь веков, предки его оставались у власти и обладали могуществом даже во времена Реставрации и во времена жестоких преследований Дерини.

Венсит действительно был лисой, когда возникала необходимость. Коварство, жестокость, хитрость его не смущали. И он всегда был опасен.

Венсит знал, какое впечатление производит на людей, но он также знал, как свести его на нет, изменяя свой облик, используя целый арсенал приемов.

И сегодня он очень внимательно отобрал свою одежду. Бархатный камзол и шелковая рубашка были того же цвета, что и волосы, и эффект скорее подчеркивался, чем разрушался, роскошными золотистыми топазами у горла, в ушах и на пальцах. Картину довершал янтарный шелковый плащ с золотыми блестками, мягкими складками стекающий с плеч.

На краю стола, где он работал, лежала корона, украшенная драгоценными камнями, излучающими мягкий солнечный свет. Она должна была напоминать, что человек, который носит ее, занимает очень высокое положение.

Венсит не стал надевать корону: ведь предстоящая встреча не была парадным приемом, да и Бран Корис не относился к числу его подданных, ожидался всего лишь неофициальный визит, если уж говорить языком этикета.

Раздался стук в дверь, и снова с поклоном вошел Горон.

За ним стоял хорошо сложенный человек среднего роста в сырой кожаной накидке, из-под которой виднелась кольчуга. Перья на его шлеме намокли и обвисли, перчатки потемнели от сырости. Человек был хмур и угрюм.

Горон представил:

— Граф Марли, сэр.

Венсит пригласил широким жестом:

— Входите. Я должен извиниться за малоприятное путешествие, но даже Дерини не могут управлять капризами погоды. Горон, возьми сырую одежду графа и принеси что-нибудь сухое из моего гардероба.

— Хорошо, сэр.

Когда гость осторожно вошел в комнату, Горон снял промокший плащ с его плеч и исчез через боковую дверь.

Спустя несколько секунд он появился снова и набросил на плечи графа бледно-зеленый отороченный мехом бархатный плащ. Застегнув застежку у горла Брана, он взял его шлем и с поклоном удалился.

Бран закутался в плащ, благодарный за эту заботу, так как за время пути основательно замерз, но не отрывал настороженных глаз от хозяина.

Венсит обезоруживающе улыбнулся и со всей галантностью предложил кресло у тяжелого стола.

— Садитесь, пожалуйста. Давайте говорить без церемоний.

Бран подозрительно посмотрел на Венсита и на кресло, а затем нахмурился, увидев, что тот отошел к камину и делает там что-то, чего Бран не мог видеть.

— Простите меня за нетерпение, сэр, но я не вижу, что мы можем сказать друг другу. Ведь вы хорошо знаете, что я младший командир одной из трех армий, расположенных у Рельянских гор, чтобы противостоять вашим войскам. Любое соглашение, которое мы могли бы достигнуть здесь, мои коллеги в Гвинед не одобрят.

— Я и не надеюсь на это,— просто согласился Венсит.

Подойдя к столу, он поставил чашу с дымящейся жидкостью и два хрупких бокала, потом придвинул поближе к столу одно из двух кресел и снова пригласил Брана сесть.

— Не хотите ли выпить со мной бокал дарьи? Этот напиток делается из трав и цветов, растущих в здешних горах. Думаю, он вам понравится, особенно сейчас, когда вы замерзли и промокли.

Бран подошел к столу, поднял бокал и осмотрел его.

Кривая ухмылка исказила его губы, когда он бросил взгляд на Венсита.

— Вы великолепно играете роль хозяина, а у меня она плохо получилась. Заложники, которых вы послали, оказали мне честь и выпили со мной,— он бросил взгляд на бокал.— И только после того, как они выпили, я сказал им, что было в бокалах.

— Да? — светлые брови вскинулись вверх.

И хотя голос Венсита оставался мягким, в нем слышалась сталь.

— Я уверен, что они выпили не просто вино или чай, но все-таки не так же вы глупы, не отравили же вы их, чтобы теперь похвастаться мне. И тем не менее вы пробудили во мне любопытство. Что же им преподнесли?

Бран уселся, но не поднес бокал к губам.

— Как вы понимаете, я не мог знать, какие инструкции получили ваши эмиссары. Ведь они могли что угодно совершить в моем лагере, пока мы здесь обмениваемся любезностями,— Бран опустил глаза.— Так что я решил дать им сильное снотворное. И хотя они уверяли, что не собираются делать ничего плохого, будет лучше, если они поспят до моего возвращения. Думаю, на моем месте вы поступили бы так же. Предосторожность никогда не мешает.

Венсит поставил бокал на стол, откинулся в кресле и стал поглаживать усы, чтобы скрыть улыбку. Но даже когда он снова поднес бокал к губам, с них все еще не исчезли следы улыбки.

— Неплохо. Люблю иметь дело с умными людьми, однако, могу вас уверить, я ничего не подмешивал в ваш бокал, можете пить без всякой боязни. Даю вам свое слово, милорд Бран.

— Ваше слово, сэр? — Бран провел кончиком пальца по краю бокала, внимательно осмотрел палец, а затем отодвинул бокал подальше.— Простите меня за прямоту, но вы не дали мне достаточных оснований для этих переговоров. Я не могу понять, что общего у короля Венсита из Торента с каким-то захудалым лордом Гвинеда?

Бран пристально смотрел на Венсита, ожидая ответа.

Венсит пожал плечами, улыбнулся, внимательно разглядывая своего гостя.

— Предположим, мы поговорим о деле, мой друг. Если вы не заинтересуетесь тем, что я вам предложу, ну что же, это будет всего лишь потерей времени для вас и для меня. Но, с другой стороны, мне кажется, у нас есть наболевшая тема для разговора. Я уверен, что мы добьемся взаимопонимания, если, конечно, приложим к этому усилия.

Бран осторожно спросил:

— Да? Может быть, вы скажете что-нибудь более определенное? Я могу представить многое, что вы можете сделать для меня или любого другого, к кому будете милостивы. Но будь я проклят, если знаю хоть что-нибудь, что могу сделать для вас я.

— А вы думаете, я чего-то хочу? — Венсит сплел пальцы в решетку и рассматривал сквозь нее своего гостя лисьими глазами.

Бран спокойно сидел в кресле, опираясь подбородком на руку, вопрос Венсита не вывел его из равновесия.

Наступило молчание. Спустя некоторое время Венсит улыбнулся и спокойно продолжил:

— Ну что ж, хорошо. Вы умеете ждать. Я восхищаюсь этой способностью в людях.— Он окинул Брана долгим взглядом.

— Хорошо, лорд Бран. Вы правы. Я кое-что хочу от вас. Но, конечно, не буду настаивать, чтобы вы делали что-то против своей воли. Я не поступаю так с теми, кого считаю своими друзьями. С другой стороны, вы будете хорошо вознаграждены за сотрудничество со мной. Скажите, что вы думаете о моем новом городе?

— Не думаю, что вы долго будете им владеть,— сухо ответил Бран.— Город, несмотря на временную оккупацию, принадлежит Келсону. Давайте перейдем к делу.

— О, не портите первое впечатление о вас,— хмыкнул Венсит.— У меня есть причины не торопиться. И я решил не обращать внимания на ваш выпад относительно моего города. Местная политика меня сейчас не интересует. Я обдумываю глобальные проблемы.

— Да, так мне сказали. Однако если вы думаете двигаться дальше на запад, то моя армия будет

противостоять вашей,— в глазах Брана вспыхнул опасный огонек.— И хотя, к сожалению, мы не сможем долго удерживать границы, но потери с вашей стороны будут очень большими, уверяю вас. Люди Марли дорого продадут свои жизни, милорд!

Венсит рявкнул:

— Придержите язык, Марли. Стоило мне захотеть, я прихлопнул бы вас и вашу армию, как мух, и вы хорошо это знаете.

Он перебирал пальцами зубцы короны, глядя на Брана, как смотрит кот на мышь, затем продолжил:

— Однако в мои планы не входит сражение с вашей армией. Во всяком случае, в том смысле, как вы думаете. Я хочу двинуться немного южнее вас, в Корвин и Картмор и затем далее в Гвинед. Полагаю, вас интересуют северные провинции — Клейборн и Келдыш-Райдинг для начала? Я могу помочь вам.

— Двинуться против моих союзников? — Бран покачал головой.— Это невозможно, сэр. А кроме того, почему вы хотите отдать врагу две богатейшие провинции Одиннадцати Королевств? Похоже, вы не все рассказали мне о своем плане.

Венсит одобрительно улыбнулся.

— Но я не считаю вас врагом, Бран. Я давно наблюдаю за вами и думаю, что хорошо иметь человека вашего калибра для управления северными провинциями. Конечно, среди них должно найтись герцогство для вас, да и другие привилегии не помешают.

— Какие? — спросил Бран.

В голосе еще звучала подозрительность, но было очевидно, что он заинтригован. В его глазах цвета золотистого меда вспыхнула расчетливая алчность.

Венсит, заметив это, хмыкнул.

— О, вы заинтересовались. А я уж начал было думать, что вы совершенно неподкупны.

— Вы говорите о предательстве, милорд. Даже если я соглашусь, почему вы полагаете, что мне можно полностью верить?

Венсит мягко сказал:

— У вас же есть честь. А что касается предательства, так это понятие устарело. Я же знаю, что вы в прошлом были противником Моргана, да и Келсона тоже.

Бран спокойно возразил ему:

— Между герцогом Морганом и мною были противоречия, но Келсону я всегда был предан. Как вы отметили, у меня действительно есть честь. Однако я с трудом вижу себя в одном лагере с нашим герцогом Дерини или с Келсоном.

— Келсон просто мальчик! Мальчик с могуществом, да. А Морган — полукровка Дерини, предатель своей расы.

— Предатель, как вы сказали,— устаревшее понятие,— заметил Бран, не выказывая никаких эмоций.

Венсит посмотрел на молодого человека бесцветными узкими глазами, а затем резко встал, но тут же заставил свое лицо смягчиться.

Когда Бран тоже сделал попытку подняться, Венсит остановил его движением руки, а сам подошел к небольшому резному шкафчику. Открыв крышку, он взял в руки что-то сверкающее, закрыл шкафчик и вернулся в кресло.

Бран смотрел на происходящее с любопытством.

— Ну,— сухо сказал Венсит, удобно откинувшись на спинку кресла и сложив руки перед собой,— а теперь, когда мы подготовили вас, скажите мне, как вы относитесь к Дерини.

— Вообще или в частности?

— Сначала вообще,— ответил Венсит, перекладывая неизвестный предмет из одной руки в другую, не позволяя Брану увидеть его.— Например, ваша церковь в 917 году на Совете в Рамосе постановила, что использование магии Дерини — святотатство. Герцогство Корвин сейчас находится под действием Интердикта, так как его правитель — Дерини — отлучен от церкви за применение магии и отказ отдаться на суд Курии. Должен сказать, что я не осуждаю его за это.

Он в упор посмотрел на Брана и произнес с нажимом:

— Однако если вы по каким-то религиозным или моральным соображениям против колдовства, то об этом необходимо сказать именно сейчас, пока еще не поздно

и вы не увязли в таких делах. Как вы знаете, я колдун, и я хочу, чтобы мои союзники принимали это как должное. Ваша Курия не понимает ситуации. Вас это не беспокоит?

Хотя выражение лица Брана не изменилось, было ясно, что Венсит затронул чувствительную струну. Кроме того, Брану трудно было полностью скрыть свое любопытство относительно предмета в руках Венсита. Он все время ловил себя на том, что его взгляд устремлен на руки Венсита, и лишь с видимым усилием заставлял его подниматься к лицу короля-колдуна.

— Я не боюсь Курии Гвинед, сэр,— осторожно ответил он.— А что касается магии, то это вопрос чисто академический. Магия — всего лишь свойство, присущее определенным людям, и ничего больше. Я с ней не соприкасаюсь.

— А вам хотелось бы?

Бран побледнел.

— Что вы сказали, сэр?

Венсит повторил:

— А вам бы хотелось самому пользоваться ею?

Бран с трудом проглотил слюну, но ответил, не колеблясь:

— Я человек и не происхожу из семьи, которой коснулась милость Дерини. Так что у меня не было возможности пользоваться магией. Но, появившись такая возможность, я бы ни на секунду не обеспокоился. Я не верю ни в ад, ни в загробные муки.

Венсит засмеялся.

— Я тоже. А предположим, что в вас есть кровь Дерини и что я могу доказать это?

Челюсть у Брана отвисла, его золотые глаза округлились.

Он был совершенно не подготовлен к такому повороту событий: ведь это сразу превращало его из противника в вассала.

— Вы испуганы, Бран? — продолжал Венсит спокойно.— Закройте рот.

Бран поспешно закрыл рот, потихоньку начиная приходить в себя от потрясения.

С трудом проглотив слюну, он пробормотал:

— Моя реакция вызвана удивлением, а не страхом, милорд. Вы смеетесь надо мной, сэр?

— Предположим, что мы обнаружим... — сказал, улыбаясь, Венсит.

— Что?

— Есть в вас кровь Дерини или нет,— пояснил Венсит.— Если есть, то мне будет просто передать вам могущество, чтобы вы были могучим союзником. А если нет...

— А если нет? — тихо повторил Бран.

— Я полагаю, об этом сейчас думать не стоит,— заключил Венсит.

Он наклонился вперед, оставаясь сидеть в кресле, и открыл ладонь. На ней лежал большой кристалл янтаря, прикрепленный к толстой золотой цепи.

Янтарь был тщательно отполирован и, казалось, светился изнутри.

Венсит пропустил цепь между пальцами и осторожно отцепил ее от камня, оставив его лежать у себя на ладони.

Бран смотрел на янтарь и все более убеждался, что тот светится сам по себе.

— Это ширал, Бран,— мягко проговорил Венсит.— Он широко известен в оккультных кругах из-за своей чувствительности к психической энергии, излучаемой Дерини. Видите, он светится, когда я держу его в руке. Совсем немного энергии Дерини достаточно для того, чтобы активизировать янтарь,— он посмотрел на Брана.— Снимите перчатку.

Бран мгновение колебался, затем нервно провел языком по губам и стянул правую перчатку.

Венсит протянул ему камень, и Бран вздрогнул, ощутив прикосновение холодной поверхности к голой ладони.

Венсит отпустил янтарь, и свет внутри его исчез. Бран посмотрел на Венсита с безмолвным вопросом в глазах.

— Пока еще рано волноваться. Закройте глаза и сосредоточьтесь на янтаре. Представьте, что тепло вашей ладони входит в него, заставляет светиться. Вообразите, что все ваше излучение поглощается им и что он начинает светиться.

Бран постарался сделать все, как ему было приказано, но Венсит, устремив взгляд на янтарь, лежавший на ладони Брана, не заметил в нем ни малейших признаков жизни. Ничего не изменялось в течение некоторого времени, и брови Венсита недовольно нахмурились. Затем янтарь начал слабо светиться.

Венсит в задумчивости прикусил губу, потом дотронулся до руки Брана. Тот вздрогнул, открыл глаза и увидел, что янтарь светится. Венсит быстро снял его с ладони Брана.

— Он светится,— прошептал Бран с трепетом.

— Да, но мне кажется, что вы не истинный Дерини,— он заметил, как лицо Брана вытянулось, и рассмеялся, поняв, что тот уже в его руках.— Не беспокойтесь. У вас есть потенциал, и вам можно передать могущество. Такие случаи бывали в древности во времена Реставрации. Может быть, оно и к лучшему. Вам придется обучиться пользоваться могуществом Дерини. Те, кто имеют достаточный психический потенциал, могут легко обучиться этому.

— Каким образом?

Венсит встал, потянулся. Янтарь, уже прикрепленный к цепи, свисал, покачиваясь, с его руки.

— Сначала я должен прозондировать мозг, чтобы оценить потенциал и определить условия для передачи могущества. В детали вдаваться не будем. Королям Гвинеда уже в течение многих поколений передается могущество, так что опасности в этом нет. Но вам придется остаться здесь на ночь.

— Я этого не планировал, но...

— Теперь вам придется остаться,— прервал его Венсит, улыбнувшись, чтобы смягчить резкость. Он обошел вокруг стола и сел на него рядом с Браном.— Я отошлю назад капитана, чтобы тот успокоил ваших людей.

Он ненадолго задумался, потом заговорил снова:

— Жаль, что мои эмиссары выведены из строя. Герцог Лайонелл, мой родственник, тоже получил от меня могущество Дерини. Я мог бы передать сообщение через него, если бы он не был усыплен вами. Но теперь он несколько дней будет беспомощен, пока не кончится действие лекарства. Сядьте прямо и расслабьтесь.

— Что вы хотите делать? — неуверенно прошептал Бран, который был так расстроен, что совершенно потерял логическую нить рассуждений Венсита.

— Я же вам сказал: зондирование мозга, — Венсит повел рукой, и янтарь стал медленно раскачиваться перед ним. — Я хочу, чтобы вы сели прямо и расслабились. Не сопротивляйтесь мне, а то у вас будет ужасно болеть голова. Если вы будете помогать мне, то и для вас, и для меня все пройдет легко.

Бран беспокойно заерзал на стуле, как будто хотел возразить.

Венсит нахмурился, его лицо стало жестким, а голос — холодным:

— Слушайте меня, граф Марли. Если вы хотите стать моим союзником, вы должны полностью доверять мне. Время идет. Не заставляйте меня принуждать вас.

Бран глубоко вздохнул.

— Прошу прощения, сэр. Что я должен делать?

Лицо Венсита смягчилось. Он снова начал раскачивать янтарь, мягко толкнув другой рукой Брана на спинку кресла.

— Расслабьтесь и доверьтесь мне. Смотрите на янтарь. Смотрите, как он раскачивается, и слушайте звук моего голоса. Вам нечего бояться.

И когда вы будете следить за тем, как кристалл раскачивается, раскачивается, раскачивается, вы почувствуете, как ваши веки тяжелеют, становятся настолько тяжелыми, что вы не можете держать их открытыми. Пусть они закроются.

И на вас опустится ощущение покоя, безразличия. Позвольте им овладеть вами полностью. Примите их. Пусть они полностью окутают вас. Пусть ваш мозг очистится от всего, представьте, если можете, темную комнату в черной бархатной ночи с темной дверью в темной стене.

И представьте, что эта темная дверь открывается и за ней вы видите холодный мрак.

Глаза Брана закрылись. Венсит опустил кристалл и продолжал монотонно говорить. Слова звучали все реже и реже по мере того, как его пациент расслаблялся.

Затем Венсит наклонился, потрогал веки пальцами и прошептал слова заклинания, чтобы закрепить состояние транса, в который впал Бран.

Он долго стоял в безмолвной тишине, глаза его светились холодным огнем и были устремлены куда-то вдале. Затем он опустил глаза и произнес имя человека.

— Бран?

Веки Брана дрогнули, глаза открылись, он с удивлением осмотрелся вокруг и только через некоторое время вспомнил все с самого начала. Увидев, что Венсит не двигается, что дружелюбное выражение не исчезло с его лица, он заставил себя расслабиться и оценить ситуацию.

На этот раз, взглянув на Венсита, он ощутил, что между ними сформировалась странная связь, как будто тот, кто смотрел сейчас на него, знал о нем все. Все о нем, Бране Корисе, графе Марли. Но это не вызывало у него раздражения. Венсит из Торента не должен был вызывать раздражение у своего союзника.

Это было ощущение взаимопонимания, приятное ощущение, а не гнетущее, чего он боялся. И пусть его мозг был утомлен контактом, он все же чувствовал слабые признаки нового могущества, хотя и слишком слабые, чтобы можно было использовать его сейчас.

Бран решил, что ему нравится новое чувство.

Венсит встал, и Бран вернулся к реальности.

— А у вас великолепная реакция,— сказал колдун, проходя мимо него и дергая за шнур звонка.— Нам нужно еще потом поработать вместе. Утром я пришлю за вами, и тогда мы попробуем погрузиться поглубже.

— А почему не сейчас? — спросил Бран, вставая и, к своему удивлению, шатаясь от внезапной усталости.

— Именно поэтому, мой нетерпеливый друг, магия весьма утомительна для непосвященных,— ответил Венсит, поддерживая его.— На сегодня хватит. Минут через десять, а может быть чуть позже, вы почувствуете,

что не можете даже встать на ноги. Я послал за Гороном, чтобы тот отвел вас в отведенные вам покои.

Бран поднес дрожащую руку ко лбу:

— Но я...

— Ни слова больше,— прервал его Венсит.

Он отступил на шаг. Открылась дверь, и вошел Горон, но Венсит даже не посмотрел в его сторону, пристально следя, как Бран пытается сориентироваться.

— Отведи лорда Брана в его покои и уложи в постель, Горон,— мягко сказал Венсит.— Он очень утомился после долгого путешествия. Проследи, чтобы все его люди были удобно устроены и чтобы его капитан вернулся в лагерь с донесением.

— Хорошо, сэр. Все будет сделано, как вы хотите.

Горон повел пошатывающегося Брана к двери, а Венсит смотрел им вслед, о чем-то думая.

Когда дверь за ними закрылась, он лениво подошел к ней и запер ее изнутри, после чего вернулся к своему столу и произнес в воздух:

— Ну, Ридон, что ты думаешь об этом?

Он сел в кресло. Одна из панелей в противоположной стене бесшумно открылась, и из проема появился высокий смуглый человек в голубом.

Он небрежно прошел к креслу, где недавно сидел Бран, и уселся в него. Панель в стене медленно и бесшумно встала на место.

— Ну, так что же ты думаешь? — повторил Венсит, откидываясь на спинку кресла и глядя на собеседника.

Ридон пожал плечами.

— Ты, как обычно, действовал безукоризненно. Что я еще могу сказать?

Тон его был шутливым, но светло-серые глаза на ястребином лице говорили больше, чем слова.

Венсит понял этот взгляд и кивнул. Он положил янтарь на стол рядом с короной, расправил цепь и снова посмотрел на Ридона.

— Тебя что-то беспокоит в Бране? Что именно? Ты думаешь, он представляет опасность для нас?

Ридон снова пожал плечами.

— Можешь считать это врожденной подозрительностью. Не знаю. Он кажется достаточно безобидным, но не забывай, как непредсказуемо может быть поведение людей. Посмотри на Келсона.

— Он же наполовину Дерини.

— И Морган тоже. И Мак Лейн. Прости, может быть, я чересчур дерзок, но тебе следовало бы обратить на этот факт внимание Совета. Морган и Мак Лейн наверняка предполагают, что они наполовину Дерини, и их можно считать самыми непредсказуемыми факторами во всех Одиннадцати Королевствах. Они делают такое, чего не должны делать, что превышает их возможности. И я знаю, что тебя это беспокоит...

Он обошел стол, сел в другое кресло, а затем поднял нетронутый бокал Брана и осушил его одним глотком.

Венсит презрительно фыркнул, глядя на это.

Ридона нельзя было назвать красивым. Шрам от сабельного удара, который тянулся от переносицы до правого угла рта, исключал такую возможность. Но он производил впечатление.

Овальное лицо обрамляли темные волосы с проседью на висках и прекрасные усы цвета перца с солью. Маленькая бородка смягчала заостренный подбородок. Большой рот, несмотря на полные губы, образовывал твердую линию.

В нем чувствовалась жестокость хищника, и, казалось, он излучал что-то зловещее. Было очевидно, что за этим тонким лицом скрывается тщательно тренированный, разящий, как смертоносная рапира, мозг.

Это был лорд Дерини первой величины, во всем равный самому Венситу. С Риданом из Истмарха следовало считаться каждому.

Ридон и Венсит долго смотрели друг на друга через стол. Первым не выдержал Венсит.

— Ну хорошо,— сказал он, выпрямляясь и доставая из кожаного баула какие-то документы.— Ты будешь наблюдать передачу могущества Брану завтра, если я тебя убедил, что он не опасен.

— Меня невозможно убедить в том, что человек может быть безопасен,— ответил Ридон,— но дело не в этом. Решай сам.

Он машинально провел пальцем по шраму.

— А каковы твои военные планы?

Венсит достал из баула карту и разложил ее на столе.

— Положение с каждым часом улучшается. Теперь, когда Бран перешел на нашу сторону, мы можем отрезать Северный Гвинед. Джаред Касан и его армия будут легко разбиты, если мы двинемся к югу.

— А что Келсон? — спросил Ридон.— Когда он поймет твой план, за нами будет гнаться вся королевская армия.

Венсит покачал головой.

— Келсон ничего не узнает. Я делаю ставку на плохую связь в это время года из-за невозможности продвигаться по дорогам. Так что ему ничего не будет известно о наших намерениях, пока не окажется, что уже поздно что-либо предпринимать. А кроме того, гражданские и религиозные волнения будут сдерживать его армию, пока мы не будем готовы взять его.

— А ты не ждешь неприятностей?

— От Келсона? — Венсит покачал головой и рассмеялся.— Вряд ли. Несмотря на то, что по всем законам в четырнадцать лет человек считается совершеннолетним, Келсон еще мальчик, независимо от того, Дерини он или нет. И ты должен признать, что, хотя он и полукровка Дерини, это мало поможет ему в борьбе со мной.

К тому же его собственные подданные начинают сомневаться, хорошо ли иметь королем того, в ком течет кровь еретиков.

Ридон хмыкнул и уселся поудобнее, скрестив ноги, обутые в элегантные сапоги.

— Скажи, что ты планируешь делать с этим юным королем? Я могу тебе помочь как-нибудь?

— Убери Моргана и Мак Лейна,— ответил Венсит, становясь полностью серьезным.— Находясь рядом с Келсоном, отлученные или нет, они представляют серьезную угрозу для нас. Они оказывают помощь

королю, да и сами обладают могуществом. Так как мы не можем предугадать их силы и влияние, остается только уничтожить их. Но это должно быть в рамках закона: я не хочу неприятностей с Советом.

— В рамках закона? — скептически поднял бровь Ридон. — Думаю, это невозможно. Чистокровному Дерини древний закон запрещает использовать тайные силы против полукровок, каковыми и являются Морган и Мак Лейн. А использовать против них церковные и гражданские законы шансов очень мало, так как они находятся под защитой короля Келсона.

Венсит поднял тонкое перо и задумчиво постучал им по зубам, затем устремился взглядом в окно.

— Есть еще один путь, — медленно начал Венсит. — И этот путь не может запретить Совет. Больше того, можно сделать так, что Совет сам уничтожит их.

Ридон весь превратился во внимание.

— Ну?

— Предположим, Совет снимет запрещение использовать против Моргана и Мак Лейна тайные силы.

— На каком основании?

— На основании того, что они оба время от времени демонстрируют могущество чистокровных Дерини, — лукаво улыбнулся Венсит. — Ты же знаешь, что так было.

— Понимаю, — пробормотал Ридон. — И ты хочешь, чтобы я пошел в Совет и настоял на таком решении? Нет, это исключено.

— О, не ты лично. Я знаю, как ты относишься к Совету. Попроси Торна Хагена сделать это. Он мне кое-что должен.

Ридон презрительно фыркнул.

— Ты меня неправильно понял. Скажи ему, что это не просьба, это мой приказ. Я уверен, он выполнит его.

Ридон хмыкнул, поднялся, расправил складки на одежде.

— При такой постановке вопроса ему выбирать не придется. Ладно, я скажу ему, — он осмотрелся вокруг, потер руки. — Я тебе еще нужен? Может быть, парочку

чудес, прежде чем я уйду? Чтобы удовлетворить твое сердечное желание.

Ридон протянул руки вперед и, что-то тихо бормоча, сделал медленный пасс в воздухе перед собой. Как только он закончил движение, из ниоткуда возник плащ с капюшоном, отделанным мягчайшей оленьей шерстью, и с мягким шелестом опустился ему на плечи.

Венсит стоял, уперев руки в бока, и смотрел на все это с явным неодобрением:

— Ты закончил, наконец, играть со своим могуществом? Иди, благодарю тебя. Иди, нам надо работать. И тебе, и мне.

Ридон сухо ответил:

— Хорошо. Раз ты просишь, я поговорю с твоим добрым другом Торном Хагеном. А затем вернусь, чтобы осмотреть этого Брана, в котором, как мне показалось, ты очень заинтересован. Может быть, действительно от него будет какая-то польза, в чем я сомневаюсь. А может быть, я обнаружу в нем крошущуюся для нас опасность, хотя ты уверен, что ее не существует.

— Делай, что хочешь.

Ридон завернулся в плащ и исчез.

Венсит вернулся к карте и, глядя на путаницу голубых, красных, зеленых линий, обратился мыслями к плану предстоящей кампании.

В его глазах цвета голубого льда бушевала необузданная энергия, пальцы нервно стискивали перо, зигзагами скачущее по карте, плечи напряглись, как будто он уже готовился вступить в бой.

— Одиннадцатую Королевствами должен править я один,— сказал он себе.— Я должен править единолично. И это вам будет не мальчик-король, который сидит сегодня на своем троне в Ремуте!

ГЛАВА 5

Ранним вечером того же дня проблему Дерини обсуждали еще два человека.

Это были священники, добровольно вышедшие из состава той самой Гвинедской Курии, о которой с таким презрением отзывался Венсит. Именно на них лежала основная ответственность за тот раскол в духовенстве Гвинеда, который существовал и по сей день.

О Томасе Кардиеле, в чьей часовне в данный момент велась беседа, трудно было подумать, что он способен на мятеж. Ему недавно исполнился сорок один год. В течение последних пяти лет он был епископом богатой и престижной епархии Джассы. Так что казалось невероятным, что он станет вдохновителем событий, которые произошли два месяца назад. До недавнего времени это был один из самых молодых епископов, занимающий твердое положение и непоколебимо преданный церкви, которой он служил. И во всех спорах он всегда придерживался нейтральной позиции, традиционной для епископов Джассы.

Его молодой коллега Денис Арлиан тоже неожиданно оказался на первых ролях в этом мятеже.

И теперь тридцативосьмилетний епископ Гвинеда думал о том, что если события в самое ближайшее время не повернутся к лучшему, то им придется довольствоваться лишь надеждой на сохранение жизни.

Ведь согласно законам Гвинедской Курии, грехи Кардиеля и Арлиана были огромны, так как они двое и еще четыре епископа открыто выказали неповиновение Курии, объявив, что Интердикт, которым угрожают Корвину, незаконен.

Но Интердикт на Корвин все-таки наложили. И добился этого архиепископ Лорис, который решил во что бы то ни стало настоять на своем.

Теперь в Гвинеде фактически существовали две Курии: Курия Шестерых в Джассе, которая изгнала Лориса и его приверженцев за пределы города, и Курия Одиннадцати в Короте, бывшей столице Моргана.

Шестерка объединилась с Варином де Греем, и они объявили себя единственно законной церковной властью в Гвинее.

Теперь примирение между группировками, даже если оно когда-нибудь и будет достигнуто, потребует много сил.

Кардиель возбужденно ходил взад и вперед перед алтарем часовни, уже в который раз перечитывая лист пергамента, который держал в руках. Он недовольно качал головой, пробегая глазами текст. Когда он в очередной раз закончил читать страницу, из его груди вырвался тяжелый вздох.

Арлиан спокойно сидел на передней скамье, наблюдая за коллегой. Его возбуждение выдавало только постукивание пальцев по сиденью.

Кардиель покачал головой, снова вздохнул и потер рукой подбородок. На его пальце сверкнул темный аметист, когда на него попал свет свечи.

— Это какая-то бессмыслица, Денис,— заключил Кардиель.— Как могли жители Корвина напасть на Нигеля и его людей? Разве то пятно, что лежит на Келсоне, пачкает и его дядю? Ведь Нигель не Дерини.

Арлиан перестал барабанить пальцами по скамье.

Его тоже поразили новости о событиях на дороге в Дженаан Бейл, которые произошли два дня назад, но изощренный ум уже обдумывал всю ситуацию в целом, стараясь выработать какой-то план действий.

Поднимая руку, чтобы пригладить волосы, он сбил с головы камилавку. Не спеша наклонился, аккуратно ее поднял, расправил и положил на скамью рядом с собой, затем сложил руки на груди, прикрыв тяжелый серебряный нагрудный крест.

— Может быть, мы зря держим свою армию здесь, в Джассе? — сказал, наконец, он.— Может быть, нам надо было прийти на помощь Келсону несколько месяцев назад, когда все это только что произошло? Или, может быть, нам следует ехать в Корот и искать примирения с архиепископами? Ведь пока не будет примирения, не будет мира в Корвине.

Он опустил голову и посмотрел на крест, а потом тихо продолжил:

— О, мы хорошо приручили наш народ, мы, пастыри Гвинеда. И когда звучит анафема, овцы наши повинуются, даже если это неправильно и те, кого предают анафеме, неповинны в преступлениях, в которых их обвиняют.

— Значит, ты считаешь Моргана и Мак Лейна невиновными?

Арлиан покачал головой.

— Нет. Формально они виновны. В этом сомнений нет. Часовня Святого Торина сгорела, люди убиты, а Морган и Дункан — Дерини.

— Но если все происшедшее там было обусловлено чрезвычайными обстоятельствами... и они могли бы это объяснить... — пробормотал Кардиель.

— Возможно. Если, как ты предполагаешь, они действовали в целях самозащиты, стараясь выбраться из ловушки, тогда они могут снять с себя ответственность за то, что произошло в часовне Святого Торина. Даже убийство, если они защищали свою жизнь, может быть прощено,— Арлиан вздохнул.— Но Дерини-то они остаются.

— Увы, это так.

Кардиель перестал ходить и присел на мраморную ограду алтаря перед Арлианом.

Лампада, висевшая у него над головой, бросала красный свет на его седые волосы, окрашивала в тусклый пурпур камилавку.

Кардиель долго смотрел на лист пергамента, прежде чем сложить его и спрятать в складках одежды. Опершись обеими руками на ограду, он долго смотрел на сводчатый потолок и, наконец, обратил свой взгляд на Арлиана.

— Ты думаешь, они придут к нам, Денис? — спросил он.— Неужели ты полагаешь, что они рискнут довериться нам?

— Не знаю.

— Если бы мы могли переговорить с ними, узнать, что же в действительности произошло в часовне Святого Торина, мы могли бы стать посредниками между ними

и архиепископами и покончить с этой нелепой историей. Я вовсе не хочу ввергнуть Курию в пучину братоубийственной войны, Денис. Но я не могу и поддерживать Интердикт Лориса.

Кардиель помолчал, а затем продолжил тихим голосом:

— Я все думаю и пытаюсь понять, что же мы должны делать, чтобы выйти из тупика, в котором сейчас находимся. И прихожу все время к одному и тому же выводу, хотя мне кажется, что есть и другой путь. Глупо, не правда ли?

Арлиан покачал головой.

— Вовсе не глупо. Лорис сделал все, чтобы криками об ереси, святотатстве и убийстве воздействовать на наши эмоции. Он представил все так, чтобы Интердикт казался единственным подходящим наказанием для герцогства, владелец которого оскорбил Бога и людей. Но тебя ему не удалось одурачить. Ты, сорвав словесную шелуху, сумел обнажить его истерику и вышел из сетей лжи, в которых мы все оказались. Для этого потребовалось мужество, Томас.— Арлиан улыбнулся.— И не только от тебя, но и от нас — от тех, кто последовал за тобой. Однако никто не сожалеет об этом решении, и никто из нас не отступится от тебя, что бы ты ни решил делать дальше. Мы все вместе несем ответственность за этот раскол.

Кардиель с грустной улыбкой опустил глаза.

— Спасибо тебе за эти слова. Но я не имею ни малейшего понятия, что же нам делать дальше. Мы слишком одиноки.

— Одиноки? Но с нами весь город Джасса! И твоя личная стража. Она не поддалась на слова архиепископа Лориса, Томас. Конечно, солдаты знают, что Морган и Дункан ответственны за разрушение часовни Святого Торина, и не собираются прощать их, несмотря ни на какие обстоятельства, но их преданность Келсону от этого не пошатнулась. Посмотри на нашу армию.

— Да, посмотри на нее,— сказал Кардиель.— Армия, от которой Келсону нет никакой пользы, так как она стоит у ворот Джассы. Денис, мне кажется, нам не стоит больше ждать Моргана и Мак Лейна. Я хочу

послать письмо Келсону, спросить, где и когда мы встретимся с ним. Чем дольше мы ждем, тем сильнее становится Варин и тем наглее и бесцеремоннее архиепископы.

Арлиан снова покачал головой:

— Подождем еще немного, Томас. Несколько дней ничего не изменят там, где замешаны Варин и архиепископы. Но если мы как-то разберемся в вопросе с Морганом и Мак Лейном до того, как соединимся с Келсоном, это нам очень поможет в дальнейшем. Мы сможем пойти в Корот к Лорису и предложить ему объединиться в единый фронт, а в перспективе будет надежда на дальнейшее примирение. Подумай сам, отказавшись поддержать Интердикт, мы тем самым косвенно встали на сторону Моргана и Мак Лейна, и вообще всех Дерини, пусть даже невольно. И разрешить это противоречие можно только одним путем: доказав, что в случае с Морганом и Дунканом мы были правы, что они невиновны.

— О, я надеюсь, что с божьей помощью мы сможем доказать это! — воскликнул Кардиель. — Лично мне Морган и Дункан нравятся. Я слышал о них много хорошего. Я даже могу понять, почему Дункан столько лет скрывал свое происхождение. Хоть он и незаконно получил сан священника, но ведь все эти годы он был преданным церкви и богу слугой.

— Подумай, что ты такое говоришь! — засмеялся Арлиан. — Помнишь, как ты меня несколько месяцев назад спрашивал, верю ли я, что Дерини несут в себе зло?

— Конечно. И ты ответил, что, несомненно, бывают Дерини и злые, и добрые, как и все люди. И еще ты сказал, что не веришь, будто Келсон, Морган или Мак Лейн творят зло.

Глаза Арлиана сверкнули глубоким фиолетово-голубым блеском:

— Я и сейчас так считаю.

— Да?

— Не понимаешь? Ты же сам сказал, что Дункан был хорошим священником, несмотря на свою принадлежность к Дерини. Ведь Дункан стал священником

вопреки всем запретам, и он всегда был хорошим священником. Не значит ли это, что Совет в Рамосе допустил ошибку? А если Совет ошибся в таком важном вопросе, то почему бы не допустить, что он может ошибаться и в чем-то другом? — он посмотрел на Кардиеля.— Это же, в свою очередь, наводит на мысль снова пересмотреть всю проблему Дерини—человек.

— Хм... Я не думал об этом с такой точки зрения. Если следовать твоей логике, то надо снять запрет на принятие сана для людей, обладающих способностями... Э...

— ...обладающих магией Дерини,— кивнул Арлиан, скрывая улыбку.

Кардиель нахмурился и поджал губы, а затем покачал головой:

— Да нет, Денис. Несколько дней назад я слышал страшную вещь. Послушай. Говорили, что действительно существует заговор Дерини. Говорили, что существует Совет высородных Дерини, который управляет всей деятельностью Дерини. Пока они еще не широко распространили... — он встал и нервно потер руки. Его серые глаза излучали тревогу и боль, аметист на пальце вспыхивал в такт нервным движениям.— Денис, предположим, что заговор Дерини существует. А что, если Морган и Мак Лейн его участники? Или даже Келсон? Боже, помоги ему! Прошло уже двести лет со времени, когда кончилось царствование Дерини, и уже двести лет в большинстве Одиннадцати Королевств правят люди. Но народ еще не забыл, какой была их жизнь под пятой диктаторов, вольных творить зло. И вдруг все это вернется?

— Вдруг, вдруг,— нетерпеливо передразнил Арлиан. Он устремил свой взгляд на Кардиеля.— Если заговор и существует, то он задуман Венситом из Торента. Именно он и его люди распространяют эти слухи. А что касается диктатуры колдунов, то это точное описание того, что происходит сейчас в Торенте, где род Венсита правит уже в течение двух столетий. Именно это и есть единственный заговор Дерини,— он замолчал, передернув плечами. Его манера держать себя неуловимо изменилась.— А что касается Совета Дерини, то мы

увидим результаты его деятельности, если, конечно, он существует.

Кардиель удивленно моргал глазами, глядя на коллегу. Его поразила горячность Арлиана.

Затем глаза Арлиана смягчились, холодный огонь в них потух.

Кардиель взял свой плащ и мягко улыбнулся, накидывая его на плечи:

— Ты меня иногда беспокоишь, Денис. Я совершенно не могу предсказать твою реакцию на какие-нибудь слова: стараюсь успокоить, на самом деле ты меня до смерти пугаешь.

Арлиан поднялся, подошел к Кардиелю и потрепал его по плечу.

— Прошу прощения. Иногда я теряю контроль над собой.

Кардиель засмеялся:

— Знаю. Может быть, пойдем выпьем чего-нибудь согревающего? От этих разговоров о Дерини у меня всегда сохнет в горле.

Арлиан хмыкнул и пошел за ним к двери.

— Немного позже. Мне сначала надо немного помолиться. Я чересчур взволнован.

Кардиель понимающе согласился:

— О, желаю тебе успокоиться. Ну, а после того, как ты побеседуешь с Ним,— он кивнул на распятие,— почему бы тебе не зайти ко мне? После всего этого я долго не смогу уснуть.

— Возможно, посмотрим. Спокойной ночи, Томас.

— Спокойной ночи.

Когда дверь за Кардиелем закрылась, Арлиан, расправив сутану, оглянулся. Со вздохом он медленно подошел к шкафу, достал свой шелковый плащ, накинул его и затянул фиолетовые ленты у горла, а затем надел на голову камилавку.

Еще раз осмотревшись, как бы запоминая каждую деталь убранства часовни, он, наконец, почтительно кивнул в направлении главного алтаря и направился через трансепт налево, к маленькому боковому алтарю.

Мраморная фигура ничем не была украшена. Возле нее горела всего лишь одна лампада.

Но Арлиана интересовал вовсе не алтарь. Он внимательно присматривался к мраморному полу под ним и вскоре обнаружил то, что искал: небольшой круг, едва заметный среди мозаики.

Легкое покалывание в пальцах показало ему, что место найдено правильно.

Бросив взгляд на закрытую дверь часовни, он подобрал полы плаща и закрыл глаза. Затем мысленно проговорил ритуальные слова, представив себе то место, куда хотел попасть, и исчез из часовни в Джассе.

Несколькими минутами позже дверь часовни отворилась, и туда просунулась голова Кардиеля.

Он, ожидая увидеть коленопреклоненную фигуру Арлиана, открыл рот, чтобы что-то сказать, но так и не закрыл его, поняв, что в часовне нет никого. На какое-то мгновение он застыл в оцепенении: как же так, ведь он не успел далеко уйти, прежде чем решил вернуться и рассказать последние слухи, которые дошли до него, а Арлиана уже нет, хотя и сказал, что собирается помолиться.

Ну, ладно. Может быть, Арлиан имел в виду, что будет молиться в своей комнате? Тогда Кардиелю не следует беспокоить его.

«Да, конечно,— сказал себе Кардиель,— Арлиан стоит сейчас на коленях у себя в комнате. Пусть, сообщение может подождать и до завтра».

Но епископа Арлиана не было и в его комнате. И даже в самой Джассе...

ГЛАВА 6

Торн Хаген, Дерини, перевернулся в постели и открыл один глаз. И был очень разочарован, обнаружив, что в комнате темно.

Посмотрев поверх гладкого белого плеча девушки, разметавшейся на постели рядом с ним, он увидел утопающее в густом тумане солнце, света которого едва хватало, чтобы окрасить все в розовый тусклый цвет.

Он зевнул, помассировал пальцы ног и перевел взгляд на обнаженное плечо спящей девушки, затем протянул руку, чтобы погладить каштановую головку. Когда его пальцы скользнули по ее шее и опустились ниже, девушка вздрогнула, повернулась, и на него обратился обожающий взгляд:

— Вы хорошо отдохнули, милорд?

Девушку звали Майра, ей было пятнадцать лет. Он увидел ее в одно вьюжное февральское утро, когда приехал рынок в Хартхате в своем утепленном меховом паланкине.

Она была голодная, замерзшая, в темных глазах стоял ужас.

Что-то тогда сразу возникло между ними, и Торн, откинув бархатные занавески, высунулся из носилок, махнул ей рукой, смущенно улыбнулся и позвал глазами. И она пошла.

Он не мог бы объяснить причину своего поступка. Возможно, она напомнила ему дочь, которую он потерял: черноволосую Кару, растаявшую в утреннем тумане.

Но он позвал, и она пришла. Каре сейчас было бы столько же лет, сколько Майре.

Нетерпеливо тряхнув головой, Торн шутливо шлепнул девушку по задку и постарался выкинуть из головы нахлынувшие воспоминания. Он сел в постели, потянулся. Девушка со смехом пробежала пальцами по его руке. С сожалением Торн отвел ее руку и покачал головой.

— Прости, малышка, но тебе пора идти. Совет не будет ждать даже высших лордов Дерини,— он наклонился и отечески поцеловал ее в лоб.— Я не задержусь. Приходи к полуночи.

— Хорошо, милорд.

Она поднялась и, натянув на себя тончайшее прозрачное желтое одеяние, пошла к двери, но ее темные глаза ласкали Хагена, когда она оборачивалась.

— Возможно, я преподнесу тебе сюрприз.

Когда за ней закрылась дверь, Торн с сожалением вздохнул и покачал головой. С его лица не исчезла глупая улыбка. С удовлетворением осмотрев сумрачную комнату, он встал и пошел к гардеробу. На ходу он что-то тихо пробормотал и сделал правой рукой замысловатый жест.

Мгновенно в комнате вспыхнули свечи, и Торн, остановившись перед зеркалом, провел рукой по волосам.

Да, выглядел он хорошо. Его тело и теперь, в пятьдесят лет, оставалось таким же крепким, как и четверть века назад. Конечно, он потерял некоторое количество волос и прибавил несколько фунтов в весе, но это, на его взгляд, лишь прибавило ему солидности и мужественности.

Бесстыдно розовые щеки и голубые глаза, в которых застыло вечное удивление, были проклятием его молодости. Только когда ему стукнуло тридцать лет, люди перестали считать его подростком, не достигшим совершеннолетия. И вот теперь, наконец, его цветущий молодой вид стал предметом зависти ровесников, которые все уже выглядели пожилыми людьми, в то время как Торн, в тщательно подобранной одежде, всегда чисто выбритый, легко мог сойти за тридцатилетнего.

А выглядеть молодым, тут Торн вспомнил только что ушедшую от него девушку,— это большое преимущество.

Торн хотел позвать слуг, чтобы те помогли ему принять ванну и одеться для предстоящей сессии Совета, но передумал. Времени было мало.

Если он будет аккуратен и осторожен, можно использовать заклинание для воды, которому в прошлом месяце обучил его Лоран. Правда, оно все время

получалось плохо. Видимо, он делает что-то не так. Но попытаться можно.

Встав в центре комнаты, Торн широко расставил ноги и вытянул руки вверх, соединив ладони. В свете свечей его силуэт был похож на топор.

Когда он начал петь заклинание, все его тело окуталось водяным паром. Вокруг него бушевала микрогроза с молниями и громовыми раскатами. Он стоял, закрыв глаза и слегка поеживаясь, когда молнии попадали в него, а затем, полностью овладев контролем, перешел к самой трудной части заклинания.

Он собрал всю воду и молнии в небольшую сферу, которая зависла у него перед грудью. Теперь гроза бушевала внутри сферы, которая трещала и вздрагивала в колеблющемся свете свечей.

Торн открыл глаза и стал мысленно направлять сферу к открытому окну. Вдруг сзади — там, где находился Путь Перехода, раздался гром и возникла яркая вспышка.

Торн повернул голову, чтобы посмотреть, кто же это, и потерял контроль над сферой.

Миниатюрная молния вырвалась из разрушившейся сферы и вонзилась в него, причинив боль, вода с плеском вылилась на пол, испортив, к большому сожалению Торна, драгоценные гобелены, покрывавшие мраморные плиты.

Из Пути Перехода появился Ридон. Торн обрушил на него шквал ругани и проклятий, в его по-детски удивленных глазах бушевал гнев.

— ...Дьявол бы тебя побрал, Ридон! — закончил он свою тираду, немного успокоившись. — Неужели нельзя предупредить о приходе? Посмотри, что ты наделал в комнате!

Он выбрался из лужи и стал тщательно вытирать ноги, не глядя на Ридона, который подошел к нему.

— Прости, Торн, — хмыкнул Ридон. — Хочешь, я все уберу?

— Прости, Торн! Хочешь, я все уберу! — передразнил Торн, но в его глазах уже вспыхнул

интерес, и он не заставил себя упрашивать: — Ну, давай. Ведь, кроме тебя и меня, никто не сможет этого сделать.

Скрывая улыбку, Ридон раскинул руки над мокрым полом, прошептал несколько коротких фраз. Сырость исчезла. Ридон пожал плечами и бросил извиняющийся взгляд на Торна.

Тот, ничего не говоря, раздраженно повернулся и пошел в гардеробную, чтобы выбрать себе одежду на сегодня. Оттуда послышался шелест перебираемых материй.

— Я действительно очень сожалею, что помешал тебе, Торн,— сказал Ридон, расхаживая по комнате и рассматривая лежащие тут и там разные безделушки.— Венсит хотел, чтобы я поговорил с тобой. Он просит тебя об одолжении.

— Для Венсита я сделаю. Но не для тебя.

— Ну, не злись. Я же сказал, что сожалею.

— Хорошо, хорошо...

Молчание, а затем раздался голос Торна, в котором чувствовалось неприкрытое любопытство:

— Ну, так что же нужно Венситу?

— Он хочет, чтобы ты выступил в Совете и потребовал объявить Моргана и Мак Лейна чистокровными Дерини, не ограждаемыми законом от применения против них тайных сил. Ты можешь это сделать?

— Объявить чистокровными Дерини? Это серьезно...

Снова молчание, затем Торн продолжил. Его гнев, казалось, уже прошел.

— Хорошо, я попытаюсь. Но, надеюсь, Венсит знает, что я не обладаю уже таким влиянием, как раньше. В прошлом месяце произошла смена коадьюторов. И почему ты сам не хочешь выступить? Ты же чистокровный Дерини. Ты имеешь право выступать на Совете, хотя и не являешься членом Внутреннего Круга.

— У тебя плохая память, Торн,— возразил Ридон.— Когда я в последний раз стоял перед Советом, я дал клятву никогда не входить в эту комнату, и ни в какую другую, если там находится Стефан Корам. Эту клятву я не нарушал семь лет и не собираюсь нарушать ее и сейчас. Венсит сказал, что это должен сделать ты.

Торн вышел из гардеробной, расправляя складки фиолетовой туники под мантией с золотой вышивкой.

— Хорошо, хорошо. Вам не следует беспокоиться из-за этого. И все-таки жаль. Если бы не Корам, ты сам был бы уже коадьютором. А вместо того ты и Венсит...

— Да, мы составляем прекрасную пару, не правда ли? — спросил Ридон, глядя на Торна прищуренными глазами. — Венсит — лиса, и не скрывает этого. А я... Как ты помнишь, Корам сравнил меня с Люцифером наших дней, падшим ангелом, выброшенным во мрак из Внутреннего Круга, — он с мрачной улыбкой рассматривал ногти. — Действительно, я всегда любил Люцифера. До своего падения он был одним из самых блестящих и выдающихся ангелов.

Позади Ридона вспыхнул огонь, осветив его на мгновение малиновым светом. Торн громко икнул и с трудом сдержал испуганный жест.

— Пожалуйста, не играй такими вещами, — прошептал он. — Ведь могут услышать.

— Кто? Люцифер? — спросил Ридон. — Чепуха, дорогой Торн. Боюсь, что наш обожаемый Князь Тьмы — всего лишь придуманный дьявол, волшебная легенда для запугивания непослушных детей. Настоящие дьяволы — это люди наподобие Моргана и Мак Лейна. Ты должен хорошо это помнить.

Торн, хмурясь, накинул мантию, поправил ее, застегнулся, дрожащими руками натянул на лоб узкий золотой обруч.

— Хорошо. Пусть Морган и Мак Лейн — дьяволы. Если ты так сказал, значит, это правда. Но не могу же я так заявить перед Советом, даже если Морган и Мак Лейн действительно представляют собой то, что ты сказал, а я, учти, этого не знаю, так как никогда не встречался с ними. К тому же они, хотя и всего лишь наполовину, Дерини, и, следовательно, согласно древнему закону, ни один из нас не имеет права применять против них тайные силы. У меня на руках должны быть очень веские доказательства, чтобы Совет изменил их статус.

— Они у тебя будут,— пообещал Ридон, машинально массируя шрам кончиком пальца.— Тебе нужно только сообщить Совету, что Морган и Мак Лейн способны делать такие вещи, которые не должны бы уметь. И если это не убедит Совет, ты должен добавить, что эти двое будут представлять опасность для самого Внутреннего Круга.

— Но они даже и не знают о существовании Совета!

— Слухи всегда есть,— коротко ответил Ридон.— И ты, кроме того, должен помнить, для своей же пользы, что этого хочет Венсит. Мне продолжать дальше?

— Да... да нет, не стоит.

Торн нервно откашлялся и повернулся к зеркалу, чтобы осмотреть себя. Он с трудом сдерживал дрожь в пальцах, когда поправлял воротник.

— Я сделаю то, о чем вы просите,— продолжал он более уверенно. — И надеюсь, что ты, в свою очередь, напомнишь Венситу о том риске, которому я подвергаю себя, передавая его просьбу. Не знаю, что вы хотите сделать с Морганом и Мак Лейном, да и знать не хочу. Но Совет всегда придерживается нейтральной позиции. Он всегда очень бурно реагирует на то, когда один из его членов вмешивается в политические распри. Венсит сам мог бы войти в Совет, если бы был более покорен,— закончил Торн.

— Покорность не в характере Венсита,— мягко возразил Ридон.— И не в моем тоже. Однако если ты испортишь отношение с одним из нас, то у меня есть возможность представить все дело так, что тебе будет грозить опасность. Кроме того, поговаривают, что назрела необходимость вывести кое-кого из Совета.

— Но не думаешь же ты, что могут вывести меня... — в бледно-голубых глазах мелькнул ужас.

— Конечно, нет.

Торн с трудом проглотил слюну, выпрямился и шагнул к площадке, украшенной цветами и виноградной лозой.

Это был Путь Перехода.

— Я сообщу вам обо всем завтра утром,— сказал он, подбирая полы золотой мантии со всем достоинством, которое только мог собрать.— Вас это устраивает?

Ридон, не говоря ни слова, поклонился, в его глазах мелькнула насмешка.

— Ну, тогда приятного вечера,— пожелал Торн и исчез.

На высокогорном, тщательно охраняемом плато, хорошо вписываясь в окружающий ландшафт, стояла древняя постройка. В большой восьмиугольной комнате со сводчатым потолком, имеющим форму ограненного аметиста, собрался Совет Камбера.

Под пурпурным куполом в полированных черных плитах пола отражались огромные, высотой от пола до потолка, металлические двери, занимающие целую стену. Остальные семь стен цвета старой слоновой кости с укрепленными в них факелами, каждый из которых был толщиной в руку, занимали высеченные из мрамора фигуры известных всему миру Дерини, оставивших яркий след в истории.

В центре комнаты находился массивный восьмиугольный стол, вокруг которого были расставлены восемь кресел с высокими спинками. У пяти из них стояли Дерини.

Трое мужчин и две женщины стояли под пурпурным куполом. Все, кроме одного, были одеты в золотое и фиолетовое, что означало их принадлежность к Внутреннему Кругу.

Единственное исключение являл собой Денис Арлиан. Он был сосредоточен и мрачен в своей черной сутане и пурпурном епископском плаще. Он изредка кивал, как бы приобщаясь к разговору между леди Бивьеной, находящейся слева от него, и смуглым напряженным молодым человеком с миндалевидными глазами — Тирселем де Клараном.

По другую сторону стола седовласый человек с бледными прозрачными руками разговаривал с девушкой, лет на пятьдесят моложе его.

Девушка смеялась и слушала с интересом, изредка встряхивая головой, и тогда ее рыжие волосы вспыхивали ярким пламенем.

Арлиан с трудом сдержал зевотку и повернулся к дверям, которые в этот момент открылись, пропуская в комнату Торна Хагена.

Торн был подавлен. Бледность его обычно цветущего лица лишь усугублялась двумя яркими пятнами на скулах. Едва заметив взгляд Арлиана, он отвернулся и пошел через комнату, чтобы присоединиться к разговору девушки и старика. На его лице появилось обычное обезоруживающее выражение, когда он включился в разговор. Но от Арлиана не укрылось, что Торн украдкой вытер о плащ потные ладони и, чтобы скрыть дрожь, спрятал руки в широкие рукава.

Арлиан отвернулся и сделал вид, что поглощен рассказом леди Вивьены. Его тренированное лицо отражало все перипетии повествования, но мозг был далек от предмета разговора.

Что-то очень взволновало Хагена сегодня вечером, но кто же послужил причиной? Конечно, не человек. А Дерини Хагену здесь нечего бояться. Ни один Дерини не поднимет свое тайное оружие против того, кто находится в этой комнате. Вокруг этой комнаты сплетена сеть защиты, скрепленная кровавой клятвой каждого члена. Эта сеть постоянно возобновлялась: каждый раз, когда во Внутренний Круг выбирался новый член.

Тут для Торна Хагена опасности нет.

Арлиан пробежал пальцами по краю стола из слоновой кости и улыбнулся, ощутив холодную гладкость золота, разделявшего стол на сегменты.

Может быть и другое. Раньше или позже, но Хагену придется выйти из комнаты Совета. А за ее пределами есть Дерини, не связанные с Внутренним Кругом, не подчиняющиеся указаниям Совета и относящиеся к членству Торна в Совете без должного почтения.

Ведь среди Дерини тоже всегда находились ренегаты: Левис из Ворфаля, Ридон из Истмарха, Рольф Макферсон и другие — они не признавали Совет или были изгнаны из его рядов, а может быть, даже замешаны

в заговоре. Возможно, один из них и угрожает Торну Хагену? Или существует заговор против Совета?

Арлиан снова взглянул на Торна и усмехнулся, поняв, что у него нет ничего, кроме подозрений.

Может быть, Торн получил отставку у любовницы или поссорился со своим управляющим? Все может быть.

Позади Арлиана послышался шелест одежд. Он повернулся и увидел, что в дверь входят два последних члена Совета. Каждый держал в руке жезл коадьютора.

Баррет де Лейни, старший из них, который должен был быть председателем на сегодняшнем заседании, производил внушительное впечатление. Голова, несмотря на полное отсутствие волос, казалась красивой. На чисто выбритом лице сверкали изумрудные глаза.

Джас Стефан Корам, с волосами цвета светлого серебра, элегантный и стройный, по внушительности не мог сравниться с Барретом.

Корам молча проводил Баррета к его месту между Лораном и Тирселем, а затем подошел к своему месту на противоположной стороне стола.

Все положили свои жезлы на стол, Корам раскинул руки в стороны: одну ладонью вниз, а другую — вверх. Все остальные сделали то же самое, и ладони каждого встретились с ладонью соседа.

Корам откашлялся и заговорил:

— Приветствую вас, лорды и леди. Слушайте слова Мастера. Пусть у каждого из вас слово будет одно целое с духом.

Баррет наклонил голову, а затем поднял глаза на сферический кристалл, свисающий на длинной цепи с потолка купола. Сфера слегка дрожала в спокойном тихом воздухе.

Баррет заговорил. Древний ритуал Дерини начинался словами:

— Мы встретились. Мы одно целое со светом. Мы видим пути древних. Мы не пойдем по ним,— он замолчал, откинулся на спинку кресла.— Да будет так.

— Да будет так.

После этих слов все восемь человек заворочались в своих креслах. Послышался шелест их одежд, приглушенные разговоры. Когда все успокоились, Баррет сел

прямо, положив руки на подлокотники кресла. Очевидно, он приготовился начать заседание.

Но прежде чем он заговорил, хрупкий седовласый человек, сидевший справа от него, откашлялся и подался вперед. Герб на спинке его кресла свидетельствовал, что это Лоран де Бардис, шестнадцатый барон Бардис. Лицо его было угрюмым.

— Баррет, прежде чем начать формальную процедуру, я полагаю, нам следует обсудить слухи, которые ходят в народе.

— Слухи?

— Лоран, у нас нет времени для слухов,— оборвал его Корам.— Есть более важные...

— Это тоже важно,— отрезал Лоран, энергично рубанув воздух тонкой рукой.— Я думаю, один слух особенно заслуживает внимания. Говорят, что Морган, Дерини лишь наполовину, владеет древним искусством исцеления.

Все замолчали, ошеломленные известием, а затем послышались выкрики:

— Исцеления?

— Морган исцеляет?

— Лоран, ты не ошибаешься? — прозвучал женский голос.— Никто из нас не может исцелять.

— Верно,— согласился Баррет.— Все Дерини знают, что это искусство утрачено еще во времена Реставрации.

— Может быть, мы просто забыли уведомить об этом Моргана? — съязвил Лоран.— Ведь он же полукровка Дерини! — он посмотрел на Баррета с ледяной решительностью, а затем тряхнул седой головой.— Прости меня, Баррет. Если кто и сожалеет больше всех об утрате этого искусства, так это ты.

Его голос сорвался, потому что он вспомнил, при каких обстоятельствах пятьдесят лет назад Баррет потерял свое зрение: раскаленное железо выжгло его глаза как выкуп за группу детей Дерини, которые в противном случае пали бы под мечами палачей-фанатиков.

Баррет наклонил голову и потрепал Лорана по плечу, успокаивая его.

— Не казни себя, Лоран,— прошептал слепой старец.— Есть вещи более ценные, чем зрение. Расскажи нам об этом Моргане.

Лоран вздрогнул.

— У меня нет доказательств, я просто слышал разговоры, и меня, как врача, это весьма заинтересовало. Если Морган...

— Морган, Морган, Морган! — взорвался Тирсель, ударив ладонью по столу.— Мы только и говорим о нем. Может быть, мы начнем охоту за людьми нашей расы? Ведь самое ценное из того, что мы теряем, так это люди!

Вивьена негодуяще фыркнула. Ее красивая голова повернулась к юноше:

— Тирсель, Морган не принадлежит к нашей расе. Он полукровка, предатель. Он дискредитирует имя Дерини, пользуясь своим могуществом.

Тирсель взглянул на нее и расхохотался.

— Морган? С этим можно не согласиться. Полукровка — это верно. А предатель — так это смотря кто говорит. Келсон не назовет его предателем, даже наоборот. А что до дискредитации Дерини, сударыня, то, насколько я знаю, Морган не сделал ничего, что запятнало бы имя Дерини. Напротив, это один из немногих, кто во всеуслышание и с гордостью заявляет, что он Дерини.

— А что касается неприязни к Дерини со стороны людей, то ее вызвали много лет назад люди, гораздо более могущественные, чем полукровка Морган!

— Ха! Ты считаешь, что он полукровка? — вмешался Торн Хаген, увидев возможность выполнить поручение Венсита.— И Дункан Мак Лейн тоже. Вы все считаете их полукровками, но не думаете о том, что они иногда проявляют такое могущество, какое полукровкам несвойственно. А теперь они еще и исцеляют!

Он окинул всех взглядом и продолжал:

— А не рассматривали ли вы возможность того, что они не полукровки? Что, возможно, мы имеем дело с двумя чистокровными Дерини-ренегатами?

Наступила тишина. Все были ошеломлены.

Рыжеволосая Кирн, сидящая справа от него, нахмурилась и тронула его за руку:

— Чистокровные Дерини, Торн? Но это же невозможно. Мы все знаем, кто их родители.

Вивьена фыркнула:

— Да, матерей мы знаем. Мы знаем, что они чистокровные Дерини. Но кто может поручиться, что мы знаем и отцов?

Она подняла брови, и вокруг стола пробежал сдержанный смехок.

Тирсель покраснел.

— Если ты собираешься распространять сплетни о родителях Моргана и Мак Лейна, то я должен тебе напомнить, что у некоторых из нас происхождение тоже не очень-то определенное. О, мы все Дерини, с этим нельзя спорить. Но может ли кто-нибудь из вас с уверенностью сказать, кто его отец?

— Ну, хватит! — рявкнул Корам, ударив ладонью по столу.

Послышался голос Баррета:

— Спокойно, Стефан. Тирсель, не стоит переходить на оскорбления.

Он повернул незрячее лицо к юноше, и казалось, что он смотрит на него изумрудными глазами.

Наступило напряженное молчание, затем Баррет опустил глаза и продолжил:

— Мы бы не касались тайны происхождения Моргана или Мак Лейна, если бы от этого не зависел ответ на проблему, поднятую Торном. Если, как он предположил, эти двое обладают могуществом, которое не согласуется с их происхождением, то мы должны выяснить почему. И это выяснение не должно вызывать никаких вспышек горячности. Ясно?

— Прошу прощения, если был несдержан,— сказал Тирсель, но выражение его лица не соответствовало словам.

— Ну, тогда поговорим о слухах. Лоран, так ты сказал, что Морган может исцелять?

— Да, я сказал это.

— Откуда ты узнал? И кто исцелен?

Лоран откашлялся, оглядел всех членов Совета.

— Вы помните покушение на жизнь короля в ночь перед коронацией? Чтобы ворваться в покои короля, убийцы напали на охрану, многих убили и ранили. Среди раненых был помощник Моргана Син лорд Дерри. Один из королевских врачей осмотрел его и увидел, что тот с минуты на минуту умрет. Когда из королевских покоев вышел Морган, врач ему все доложил, а сам пошел помогать другим раненым — тем, кто нуждался в помощи. Спустя некоторое время Морган подозвал другого врача и приказал позаботиться о Дерри, так как молодой лорд очень утомлен, хотя рана его не так серьезна, как он, Морган, опасался. Через несколько дней врачи обменялись своими наблюдениями о состоянии Дерри после ранения и пришли к мысли, что произошло чудо, потому что, по их мнению, Дерри никакая медицина не могла бы спасти от смерти, а тем не менее он жив и здоров. Мало того, он даже сопровождал Моргана на следующий день во время коронации.

— А почему ты думаешь, что его исцелило искусство Деррини? — медленно спросил Корам. — Я тоже считаю, что оно уже давно и навсегда утрачено.

— Я просто говорю, что слышал, — ответил Лоран. — Как врач я никак по-другому не могу этого объяснить. Если, конечно, не считать, что произошло чудо.

Вивьена заявила:

— Ха! Я не верю в чудеса. Что скажешь ты, Денис Арлиан? Ты же знаток в таких делах. Возможно это или нет?

Арлиан взглянул на Вивьену и пожал плечами.

— Если верить написанному в старых книгах, то возможно, — он пробежал пальцами по поверхности стола, аметист сверкнул в лучах света. — Но все чудеса за последние четыреста или пятьсот лет можно объяснить или, по крайней мере, повторить с помощью нашей магии. Конечно, это не доказывает, что чудес не бывает. Просто мы в силах делать такое, что непосвященным кажется чудом. Ну, а что касается Моргана, то не знаю. Я встречал его лишь однажды.

— Но ты же присутствовал на коронации на следующий день, епископ? — медленно спросил Торн. —

Все знают, что сам Морган был тяжело ранен во время поединка с лордом Яном. Но когда пришло время приносить присягу, он шел прямо и вложил свои руки в руки Келсона, не морщась от боли. И хотя был весь в крови, вовсе не выглядел как человек, у которого только что извлекли из плеча четыре дюйма стали. Как ты объяснишь все это?

Арлиан пожал плечами.

— Я не могу объяснить. Может быть, его рана была не так серьезна, как казалось. И монсеньор Мак Лейн перевязал ее. Может быть, его искусство...

Лоран покачал головой.

— Мне кажется, нет, Денис. Этот Мак Лейн, конечно, искусный врач, но... может быть, он тоже умеет исцелять? Нет, это же невозможно... Чтобы два полукровка...

Молодой Тирсель больше не мог сдерживать себя. Он откинулся в кресле и шумно вздохнул.

— Вы меня просто поражаете! Если Морган и Дункан вновь открыли забытое искусство исцеления, мы должны пасть перед ними на колени, просить, чтобы они поделились этим искусством с нами, а не склонять их имена, не судить их, не подвергать их бессмысленным наказаниям.

— Но они же Дерини наполовину! — воскликнула Кирн.

— Может быть, и нет. Как же тогда они бы исцеляли? Старые книги мало говорят об этом, но мы знаем, что искусство исцеления было одним из самых трудных. Оно требовало исключительной сосредоточенности, чтобы управлять такими огромными количествами энергии. Если Морган и Мак Лейн способны на это, то мы или должны признать, что они каким-то образом чистокровные Дерини и в их происхождении есть что-то, чего мы не выяснили, или же вообще пересмотреть весь вопрос, кого же считать Дерини.

Возможно, понятия «полукровка» не существует: ты или Дерини, или не Дерини.

Мы знаем, что энергия двоих не может складываться. Ее можно только передавать более слабому или

необученному человеку. В противном случае Дерини могли бы собираться во враждующие группы, среди которых побеждала бы более многочисленная. Но такого не происходит. Битвы не ведутся таким образом. Все поединки происходят один на один.

Наши законы запрещают вызывать на поединок более одного. И этот обычай пришел из древности. Но почему он возник?

Возможно, именно потому, что могущество Дерини не может складываться. А может быть, и законы наследственности подчиняются этому принципу? Ведь обычно все передается полностью как от одного родителя, так и от другого.

Почему же могущество Дерини может передаваться наполовину?

Наступила долгая тишина. Совет переваривал слова своего молодого коллеги. Затем Барнет поднял голову.

— Молодые подают нам хороший пример,— сказал он спокойно.— Кто-нибудь знает, где сейчас находятся Морган и Мак Лейн?

Никто не ответил. Слепые глаза Баррета были устремлены в пространство.

— А кто-нибудь касался мозга Моргана?

Опять тишина.

— А Мак Лейна? — продолжал Баррет.— Епископ Арлиан, мы знаем, что Дункан долго был твоим помощником. Ты когда-нибудь зондировал его мозг?

Арлиан покачал головой.

— У меня не было причин подозревать, что он Дерини. А кроме того, я рисковал раскрыть себя самого, если бы стал зондировать его мозг.

Торн сказал:

— О, ты еще сможешь это сделать, если захочешь. Говорят, они едут к тебе. Лично я не удивлюсь, если они попытаются убить тебя.

— Не думаю, что мне угрожает опасность,— спокойно возразил Арлиан.— Даже если у Моргана и Дункана есть причина ненавидеть меня, хотя я в это не верю, они достаточно умны и понимают, что в данный момент их государство стоит на пороге гражданской войны и

вторжения врага. Они должны сначала разрешить одну проблему, прежде чем взяться за другую. Если силы Гвинеды будут расколоты в результате религиозных распрей, они будут не в силах отразить нападение врага.

— Сейчас речь не о том,— нетерпеливо вмешался Торн.— Если кто-то забыл, напоминаю: сейчас надо решить, что делать с Морганом и Мак Лейном. Проблема прорезалась с момента коронации Келсона. Именно с тех пор Моргана начали осуждать, а Дункана вызвали на суд архиепископов за использование могущества, которого у них не должно было быть ни по меркам церкви, ни по каким другим меркам.

Я не вызову на поединок Дерини, который не умеет обращаться со своим могуществом. Но Морган и Мак Лейн умеют с ним обращаться, и с каждым днем их могущество растет.

До сего дня они были в безопасности, так как, будучи полукровками, находились под защитой закона, запрещавшего использование в борьбе с ними тайных сил. Но теперь положение таково, что, полагаю, Совет обязан лишить их этой защиты и считать равными по могуществу чистокровным Дерини. Лично мне будет очень неприятно не подчиниться решению Совета, если мне придется остановить их.

— В этом таится некоторая опасность,— возразил Арлиан.— А кроме того, решение Совета ничего не говорит о самозащите. Решение направлено на то, чтобы защитить более слабых Дерини от чистокровных Дерини, силам которых они не могут сопротивляться. Но если более слабый Дерини вызывает на поединок более сильного и погибает, то это его личное дело.

— Было бы очень интересно узнать, чистокровные ли они Дерини? — пробормотал Лоран.— Мы можем ограничить поединок, исключить смертельный исход. По-моему, это любопытно с точки зрения оценки их могущества.

— Блестящее предложение,— сказал Торн.— Я его поддерживаю.

— Что ты поддерживаешь? — спросил Корам.

— Я поддерживаю предложение считать Моргана и Мак Лейна Дерини и лишить их защиты против вызова на поединок магий. Но поединок должен быть без смертельного исхода, за исключением случая самозащиты. Тогда мы снимем и вопрос с исцелением.

— Но так ли уж необходимо вызывать их на поединок? — усомнился Арлиан.

— Торн Хаген предложил исключить смертельный исход,— сказал Баррет.— Я полагаю, что это не противоречит закону. Ну, а кроме того, вопрос этот чисто академический. Ведь никто не знает, где они.

Торн с трудом сдержал счастливую улыбку:

— Значит, все согласны? Их можно вызвать?

Тирсель покачал головой:

— Только голосование, один за другим, как полагается по закону. И каждый должен обосновать свое решение.

Баррет повернул голову в сторону Тирселя. Прозондировав его мозг, он затем кивнул:

— Хорошо, Тирсель. Голосование. Лоран, что скажешь ты?

— Я согласен. Мне нравится идея ограниченного поединка. А как врач я хотел бы воочию убедиться в факте исцеления.

— Торн Хаген?

— Я это предложил и причины изложил. Конечно, я согласен.

— Леди Кирн?

Рыжеволосая девушка медленно кивнула.

— Если их найдут, то, полагаю, такой опыт будет полезен. Я принимаю предложение.

— Стефан Корам, что скажешь ты?

— Согласен. Их нужно подвергнуть проверке, и я не вижу ничего опасного в поединке без смертельного исхода.

— Хорошо. Епископ Арлиан?

— Нет.

Арлиан выпрямился в кресле, сложил пальцы вместе и поиграл аметистом на руке.

— Я считаю, что это не только нежелательно, но и опасно. Если вы принудите Моргана и Дункана использовать свое могущество против их собственной расы, вы отдадите их в руки архиепископов. Моргана и Дункана следует убедить ни при каких обстоятельствах не использовать свои тайные силы. Они нужны Келсону, если тот хочет сохранить в неприкосновенности свое королевство, отбить нападение Венсита. Я нахожусь в самом центре событий и хорошо знаю положение дел, а вы нет. Так что не просите меня делать то, что противоречит моим убеждениям.

Корам улыбнулся и искоса посмотрел на Арлиана.

— Никто не просит тебя вызывать их, Арлиан. Ты, наверное, первый увидишь их. И мы все знаем, что ты никому не сообщишь их местонахождение.

Арлиан покачал головой, глядя на кольцо.

— Мой ответ — нет. Я не буду вызывать их на поединок.

— И ты не сообщишь им о возможности вызова?

— Нет,— прошептал Арлиан.

Корам кивнул в направлении Баррета, послав ему мысленное изображение Арлиана. Баррет кивнул в ответ.

— Леди Вивьена?

— Я согласна с Корамом. Человек должен проверить свои возможности,— она повернула красивую голову, обводя взглядом всех членов Совета.— Но, надеюсь, все понимают, что я приняла это решение только из-за любопытства. Ведь несмотря на то что я говорила о них раньше, они все же очень многообещающая пара. Таких в наших рядах еще не бывало. Мне очень интересно посмотреть, на что они способны.

— Очень мудрое решение,— согласился Баррет.— Тирсель де Кларон?

— Вы же все знаете, что я против. И причины этого вы тоже знаете.

— А я должен проголосовать за принятие предложения,— сказал Баррет, замкнув круг.— Думаю, незачем считать голоса,— он медленно поднялся на ноги.

— Лорды и леди. Предложение принято. С этого момента и до того времени, пока Совет не пересмотрит

решение, полукровки Морган и Мак Лейн лишены защиты закона и могут быть вызваны на поединок, исключаящий смертельный исход. Но это решение, конечно, не исключает применения смертоносных сил в целях самозащиты в том случае, если вышеупомянутые Морган и Мак Лейн продемонстрируют полное могущество и первыми попытаются использовать в поединке смертоносные силы. И если любой член Совета или тот, кто ему подчиняется, нарушит это решение, он будет наказан Советом.

Да будет так!

— Да будет так,— повторили все присутствующие.

Часом позже Денис Арлиан уже мерил шагами ковер в своей комнате дворца в Джассе. Для него этой ночью сна не было.

ЧАСТЬ 2

ГЛАВА 7

Морган стоял у окна полуразрушенной башни и смотрел на лежащую внизу долину. Далеко на юго-востоке едва виднелась фигура одинокого всадника. Это был Дерри, направляющийся к северным армиям.

Внизу, у основания башни, паслись две лошади, жадно щипавшие свежую траву.

Морган отодвинулся от окна и стал спускаться. Дункан посмотрел на него.

— Что-нибудь видел?

— Только Дерри,— Морган легко спрыгнул на груды обломков.— Ты готов ехать дальше?

— Я хочу тебе сначала кое-что показать,— Дункан указал кнутом на груды развалин вдали и направился туда.— В прошлый раз, когда мы были здесь, я кое-что обнаружил, но ты был в неподходящем состоянии, чтобы что-то рассматривать. А тебя это, несомненно, заинтересует.

— Ты говоришь о найденном тобой разрушенном Пути Перехода? — спросил Морган.

— Да.

Осторожно ступая, Морган шел за Дунканом в глубь разрушенной часовни. Рука его лежала на рукояти меча.

Аббатство Святого Неота было когда-то процветающим монастырем, основным центром обучения искусству Дерини. Но все это кончилось во времена Реставрации. Монастырь разграбили и сожгли, и многие монахи были убиты на ступенях алтаря.

И вот теперь Морган и Дункан шли по развалинам древнего монастыря, печально глядя по сторонам.

— Здесь алтарь Святого Камбера, о котором ты мне говорил,— сказал Дункан, показывая на разрушенную каменную статую у восточной стены.— Я решил, что Путь не мог находиться на открытом месте даже во времена царствования Дерини, так что искал его дальше, вот здесь.

Дункан наклонил голову и пролез в пролом в стене.

Морган последовал за ним и обнаружил, что они оказались в древней ризнице, пол которой был завален упавшими полусгнившими брусьями и кучами мусора.

Морган хлопнул перчатками, чтобы выбить из них пыль, и, выпрямившись, огляделся. Под ногами лежали расколотые мраморные плиты пола, покосившиеся балки поддерживали остатки потолка. У дальней стены уцелел шкаф для церемониальной одежды. Дверцы его, полузаваленные остатками одежды и кусками ящиков, почернели от пожара. Глаза всюду натывались на обломки каменных стен, куски сгнившего дерева, битое стекло. На покрывавшей весь этот хлам пыли оставили свои следы мелкие животные.

— Вот,— Дункан показал на площадку перед разрушенным алтарем и опустился на корточки.— Смотри. Здесь еще можно разглядеть границу, обозначавшую Путь Перехода. Пощупай ее руками.

— Пощупать? — удивился Морган, но послушно опустился на колени и положил руки на площадку, вопросительно глядя на Дункана.— Что я должен почувствовать, Дункан?

— Осторожно прозондируй это место,— сказал Дункан.— Древние оставили послание.

Морган скептически поднял брови, но, очистив мозг, стал внимательно вслушиваться.

«Берегись, Дерини! Здесь таится для тебя опасность!»

Ошеломленный четкостью контакта, Морган произвольно дернулся назад, посмотрел на Дункана и снова положил руки на пол.

«Берегись, Дерини! Здесь таится для тебя опасность! Из сотни братьев-монахов остался я один и попытаюсь с помощью своих слабых сил разрушить этот Путь

Перехода, чтобы его не осквернили. Будь осторожен, Дерини! Защищайся! Люди убивают все, чего не понимают! О Святой Камбер, защити нас от зла!»

Морган прервал контакт и посмотрел на Дункана.

Тот выглядел торжественно. Трудно было разглядеть выражение голубых глаз в полутьме, на губах его играла тень улыбки. Он выпрямился во весь рост.

— Он смог разрушить Путь,— сказал Дункан, обводя глазами сумрачную ризницу.— Может быть, это стоило ему жизни, но он разрушил Путь Перехода. Странно, но иногда приходится самим уничтожать то, что нам дороже всего. Наша раса часто делала это. Вспомни о забытых знаниях, об утраченных навсегда искусствах. Мы только жалкая тень того народа, что жил в древности.

Морган поднялся на ноги и похлопал Дункана по плечу.

— Ну, хватит, кузен. Дерини сами виноваты в своей судьбе, и ты это знаешь. Идем, надо ехать.

Они пролезли через пролом в стене и попали из сумрачного помещения в ярко освещенную солнцем часовню. Лучи солнца проникали сюда через выбитые окна, и в их лучах плясали скопления пылинок, придавая всем предметам призрачные очертания.

Морган и Дункан уже направлялись к разрушенной двери, чтобы выйти наружу, где остались их лошади, как вдруг воздух в дверном проеме задрожал, словно теплая струя. Уловив движение, они настороженно замерли, а когда в этом колыпании возник силуэт человека, в изумлении отступили назад.

Человек, одетый в серую монашескую сутану с капюшоном, держал в руках деревянный посох, золотистые волосы в сиянии солнечных лучей создавали впечатление нимба.

Они оба сразу же узнали Святого Камбера — знаменитого Покровителя Магии Дерини.

— Проклятье! — Морган невольно отпрыгнул назад.

— Боже! — пробормотал Дункан и сделал такое движение, словно хотел перекреститься.

Человек в дверном проеме не исчез. Наоборот, он вошел внутрь и сделал навстречу им несколько шагов.

Морган отступил еще на шаг, не желая сближаться с человеком, кем бы он ни был, но неожиданно натолкнулся на что-то — невидимое, неосязаемое. Причем при соприкосновении возникла вспышка желтого пламени. Его плечо пронзила боль, которая держалась несколько секунд. Морган потерял плечо, глядя на незнакомца.

Дункан подошел ближе к Моргану, но тоже не спускал глаз с незнакомца. Они молча смотрели, и тот правой рукой откинул капюшон, открыв лицо.

Глаза его, такие же голубые, как небо в дверном проеме, как бы пронизывали насквозь и в то же время ласкали. Лицо было очень старым, и в то же время невозможно было определить возраст. Вокруг седой головы сиял золотой нимб.

— Не пытайтесь бежать, а то вы повредите себе,— произнес незнакомец.— Я не хочу, чтобы вы сейчас ушли.

Его губы шевелились, но они слышали его речь не ушами, она звучала где-то в мозгу.

Морган беспомощно посмотрел на своего кузена и увидел, что тот внимательно слушает незнакомца с благоговейным выражением на лице. Он подумал, не тот ли это человек, которого Дункан повстречал несколько месяцев назад на дороге в Корот, и тут же понял, что так оно и есть.

Дункан открыл рот, чтобы что-то сказать, но человек поднял руку, требуя молчания.

— Пожалуйста, у меня мало времени. Я пришел, чтобы предупредить тебя, Дункан, и тебя, Аларик: вас ожидает большая опасность.

Морган не мог сдержать насмешку.

— Вряд ли это что-нибудь новенькое. Мы Дерини, и поэтому врагов у нас много.

— Врагов-Дерини?

Дункан ахнул, а глаза Моргана подозрительно сузились.

— Врагов-Дерини? Не ты ли нам враг?

Незнакомец рассмеялся легким серебряным смехом, как будто Морган его очень позабавил. Он даже слегка расслабился.

— Я не враг вам, Аларик. Если бы я был им, зачем бы мне вас предупреждать?

— Откуда я знаю? Может быть, есть причины.

Дункан ткнул Моргана локтем и посмотрел на незнакомца.

— А кто вы, сэр? Вы похожи на Камбера Кулди, но...

— Камбер Кулди умер двести лет назад. Разве я могу быть им?

Морган сказал:

— Ты не ответил на вопрос Дункана. Ты Камбер Кулди?

Человек покачал головой. Видимо, это его забавляло.

— Нет, я не Камбер Кулди. Как я уже говорил Дункану на дороге в Корот, я его верный слуга.

Морган скептически поднял брови. Несмотря на отказ от звания Святого, манеры человека свидетельствовали о том, что он не может быть ничьим слугой. Напротив, казалось, он привык повелевать, а не подчиняться.

Нет, кто бы он ни был, это не слуга.

— Значит, ты слуга Камбера,— наконец проговорил Морган, не сумев скрыть в голосе нотку недоверия.— А нельзя ли спросить, кто именно? Назови свое имя.

Человек улыбнулся.

— У меня много имен. Но не настаивайте на своей просьбе. Лгать я вам не хочу, а правда может стать опасной как для вас, так и для меня.

— Ну, конечно: ты — Дерини,— предположил Морган.— Только Дерини может так появиться. И ты скрываешь, что ты Дерини. Никто об этом не знает.

Незнакомец смотрел на него и, выслушав его предположение, слегка улыбнулся.

Морган продолжал:

— Должно быть, ты скрываешься уже долгие годы, как Дункан. И не хочешь, чтобы кто-нибудь узнал об этом. Так?

— Пусть будет так.

Морган нахмурился и посмотрел на Дункана, поняв, что незнакомец посмеивается над ним.

Но Дункан покачал головой.

— А эта опасность? — спросил он, подходя ближе.— Эти враги-Дерини, кто они?

— Очень жаль, но я не могу вам сказать.

— Не можешь сказать? — переспросил Морган.

— Не могу сказать потому, что не знаю сам,— перебил его незнакомец, подняв руку и прося тишины.— Могу сказать только вот что: те, чья обязанность знать все, предполагают, что вы обладаете могуществом Дерини в полном объеме, то есть таким могуществом, которым вы не должны обладать.

Морган и Дункан ахнули от изумления, а незнакомец отошел к двери и натянул капюшон.

— Помните: они собираются проверить свое предположение и собираются вызвать вас на поединок, чтобы проверить ваши истинные возможности.

Он оглянулся, чтобы бросить на них последний взгляд.

— Подумайте об этом, друзья. И побеспокойтесь, чтобы они не нашли вас раньше, чем вы сами будете уверены в своих силах, каковы бы они ни были!

С этими словами незнакомец кивнул им и пошел туда, где паслись лошади Дункана и Моргана. Животные даже не обратили внимания на его приближение.

Морган и Дункан подошли к двери, чтобы посмотреть ему вслед, а он, увидев их, поднял руку, как бы благословляя, зашел за лошадей и исчез.

Морган немедленно бросился на то место, откуда только что исчез незнакомец. Он хотел обнаружить хоть какой-нибудь след, но не смог.

Дункан постоял, прислонившись к двери и вспоминая все, что произошло с ними, затем направился седлать лошадь.

— Ты ничего не найдешь, Аларик,— мягко сказал он.— Не больше, чем я нашел на дороге в Корот несколько месяцев тому назад,— он посмотрел на землю, покачал головой.— Никаких следов, как будто его никогда здесь и не было.

А может быть, действительно не было?

Морган задумчиво взглянул на Дункана, а затем вернулся в часовню, чтобы осмотреть пыльный пол. Уж

здесь-то следы обязательно должны остаться, но, к сожалению, Морган и Дункан все затоптали своими сапогами и ничего нельзя было разобрать.

И на сырой земле тоже не было никаких следов этого таинственного незнакомца.

— Враги-Дерини,— выдохнул Морган, вернувшись к своему кузену.— Ты понимаешь, что это значит?

Дункан кивнул.

— Это означает, что Дерини гораздо больше, чем мы с тобой думаем. Тех Дерини, которые знают, кто они и как пользоваться могуществом.

— А мы с тобой не знаем ни одного, за исключением Келсона и Венсита из Торента,— пробормотал Морган, приглаживая золотые волосы.— Черт побери, Дункан, куда мы с тобой влезаем?

В последующие дни все отчетливее вырисовывалось, в какую историю влезают эти двое.

Несколькими часами позднее Морган и Дункан остановили своих лошадей в густых зарослях на обочине дороги, ведущей в Джассу, и прислушались.

Их было не узнать в простой одежде, заросших бородами, верхом на самых обычных лошадях. Они не возбуждали подозрения ни в ком, кто встречался им по дороге. А встречались фермеры, солдаты, торговцы с караванами товаров, отмеченные эмблемами самого епископа Джассы.

Никто их не останавливал. И теперь, когда они подъехали к долине, ведущей в Джассу, дорога была пустынна.

Последний перевал отделял их от этой долины, и там, сразу за перевалом, стояла часовня Святого Ториана. Они оба внутренне содрогнулись, вспомнив свое последнее путешествие в эти места.

Святой Торин был покровителем Джассы. По традиции те, кто подъезжал к городу с юга, как сейчас Морган и Дункан, должны были остановиться и оказать почести этому Святому, защитнику города, и только

после этого они получали разрешение переправиться через озеро и войти в город.

Совсем недавно, а точнее — три месяца тому назад, у озера стояла часовня, древнее строение, целиком сделанное из дерева — обычного строительного материала этой местности.

В нее нужно было войти одному и без оружия.

Помолившись там, путник получал эмблему на шляпу, означавшую, что ему дано от Святого Торина разрешение на въезд в город. Имея такую эмблему, путешественник переправлялся через озеро на лодке.

Ни один перевозчик не повез бы человека, не имеющего эмблемы. Никакая плата не могла бы его соблазнить.

Поэтому путешественник, который хотел войти в город через южные ворота, желая избежать двухдневной езды к северным воротам, где вход был свободным, молился в часовне Святого Торина. Для многих сэкономленное время было дороже молитвы.

Но цена, которую заплатили Морган и Дункан, оказалась чересчур высокой, к тому же они так и не попали в Джассу.

В часовне Моргана ждала ловушка: предательская игла, отравленная затуманивающим мозг снадобьем, уколола его руку. Яд немедленно подействовал, и когда Морган очнулся, совершенно беспомощный, он обнаружил, что находится в руках Варина де Грея и эмиссара архиепископов.

Только своевременное вмешательство Дункана спасло Моргана от медленной и жуткой смерти.

Но за счастливое избавление им пришлось заплатить дорогую цену, так как во время сражения Дункану пришлось раскрыть себя, использовать запрещенную магию Дерини, чтобы бегство стало возможным. В пылу битвы пламя факелов перекинулось на деревянную часовню, и она сгорела дотла.

Поэтому теперь они были прокляты, преданы анафеме, отлучены от церкви.

Морган и Дункан хотели хоть частично освободиться от проклятия, однако для этого им требовалось попасть в покои епископа Джассы.

Они долго стояли, прислушиваясь, в густых зарослях. Затем спешились.

Впереди, за перевалом, виднелись синие дымы костров.

Своим обостренным слухом друзья слышали ржание пасущихся лошадей, голоса людей в долине, ощущали запах дыма в спокойном воздухе.

Со вздохом Морган взглянул на Дункана и, взяв лошадь под уздцы, стал медленно подниматься по склону к перевалу. Густые заросли по мере подъема становились все реже, деревья тоньше, и на самом перевале уже негде было укрыться, разве что в траве. Поэтому последние ярды они преодолевали на четвереньках и достигли перевала ползком. Жмурясь от яркого солнца, как ящерицы, они осторожно посмотрели вниз.

Долина была заполнена вооруженными людьми. К югу и востоку, насколько хватало глаз, виднелись палатки и шатры с солдатами, костры, походные кухни, лошади, тюки с провизией. Несмотря на то что армия расположилась лагерем в лесу, Дункан и Морган сверху все хорошо видели. Над более роскошными палатками развевались геральдические знамена. Среди гербов они нашли лишь несколько знакомых, остальные видели впервые. Кое-где реяли знамена фиолетово-золотого цвета, означавшие, что это армия епископа Джассы.

По всему было видно, что армия не собирается выступать в поход и лагерь разбит уже давно.

Морган вздохнул, а Дункан толкнул его локтем и показал налево. Там, вдали, Морган с трудом рассмотрел место, где раньше стояла часовня Святого Торина.

Теперь на этом месте зловеще чернел обгорелый сруб, валялись обугленные балки да обломки разрушенных стен. Это было все, что осталось от знаменитого места паломничества.

Но Морган разглядел там суетившихся солдат, которые растаскивали бревна, расчищали участок от обломков. Справа другие солдаты заготавливали новые бревна, пилили доски. Очевидно, епископы выделили

часть армии, чтобы, не теряя зря времени в ожидании войны, она восстанавливала часовню.

Угрюмо покачав головой, Морган пополз обратно вниз по склону, Дункан последовал за ним. Добравшись до места, где их нельзя было увидеть из долины, они поднялись и пошли к лошадям.

Морган внимательно посмотрел на кузена.

— Нам не удастся проскользнуть незаметно мимо всей армии,— тихо сказал он.— У тебя есть какие-нибудь идеи?

Дункан задумчиво поиграл поводьями своей лошади и нахмурился.

— Трудно сказать,— он помолчал.— Очевидно, теперь от путешественника не требуется проходить через часовню, потому что ее нет. Но я все же сомневаюсь, что они позволят переправиться через озеро.

— Хм,— Морган задумчиво почесал бороду.

Дункан предложил:

— Может быть, попытаться проехать? У нас сейчас такой вид, что вряд ли кто-нибудь нас узнает. Ты же видел, что на дороге на нас не обращали внимания. Можно даже попробовать ночью украсть лодку, если ты считаешь, что днем ехать рискованно.

Морган покачал головой.

— Нам нельзя рисковать. Мы должны добраться до епископов во что бы то ни стало. Если нас схватят до того, как мы увидимся с ними, и нам придется для освобождения пустить в ход могущество, то мы никогда не сможем убедить епископов в своей искренности,— он замолчал.

— Что же ты предлагаешь? Ехать целых двое суток к северным воротам? Это слишком долго.

— Нет. Есть другой путь,— Морган помолчал.— Слушай, а может быть, здесь есть Путь Перехода?

Дункан фыркнул:

— Черт, почему мы не можем летать? Морган, не поговорить ли нам с местными жителями, чтобы выяснить обстановку в долине?

И вдруг лицо его прояснилось:

— Идея! У меня сохранилась эмблема Торина. Достанем еще одну и поедem открыто!

Морган с удивлением посмотрел на него, а Дункан достал из кармана эмблему и прицепил ее на шляпу.

Морган долго раздумывал над предложением Дункана, а затем кивнул в знак согласия.

Через несколько минут они уже ехали обратно к дороге, чтобы найти подходящего человека, от которого могли бы узнать и получить все, что им нужно.

Долго ждать им не пришлось.

Они пропустили мимо большой торговый караван, и тут их терпение было вознаграждено: по дороге ехал толстый высокий человек в одежде мелкого чиновника. Приблизившись к месту, где поджидали в засаде Дункан и Морган, он вытер рукавом потный лоб.

На дороге было пусто. Не теряя времени даром, Дункан, кивнув Моргану, вышел из кустов на дорогу и отвесил почтительный поклон.

— Доброе утро, сэр,— сказал он подобострастно, сдергивая шляпу с головы и заискивающе улыбаясь.

Шляпу он держал так, чтобы была видна эмблема Ториана.

— Не можете ли вы сказать, чья это армия стоит внизу в долине?

Внезапное появление Дункана безмерно поразило чиновника. В тревоге он отступил назад, глаза его расширились от испуга.

Отступая, он наткнулся прямо на Моргана, который зажал ему рот рукой.

— Тихо, друг мой,— прошептал Морган, приводя в действие свои тайные силы, когда тот начал барахтаться.— Не сопротивляйся, мы не причиним тебе вреда.

Чиновник, дрожа, повиновался. Его глаза остекленели, и Моргану пришлось отволочь его в кусты, так как тот не мог стоять на ногах.

Когда они добрались до места, где их не было видно с дороги, Дункан коснулся кончиками пальцев виска человека и прошептал несколько слов, которые погрузили чиновника в транс.

Дункан угрюмо улыбался, глядя, как закрылись трепещущие веки, как тело обмякло в руках Моргана.

Они опустили его на землю и прислонили к дереву. Морган опустился рядом на корточки и с улыбкой посмотрел на Дункана.

— Это было так просто,— сказал Дункан,— что я чувствую себя почти виноватым перед ним.

— Посмотрим, скажет ли он нам что-нибудь полезное, прежде чем ты совсем расплачешься.

Морган коснулся пальцами лба чиновника.

— Как тебя зовут, друг мой? Открой глаза, не бойся, с тобой все в порядке.

Глаза человека открылись, и он с изумлением уставился на Моргана.

— Я Тьерри, сэр, секретарь из дома лорда Мартина Грейдстока.

Ни следа страха не было в его широко раскрытых и ничем не затуманенных глазах, так как человек был погружен в транс таинственными силами Дерини.

Дункан спросил:

— Там, в долине, лагерь войск епископа Кардиеля?

— Да, сэр. Они стоят здесь лагерем уже два месяца, ожидая приказа короля,— он перевел взгляд на Дункана.— Говорят, что молодой король скоро сам прибудет в Джассу, чтобы очиститься от страшного греха, в который сам себя вверг.

Морган переспросил:

— Страшный грех? Что еще за грех?

Человек вздрогнул:

— Могущество Дерини, сэр. Говорят, что он взял под свое покровительство ужасного герцога Аларика и его кузена, еретика-священника, хотя всем известно, что они отлучены от церкви на последней встрече епископов в апреле.

— Ах да, мы об этом знаем,— спокойно сказал Дункан.— Скажи нам, Тьерри, как теперь попадают в город? Путники все еще должны молиться Святому Торину?

— Да, Святому Торину надо оказывать почести. У тебя же его эмблема, ты должен сам знать. Его святилище сейчас устроено неподалеку от руин часовни. А часовню весной сожгли страшные преступники. Герцог Ал...

— Кто охраняет подходы к городу? — нетерпеливо оборвал его Морган.— Можно подкупить лодочников? Кто охраняет набережную в городе?

— Подкупить лодочников Святого Торина, сэр...

— Успокойся, Тьерри,— сказал Дункан, коснувшись его лба и усиливая контроль.— Можно ли двоим пересечь озеро и незаметно высадиться в городе?

Тьерри после прикосновения Дункана снова бессильно оперся о ствол дерева и начал говорить ровным бесстрастным голосом:

— Нет, сэр. Охранники имеют приказ обыскивать всех и задерживать тех, кто вызывает подозрение,— он замолчал.— Мне кажется, что вы выглядите весьма подозрительно, сэр.

Морган пробормотал:

— Это верно.

— Я не расслышал,— сказал чиновник.

— Я спросил, есть ли какой-нибудь другой путь в город, в обход озера?

Тьерри этого не знал. Не знали этого и следующие три путника, которых Морган и Дункан захватили и опросили таким же образом.

Но пятый человек, какой-то каменщик, оказался более полезным.

— Есть ли какой-нибудь другой путь в город, чтобы не пересекать озеро? — спросил Морган, не надеясь на положительный ответ.

— Нет, сэр. Но когда-то был. Правда, с тех пор прошло лет двадцать.

— Когда-то был? — переспросил Дункан, мгновенно насторожившись.

— Да, была тропа в горах на севере отсюда,— ответил человек.— Но ее уничтожила лавина, когда я был еще маленьким. И хорошо. В противном случае все могли бы попасть в святой город, не оказав почести его покровителю. А это...

— О, несомненно,— согласился Морган, пристально глядя в глаза человека. — Ну, так где же эта тропа, Ловкин? Как ее найти?

Каменщик медленно ответил:

— Вам по ней не пройти. Я же сказал, что она разрушена. Если хотите попасть в Джассу, надо взять перевозчика. Иначе придется ехать к северным воротам.

Морган, улыбнувшись, ответил ему:

— Нет, мы попытаемся пройти старой тропой. Ты лучше скажи, как ее найти.

— Как хотите,— согласился каменщик.— Вернитесь на дорогу и езжайте по ней с полмили. Затем сверните на тропу, которая ведет к северу. Через несколько сотен ярдов тропа раздвоится. Поезжайте по северному ответвлению, так как ответвление ведет к деревне Гарвод. И по северной тропе доберетесь до древнего пути.

— Ты нам очень помог, Ловкин,— поблагодарил Морган, кивнув Дункану.

— О, для вас во всем этом мало пользы,— откликнулся каменщик, когда Дункан наклонился над ним.— Старая тропа разрушена и...

Его голос затих, голова поникла, и он обмяк, погрузившись в сон.

Дункан встал и посмотрел на него сверху вниз, а затем снова наклонился, чтобы снять с него эмблему Торина. Он протянул ее Моргану, и они направились к лошадям.

Морган вытер эмблему о рукав и нацепил на шляпу. Она засверкала теплым серебряным светом в лучах пробивающегося сквозь густую листву солнечного света.

Они сели на лошадей и отправились в путь.

Обернувшись к Дункану, Морган заметил:

— Напомни мне, чтобы я вознес молитву и благодарность Ловкину, когда мы в следующий раз вполне официально посетим часовню Святого Торина, Дункан.

Дункан хмыкнул:

— Обязательно. Обязательно напомню, когда мы тут будем в следующий раз официально.

Часом позже два всадника поднимались в горы, окружавшие озеро Яшан и город Джассу с запада.

Миновав развилку, про которую им сказал Ловкин, они стали спускаться по травянистому склону вниз, в луга. Там паслись с полдюжины овец и коз, мирно

щипавших траву и не обращавших ни малейшего внимания на всадников, проезжающих мимо, лишь некоторое время они с тревогой смотрели на лошадей, а затем успокоились и вернулись к своему прерванному занятию.

Всадники затратили довольно много времени, пока нашли тропу в противоположном конце луга, и по ней двинулись дальше.

Тропа была еле видна, и, очевидно, по ней давно никто не ходил. Свежая трава была совсем не примята, везде росли полевые цветы. Ехать становилось все труднее, так как склон становился круче, но лошади пока могли идти без особых трудностей.

Впереди слышался шум воды.

Морган, едущий впереди, задумчиво прикусил губу и повернулся к Дункану:

— Как ты думаешь, что это?

— Похоже на водопад. Как мы переберемся...

— Не говори,— ответил Морган.— Я думаю о том же.

Шум воды становился все громче и громче, и когда они проехали очередной поворот, то обнаружили, что путь им преграждает бурный поток.

Водопад низвергался со скалы, и вода образовывала широкий водоем, простирающийся далеко влево, в направлении озера Яшан.

Похоже, обходного пути не было.

Они оба одновременно остановились и посмотрели друг на друга.

— Ну, что будем делать? — спросил Морган, бросив поводья и глядя на воду.

Дункан остановился рядом и смотрел туда же.

— Делать нечего. Здесь водопад, пути нет. У тебя есть идеи?

— Боюсь, что нет,— Морган тронул лошадь и въехал в воду.— Как ты думаешь, здесь глубоко?

— Футов десять-пятнадцать. Во всяком случае, нам хватит. Лошадям не переплыть этот поток.

— Все может быть.

Морган тронул поводья, посмотрел на скалы и добавил:

— Не пройти ли нам по скалам? Лошади там не пройдут, но мы-то сможем?

— Они выглядят почти неприступными.

Дункан прыгнул на землю, накинул на плечи плащ и, спутав лошадь, направился к скалам.

Морган подумал и тоже последовал его примеру.

Они преодолели уже две трети расстояния, взбираясь вверх по утесу, как вдруг Дункан застыл. Затем тронул Морган за рукав и пояснил жестом, куда надо смотреть.

Выступ, на котором они сейчас стояли, на первый взгляд казался самым обыкновенным. Но Дункан обратил внимание Моргана на то, что его поразило: на глубокую трещину в скале, которая поднималась вертикально вверх более чем на тридцать футов, а затем терялась в тумане, образованном брызгами водопада.

Пришлось подняться на несколько шагов вверх, чтобы заглянуть в эту расщелину. Она была довольно узкой — не шире пяти футов, но глубокой, так что заднюю стену не было видно: она терялась во мраке. А боковые стены заросли лишайником и мхом. Это зеленое бархатное покрытие нарушалось только в отдельных местах — там, где на поверхность выходили рубиновые и топазовые жилы.

На дне расщелины, которое находилось на несколько футов ниже того уровня, где они сейчас стояли, протекал ручеек ледяной воды, пробивавшийся между камней. Вода, по сравнению с окружающим воздухом, была такой холодной, что над ней стоял туман, пронизанный лучами солнца, ненадолго заглянувшими сюда.

Дункан и Морган в благоговении смотрели на этот туман, не решаясь голосом нарушить колдовское очарование этого места.

Затем Дункан вздохнул, и чары рассеялись. Они приступили к осмотру расщелины.

— Как ты думаешь,— спросил Морган,— может ли это быть путем на ту сторону?

Дункан пожал плечами и спустился вниз, на дно расщелины, однако после беглого осмотра стал выбирать-ся обратно.

Морган протянул ему руку, чтобы помочь.

— Ее глубина всего несколько ярдов. Давай посмотрим, что там наверху.

Наверху перспектива была не лучше, чем внизу. Русло перекрывали громадные булыжники. Вода бурлила, пробивая себе путь между камнями.

Поток был неглубоким — не более четырех футов в самом глубоком месте, но течение было настолько сильным, что человек, сделавший неверный шаг, непременно был бы сбит водой и брошен вниз на острые камни.

Выше дело обстояло еще хуже. Вода с ревом неслась в каменистом ложе с обрывистыми берегами, так что к ней трудно было даже спуститься, не говоря о том, чтобы перейти поток.

Единственное, что им оставалось, так это спуститься вниз и попытаться найти возможность для переправы там.

С гримасой разочарования Морган стал спускаться вниз по скале, Дункан — за ним.

Внезапно, взглянув вниз, Дункан застыл в тревоге, но тут же тронул Моргана за плечо.

— Аларик,— прошептал он, прижимаясь к камням и вынуждая Моргана спрятаться.— Не двигайся, взгляни вниз! Только осторожнее!

ГЛАВА 8

Морган осторожно высунул голову из-за камня и посмотрел вниз.

Сначала он не заметил ничего необычного — только лошадь, которая паслась у воды, затем вдруг осознал, что второй лошади нет, и заметил какое-то движение в камнях у подножия скалы. Он наклонился, чтобы рассмотреть, в чем дело, и замер от удивления, не в силах поверить своим глазам.

Четверо подростков с мокрыми головами и в насквозь промокших туниках, облепивших тела, вводили вторую лошадь в воду вблизи водопада. Голову лошади покрывала какая-то тряпка, а один из мальчиков зажал

ей ноздри, чтобы она не заржала, войдя в холодную воду.

— Что за дьявольщина,— пробормотал Морган, взглянув на Дункана.

Дункан поджал губы и уже хотел ринуться вниз по склону за похитителями.

— Скорее, Морган! Эти воришки украдут наших лошадей, если мы их не остановим.

— Подожди.

Морган ухватил его за плащ и остановил. Он, не отрываясь, смотрел, как мальчики и лошадь вошли в воду у скал.— Мне кажется, они знают, где можно перейти этот поток. Смотри.

Лошадь с похитителями исчезла за скалой. Морган тут же вскочил и, быстро найдя новое, более надежное укрытие, подозвал Дункана.

Вскоре дети появились из-за скалы, мокрые и дрожащие от холода. Самая младшая из них — девочка с длинными, распущенными по спине волосами — вскарабкалась на берег с помощью своих товарищей, затем взяла поводья лошади и вывела ее из воды на берег. Она успокоила фыркающую лошадь, сняла с нее тряпку и начала вытирать. Остальные трое снова исчезли за скалой.

Морган хлопнул Дункана по плечу, что послужило сигналом к действию, и они стали быстро спускаться со скалы, стараясь держаться в тени.

Лицо Моргана было сердитым, но выражало некоторое удовлетворение. Он и Дункан быстро добрались до второй лошади и спрятались поблизости.

Морган с трудом сдержал улыбку, когда из-за скалы показались трое мальчиков и, подбадривая друг друга, начали выбираться на берег. Они оглянулись на девочку, помахали ей рукой и пошли к лошади.

Морган позволил им подойти совсем близко. Один из мальчиков взял поводья и протянул руку, чтобы зажать лошади ноздри.

В этот момент Морган и Дункан выскочили из засады и схватили воришек.

— Майкл! — кричала девочка с другого берега.— Нет! Нет! Отпустите их!

Крича, царапаясь, ругаясь, кусаясь и отбиваясь руками и ногами, пленники старались вырваться из рук Моргана и Дункана.

Морган крепче ухватил первого из них — того, кто взял лошадь, и некоторое время удерживал второго, но тот был постарше и посильнее. После нескольких яростных попыток ему удалось вырваться, и он с криком побежал к скалам.

Дункан, держащий третьего мальчика, попытался схватить того, который пробегал мимо него, но сумел только ухватить его мокрую тунику. Мальчик, резко рванувшись, вырвался, подбежал к скалам, прыгнул в воду и исчез прежде, чем Морган и Дункан успели кинуться за ним.

Двое остальных, оставшиеся в их руках, продолжали вырываться и кричать, так что Моргану пришлось применить силу, чтобы заставить их замолчать.

Девочка на противоположном берегу соскочила с лошади и помогла сбежавшему мальчику взобраться на берег. Моргану не осталось ничего как применить магию. С одной стороны, магия могла до смерти напугать детей, но нельзя же было позволить им сбежать и рассказать о людях, пытающихся перебраться через поток.

Морган выпустил своего пленника и поднял руки.

Двое на другой стороне потока пытались ускакать на лошади, изо всех сил колотя голыми пятками по ее бокам. И тут перед ними внезапно возникла сияющая скала, преградившая им путь. Дети замерли, глаза их превратились в огромные блюдца. Сияющий полукруг прижимал их к берегу потока.

Дункан, успокоив пленника, положил его поперек седла второй лошади, затем посмотрел на свою окровавленную руку и пошел к берегу, чтобы промыть ее в воде.

— Один из этих бандитов укусил меня,— сообщил он

Морган положил своего мальчика на седло рядом с другим и с тревогой посмотрел на тех детей, что остались на том берегу.

— Стойте на месте, и с вами ничего не случится! — крикнул он им.— Я не собираюсь наказывать вас, но вы не должны убегать. Оставайтесь на месте!

Однако, несмотря на все его слова, дети были перепуганы.

Дункан взял поводья лошади и повел ее к скалам. Морган шел рядом и поддерживал спящих детей, чтобы они не сползли с седла, беспокойно поглядывая на тех, что были на другом берегу.

Он невольно ахнул, когда вступил в ледяную воду, и чуть не потерял контроля над светящимся кругом, но взял себя в руки и пошел дальше.

Вдоль скалы тянулась узкая полоса, где вода доходила всего лишь до пояса, но дно было покрыто слизью и усеяно гладкими камнями, на которых скользили ноги людей и животных. Однако они двигались вперед без серьезных происшествий.

Когда лошадь поднялась наверх, Дункан осторожно снял детей с седла и положил их на траву. Морган, успокоив лошадь, направился к остальным детям, которые все еще сидели на другой лошади, дрожа от страха. Они с ужасом смотрели, как Морган прошел сквозь огненную стену и приблизился к ним. Стена за его спиной стала медленно таять.

— Ну, скажите мне, зачем вам понадобились наши лошади? — спокойно спросил он.

Девочка, сидящая впереди, оглянулась на своего товарища, а затем снова широко раскрытыми глазами стала смотреть на Моргана.

Мальчик постарше, руки которого держали девочку за талию, сказал ей что-то успокаивающее и встретил взгляд Моргана. Несмотря на страх, в его глазах проглядывал гордый блеск.

— Вы Дерини? Вы шпионите за нашим лордом епископом?

Морган с трудом спрятал улыбку и снял девочку с седла. Она напряглась от страха в его руках, но он тут же передал ее Дункану.

Мальчик выпрямился в седле, глаза цвета индиго на его загорелом лице зажглись холодным светом. Он закутался в тунику и снова спросил:

— Вы Дерини? Шпионы?

— Я первым тебя спросил. Зачем вы взяли наших лошадей?

— Мы с братьями хотели отвести лошадей отцу, чтобы он мог вступить в армию епископов. Капитан ему сказал, что его лошадь слишком стара и не сможет выдержать длительных походов.

— Значит, вы собирались отдать наших лошадей отцу,— медленно кивнул Морган.— Парень, ты знаешь, как называются люди, которые берут то, что им не принадлежит?

Мальчик выкрикнул:

— Я не вор! Мы посмотрели вокруг и никого не увидели. Поэтому мы решили, что лошади откуда-то сбежали. Кроме того, это лошади боевые, а не рабочие.

— Да? — спросил Морган.— И ты подумал, что такие лошади могут свободно пастись без присмотра.

Мальчик кивнул.

— Ты, конечно, лжешь,— твердо сказал Морган, хватая его за руку и сдергивая на землю.— Но этого следовало ожидать. Скажи мне, есть еще препятствия на дороге отсюда в Джассу?

— Вы шпионы! Теперь я уверен в этом! — крикнул мальчик, вырываясь из рук Моргана.— Пустите меня! О, вы делаете мне больно!

Морган заломил мальчику руку за спину и усиливал давление до тех пор, пока тот не согнулся пополам. Когда мальчик прекратил борьбу, Морган освободил его руку и повернул лицом к себе.

— Успокойся,— приказал Морган, устремив на него свои глаза.— Мне некогда слушать твои истеричные вопли.

Мальчик пытался сопротивляться взгляду Моргана, но, конечно, не мог тягаться с ним: всего несколько секунд он сумел выдержать взгляд серых глаз, а затем воля его ослабела, и он отвел глаза.

Когда мальчик успокоился, Морган выпрямился, затянул пояс и откинул прядь волос со лба.

— Ну,— невозмутимо повторил он свой вопрос,— так что же ты скажешь о дороге в Джассу? Сможем мы пройти туда?

Мальчик спокойно ответил:

— Не на лошадях. Пешком, вы, может, и пройдете, но верхом — нет. Впереди болота и глинистая почва. Даже горные лошадки не могут пересечь ее.

— Болото? — спросил Морган. — А обойти его можно?

— Можно, но тогда вы не попадете в Джассу. По этому пути никто не ходит, так как караванам с грузом здесь не пройти.

— Ясно. Ты можешь еще что-нибудь добавить об этом болоте?

— Очень немного. Самое трудное место имеет протяженность около сотни ярдов, но на другой стороне сразу виден путь дальше, так что заблудиться невозможно.

Морган посмотрел на Дункана.

Тот, в свою очередь, тоже задал вопрос:

— Ну, а как насчет ворот при въезде в город? У нас могут быть неприятности на входе в Джассу?

Мальчик посмотрел на Дункана, увидел на его шляпе эмблему Торина и покачал головой.

— Ваши эмблемы помогут вам пройти. Только смешайтесь с людьми, идущими от лодок с озера. Сейчас сотни путешественников спешат в Джассу.

— Отлично, Дункан, у тебя еще есть вопросы? Мы оставим их здесь и отдадим лошадей. Только нужно ввести в их память блоки ложной памяти. А лошади нам все равно не понадобятся.

Морган коснулся лба мальчика, а когда тот начал оседать на землю, подхватил его и отнес туда, где лежали остальные дети.

— Заносчивый дьяволенок, верно?

Дункан улыбнулся.

— Не удивлюсь, если узнаю, что это он укусил меня.

Морган снова коснулся лба мальчика, стерев его память и введя новые блоки, а затем взял седельную сумку и перебросил через плечо.

— Ну что, пошли, кузен? — усмехнулся он.

Переход через болото едва не стоил им жизни.

Тропа совершенно исчезла в топкой грязи. И хотя путь оказался короче, чем они ожидали, зато гораздо труднее и опаснее.

Они шли, еле вытаскивая ноги из чавкающей грязи. Дункан потерял во время пути свой дорожный мешок, да и сам чуть не утонул, провалившись в бездонную яму. Только вовремя протянутая рука Моргана спасла его.

Но, как и говорил мальчик, болото быстро кончилось. Уже к полудню они добрались до берега озера Яшан, на котором и находилась Джасса.

Следуя совету мальчика, они смешались с толпой людей, переправившихся через озеро на лодках, и беспрепятственно прошли через ворота города.

В Джассе действительно оказалось много чужих людей, так как этот день и следующий были базарными днями.

Морган и Дункан, не обращая на себя внимания, прошли вместе с толпой на базарную площадь, расположенную прямо перед дворцом епископа. Морган выбрал немного фруктов из корзины торговца, бросил ему несколько мелких монет, а потом вернулся в толпу, продолжая слушать и наблюдать.

Они уже больше часа бродили по площади среди людей, изредка задавая вопросы, но большей частью слушая разговоры, однако так и не нашли возможности незамеченными проскользнуть во дворец. По рынку ходили патрули солдат, так что им следовало держаться настороже и не задавать вопросов, которые бы вызвали подозрение.

Но и медлить далее нельзя, надо действовать, а то скоро наступит темнота, площадь опустеет, и тогда сложно будет избежать вопросов и подозрений. Ведь им некуда пойти, когда наступит вечер.

Площадь Джассы в этот рыночный день представляла собой причудливую смесь ярких красок. В воздухе, звенящем от пронзительных криков людей и ржания лошадей, плавали запахи специй и клубы ароматного дыма из хлебопекарен и жаровен. Прямо на улице на вертелах жарились аппетитные туши. В уши врывались визг свиней и блеяние овец и коз, кудахтанье кур, гогот гусей.

Морган остановился на минутку посмотреть представление жонглеров перед входом в шелковый шатер,

откуда слышались звуки веселой музыки и взрывы хохота.

Рядом с ним остановились две веселые девушки с корзинками в руках. Они переговаривались между собой, преувеличенно громко смеясь, и явно стараясь привлечь его внимание. Морган покосился на них, увидел, что они одеты довольно неопрятно, и отвернулся. Они были не в его вкусе.

Морган поправил мешок на спине и надкусил яблоко, которое держал в руке, ощутив во рту приятный вкус. Он неспешно шел по рынку, рассеянно поглядывая по сторонам, как вдруг заметил Дункана, который покупал хлеб и кусок душистого деревенского сыра.

Дункан тоже немного задержался у шатра, откуда слышались музыка и смех, а затем, нахмурившись, пошел дальше.

Морган улыбнулся и стал протискиваться к нему сквозь толпу, жуя на ходу. Наконец, Дункан остановился там, где посвободнее, и, пристроившись на скамье, приступил к еде, отрезая куски сыра своим кинжалом.

Морган, пробившись к нему, положил свой мешок на скамью рядом с ним, прислонился к стене и стал глазеть по сторонам, чтобы его поведение казалось естественным.

— Очень много народу,— тихо сказал он, доев яблоко и сунув огрызок в зубы проходящего мимо осла, взял кусок сыра и хлеба и стал жевать, задумчиво рассматривая разношерстную толпу.— Надеюсь, ты разузнал больше, чем я.

Дункан прожевал пищу и осторожно оглянулся.

— Очень немного. Но должен сказать, что у епископов скоро будут неприятности, если они не начнут действовать. Пока народ поддерживает епископа Кардиеля и его армию, но есть и такие, кому планы епископа не по душе. Они считают, что верховное духовенство не должно ссориться, и не могу сказать, что не согласен с ними, особенно сейчас, когда над страной нависла опасность.

— Хм,— Морган отрезал себе еще сыра и, осторожно оглянувшись, наклонился к Дункану.— А ты ничего не слышал о старом епископе Вольфраме?

— Нет. А что случилось?

— Несколько недель назад его пытались убить. Но... — он замолчал, увидев, что мимо проходят два солдата, откусил сыр и беззаботно жевал его, пока те не отошли подальше.— Именно поэтому ворота дворца так тщательно охраняются. Кардиель не хочет допустить, чтобы кто-нибудь из его союзников-епископов пострадал. Если хоть один из шестерки будет убит, то Лорис и Корриган в Короте будут полными хозяевами положения. Они назначат преемника, и нетрудно догадаться, кому будет служить этот ставленник архиепископов.

— Да, тогда у Лориса будет двенадцать голосов, и все его постановления будут иметь силу закона,— прошептал Дункан.

Морган покончил с сыром, вытер руки о штаны, достал из мешка кружку и набрал воды из источника. Пока он пил, его глаза неотрывно следили за дворцовыми воротами и башнями дворца за ними. Затем он снова наполнил кружку и передал ее кузену, а сам опустился на скамью.

— Знаешь,— заметил он, рассматривая толпу на площади,— по-моему, народ расходится. Скоро мы станем заметны, нужно что-то предпринять.

Дункан вернул кружку Моргану и вытер губы рукавом.

— Да. Солдат на площади все прибавляется.

Где-то вдали послышался бой башенных часов. Им ответили часы на башнях дворца.

Дункан замолчал, его глаза метались по толпе. Но вот он медленно выпрямился, его взгляд стал целеустремленным и внимательным.

— Что это? — прошептал Морган, стараясь ни голосом, ни жестом не выдать своих эмоций.

Неподалеку опять прошли солдаты.

— Монахи, Аларик,— тоже шепотом ответил Дункан, кивком показывая на ворота.— Посмотри, где они проходят.

Морган медленно повернулся и посмотрел туда, куда показывал Дункан.

В левой нижней части огромных ворот открылась дверца, в которую вошла горстка монахов в капюшонах. Морган оглянулся на Дункана и увидел, что тот прячет остатки сыра и хлеба в мешок.

В ответ на вопросительный взгляд Моргана Дункан хитро улыбнулся, взял последнее яблоко, вытерев его рукавом, и медленно направился к воротам.

Заинтригованный Морган, подхватив мешок, поспешил следом.

Когда они подошли к краю площади, он легонько тронул Дункана за локоть.

— Ты видел, где проходят монахи? — спросил Дункан, откусывая от яблока.

— Да.

Дункан откусил еще и пошел дальше.

— Их даже не окликнули, — сказал он. — Теперь смотри, откуда они появляются. Слева от тебя. Только смотри незаметно.

Морган осторожно посмотрел и увидел дверь, ведущую в монастырскую церковь. Время от времени дверь открывалась и закрывалась, и оттуда выходили монахи в сутанах с опущенными капюшонами.

Морган заметил, что они все шли к дворцовым воротам и ни один из них не вернулся обратно.

— Куда они все идут? — прошептал Морган.

Дункан доел яблоко и поправил меч под плащом. Главный вход в монастырскую церковь находился дальше. Они видели, как жители города входили туда. Монахи, стоящие у дверей, приветствовали входящих.

— Я, кажется, понял, — прошептал Дункан. — В любом городе, где есть большой монастырь, монахи имеют право присутствовать на службе в соборе епископского дворца. Так что они сейчас направляются туда.

— На службу! — выдохнул Морган.

Они молча шли ко входу в церковь, удаляясь от дворцовых ворот.

— Дункан, не собираемся же мы тоже идти в собор? — это, однако, был не вопрос, а, скорее, утверждение.

Дункан кивнул головой:

— Именно туда мы и пойдем.

Морган еле заметно улыбнулся.

Через десять минут два монаха присоединились к молчаливой процессии отцов-монахов, медленно двигающейся во дворец епископа. В высоких черных капюшонах и длинных, до пят, сутанах, они ничем не отличались от остальных. Мимо часовых они прошли, склонив головы и смиренно сложив перед собой руки. Но когда в числе других монахов они шли по длинным коридорам дворца, их шаги звучали довольно глухо по сравнению со стуком сандалий остальных.

Однако они были очень внимательны и осторожны, стараясь ничем не отличаться от окружающих и не высываться из общего потока, так как у каждого из этих двоих под сутаной скрывалось оружие: мечи и кинжалы. Под сутанами никто не мог видеть ни кожаных камзолов, под которыми были надеты легкие стальные кольчуги, ни мягких кавалерийских сапог, в которые были обуты ноги.

С толпой монахов они дошли почти до входа в дворцовый собор, но не стали приближаться к дверям, а остановились возле небольшой группы монахов, о чем-то тихо шептавшихся между собой.

Они переглянулись, а потом, стараясь не обращать на себя внимания толпы, стали оглядываться вокруг, чтобы оценить обстановку и выработать план дальнейших действий.

В противоположном конце зала они увидели двери, охраняемые двумя часовыми. Видимо, эти двери вели в личные покои епископа Джассы.

— Нам необходимо попасть туда,— прошептал Морган, указывая глазами на двери.— Давай попробуем.

Подойдя совсем близко, Дункан кивнул часовому и сказал тихим голосом:

— Нам приказано встретить отца Иеронима, сын мой.

Они прошли в коридор мимо растерянного часового, не знающего, остановить ли их или пропустить.

— Сейчас появится епископ,— крикнул часовым офицер, приближаясь к ним в сопровождении нескольких солдат.— А вы, отцы, что тут делаете? Разве Селден не сказал вам, что сюда нельзя?

— Он сказал,— Дункан поклонился,— но...

— Сэр,— прервал его один из солдат, подозрительно глядя на Моргана.— Мне кажется, что у этого человека под сутаной что-то есть. Отец, ты...

Как только солдат приблизился, Морган инстинктивно отступил назад, а его рука потянулась к рукояти меча. При этом движении под сутаной обозначились очертания меча, а откинувшиеся полы открыли взглядам всех, что ноги монаха вместо традиционных сандалий обуты в сапоги.

Без промедления, солдаты набросились на Моргана, схватили за руки, прижали к стене. Он решил, что Дункан тоже подвергся нападению. Чьи-то руки с силой рванули край его сутаны. Ткань не выдержала и с треском лопнула, капюшон упал с головы, и все увидели сверкающие золотые волосы.

— Боже мой, это не монах! — вскрикнул один из солдат, невольно отшатнувшись, когда встретил взгляд холодных серых глаз Моргана.

Моргана свалили на пол. И хотя на него навалились шесть или семь человек, он продолжал яростно бороться. Наконец, его прижали к полу и приставили к горлу острия мечей.

Морган прекратил борьбу и не сопротивлялся, когда его обезоруживали. Он только прикусил губу от досады, когда из потайных ножен извлекли заветный стилет.

Когда солдаты стащили с него сутану и обнаружили под кожаным камзолом кольчугу, Морган заставил себя расслабиться и потерять чувствительность к боли, так

как не сомневался, что сейчас последует жестокая расправа.

Солдаты крепко держали его, на руках и ногах повисло по человеку. Морган хотел поднять голову, чтобы посмотреть, в каком состоянии сейчас Дункан, но передумал. Не стоило рисковать жизнью: может быть, еще появится шанс на спасение.

Офицер, тяжело дыша, выпрямился, с сожалением вложил меч в ножны и взглянул на пленников.

— Ты кто, убийца? — он ткнул Моргана в бок носком сапога. — Как твое имя?

— Я назову его только епископу, — ответил Морган, глядя в потолок и стараясь сохранить спокойствие.

— Неужели? Селден, обыщи его! Дэвис, что у второго?

Солдат ответил:

— Ничего, что помогло бы опознать его, сэр.

— Селден?

Селден вытянул из-за пояса Моргана кошелек и, открыв его, достал оттуда несколько золотых и серебряных монет, а также небольшой мешочек из оленьей кожи, стянутый шнурком.

Солдат взял мешочек и взвесил его на ладони. Тот оказался на удивление тяжелым.

Офицер заметил тень, промелькнувшую по лицу Моргана, когда Селден подал ему мешочек.

— Что-нибудь более ценное, чем золото, а? — ехидно спросил он, развязывая шнурок и открывая мешочек.

Когда он перевернул мешочек, на ладонь ему скатились два золотых кольца.

Одно было с ониксом, на черной полированной поверхности которого блестел Золотой Лев Гвинеды, — кольцо Чемпиона короля.

На черном камне другого кольца светился изумрудный Грифон — печать Аларика, герцога Корвина.

Глаза офицера расширились от изумления, рот раскрылся. Он взглянул на пленника, стараясь представить его без бороды и усов, и из его груди вырвался изумленный возглас, когда он узнал лежащего у его ног человека.

— Морган! — прошептал он.

ГЛАВА 9

— Морган!

— Боже! Дерини здесь!

Некоторые солдаты поспешно перекрестились, а те, кто держал пленников, отшатнулись от них, хотя и не ослабили хватки.

Затем открылась дверь, и в нее просунулась голова священника. Он с недоумением посмотрел на солдат, столпившихся в коридоре, а когда увидел двух пленников, распятых на полу, ахнул и моментально скрылся.

Спустя некоторое время он вернулся с человеком в фиолетовой сутане. Лицо епископа Джассы, обрамленное серо-стальными волосами, было спокойным и бесстрастным. На сутане серебром и драгоценными камнями сверкал крест. Епископ долго смотрел на открывшуюся ему сцену, а затем отыскал взглядом офицера.

— Кто эти люди? — спокойно спросил Кардиель.

На его руке, все еще державшей дверную ручку, вспыхивал аметист.

Офицер с трудом проглотил слюну и показал жестом на двух пленников.

— Вот, Ваше Преосвященство, они...

Не говоря больше ни слова, он шагнул к епископу и дрожащей рукой протянул два кольца.

Кардиель взял их и, внимательно изучив, взглянул на пленников.

И Морган, и Дункан без колебаний встретили его взгляд.

— Денис! — позвал Кардиель.

Через несколько секунд на пороге появился Арлиан. По его лицу было заметно, что он с первого взгляда узнал пленников. Кардиель показал ему два кольца, но Арлиан почти не обратил на них внимания.

— Отец Мак Лейн и герцог Аларик, — осторожно произнес он, — я вижу, вы, наконец, добрались до Джассы.

Он сложил руки на груди, и казалось, что огонь его епископского кольца мечется среди тишины, воцарившейся в коридоре. Затем он задал вопрос:

— Скажите, чего вы хотели: нашего благословения или нашей смерти?

Фиолетовые глаза на суровом лице излучали холод, и все же Дункан не заметил признаков гнева, очевидно, суровость предназначалась скорее всего для солдат.

Откашлявшись, Дункан попытался сесть, но не смог, пока Арлиан знаком не приказал солдатам немного освободить его. Дункан сел, краем глаза взглянув на Моргана, который пытался сделать то же самое.

— Ваше Преосвященство, мы просим прощения за то, что проникли сюда таким образом, но нам необходимо было увидеть вас. Мы пришли сюда, чтобы отдаться на ваш суд. Если мы действовали неправильно, сейчас или в прошлом, то укажите нам на ошибки и отпустите наши грехи. Если же мы были осуждены ошибочно, то мы просим, чтобы вы во всем разобрались и сняли с нас ложное обвинение.

После этого заявления послышалось перешептывание, но лицо Арлиана оставалось непроницаемым. Его взгляд перебегал с Дункана на Моргана и обратно. Затем он повернулся, распахнул дверь и встал сбоку.

— Стража, внесите их сюда и оставьте нас,— распорядился он.— Епископ Кардиель и я хотим их выслушать.

— Но, Ваше Преосвященство, это преступники, нарушившие ваш приказ. Они разрушили часовню Святого Торина, они убили людей, они были прокляты Курией...

— Я знаю, что они сделали,— остановил Арлиан.— И знаю, что они преступники. Делайте, как я сказал. Можете их связать, если так вам будет спокойнее.

— Хорошо, Ваше Преосвященство.

Солдаты поставили пленников на ноги и крепкой веревкой связали им руки перед собой.

Кардиель молча наблюдал, предоставив Арлиану распоряжаться событиями.

Священник, который первым выглянул из комнаты, вернулся туда и развернул два тяжелых кресла у камина. Когда оба епископа, пленники и охрана вошли в комнату, он встал сбоку, пристально глядя на Дункана. Дункан заметил это и постарался ему улыбнуться. Священник печально склонил голову. Отец Хью де Берри и Дункан были старыми друзьями. Один только Бог знал, как отец Хью оказался здесь и удастся ли им еще хоть раз дружески побеседовать.

Арлиан подошел к одному из кресел и уселся, дав знак секретарю и охране удалиться.

Отец Хью немедленно повиновался и направился к выходу, но солдаты в нерешительности остановились у двери.

Кардиель, который входил последним, успокоил их, сказав, что они могут оставаться поблизости и, если возникнет необходимость, их сразу вызовут. Он стоял у двери, пока последний солдат не вышел из комнаты, затем аккуратно закрыл дверь и запер ее.

Когда он занял свое место, Арлиан соединил пальцы и долго пристально смотрел поверх них на пленников. Наконец он заговорил:

— Итак, Дункан, ты опять вернулся к нам. В свое время, когда ты решил оставить службу у нас и стать исповедником короля, мы потеряли способного помощника. Но теперь, похоже, твоя карьера закончилась самым неожиданным образом.

Дункан виновато опустил голову. Он отметил официальность обращения Арлиана. На первый взгляд, слова казались нейтральными, но их можно было истолковать и по-другому. Следует быть очень осторожным в ответах, пока окончательно не выяснится позиция епископов.

В данный момент Арлиан был суров.

Дункан посмотрел на Моргана, который нетерпеливо ждал его ответа.

— Сожалею, что разочаровал вас, Ваше Преосвященство, и надеюсь предложить объяснения, которые встретят с вашей стороны по меньшей мере понимание. Не смею при этом надеяться на ваше прощение.

— Это уж предоставь нам. Ведь мы же согласны с причинами вашего появления здесь.

Морган откашлялся:

— Мы знаем, что у вас есть связь с королем и что именно он посоветовал вам принять нас.

Арлиан спокойно согласился:

— Верно. Однако я хочу все услышать от вас. Ведь это вы хотите очистить свои имена от обвинений, выдвинутых Курией, и попытаться снять с себя наложенное на вас проклятие.

— Да, Ваше Преосвященство,— пробормотал Дункан, рухнув на колени и склонив голову.

Морган, подумав, последовал его примеру.

— Хорошо. Тогда мы пойдем друг друга. Думаю, мы поговорим о том, что случилось в часовне Святого Торина, с каждым по отдельности.

Арлиан встал.

— Лорд Аларик, если вы последуете за мной, то мы оставим епископа Кардиеля и отца Мак Лейна одних в комнате. Вот сюда, пожалуйста.

Взглянув на Дункана, Морган поднялся и вышел вслед за Арлианом через маленькую дверцу в левой стене.

Они очутились в крошечной комнате с единственным окном, расположенным высоко под потолком. На письменном столе, придвинутом к стене с окном, горела свеча. Перед столом стояло кресло с высокой спинкой.

Арлиан развернул кресло, сел и жестом приказал Моргану закрыть дверь. Морган повиновался, а затем встал перед епископом.

Вдоль стены тянулась узкая скамья, но Моргану сесть не предложили, а сам он не решился. Старательно скрывая свои эмоции, Морган опустил на одно колено, склонив золотоволосую голову. Некоторое время он молчал, обдумывая, с чего начать, потом поднял голову и наткнулся на изучающий взгляд Арлиана.

Серые глаза Моргана встретились с фиолетовыми епископа, и тот увидел неприкрытое упрямство, дерзость и даже вызов.

— Это обычная исповедь, Ваше Преосвященство?

— Как пожелаешь,— ответил Арлиан, слегка улыбувшись.— Но мне бы хотелось обсудить все, что ты

скажешь, с Кардиелем. Ты освободишь меня от необходимости соблюдать тайну исповеди?

— Для Кардиеля — да. Уже ни для кого не тайна, что мы сделали. Но, может быть, я сообщу вам нечто, что хорошо бы сохранить в тайне от всех других.

— Понятно. А как насчет остальных епископов? Сколько я могу сказать им, если возникнет такая необходимость?

Морган опустил глаза.

— Предоставляю решать вам, Ваше Преосвященство. Я должен помириться со всеми, и не мне диктовать условия. Вы можете сказать им все, что сочтете нужным.

— Благодарю.

Последовала пауза, и Морган понял, что Арлиан ждет его рассказа.

Морган беспокойно провел языком по губам, сознавая, как много зависит от того, что он скажет в течение следующих минут.

— Вы должны понять меня, Ваше Преосвященство,— начал он.— Мне очень трудно говорить. В последний раз я преклонял колени для исповеди перед тем, кто поклялся убить меня. Варин де Грей захватил меня в плен в часовне Святого Торина. И с ним был монсеньор Горони. Там меня заставили сознаться в грехах, которых я не совершал.

— Но куда тебя никто не принуждал приходить, монсеньор Аларик?

— Нет.

Арлиан помолчал, а затем со вздохом произнес:

— Ты утверждаешь, что все обвинения, выдвинутые против тебя, ложны?

Морган покачал головой.

— Нет, Ваше Преосвященство. Боюсь, что мы совершили большую часть того, в чем обвиняет нас Горони. Единственное, чего я хочу,— это объяснить причины наших действий и предоставить вашему суду решить, могли ли мы действовать иначе, если хотели живыми выбраться из ловушки, в которую попали.

— Ловушки? — заинтересованно переспросил Арлиан.— Расскажи мне подробнее об этом, Морган.

Морган посмотрел на Арлиана и понял: если он хочет подробно рассказать ему обо всем, что произошло в часовне Святого Торина, ему не следует встречаться глазами с пронзительным взглядом Арлиана.

Со вздохом он опустил глаза и начал рассказ. Говорил он очень тихо, и Арлиан наклонился к нему, чтобы не пропустить ни единого слова.

— Мы ехали в Джассу, чтобы выступить перед Курией и убедить епископов не накладывать Интердикт.

Он поднял взгляд до уровня груди прелата и сосредоточился на большом нагрудном серебряном кресте.

— Мы были убеждены, что решение об Интердикте неправильное. Да и вы, епископ, со своими друзьями тоже так решили. Мы надеялись, что, появившись перед Курией, мы, по крайней мере, перенесем всю тяжесть гнева с ни в чем не повинного народа на нас.

Его голос становился все тише и тише по мере того, как рассказ приближался к описанию ужасных событий.

— Наш путь, как и путь всех паломников, лежал через часовню Святого Торина. Ведь я не мог официально въехать в Джассу как герцог Корвина без разрешения епископа Кардиеля. А он не дал бы мне разрешения, когда в городе заседала Курия.

Арлиан заметил:

— Ты недооцениваешь его. Но продолжай.

Морган откашлялся:

— Дункан первым вошел в часовню. Когда он вышел оттуда с эмблемой, зашел и я. На игле, укрепленной на засове алтарных ворот, была мараша. Вы знаете, что это такое, епископ?

— Да.

— Я оцарапал руку и почти сразу же потерял сознание, потому что отравы действует быстро. Придя в себя, я увидел, что нахожусь в плену у Варина де Грея и дюжины его людей. С ними был и монсеньор Горони. Они сообщили мне, что епископы решили отдать меня Варину и что Горони здесь присутствует только для того, чтобы формально принять мою исповедь и дать отпущение грехов, то есть придать всему этому фарсу подобие законности.

Помолчав, Морган продолжал шепотом:

— Они хотели сжечь меня, Арлиан. Уже и столб был приготовлен. Они и не думали выслушивать мои оправдания. Однако... однако тогда я этого не знал.

Он помолчал, сжав губы, проглотил комок в горле.

— Наконец, Варин решил, что со мной пора кончать. Я был совершенно беспомощен и не мог не только защитить себя, но с трудом заставлял себя оставаться в сознании. Он сказал, что, хотя жизнь моя проклята, я все же могу попытаться спасти душу, исповедовавшись Горони. И в эти мгновения отчаяния я все силы сосредоточил на том, чтобы выиграть время, отсрочить неминуемую смерть. Ведь чем дольше останусь я жив, тем больше вероятности, что Дункан найдет меня и придет мне на помощь. Я...

— И ты преклонил колени перед Горони? — сурово спросил Арлиан.

Морган закрыл глаза и кивнул, со стыдом переживая вновь все, что произошло тогда.

— Я должен был исповедоваться в грехах, которых не совершал, чтобы отдалить смерть, изобрести новые грехи, чтобы выиграть время...

Арлиан пробормотал:

— Это... это можно понять. И что же ты ему сказал?

Морган покачал головой.

— Я ничего не успел сказать. В тот момент, должно быть, кто-то услышал мои молитвы. Дункан ввалился в комнату через отверстие в потолке, и его меч проложил дорогу, сея смерть, к выходу из этой ловушки.

В другой комнате епископ Кардиель напряженно сидел в кресле у окна. Дункан стоял на коленях перед ним.

Хотя руки Дункана были связаны, он сложил пальцы в молитвенном жесте и опустил их на подушку второго кресла. Несмотря на низко опущенную голову, голос Дункана звучал твердо.

Серые глаза Кардиеля, внимательно слушавшего рассказ, старались, казалось, проникнуть в мозг Дункана.

— Не знаю, сколько человек я убил. Может быть, четверых или пятерых. Нескольких ранил. Но когда Горони бросился на меня с ножом, я схватил его и

использовал как щит, не думая о том, что он священник. Аларик был совсем плох. Он убил только одного человека, насколько я знаю, и я должен был защищать его. Горони был моим заложником, пока я помогал Моргану вырваться из рук бандитов. И в результате пожара, вспыхнувшего во время битвы, сгорела часовня.

Кардиель спросил:

— Именно тогда ты обнаружил себя как Дерини?

Дункан кивнул.

— Когда Аларик пытался открыть дверь, оказалось, что она заперта снаружи по распоряжению Варина. Аларик раньше пользовался своим могуществом, чтобы открывать замки, но сейчас он был в таком состоянии, что это было ему не по силам. Так что мне пришлось выбирать: или открыться в том, что я Дерини, или погибнуть. И я сделал выбор. Я использовал могущество, чтобы открыть замок и выйти наружу. Горони, увидев это, начал кричать. За ним о святотатстве и богохульстве завопил Варин.

Когда мы ушли, вспыхнула часовня. Мы ничем не могли помочь, поэтому с тяжестью в душе вскочили на лошадей и ускакали. Думаю, пожар спас нас от преследования и смерти. Если бы за нами была погоня, нас обязательно бы схватили. Аларик был очень слаб.

Дункан опустил голову, закрыл глаза, стараясь изгнать из памяти ужасные события.

Кардиель покачал головой.

— А что же было дальше? — мягко спросил он.

К концу повествования голос Моргана окреп и приобрел обычные интонации. Морган взглянул на прелата.

Лицо Арлиана было строгим и замкнутым, но Морган мог почти поклясться, что на этом красивом лице промелькнуло оживление. Затем взгляд Арлиана скользнул вниз — на руки, сложенные на коленях, на епископское кольцо, излучающее свет. Он поднялся и, отвернувшись от Моргана, заговорил ровно и бесстрастно:

— Аларик, как вы проникли в Джассу? Ваша одежда говорит о том, что вы раздели двух бедных монахов Томаса. Вы им не причинили вреда, надеюсь?

— Нет, Ваше Преосвященство. Вы найдете их спящими под главным алтарем собора. К сожалению, это был единственный способ добраться до цели, не причинив никому вреда. Ручаюсь, что они проснутся в добром здравии и без всяких неприятных последствий.

— Ясно.

Арлиан задумчиво посмотрел на коленопреклоненного Моргана, затем заложил руки за спину и отвернулся к окну.

— Я не могу одобрить твои действия, Аларик,— сказал он.

Морган вскинул голову, с его губ рвались яростные протесты.

Арлиан оборвал его.

— Нет, не перебивай. Я сказал, что не могу одобрить твои действия. Пока. В твоём рассказе есть кое-какие детали, которые мне хотелось бы уточнить. Но сейчас не время говорить об этом. Может быть, Кардиель и Дункан закончили беседу...

Он подошел к двери и широко распахнул ее.

Морган встал на ноги, с любопытством глядя вслед епископу, который вышел в большую комнату.

Дункан сидел в кресле у окна. Кардиель устроился у другого окна, подперев голову рукой, удобно лежащей на подоконнике. Увидев вошедших, он хотел заговорить, но Арлиан предостерегающе покачал головой.

— Нам нужно сначала переговорить между собой, Томас. Идем. Охранники могут остаться с ними.

Арлиан открыл дверь, и в комнату быстро вошли солдаты, держа мечи наготове. По сигналу Арлиана они выстроились, загородив вход, с суеверным страхом глядя на пленников.

Когда дверь за епископами закрылась, Морган медленно подошел к кузену и сел в кресло рядом с ним. Он слышал дыхание Дункана за собой, когда, наклонившись, приложил лоб к прохладному стеклу окна, закрыл глаза и постарался сосредоточиться.

— Надеюсь, мы не совершили ошибки, Дункан,— мысленно передал он кузену.— Если Арлиан и Кардиель не поверили нам, то, несмотря на наши добрые намерения, нам уготован смертный приговор. Каково твое мнение о Кардиеле? Как он отнесся к твоему рассказу?

Ответ последовал после долгой паузы:

— Не знаю. Действительно не знаю.

ГЛАВА 10

— Ну, так что же ты думаешь о Моргане и Дункане? — спросил Арлиан.

Два мятежных епископа стояли в личной молельне Кардиеля. Двери были заперты изнутри, а снаружи стояли бдительные стражи из личной охраны епископа Джассы.

Арлиан облокотился на алтарную ограду. Пальцы его нервно перебирали массивную серебряную цепь, на которой висел нагрудный крест.

Кардиель, будучи не в силах справиться с волнением, широкими шагами ходил взад-вперед, энергично жестикулируя.

— Слушай, Денис. Хотя и следовало бы быть более осторожным, но я все же склоняюсь к тому, чтобы поверить им. Их рассказ очень правдоподобен, в отличие от тех, что мы слышали раньше. А кроме того, он во многом согласуется с рассказом Горони, хотя события трактуются с другой точки зрения. Честно говоря, не вижу, как они могли поступить иначе и остаться при этом в живых. Я, наверное, на их месте сделал бы то же самое.

— Даже применил бы магию?

— Если бы мог, да.

Арлиан в рассеянности прикусил одно звено цепи:

— Мне кажется, ты смотришь не с той позиции, Томас. Дело не в том, что они сделали, а в том, что они применили магию.

— Но они применили ее для спасения своих жизней!

— Но мы всегда учили народ, что магия — это зло, грех.

— А может быть, мы неправы. Так бывало не раз. Ведь если бы Морган и Дункан не были Дерини и явились бы к нам за прощением, то они были бы прощены.

— Они Дерини, они отлучены от церкви, и грехи им не отпущены,— сказал Арлиан.— Ты должен признать, что основное их прегрешение в том, что они Дерини. А разве это правильно? Разве справедливо судить человека за то, что он родился Дерини? Ведь они же не сами выбирали себе родителей!

Кардиель яростно потряс головой:

— Конечно, несправедливо. Это так же смехотворно, как говорить, что человек с голубыми глазами лучше, чем с серыми. Ведь цвет глаз изменить невозможно,— он порывисто махнул рукой.— Человека можно судить только по его делам, а не по цвету глаз, расе и тому подобному.

— У моей матери были серые глаза,— засмеялся Арлиан.

— Ты знаешь, о чем я говорю.

— Знаю, но глаза, серые или голубые, это одно дело, а добро и зло — совсем другое. Я вовсе не убежден, что человек, рожденный Дерини, воплощает в себе зло. Но как эту простую истину вдолбить простому человеку, которого уже три столетия учат ненавидеть Дерини? Другими словами, как доказать, что Дункан и Морган не творят зло, хотя глава церкви утверждает обратное? А ты сам полностью убежден в этом?

— Не знаю,— пробормотал Кардиель, избегая взгляда Арлиана.— Но, может быть, нам иногда следует довериться слепой вере и отрешиться от метафизики, религиозных догм и от всего того, что диктуют нам нормы и правила?

— О, если бы все было так просто,— тихо вздохнул Арлиан.

— Именно сейчас нужно так поступить, но если я ошибаюсь относительно Дерини, если они действительно воплощение зла, как считалось в течение трех столетий, то мы все пропадем. Ведь тогда Морган и Дункан

предадут нас, и наш король-Дерини тоже. И Венсит из Торента пронесется по Гвинеду, как карающий меч.

Арлиан долго стоял молча, торжественно. Его пальцы перебирали цепь нагрудного креста. Затем он подошел к Кардиелю, положил ему руку на плечо и медленно повел в правое крыло молельни, где на полу четко вырисовывалось мозаичное украшение.

— Идем. Здесь есть нечто, что ты должен увидеть.

Кардиель озадаченно посмотрел на коллегу, когда они остановились у алтаря.

Их освещал белый свет лампы. Лицо Арлиана было непроницаемым.

— Я не понимаю,— пробормотал Кардиель.

— Ты не знаешь, что я хочу показать тебе,— почти грубо сказал Арлиан.— Посмотри на потолок — туда, где скрещиваются балки.

— Но там ничего... — начал Кардиель, вглядываясь в полумрак.

Арлиан закрыл глаза, и в его голове начали формироваться слова.

Он почувствовал под ногами знакомую вибрацию Перехода. Крепко прижав Кардиеля к себе, он проник в его мозг и привел заклинание в действие.

Раздался изумленный возглас Кардиеля, и затем молельня опустела.

Они находились в абсолютном мраке.

Кардиель, как пьяный, переступал с ноги на ногу. Руки его судорожно искали опору. Арлиан отошел от него, и Кардиель ничего не видел в темноте. Его мозг бешено работал, пытаясь найти рациональное объяснение случившемуся.

Кардиель стремился сориентироваться в этой крошечной тьме, абсолютной тишине. Он осторожно выпрямился, вытянул вперед руку и стал обшаривать воздух перед собой.

Наконец, собрав все свое мужество, он заговорил, стараясь отогнать жуткие подозрения, зародившиеся в его мозгу.

— Денис,— прошептал он, страшась, что не услышит ответа.

— Я здесь, друг мой.

В нескольких ярдах позади него послышалось шуршание одежды, и вслед затем сверкнул ослепительно белый свет.

Кардиель медленно повернулся. Его лицо побелело, когда он увидел источник света.

Арлиан стоял в мягком белом сиянии. Серебристый ореол вокруг мерцал, пульсировал, как будто был живым существом его головы.

Лицо Арлиана было спокойным, в фиолетово-голубых глазах светилась мягкость.

В руках он держал сферу серебряного пламени, бросающего свет на его лицо, руки, на складки одежды.

Кардиель смотрел с изумлением. Глаза его расширились, и удары сердца гулко отдавались в ушах. Затем все вокруг завертелось, темные вихри подхватили его, и он начал падать.

Следующим ощущением было то, что он лежит на чем-то мягком с крепко закрытыми глазами.

Чья-то рука приподняла его голову и поднесла к губам бокал. Он выпил, почти не сознавая, что делает, и открыл глаза, когда холодное вино обожгло ему горло.

Над ним склонился встревоженный Арлиан со стеклянным бокалом в руке. Он облегченно улыбнулся, встретив взгляд Кардиеля.

Кардиель моргнул и снова взглянул на Арлиана.

Образ не исчез, остался реальностью. Однако теперь у него не было серебряного нимба, и комнату освещали обычные свечи в подсвечниках. В камине слева горел небольшой огонь, и Кардиель различил смутные очертания мебели.

Да, он лежал на чем-то мягком. Приглядевшись, он понял, что это шкура гигантского черного медведя, морда которого хищно скалилась на него.

Епископ потер лоб рукой, в его глазах все еще стояло изумление. Память, вернувшись, обрушилась на его сознание.

— Ты... — прошептал он, глядя на Арлиана со страхом и трепетом.— Неужели это было?

Арлиан кивнул. Его лицо ничего не выражало, он встал.

— Я Дерини,— мягко сказал он.

— Ты Дерини,— повторил Кардиель.— Значит, все, что ты говорил о Моргане и Дункане...

— Все правда,— сказал Арлиан.— Они были просто поводом для того, чтобы ты пересмотрел вопрос о Дерини.

— Дерини,— пробормотал Кардиель, постепенно приходя в себя.— А Морган и Дункан не знают о тебе?

Арлиан покачал головой.

— Нет. И хотя я очень сожалею, что мне приходится причинять им душевные страдания, они не должны знать, что я Дерини. Из всех людей только ты знаешь правду обо мне. Но и тебе я решил открыться только после долгих раздумий.

— Подожди, если ты Дерини...

— Попытайся, если сможешь, представить себе мое положение,— вздохнул Арлиан.— Я единственный из Дерини за двести лет, кто смог надеть епископскую мантию. А кроме того, я самый младший из двадцати двух епископов, что тоже ставит меня в необычное положение.

Он опустил голову, а затем продолжил:

— Я знаю, о чем ты думаешь: о моем бездействии, когда бесчисленные жертвы погибали от рук таких фанатиков, как Лорис и Корриган,— жертвы, которым было предъявлено обвинение в ереси Дерини. Я знаю об этом. И я молю о прощении в своих молитвах за каждую невинную жертву,— Арлиан поднял глаза и, не колеблясь, встретил взгляд Кардиеля.— Но я знаю, что лучшая стратегия — это умение ждать, Томас. Нужно уметь ждать во имя высшей цели, хотя иногда разум, душа и сердце протестуют, зовут в бой, требуют отмщения. И, надеюсь, ждать осталось недолго.

Кардиель отвернулся, будучи не в силах более выдерживать неистовый взгляд фиолетово-голубых глаз.

— А где мы сейчас? Как мы сюда попали?

— По Пути Перехода,— ответил Арлиан.— Этот Путь лежит под твоей молельней. Он очень древний.

— Магия Дерини?

— Да.

Кардиель заворочался и сел. В его голове бешено крутились мысли, перемалывая увиденное и услышанное.

— Так, значит, ты исчез из молельни по этому Пути в тот вечер, когда остался молиться? Я заглянул туда через несколько минут, а тебя там уже не было.

Арлиан засмеялся.

— Так и есть: я боялся, что ты вернешься. К сожалению, я не могу сказать тебе, куда уходил.

Он протянул руку, чтобы помочь Кардиелю подняться, но тот проигнорировал ее.

— Не можешь или не хочешь?

— Не могу,— мирно ответил Арлиан.— По крайней мере, пока. Будь терпелив, Томас.

— Этого не хотят те, кто выше тебя?

Арлиан прошептал:

— Нет, просто существуют вещи, о которых я пока не могу говорить.

На лице Арлиана появилось умоляющее выражение. Он все еще протягивал руку Кардиелю.

— Поверь мне, Томас, клянусь, что не обману твоего доверия.

Кардиель долго смотрел на протянутую ему руку. По глазам его было видно, что в нем идет борьба между преданностью Церкви и симпатией к Арлиану.

Наконец, он медленно протянул руку Арлиану, и тот легко поднял его на ноги.

Они долго стояли, крепко сжав руки и стараясь прочесть по глазам мысли друг друга.

Затем Арлиан широко улыбнулся и хлопнул Кардиеля по плечу.

— Идем, брат мой. У нас много дел. Если ты действительно хочешь вернуть Моргана и Дункана в наши ряды, то с ними надо переговорить и сделать все необходимые приготовления. Кроме того, нам еще предстоит убедить членов нашей коалиции, хотя я уверен, что они с готовностью согласятся со всеми твоими решениями.

Кардиель нервно пригладил волосы и покачал головой.

— Ты все делаешь быстро, если решил что-то сделать, Денис. А я тугодум, у меня замедленная реакция.

Арлиан хмыкнул, подвел Кардиеля к центру комнаты, где пол был украшен затейливым рисунком.

— Начнем с того, что вернемся в твою молельню. Охранники, вероятно, уже беспокоятся.

Кардиель с трепетом посмотрел на пол.

— Это... Это Путь Перехода, о котором ты говорил?

— Да,— ответил Арлиан, положив руку на плечо Кардиелю и мягко подталкивая его к месту.— Ты только расслабься и очисти мозг. Ничего страшного в этом нет. Расслабься и очисти мозг.

— Я постараюсь,— прошептал Кардиель.

И тут же пол ушел у них из-под ног, превратившись в мягкое, размазанное в пространстве бесформенное черное пятно.

Через час Моргану и Дункану объявили решение епископов.

Встречу нельзя было назвать сердечной, все участники были напряжены, взволнованны. Те, что несколько месяцев назад были отлучены от церкви, естественно, не могли полностью довериться двум самым могущественным прелатам Церкви. И это чувство недоверия было взаимным.

Но поведение епископов не было враждебным. Они как бы проверяли отверженных, оценивая их реакцию на свое решение. Ведь, в конце концов, их самих Лорис с Корриганом обвиняли в духовном родстве с этими двумя отщепенцами.

Кардиель странно молчалив, решил Морган, помнивший блестящие в литературном отношении письма Келсону, вышедшие из-под пера епископа. Епископ Джассы часто бросал в сторону Арлиана удивленно-вопросительные взгляды, значения которых Морган не понимал. Мало того, иногда от этих взглядов волосы у Моргана становились дыбом, но он не знал, почему.

Арлиан же, напротив, был раскован, остроумен, и на него, казалось, совершенно не давила тяжесть сложившейся ситуации. Однако перед тем, как четверо вошли в зал заседания, он предупредил, что главные опасности только начинаются.

В зале уже сидели полдюжины епископов, тех самых, кого надо было убедить в невиновности и добропорядочности лордов Дерини. Здесь же присутствовали одиннадцать угрюмых представителей славного герцогства Корвин.

Как только четверо вошли в зал, послышались крики протеста.

Сивард ахнул, а Джильберт перекрестился. Его маленькие свинячьи глазки пробежали по лицам коллег, как бы ища поддержки. И даже желчный старый епископ Вольфрам де Бланет, наиболее яростный противник Интердикта, немного побледнел.

Ни один из них не ожидал появления хотя бы одного Дерини, а на пороге сейчас стояли двое.

Но они были людьми здравомыслящими, эти епископы Гвинеда.

И хотя их трудно было убедить в добропорядочности всех Дерини, они готовы были допустить, что в этих двоих конкретных Дерини зла все же меньше, чем в остальных. Отлучение и проклятие, несомненно, должны быть отменены, ведь Морган и Дункан представили вполне правдоподобные объяснения и покаялись в своих поступках.

Однако это решение не разрядило обстановку в целом.

Да, епископы, в большинстве своем, были людьми умными, образованными, трезво относящимися к догматам церкви и не склонными к истерии.

Но всего этого нельзя было сказать о простых людях, так что проблема вовсе не снималась, а поворачивалась другой гранью. Среднему человеку очень долго внушали, что Дерини — проклятая раса и что одно лишь присутствие Дерини несет смерть и разруху.

И несмотря на то, что Морган сохранял свое доброе имя за все время службы Бриону и Келсону, а репутация Дункана была безукоризненной до случая в часовне Святого Торина, все это казалось теперь

ничтожно малым в сравнении с тем, что оба они принадлежали к Дерини.

Чтобы доказать простым людям, что Морган и Дункан отрекаются от путей Дерини, требовалось нечто более вещественное. Такая простая мера, как отпущение грехов, мало значила для простого люда: горожан, солдат, ремесленников, торговцев — всех тех, кто служил опорой армии. Их бесхитростные души требовали более конкретных, более реальных доказательств покорности и смирения лордов Дерини.

Нужно было созвать народ, чтобы перед толпой продемонстрировать полное согласие между двумя Дерини и епископами.

Оставалось всего два дня до того, как в соответствии с военными планами армия епископов должна выступить в поход. А кроме того, Морган и Дункан сообщили, что Келсона не будет в условленном месте раньше чем через четыре дня. Так что оставалось всего два дня, чтобы добраться до места встречи.

Поэтому официальная процедура отпущения грехов была назначена на вечер перед самым началом похода. А в течение оставшихся двух дней лорды Дерини будут обсуждать с епископами и их военными советниками планы кампании, монахи же Кардиеля будут распространять по городу слухи о сдаче и отречении Моргана и Дункана.

Сама церемония возвращения в лоно Святой Церкви должна состояться в большом кафедральном соборе города в присутствии солдат и горожан.

Здесь, на этом грандиозном спектакле, Морган и Дункан публично покаются, очистятся от грехов и в соответствии со всеми канонами вернутся в лоно церкви. Народ должен быть доволен.

Два дня спустя после описываемых событий в великой долине Линдрета под Кардосой можно было увидеть одинокого путника.

Это был Син лорд Дерри.

Здесь было жарко. Воздух уже совсем прогрелся. Все говорило о том, что лето близко. Дерри вытер загорелой

рукой пот со лба. Волосы его под шлемом совершенно слиплись от пота, а тело, в тех местах, где его терли ремни перевязи, саднило и пощипывало.

Передернув плечами, чтобы уменьшить неприятное ощущение, Дерри снял шлем и повесил его на левую руку. Еще раз внимательно оглядевшись по сторонам, он пошел обратно к тому месту, где оставил лошадь.

Он ступал по мягкой траве осторожно, стараясь производить как можно меньше шума.

Дерри выбрал этот путь из соображений безопасности, так как по лесу он не смог бы пройти бесшумно: треск сучьев немедленно выдал бы его. А попасть сейчас в плен — значит обречь себя на неминуемую мучительную смерть от рук тех, кто стоял лагерем в долине.

Дерри нашел, наконец, густые заросли, где стояла его лошадь.

Слева высились неприступные пики Рельянских гор, защищавших город Кардосу, к которому можно было пройти только через Кардосское ущелье. В городе сейчас сосредоточились войска Венсита из Торента, как рассказывали люди.

Справа на многие мили раскинулась Линдретская долина. И там, за хребтом, стояла лагерем армия Брана Кориса, графа Марли, предателя, который стал союзником Венсита — того самого Венсита, который угрожал существованию Гвинеда.

Все это быстро пронеслось в мозгу у Дерри.

Не было никакой надежды, что сложившаяся здесь неблагоприятная обстановка улучшится в ближайшем будущем.

После того как два дня назад он расстался с Морганом и Дунканом, Дерри направился на северо-восток. Путь его пролегал по зеленым пологим холмам северного Корвина, прямо в Ренгарт — к лагерю армии герцога Джареда Мак Лейна.

Но в Ренгарте армии герцога не оказалось. Дерри нашел там лишь горстку крестьян, от которых узнал, что уже пять дней тому назад армия ушла на север.

Он двинулся следом за армией, и вскоре ласковые зеленые холмы Корвина сменились бесплодными каменистыми долинами Истмарха.

Через некоторое время он добрался до деревушки, где обнаружил следы ужасного побоища. Перепуганные местные жители, прячась, бродили по развалинам и пепелищам домов, изрубленные тела людей и лошадей лежали прямо на земле и гнили на солнце. Тут и там валялись забрызганные кровью клетчатые пледы и накидки на седла, в которых он узнал собственность клана Мак Лейнов. Красно-голубые с серебром знамена были втоптаны в пыль и грязь копытами лошадей.

Дерри постарался расспросить тех немногих из перепуганных крестьян, кого смог найти.

Да, армия герцога была здесь. Она встретилась с другой армией, и встреча была очень дружелюбной. Предводители сердечно приветствовали друг друга.

А затем неожиданно началась резня.

Один из крестьян припомнил, что видел желто-зеленое знамя лорда Макантера, владения которого лежали у северных границ Гвинеда. Раньше он всегда сражался в рядах войск Яна Ховела, последнего графа Истмарха.

Другие крестьяне видели бело-голубые знамена — цвета графа Марли.

Кто-то видел и черно-белые знамена Дома Фурстанов.

Но кто бы ни руководил этим войском, предательски напавшим на армию герцога Джареда и без всякой жалости уничтожившим ее, стало ясно, что произошла страшная измена.

Те, кто уцелел в кровавой резне, были захвачены в плен. Да, это была измена!

Следы смерти и крови вели в Ландретскую долину.

Дерри прибыл туда на рассвете и нашел армию Брана Кориса, которая разбила лагерь у входа в Кардосское ущелье.

Дерри знал, что ему следует как можно быстрее сообщить обо всем, что видел, Моргану, но сеанс связи был назначен на вечер, так что он решил не терять времени и разузнать пока как можно больше.

Он провел разведку в непосредственной близости от лагеря и узнал, что Бран Корис заключил сделку с Венситом в самом начале войны, не больше недели назад. Венсит соблазнил его щедрыми посулами. Даже люди Брана с тревогой говорили об этом союзе, хотя и их привлекала возможность получить богатство и земли, которые Венсит щедро предложил в уплату за предательство.

В задачу Дерри входило сейчас не попасть в плен до вечера, когда он сможет погрузиться в этот странный сон, во время которого свяжется со своим лордом и сообщит тому обо всем.

Король должен узнать об измене, пока не поздно. Кроме того, надо что-нибудь выяснить и о судьбе герцога Джареда и остатков его армии.

Дерри, скрытый в густом кустарнике, тихо пошел к поляне, на которой оставил спутанную лошадь. Вдруг треск сучка заставил его насторожиться. Он замер, весь превратившись в слух, рука его потянулась к мечу. Однако ничего больше не было слышно.

Дерри решил, что ему послышалось, что его разгулявшиеся нервы сыграли с ним шутку. Но нет, на поляне послышалось фыркание лошади и ее шаги. Может быть, лошадь почуяла его? Нет, ветер дул в другую сторону.

По всему было видно, что его ждет западня.

Где-то слева послышался шорох. Теперь Дерри не сомневался, что за ним следят. Однако без лошади нечего было и надеяться на бегство. Нужно идти вперед. Это его единственный шанс.

Держа руку на рукояти меча, он двинулся вперед, к поляне, где оставалась лошадь. Теперь он уже не заботился о том, чтобы идти тише.

Как он и предполагал, на поляне его поджидали три солдата.

Дерри был уверен, что есть еще и другие солдаты, которых он не видит и которые сидят сейчас в кустах. Их луки натянуты, и стрелы нацелены ему в спину. Надо вести себя так, как будто он из их армии.

— За кем-нибудь следите? — спросил Дерри, останавливаясь на краю поляны.

— Ты из какого подразделения, солдат? — спросил один, видимо, старший из них.

Тон был обычным, без каких-либо следов подозрительности, однако во всей его фигуре чувствовалась угроза. Он стоял, широко расставив ноги, заложив пальцы обеих рук за ремень.

Другой солдат, маленький и толстый, с явной враждебностью поглядывал на Дерри, держа руку на рукояти своего меча.

Дерри изобразил самую невинную физиономию и широким жестом раскинул руки, демонстрируя смиренность и покорность. Шлем болтался на его руке.

Он не долго раздумывал в поисках ответа.

— Конечно, в пятом, — сказал он, зная, что в армии Брана Кориса никак не меньше восьми конных подразделений. — А в чем дело?

— Врешь, — сказал третий, его рука тоже потянулась за мечом, а глаза внимательно смотрели на Дерри, оценивая его боевые качества как противника. — В пятом котурны желтые, а у тебя коричневые. Кто твой командир?

— Ну что же, господа, — проговорил Дерри, пятясь назад и прикидывая расстояние до лошади. — Давайте разойдемся мирно, без неприятностей.

— Без неприятностей тебе не обойтись, сынок, — отрезал первый. — Ты пойдешь с нами добровольно.

Швырнув шлем в лицо оторопевшего солдата, Дерри выхватил меч, сделал молниеносный выпад и ударил толстого. Едва он освободил лезвие, как двое других закричали и, перепрыгнув через труп, бросились на него.

Где-то вдали послышались ответные крики, и Дерри понял, что это спешит подкрепление к его противникам.

С этими двумя нужно кончать быстрее, пока есть еще возможность бежать.

Дерри моментально опустился на колени, уходя от удара, и тут же отразил удар второго меча кинжалом, который выхватил из голенища сапога.

Удар кинжалом пришелся солдату по пальцам, и тот с криком выпустил меч. Но на Дерри уже навалился его товарищ, и еще двое подоспевших на помощь вцепились в него.

Дерри бросил взгляд назад и увидел, что из леса выбегает еще дюжина солдат с мечами в руках.

Выругавшись сквозь зубы, Дерри с остервенением стал пробиваться к лошади.

Отбиваясь от наседавших врагов, он вложил ногу в стремя и был готов взлететь в седло, но ремни сбруи были подрезаны, и он тяжело упал на землю.

Тут же десяток рук потянулся к нему, его схватили за руки, за одежду, за волосы.

Дерри почувствовал острую боль в руке, когда чей-то кинжал вонзился в предплечье. Меч выпал из ослабевших пальцев, скользких от крови, его собственной крови. Затем на него навалилась груда тел, руки и ноги его скрутили, придавили к весенней траве. И сознание покинуло его.

Он проваливался в какую-то бездонную пропасть... А дальше был абсолютный мрак...

ГЛАВА 11

Дерри вздрогнул и застонал от боли, когда грубые руки перевернули его на спину и начали ощупывать раненую руку. Он ощутил, что лежит на сырой траве.

Три солдата крепко прижимали его руки и ноги к земле — трое угрюмых мужчин в полном боевом снаряжении бело-голубых цветов графства Марли. Один из солдат приставил острое кинжала к горлу Дерри.

Четвертый человек в одежде врача стоял над ним на коленях, осматривая рану, и неодобрительно покачивал головой.

Дерри мутным взглядом посмотрел вокруг и заметил еще нескольких солдат, стоявших чуть поодаль и не спускавших с него глаз.

С горечью Дерри понял, что бежать ему не удастся.

Когда врач закончил перевязывать рану, один из солдат достал веревку и крепко стянул кисти Дерри.

Проверив надежность узлов, он выпрямился, подзрительно всматриваясь некоторое время в Дерри, как будто тот ему кого-то напомнил, и исчез из поля зрения.

Дерри с трудом приподнял голову. Солдаты, которые только что держали его, теперь уже встали на ноги.

Дерри обнаружил, что находится в лагере и лежит в тени низкой коричневой палатки. Он не смог узнать места, так как во время разведки сумел изучить лишь небольшую часть лагеря, но был уверен, что находится где-то в центре.

Палатка была того типа, который используют воины графства Истмарх — низкая и пологая. Судя по убранству, она принадлежала офицеру.

Дерри подумал, чья же это палатка, ведь поблизости он не видел ни одного офицера высокого ранга. Кто знает, поняли ли солдаты важность своего пленника? Может быть, ему удастся избежать встречи с высшим офицером, который его опознает? Но, с другой стороны, если они не поняли, кто он, и приняли его за обычного шпиона, то у него мало шансов выбраться отсюда. Его казнят без лишних проволочек.

Но они перевязали ему рану! Это совершенно бессмысленно, если ему уготована смерть. Интересно, кто же ими командует?

И как бы в ответ на его размышления в палатку вошел высокий человек средних лет, одетый в золотистоголубой плащ, из-под которого блестела кольчуга. Он снял шлем и небрежно бросил его ближайшему солдату. По осанке и поведению можно было заключить, что это аристократ и опытный воин. Драгоценные камни украшали рукоять его меча, поблескивали в звеньях золотой цепи, висевшей на груди.

Дерри сразу узнал его — барон Кэмпбелл. А Кэмпбелл узнает его?

— Ну, так что ты здесь делал? — пренебрежительно спросил Кэмпбелл. — Тебя послал король?

Дерри нахмурился, услышав этот пренебрежительный тон. Он не понял, действительно ли Кэмпбелл не узнал его или решил поиздеваться.

— Ну, разумеется, меня послал король,— наконец решился сказать Дерри, изобразив в голосе негодование.— Вы всегда так обращаетесь с королевскими посланцами?

— Так, значит, ты королевский посланец? — спросил Кэмпбелл, насмешливо поклонившись.— А мне сказали совсем другое.

— Откуда им знать? — вскинул голову Дерри.— То, что я везу, не предназначено для солдат. Я ехал на север к герцогу Эвансу по приказу короля. В ваш лагерь я попал по ошибке.

— Да, ты совершил ошибку, парень,— согласился Кэмпбелл, с подозрением глядя на Дерри.— Мы засекли тебя, когда ты бродил возле лагеря и что-то вынюхивал. Зачем ты солгал, когда тебя спросили, кто ты, а потом убил солдата. При тебе нет документов и бумаг, и вообще ничего, что указывало бы, что ты не шпион. Поэтому я думаю, что ты шпион. Как твое имя?

— Я не шпион. Я слуга короля. Мое имя и то, что мне поручено передать,— не для ваших ушей! — возмутился Дерри.— Когда король узнает, как вы...

Кэмпбелл резко наклонился к Дерри, схватил его за кольчугу у горла, закрутил ее так, что у юноши перехватило дыхание, притянул к себе и, глядя прямо в глаза, прошипел:

— Не говори со мной таким тоном, сосунок. И если ты хочешь дожить до старости, лучше держи язык за зубами, раз уж не можешь говорить почтительно. Я достаточно ясно выразился?

Дерри поморщился от боли и постарался сдержать себя, чтобы не произнести слов, которые были бы последними его словами. Легким кивком он выразил свое согласие и с облегчением сделал глубокий вдох, когда шея его освободилась. Дерри начал думать, как вести себя дальше, но Кэмпбелл взял решение в свои руки.

— Отведите его к лорду Брану,— приказал он, со вздохом выпрямляясь.— У меня нет времени возиться с ним. Может быть, друзья лорда Дерини смогут выведать у него правду.

Дерри грубо встряхнули, подняли на ноги и поволокли по грязной топкой тропе в центр лагеря. По

пути им встречались солдаты, провожавшие их удивленными взглядами. Несколько раз Дерри казалось, что его узнали, но никто к ним не приблизился, а сам Дерри был слишком занят тем, что старался держаться на ногах, и ему было не до наблюдений.

Впрочем, узнают его сейчас или нет, не имело значения: Бран Корис узнает его немедленно и сразу поймет, зачем он здесь. Да и упоминание о новых друзьях Брана Дерини тоже не вселяло особых надежд на лучшее будущее.

Они прошли по дубовой аллее и вышли на широкую поляну, покрытую бархатной зеленой травой, в центре которой стояла роскошная палатка бело-голубого цвета. Вокруг теснились палатки менее роскошные и меньших размеров. На всех развевались по ветру цветные вымпелы. Неподалеку находился берег большой реки Кардосы, величественно несущей свои воды среди бархатных трав.

Ноги Дерри заплетались, и его приходилось тащить почти волоком.

Наконец, его швырнули на колени перед палаткой черно-серебряных тонов, стоявшей рядом с палаткой Брана.

Раненая рука Дерри сильно болела, кисти под грубыми узлами начали кровоточить.

Сквозь толстые стены палатки доносились голоса спорящих людей, но слов нельзя было разобрать.

Барон Кэмпбелл в нерешительности остановился перед входом, размышляя, очевидно, можно ли ему войти, затем, кашлянув, исчез в дверном проеме палатки. Оттуда немедленно послышались негодующие восклицания, ругательства, произнесенные, как показалось Дерри, с иностранным акцентом, и затем он разобрал слова Брана Кориса:

— Шпион! Черт побери, Кэмпбелл, ты врываешься сюда, чтобы сообщить, что поймал шпиона?

— Мне кажется, он больше, чем просто шпион, милорд. Он... Я думаю, вам лучше самому посмотреть на него.

— Ну, хорошо. Я сейчас вернусь, Лайонелл.

Сердце у Дерри упало, когда из палатки вышел Кэмпбелл. А когда в дверях показался худощавый человек в голубой тунике, Дерри отвернулся, низко опустив голову. Человек приблизился, Дерри слышал над собой его дыхание. Его опущенному взору представилась пара сапог — черных, сверкающих серебряной отделкой.

Ну что же, надо смотреть судьбе в лицо. Со вздохом Дерри поднял голову и твердо встретил знакомый взгляд Брана Кориса.

— Син лорд Дерри! — воскликнул Бран. В его глазах появился лед.— О! Как чувствует себя мой коллега по Королевскому Совету? Ты дезертировал от Моргана, да? Дерри вспыхнул от негодования.

Бран продолжал:

— Да нет, вряд ли. Лайонелл, иди сюда, посмотри, кого послал к нам Морган. Ведь это же его самый лучший шпион!

Лайонелл вышел из палатки и с неприкрытой враждебностью остановился перед Дерри, высокий и статный. Черная борода и коротко подстриженные усики подчеркивали длинные злые губы. С широких плеч мягко спускалась белая шелковая мантия, открывая малиновую тунику, поверх которой сверкала кольчуга. Сквозь тонкий шелк обозначались очертания кинжала на поясе. Длинные черные волосы, стянутые на шее узлом, поддерживались на лбу широким серебряным обручем.

Когда он сложил руки на груди, браслеты засверкали красным, зеленым и фиолетовым светом, подчеркивая великолепие драгоценных камней.

— Так это и есть приспешник Моргана,— произнес Лайонелл, холодно разглядывая Дерри.

— Син лорд Дерри,— ответил Бран.— Келсон предоставил ему место в Совете вместо погибшего Ралсона. Он долгое время является военным помощником Моргана. Где ты его нашел, Кэмпбелл?

— К югу отсюда, милорд. Наш патруль обнаружил его лошадь, и солдатам только и оставалось, что дожидаться его. Он зарубил одного из солдат, когда его брали. Питера Даванси.

— Даванси? Такой толстяк, очень горячий?

— Точно, милорд.

Бран заложил руки за пояс и долго смотрел на Дерри, покачиваясь с пяток на носки. На его скулах ходили желваки.

Дерри боялся, что Бран ударит его ногой, и весь сжался, но удара не последовало.

Через некоторое время, которое показалось Дерри вечностью, Бран, еле сдерживая себя, повернулся к Лайонеллу.

— Если бы этот человек был только моим пленником, он был бы убит за то, что сделал,— сквозь зубы процедил Бран.

Он с трудом справлялся с обуревающими его чувствами.

— Однако я не настолько ослеплен гневом, чтобы не понять, какую пользу мы с Венситом можем извлечь из этого пленника. Ты не спросишь у короля, что мне делать с этим подонком?

С коротким поклоном Лайонелл повернулся и вошел в палатку. Бран последовал за ним.

Они остановились у самого входа, так что Дерри мог видеть их силуэты. Над их головами вспыхнул слабый свет, и Дерри понял, что они с помощью магии вошли в контакт с Венситом.

Через несколько минут Бран вышел из палатки один. Он был немного ошарашен и возбужден.

— Ну, Дерри, кажется, мои новые союзники решили оказать тебе милость. Ты должен был быть казнен как шпион, а вместо этого сегодня вечером будешь гостем Его Величества короля Венсита в Кардосе. Прости, что не могу поручиться за качество приема, который ждет тебя там. Торентские обычаи для меня чересчур экзотичны, во всяком случае временами. Кэмпбелл?

— Да, милорд.

Лицо Брана стало жестоким, когда он взглянул на беспомощно лежавшего Дерри.

— Кэмпбелл, взвали его на лошадь и увези отсюда. Его вид раздражает меня!

Морган мерил шагами маленькую комнатку, нервно поглаживая рукой свежевыбритый подбородок, затем нетерпеливо подошел к высокому окну, забранному решеткой, и посмотрел вниз.

На улице уже темнело. Ночной туман, обычный для этой горной страны, окутывал Джассу таинственным покрывалом. Хотя полная тьма еще не наступила, на улицах стали появляться факелы. В молочном тумане мелькало колеблющееся призрачное пламя. Улицы, всего час назад заполненные народом, теперь были пусты и безмолвны.

Слева Морган увидел шеренгу охранников, стоявших у дверей кафедрального собора Святого Сенана.

В собор входили городские бюргеры и одетые в плащи и кольчуги высшие офицеры. Иногда, когда двери впускали очередных прибывших, взгляду открывалось внутреннее убранство. Свет сотен свечей заливал все пространство собора, и в нем было светло, как днем.

Через некоторое время он и Дункан войдут туда вместе с епископами. Интересно, какой прием их ждет?

Со вздохом Морган отвернулся от окна и переключил внимание на Дункана, который спокойно сидел на низенькой скамье.

Рядом с ним горела свеча, а на коленях лежала маленькая книга в кожаном переплете с золотым обзором. Дункан был погружен в чтение.

Одетый, как и Морган, в «покаянную» фиолетовую одежду, он был чисто выбрит, и лицо, прежде закрытое бородой, странно белело в полумраке. Он еще не застегнул свою мантию, так как в маленькой комнате было тепло, несмотря на ночную сырость. Ни единая драгоценность не украшала его.

Морган осмотрел себя, отметив перстни с Грифоном и Львом на своих пальцах, затем медленно подошел к Дункану.

Дункан был настолько поглощен своим занятием, что, кажется, даже не замечал своего родственника.

— Ты не устал ждать? — спросил Морган, нависая над ним.

Дункан со слабой улыбкой оторвался от чтения.

— Немного. Но искусству ждать священники учатся с самого начала своей духовной карьеры. Тебе нужно прекратить бегать по комнате, спокойно сесть и попытаться расслабиться.

Значит, Дункан видел, что Морган немного нервничает.

Морган тяжело сел на скамью, откинул назад голову, так что она уперлась в стену, и сложил руки на груди с видом отчаянно скупающего человека.

— Расслабиться? Легко сказать. Ты любишь всякие церемонии. Служба в церкви приучила тебя к ним. А я волнуюсь, как молодой рыцарь перед своим первым турниром... Но это еще не все. Кажется, я скоро умру от голода, ведь у меня весь день не было во рту ни крошки.

— И у меня тоже.

— Но ты переносишь это лучше, чем я. Не забывай, что я всего-навсего вельможа, привыкший удовлетворять все свои прихоти. Я бы сейчас выпил даже отвратительного вина из Джассы.

Дункан закрыл книгу и с улыбкой прислонился к стене.

— Ты сам не знаешь, что говоришь. Подумай, что с тобой будет, если ты выпьешь вина на голодный желудок. А кроме того, это местное вино таково, что лучше умереть от жажды, чем его пить.

— Да, ты прав,— согласился Морган и закрыл глаза.

Дункан хмыкнул.

— Я думаю, вряд ли епископы хотят, чтобы мы упали в обморок от голода во время церемонии.

— Это было бы самое лучшее,— усмехнулся Морган, поднимаясь со скамьи и возобновляя свое хождение по комнате.

— Ты только представь: кающиеся Дерини долго изнуряли себя голодом, их дух ослаб, сердце очистилось, и они пали ниц перед лицом Всемогущего.

— Ты знаешь, что...

Раздался тихий стук в дверь, и Дункан оборвал фразу на полуслове. Он оглянулся на Моргана и встал. В комнату вошел епископ Кардиель, одетый в малиновую мантию с отброшенным на плечи капюшоном.

Морган и Дункан склонились перед ним, чтобы поцеловать его перстень. Епископ мановением руки приказал сопровождающему его монаху выйти из комнаты, тщательно закрыл за ним дверь и достал из складок мантии кусок пергамента.

— Это пришло час назад,— тихо сказал он, протягивая документ Моргану и с беспокойством глядя в окно.— От короля. Он желает вам успеха в сегодняшнем деле и через три дня назначает встречу в Кор Ремунте. Очень надеюсь, что мы не разочаруем его.

— Разочаруем?

Морган подошел поближе к свече, чтобы прочесть послание. Затем спросил:

— А в чем дело? Что-нибудь идет не так, как надо?

— Пока нет,— ответил Кардиель, протягивая руку за письмом, и Морган без слов вернул его.— У вас есть вопросы о порядке прохождения церемонии?

— Отец Хью ознакомил нас с этим несколько часов назад,— сказал Дункан, внимательно изучая лицо Кардиеля.— Если возникли какие-нибудь трудности, то мы должны знать о них, чтобы быть готовыми.

Кардиель долго молчал, затем отвернулся и оперся на подоконник. Некоторое время он смотрел в окно, как бы выбирая слова, а затем, полуобернувшись, приготовился говорить. Его профиль четко вырисовывался на фоне темнеющего неба. Из-под распахнувшейся мантии виднелась белоснежная кружевная рубашка. И Морган понял, что епископ прервал церемонию одевания, чтобы прийти к ним.

Морган с замиранием сердца ждал, что же тот скажет.

Кардиель сказал:

— Сегодня днем вы произвели хорошее впечатление. Народ любит публичное покаяние грешников. Это позволяет людям чувствовать себя могущественными. К счастью, большинство тех, кто ждет вас сегодня вечером, верит в искренность ваших намерений.

У Моргана вырвалось:

— Однако...

Кардиель опустил глаза и улыбнулся ему.

— Увы, «однако» всегда существует, не правда ли? — он посмотрел прямо в глаза Моргану. — Аларик, постарайся поверить, что я на вашей стороне.

Он повернулся к Дункану:

— Но все же сегодня вечером будет немало тех, кто не убежден в вашей искренности, как бы вы ни клялись. Только чудо сможет убедить их, что вы не замышляете зла.

— И вы хотите, чтобы мы совершили чудо, Ваше Преосвященство? — пробормотал Морган.

— О Боже, нет! — воскликнул Кардиель и замахал руками, энергично отрицая такую невероятную возможность. — Только не это!

Затем, немного успокоившись, он мягко продолжал:

— Аларик, я уже четыре года епископ Джассы. И за это время, а также за все годы епископства пяти моих предшественников в этой епархии никогда не было скандалов.

— Может быть, вам следовало вспомнить об этом до того, как затевать раскол? — вкрадчиво осведомился Морган.

Эти слова причинили Кардиелю боль:

— Я сделал то, что подсказало мне сердце.

— Ваш разум согласен с вашим решением, — вступил в беседу Дункан, — но сердце опасается двух Дерини. Так?

Кардиель взглянул на него, нервно кашлянул.

— Я... возможно... — он снова откашлялся. — Может быть, — епископ помолчал. — Дункан, я пришел сюда, чтобы потребовать от вас слова, что сегодня вечером вы не будете применять свое могущество. Вы должны дать торжественную клятву: что бы ни произошло, вы не будете делать ничего, что отличало бы вас от других кающихся грешников, желающих помириться с Церковью. Думаю, вы понимаете важность этого требования.

Морган опустил глаза и задумчиво поджал губы.

— Арлиан знает о вашем требовании?

— Да. Он знает. И согласен с тем, что магии сегодня быть не должно.

Дункан пожал плечами, посмотрел на Моргану.

— Вам нужно наше честное слово? Я его вам даю.

— И я,— сказал Морган после секундной заминки. Кардиель облегченно вздохнул.

— Благодарю. Я на несколько минут оставляю вас. Полагаю, вы хотите подготовиться к церемонии. Мы с Арлианом придем сюда.

Когда за Кардиелем закрылась дверь, Дункан пристально посмотрел на своего кузена.

Тот стоял неподвижно, и в свете единственной свечи, освещающей комнату, его лицо казалось маской сосредоточенности.

По стенам комнаты плясали беспорядочные тени. Дункан долго молчал, а затем подошел к Моргану. Смутное беспокойство омрачало его мысли.

— Аларик,— тихо начал он,— что...

Тот вздрогнул, вышел из состояния глубокой задумчивости и приложил палец к губам. Затем, оглянувшись на дверь, подошел к скамье и опустился на колени.

— Мы мало молились за последние недели, Дункан,— сказал он, жестом подзывая Дункана и снова оглядываясь на дверь.— Ты не помолишься со мной?

Без лишних слов Дункан опустился рядом с ним на колени. В его глазах застыло вопросительное выражение. Он сотворил крест, а потом хотел заговорить, тоже оглянувшись на дверь, но скорее почувствовал, чем услышал, односложное предупреждение Моргана:

— Нет.

Дункан замолчал и начал молиться. Склонившись и глядя на Моргана краешком глаза, Дункан сказал так тихо, что его мог услышать только Морган:

— Ты что-то хочешь сказать мне? Я знаю, ты уверен, что за нами следят. И ты очень неохотно дал обещание Кардиелю. Почему?

Морган прошептал:

— Потому что я не смогу сдержать слово.

— Не сможешь? — переспросил Дункан, стараясь не показать постороннему взгляду своего возбуждения.— Но почему?

Морган осторожно оглянулся на дверь.

— Дерри. Он должен выйти со мной на связь сегодня вечером. Время связи совпадает со временем церемонии.

— Боже! — тихо воскликнул Дункан и перекрестился, вспомнив, что он должен изображать молящегося.— Аларик, но это же невозможно! В святом соборе! И мы ведь дали слово Кардиелю! Если это обнаружится...

Морган еле заметно кивнул.

— Я знаю. Но выбора нет. Мне кажется, что с Дерри что-то случилось. Нам необходимо связаться с ним. Будем надеяться, что нас не обнаружат.

Дункан вздохнул и закрыл лицо руками.

— Я чувствовал, что ты с тяжелым сердцем дал обещание Кардиелю. У тебя есть план?

Морган опустил глаза и придвинулся к Дункану.

— Да. Во время самой литургии и мессы, которая последует за литургией, будут минуты, когда к нам не должны обращаться. Я попытаюсь связаться с Дерри, а ты будешь следить за окружающими. Если заметишь что-нибудь подозрительное, я выйду из контакта. Ты можешь...

Он вдруг замолчал и низко опустил голову, услышав шорох у двери. Они оба перекрестились и встали с колен.

В комнату вошли Кардиель и Арлиан.

Епископы, одетые в фиолетовые мантии, держали в руках кресты, на головах красовались митры, усыпанные драгоценностями. За дверью осталась длинная процессия возглавляемых ими монахов в черных сутанах с капюшонами, у всех были в руках свечи.

— Все готово к началу,— объявил Арлиан.

Освещенная призрачным светом многих свечей фиолетовая мантия, отражаясь в его глазах, как бы перелила в них свой густой цвет, и они казались драгоценными камнями, которые не уступали блеском и глубиной холодно мерцающему аметисту в епископском перстне.

Морган и Дункан с поклоном присоединились к молчаливой процессии.

Скоро на город должна была опуститься ночь.

В Рельянских горах стало уже совсем темно, когда Дерри и его охранники добрались до Кардосы. Дерри был привязан к седлу, как тюк. Ему не позволили ехать верхом, как человеку.

Он проделал в таком неудобном положении весь путь через ущелье. Голова его свешивалась вниз, руки и ноги, связанные грубой веревкой, затекли и замерзли. Было сыро, холодно, в некоторых местах вода доходила до груди лошади, и тогда голова Дерри оказывалась под водой. Он задыхался, захлебывался и чуть не утонул.

Но все это не беспокоило сопровождающих его людей.

Когда небольшой отряд остановился в маленьком дворе, веревки на ногах Дерри разрезали, а его самого грубо стащили на землю. Раненое плечо сильно болело, и он едва не потерял сознание. От возобновления тока крови в руках и ногах забегали мурашки. Дерри совершенно не мог стоять на ногах, поэтому даже был рад, что двое солдат держали его с двух сторон.

Дерри попытался осмотреться, надеясь, что это отвлечет его от боли.

Они находились сейчас в Эсгар Ду — мрачной каменной крепости, которая служила защитой городу Кардосе. Однако ему не дали возможности внимательно изучить все: двое охранников из клана Фурстанов подхватили его и поволокли внутрь крепости.

Дерри старался запомнить дорогу: каждую лестницу с грубыми ступеньками, каждый поворот, каждый коридор. Но он слишком устал, ноги не повиновались ему, боль была слишком сильна, и в памяти мало что осталось.

Наконец, они добрались до тяжелой, окованной стальными полосами двери. Один охранник держал Дерри, а другой возился с ключом. И это было все, что он смог удержать в сознании.

Впоследствии он не мог вспомнить, что случилось с ним после этого вплоть до того момента, когда он увидел себя в кресле, куда его только что посадили. Солдаты тщательно прикрутили его веревками к спинке кресла, а затем оставили одного.

Постепенно боль притуплялась, сменялась равнодушной усталостью. После долгой борьбы с собой Дерри поднял глаза и осмотрел комнату.

По всей видимости, это была тюрьма крепости Эсгар Ду. Свет факела, прикрепленного к стене, едва освещал пол — поцарапанный, обшарпанный, но, по крайней мере, чистый. Сухие стены выглядели аккуратно побеленными, что крайне его удивило.

И все-таки эти чистые стены были стенами тюрьмы. В этом убеждали вделанные стальные крюки, на которых висели блестящие от частого употребления цепи, а также другие странные предметы и инструменты, о назначении которых Дерри старался не думать.

У стены, справа от Дерри, стоял огромный кожаный сундук. Он производил устрашающее впечатление и был здесь совсем ни к месту. На гладкой коже, чуть пониже засова, виднелся выгравированный золотом какой-то герб — чужой зловещий герб.

Сундук стоял довольно далеко, и Дерри при слабом свете факела не мог детально рассмотреть изображение. Однако он чувствовал, что сундук здесь появился недавно и что ему не хочется встретиться с его хозяином.

Дерри с трудом заставил себя оторвать взгляд от сундука и продолжить осмотр комнаты.

В комнате было окно. Дерри чуть не проглядел его при этом слабом освещении. Присмотревшись, он понял, что ему мало пользы от этого окна. Оно было расположено высоко и имело в нижней части ширину несколько футов, но затем сужалось и наверху не превышало десяти дюймов. Кроме того, оно было защищено мощной железной решеткой. Но даже если бы Дерри удалось справиться с решеткой, он не смог бы пролезть сквозь узкую щель. К тому же, если, конечно, он не потерял чувства направления, окно выходило в сторону отвесного, совершенно гладкого утеса. Так что даже выбравшись из окна, бежать он не мог, разве что на тот свет. Острые камни у основания утеса помогли бы ему в этом.

Самоубийство само по себе вызывало у Дерри отрицательные эмоции, а кроме того, он знал, что его смерть не принесет никому пользы. Зато оставшись в живых, если, конечно, ему удастся пройти через все, что его ждет, он может надеяться на бегство.

Оставшись в живых, он сможет передать Моргану собранные сведения, пока еще не поздно.

Эта мысль сразу же заставила его вспомнить, что у него есть средство связи с Морганом. Медальон Святого Камбера все еще висел у него на груди, никем не обнаруженный. Пока медальон у него, он может связаться с Морганом.

Дерри мгновенно провел в уме расчеты и решил, что время, назначенное для связи, уже близится. Заклинание сработает, должно сработать, хотя Дерри еще не придумал, как он в таком беспомощном состоянии справится со всем этим.

Сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться, вознес молитву, чтобы ему никто не помешал, Дерри отчаянно завертелся в стягивающих его веревках, стараясь ощутить грудью медальон.

Правда, Морган говорил, что для связи нужно держать медальон в руке, но Дерри надеялся, что контакта с обнаженной грудью будет достаточно.

Вот он!

Дерри почувствовал тепло медальона, согретого его телом, у левой стороны груди.

Ну, а теперь, если контакта все-таки достаточно...

Дерри закрыл глаза, постарался представить медальон, увидеть, как тот лежит у него на груди, вообразить, что держит его в руках, ощущает пальцами гладкую поверхность. Затем мысленно он произнес слова заклинания, которому научил его Морган. При этом Дерри держал в голове ощущение, будто медальон лежит в его ладонях.

Вскоре Дерри почувствовал, что впадает в транс, как это всегда бывало, когда он произносил заклинание. Дерри начал соскальзывать в холодные глубины магичес-

кого сна — и вдруг замер, насторожился, ужас охватил его: слышались приближающиеся шаги.

Он с трудом удержался, чтобы не повернуть голову и не посмотреть, кто же вошел в комнату.

— Хорошо. Я сам займусь им,— сказал холодный размеренный голос.— Диган, у тебя есть что-нибудь для меня?

— Только послание от герцога Лайонелла, сэр,— ответил второй голос.

Судя по почтительности обращения, это был слуга.

Послышались сначала неясное бормотанье, затем хруст разламываемой печати, шуршание разворачиваемой бумаги. Потом наступила тишина.

Дерри покрылся холодным потом, когда услышал эти голоса. Ведь в Эсгар Ду мог быть только один человек, к которому следовало обращаться так почтительно.

Едва лишь Дерри осознал этот ужасный факт, в камеру кто-то вошел, неся еще один факел. Жуткие бесформенные тени заплясали на стене. Конечно, по ним нельзя было оценить внешность хозяина, но у Дерри зашевелились волосы на голове. Волны страха затопили его, охватили его душу.

Он пытался убедить себя, что причиной всему неверный свет факела, что именно он вселил в него этот ужас. Но другой частью своего сознания Дерри понимал, что один из тех, кто вошел в камеру,— Венсит из Торента.

И, значит, он, Дерри, никогда больше не сможет увидеть Моргана.

— Я займусь им, Диган. Оставь нас,— повторил ровный голос.

Снова слышались шелест сворачиваемого пергамента, скрип кожи и ремней, когда кто-то направился к выходу.

Дверь со скрежетом закрылась, засов, лязгнув, лег на свое место.

Свет факела стал усиливаться слева от него, хотя Дерри был убежден, что незнакомец приближается к нему с правой стороны. Эти мягкие вкрадчивые шаги, которые слышал Дерри, рождали в его черепе тревожный нарастающий бой сотен колоколов.

ГЛАВА 12

В кафедральном соборе Святого Сенана в Джассе продолжалась церемония отпущения грехов двух кающихся Дерини.

После того как процессия, состоящая из восьми епископов и несметного числа священников, монахов и помощников, вошла в собор, Морган и Дункан были торжественно представлены епископу Кардиелю и публично заявили о своем покаянии и желании вернуться в лоно Святой Церкви.

Они опустились на колени на самой нижней ступени алтарной лестницы и слушали, как Кардиель и Арлиан поочередно произносили стандартные фразы, которыми начиналась церемония.

Эта часть требовала от Моргана и Дункана большой сосредоточенности, так как они должны были все время отвечать на сложные запутанные вопросы, которые предлагались им в соответствии с ритуалом.

Наконец, началась та часть церемонии, где доля их участия была незначительна.

Морган и Дункан избегали смотреть друг на друга, когда два священника взяли их под руки и повели вверх по ступеням к алтарю. Там они простерлись ниц на ковре, и начался следующий этап литургии.

Кардиель вдохновенно возносил мольбы Богу о прощении заблудших сыновей, призывал благословение на их грешные души.

Пока епископ ушел в молитвы, Морган осторожно повернул голову, лежащую на скрещенных руках, таким образом, чтобы видеть свой перстень с Грифоном.

Все епископы и священнослужители были поглощены службой, и Морган решил войти в контакт с Дерри, пусть даже самый мимолетный. Если его обманывают предчувствия и с Дерри ничего не произошло, то он перенесет время связи на завтрашний вечер, когда все будет просто устроить.

Морган приоткрыл глаза и увидел, что Дункан спокойно смотрит на него. И Морган понял, что в данный момент на них никто не обращает внимания. В

его распоряжении есть минут пять. Может быть, удастся уложиться в это время.

Закрыв глаза, он почувствовал осторожное прикосновение мысли Дункана, сигнализирующего, что все спокойно. Тогда на мгновение он приоткрыл глаза, чтобы видеть свой перстень, который использовал в качестве фокуса. Медленно сосредоточившись, он заставил себя не видеть пламени свечей в соборе, не слышать голосов священников, не чувствовать дыма каминов, не ощущать грубую ткань ковра под подбородком. Затем соскользнул в раннюю стадию транса, когда разум покинул его, чтобы приблизиться и войти в контакт с разумом Сина лорда Дерри.

А Кардиель произносил слова обращения к Богу, но Морган уже не слышал их.

Дерри старался не показать своего страха, когда обе стороны от него в тесном пространстве комнаты возникли два человека.

Слева стоял высокий, с ястребиным лицом, перерезанным жутким шрамом, который начинался от аристократического носа и исчезал в аккуратно подстриженных усиках и бороде. Темные волосы тронула на висках седина, светлые глаза казались серебряными в свете факелов. Это в его руке был факел, породивший те жуткие пляшущие тени, которые так напугали Дерри несколько минут назад.

Человек повернулся к стене и закрепил факел неподалеку от уже горевшего здесь раньше.

Но это был не Венсит. Дерри понял это инстинктивно, взглянув единственный раз на того, что был справа.

Человек, приблизившийся справа, остановился перед Дерри. Он разительно отличался от первого. Несмотря на высокий рост и угловатость, в нем чувствовалась звериная грация. Рыжая борода и усы усиливали в его облике что-то хищное, лисье. И он в упор смотрел немигающими светлыми глазами на юношу, неподвижно сидящего перед ним.

Человек был одет так, словно собирался отдыхать: янтарного цвета шелковая мантия, накинутая на тунику такого же золотистого цвета, на талии широкий пояс из золотых колец, на поясе кинжал, ручка которого сверкала драгоценными камнями. Из-под мантии виднелись бархатные штаны и остроносые туфли с золотой вышивкой.

По всей вероятности, подумал Дерри, кинжал — единственное его оружие, однако это мало успокаивало.

— Ну,— произнес человек.

Это был тот самый голос, который Дерри слышал раньше, и он, несомненно, принадлежал Венситу. В Дерри вспыхнул страх.

— Так это и есть Син лорд Дерри. Ты знаешь, кто я?

Дерри, колебавшись, кивнул.

— Превосходно,— дружелюбно отметил Венсит.— Но я не думаю, что ты встречался с моим коллегой Ридоном из Истмарха. Хотя имя, может статься, тебе и знакомо.

Дерри еще раз взглянул на второго человека, который стоял, небрежно прислонившись к стене. Тот кивнул головой в знак приветствия.

Ридон был одет так же, как и Венсит, только одежды его имели серебряные и голубые цвета вместо золотисто-янтарных. Однако он производил куда более зловещее впечатление. При одном взгляде на него становилось ясно, что его следует бояться, в отличие от Венсита, который казался мягким и утонченным, не способным на жестокость.

Дерри подумал, что нельзя ни в коем случае поддаваться такому ощущению — это ловушка. Венсита нужно бояться больше, чем десяти Ридонов, несмотря на то, что Ридон имел репутацию колдуна Дерини высшего ранга.

Следует быть очень осторожным. Бояться надо именно Венсита.

Венсит долго смотрел на пленника, заметил реакцию Дерри на Ридона, засмеялся и скрестил руки на груди. От него не ускользнуло также, что его смех обеспокоил Дерри больше, чем угрюмое молчание.

— Син лорд Дерри,— подчеркнуто любезно обратился Венсит.— Я много слышал о тебе, мой юный друг. Мне известно, что ты ближайший помощник Моргана и заседаешь в Королевском Совете, не именно сейчас, конечно,— он выразительно посмотрел на Дерри, который прикусил губу.— Да, я много слышал о смелых делах Дерри. И, кажется, у меня скоро будет возможность проверить справедливость слухов. Расскажи о себе, Дерри.

Дерри постарался скрыть гнев, но понял, что ему это плохо удалось.

Отлично. Отлично, пусть Венсит знает, что Дерри не собирается быть овечкой. Если Венсит думает, что Дерри намерен сдаться без борьбы...

Венсит сделал шаг вперед, и Дерри застыл, но все-таки заставил себя смело встретить взгляд колдуна. Затаив дыхание, юноша с удивлением увидел, что Венсит отступил. Однако все быстро встало на свои места.

— Я вижу,— сказал Венсит, вертя кинжал в узких пальцах,— что ты предпочитаешь молчать. Должен тебе сказать, что я рад. После всяких рассказов о тебе я боялся, что ты разочаруешь меня. А я не люблю разочарований!

Прежде чем Дерри успел отреагировать на слова, Венсит быстро приблизился к нему и приложил острый кинжала к его горлу.

Венсит постепенно усиливал давление на кинжал и внимательно всматривался в лицо Дерри, стараясь уловить следы страха, но не обнаружил их. Тогда с легкой улыбкой он начал короткими движениями прорезать одежду Дерри.

Юноша смотрел, как его одежда распадается на куски, но его лицо оставалось бесстрастным.

Венсит методично проводил острием кинжала сверху вниз, постепенно смещаясь справа налево.

— Ты знаешь, Дерри,— разрез,— меня всегда интересовало, как Морган добивается преданности своих сторонников,— разрез,— а также Келсон и все его предки Халданы,— разрез.— Немногие смогли бы сидеть здесь так, как сидишь ты,— разрез,— отказываясь

говорить и зная, какие мучения ждут их,— разрез,— и все же оставаясь преданными своему господину, который далеко и ничем не может помочь, даже если бы и знал, что помощь требуется.

Лезвие кинжала продолжало свою работу, но при очередном движении оно вдруг наткнулось на что-то, и при этом раздался металлический звук.

Венсит с удивлением поднял брови и посмотрел на Дерри.

— Что это? — спросил он, дурашливо наклоняя голову.— Дерри, по-моему, там у тебя что-то есть!

Он постарался сделать еще несколько разрезов, но каждый раз кинжал наткался на что-то металлическое.

— Ридон, как ты думаешь, что это может быть?

— Понятия не имею, сэр,— пробормотал Ридон, приближаясь к юноше с другой стороны.

— Я тоже,— промурлыкал Венсит, действуя кинжалом среди лохмотьев одежды, как крюком, пока, наконец, не зацепил серебряную цепочку. Концы цепи скрывались под одеждой.

Пристально глядя на Дерри, Венсит поддел цепь острием кинжала и начал медленно тащить ее, пока не показался тяжелый медальон.

— Святой медальон? — удивился Венсит. Углы его рта слегка изогнулись.— Как трогательно, Ридон, что он носит его у сердца.

Ридон хмыкнул.

— Интересно бы узнать, на какого святого он надеется, чтобы получить защиту от тебя, сэр?

— Сейчас узнаем,— ответил Венсит, беря медальон в руки и внимательно рассматривая его.— Святой Камбер?

Он посмотрел на Дерри. Его глаза превратились в темные пятна цвета индиго.

Дерри почувствовал, как сердце его останавливается. Медленно и отчетливо Венсит стал читать слова, выгравированные на медальоне. В его голосе слышалось презрение.

— Ты Деррини, малыш? — хрипло прошептал Венсит. Он закончил фразу зловещим шипением.— Ты доверился

Святому Деррини, идиот. Неужели ты надеешься, что он сможет защитить тебя от меня?

Дерри задыхался, а Венсит продолжал натягивать цепь.

— Не хочешь отвечать, малыш?

Ужасные глаза, казалось, сверлили Дерри, и молодой лорд не выдержал и с содроганием отвел взгляд. Он услышал презрительное фырканье Венсита, но не мог заставить себя снова посмотреть в эти ужасные глаза.

— Понятно,— вздохнул Венсит.

Внезапно давление цепи на шею Дерри ослабело, но затем рука Венсита резко рванулась вверх. Шею Дерри обожгло этим рывком. Он взглянул на колдуна и увидел, что из его пальцев свисают остатки цепи. Задняя часть шеи ужасно болела, обожженная цепью.

Он понял, что Венсит держит медальон Камбера в своих руках.

Ужас охватил его. Теперь он не мог надеяться противостоять Венситу. Защитная магия исчезла. Он остался один.

И Морган никогда ни о чем не узнает.

Он с трудом проглотил слюну и безуспешно попытался успокоить свое вырывающееся из груди сердце.

Когда закончились долгие песнопения, Морган вернулся из глубин транса и заставил себя открыть глаза. Следовало собраться с силами — ведь вскоре ему предстояло встать на ноги и продолжать церемонию, отвечать на вопросы.

Ничто не указывало на то, что в предыдущие пять минут кто-нибудь заподозрил неладное. Все шло, как обычно.

Моргану казалось, что он коснулся разума Дерри. Однако он не был уверен в этом. Все выглядело так, как будто Дерри старался войти в контакт с ним и вдруг прервал его. А затем у Моргана возникло какое-то жуткое ощущение, всплеск затуманивающего разум страха, и он с трудом вышел из транса без посторонней помощи.

Он успокоился, применив один из методов Дерини, снимающих усталость, заставил себя поднять голову и встать на колени, когда священники приблизились к нему.

Морган увидел, что Дункан смотрит на него, поправляя сутану, надетую поверх белоснежной туники, и сделал успокаивающий жест.

Но Дункан, несомненно, понял, что произошло что-то неприятное. Он заметил напряжение на лице кузена, когда они опустили на колени перед алтарем.

Морган постарался собраться с мыслями, когда Кардиель начал другую молитву.

Слова молитвы протекали сквозь сознание Моргана, не задерживаясь. Сложив руки в молитвенном жесте, он начал обдумывать план дальнейших действий.

Войдя в слабый контакт и ничего не выяснив, Морган знал, что ему следует повторить все сначала, так как с Дерри, несомненно, что-то случилось. Но что? И насколько безопасно входить в глубокий транс здесь, в Святом соборе?

Священники подхватили его под локти, помогая подняться с колен. Слева от него Дункану оказывали такую же помощь.

Он поднялся на одну ступеньку вверх и снова опустился на колени. Слева от него то же самое сделал Дункан.

Кардиель теперь находился прямо перед ними. Начинаясь центральная часть церемонии — возложение рук.

Морган склонил голову и постарался очистить свой мозг, чтобы не ошибиться в ответах.

Он слушал фразы, сочиненные много веков назад, и теперь их произносил Кардиель, руки которого были простерты над их головами.

— Доминус Санктус, Патри Омни потэнти, Дэус Этэриум...

Закончив молитву, Кардиель легко опустил руки на их головы.

— Пэр сумцем Доминум нострум эзум Христум Филиум туум... Амэн.

Послышался шорох многочисленных ног, покашливание. Морган и Дункан направились в сторону бокового алтаря.

Литургия закончилась, и теперь должна была состояться Торжественная Месса Благодарения в честь возвращения блудных сынов в лоно Церкви.

Двое Дерини заняли свои места, где им следовало дожидаться конца мессы. Морган незаметно посмотрел на Дункана и понял, что тот старается встретиться с ним взглядом.

Они опустили на колени. Морган прошептал:

— Что-то случилось,— его голос был еле слышен.— Не знаю, что именно, но я должен попытаться еще раз войти в контакт, чтобы все выяснить. Мне нужно погрузиться в глубокий транс, а если я войду очень глубоко, так что отрешусь от всего происходящего здесь, ты сможешь мне выйти из него, и, чтобы обмануть всех, мне придется притвориться, будто я в обмороке.

Дункан еле заметно кивнул. Его глаза внимательно осматривали собор, не упуская ни малейшей детали.

— Хорошо. Я сделаю все, чтобы прикрыть тебя. Но будь осторожен.

Морган улыбнулся, приложил руки к лицу и закрыл глаза. Снова он вошел в первую стадию транса, но на этот раз не остановился здесь, а стал погружаться все глубже и глубже.

Венсит раскрыл ладонь и снова посмотрел на медальон, затем протянул его Ридону.

Тот, ни слова не говоря, опустил его в кошелек на поясе. Колдун все еще был собран, спокоен, но Дерри уловил тень раздражения и беспокойства.

Свет факела играл в волосах Венсита, придавая ему зловещий вид, и Дерри внезапно понял, что играет своей жизнью. Эта мысль пронизала все его существо. Дерри осознал, что нет никаких сомнений в том, что Венсит убьет его без пощады, если возникнет необходимость.

Он снова почувствовал глаза Венсита на себе и заставил себя встретить этот взгляд, не показывая охватившего его страха.

— Ну,— со зловещим спокойствием в голосе спросил Венсит,— что же мы сделаем с этим лазутчиком? Он в наших руках. Убьем его?

Он наклонился над Дерри, положив руки на подлокотники кресла. Лицо его было совсем рядом с лицом Дерри.

— А может быть, скормим его карадоту, а? — продолжал Венсит.— Ты знаешь, что такое карадот, малыш?

Дерри с трудом проглотил слюну, но не рискнул отвечать. Он не доверял своему голосу.

Венсит засмеялся.

— Ты не знаешь, что такое карадот? Это большой пробел в твоём образовании, этот твой Морган допустил промашку. Покажи ему карадота, Ридон.

Коротко кивнув, Ридон подошел поближе к Дерри и со злорадным выражением на лице стал чертить пальцем в воздухе какие-то знаки.

Венсит отступил назад, за кресло Дерри.

Ридон забормотал какие-то слова на незнакомом языке, слова древнего заклинания. Воздух под его пальцами трещал и сыпал искрами. Запахло серой.

И вдруг перед Дерри возникло жуткое создание, которое, казалось, вышло из самого Ада. Рычащий, хрипящий ужас, окрашенный в малиновое, зеленое, грязно-коричневое. Зловонная пасть, усеянная огромными кривыми зубами, извивающиеся щупальца тянулись к его глазам все ближе... ближе... ближе...

Дерри закричал, закрыл глаза и отчаянно забился в стягивающих его путах, почувствовав на лице зловонное дыхание чудовища. Он слышал рычание монстра. Отвратительный запах сдавил ему грудь.

Внезапно наступила тишина, он уловил дыхание свежего ветерка и понял, что чудовище исчезло.

Юноша открыл глаза и увидел, что Ридон и Венсит насмешливо смотрят на него.

Серебряные глаза Ридона все еще были подернуты дымкой какой-то темной, непередаваемой мощи.

Дерри били судороги, он дышал тяжело, с хрипом и смотрел на двух колдунов с ужасом.

Рот Венсита скривился в усмешке. Повернувшись к Ридону, он отвесил шутливый поклон.

— Благодарю, Ридон.

— Всегда к вашим услугам, сэр.

Дерри с трудом проглотил слюну, но говорить не мог. Он старался унять темный ужас, который все еще властвовал над ним. Он решил, что они не отдадут его этому чудовищу, пока, по крайней мере, не узнают от него всего, что хотят знать, но эта мысль не успокаивала.

Постепенно его дыхание выровнилось, голова выпрямилась.

— Ну, мой юный друг,— спросил Венсит, снова склонившись над Дерри,— скормить тебя карадоту? Или найти тебе лучшее применение? У меня сложилось впечатление, что тебе не понравился наш зверинец, но ты-то ему пришелся по вкусу.

Дерри опять проглотил слюну, отгоняя приступ тошноты.

Венсит хмыкнул:

— Только не карадот? А ты как думаешь, Ридон?

Голос Ридона был холоден и бесстрастен:

— Я думаю, нужно придумать что-то другое, сэр. Мне нравится кормить карадотов, но мы не должны забывать, что Син лорд Дерри — сын графа, человек благородного происхождения. Вряд ли он подходящая пара для карадота, разве ты не согласен?

— Но он очень понравился карадоту,— возразил Венсит.

Его глаза были устремлены на Дерри, который содрогнулся при этих словах.

— И все же ты прав. Живой Син лорд Дерри гораздо более полезен для меня, чем мертвый, хотя он, вероятно, пожалеет, что остался жив.

Он сложил руки на груди и со зловещей усмешкой уставился на юношу.

— Ну, а теперь ты расскажешь нам все, что знаешь о силе Келсона — военной и тайной. А когда закончишь, расскажешь все о Моргане.

Венсит смотрел на него своим всеяющим ужас взглядом.

Дерри напрягся, в его голубых глазах вспыхнул гнев.
— Никогда! Я не предатель!

— Хватит,— оборвал его Венсит и склонился над ним, почти физически ударив взглядом какой-то жуткой мощи.

Венсит смотрел прямо в глаза Дерри своими глазами, которые казались тому двумя озерами расплавленного сапфира. Затем Дерри с трудом отвел взгляд, отвернул голову, в отчаянии закрыл глаза.

Он знал, хотя и не понимал, откуда ему известно, что Венсит пытается прочесть его мысли. Юноша не мог противостоять проникновению этого чужого враждебного разума. Он рискнул приоткрыть глаза и увидел, что Венсит выпрямился, удивленно глядя на Дерри и нахмутив брови.

Венсит долго смотрел на пленника с подозрением, затем, подумав, подошел к стоящему у правой стены сундуку. Подняв крышку, он долго копался там, пока не нашел то, что искал. Когда он выпрямился и повернулся, Дерри увидел в его руках хрустальный пузырек, наполненный какой-то светлой жидкостью, имеющей молочный оттенок.

Достав откуда-то глиняный пузырек, колдун капнул из него четыре золотых капли в молочную жидкость, которая сразу превратилась в ярко-красное сверкающее зелье, напоминающее кровь. Венсит поднес свое творение к факелу, а затем повернулся и подошел к пленнику, размешивая содержимое пузырька медленными вращательными движениями рук.

— Жаль, что ты не хочешь сотрудничать с нами, мой юный друг,— сообщил Венсит, присаживаясь на подлокотник кресла, в котором сидел Дерри, и рассматривая пузырек на свет, наслаждаясь красивым цветом.— Но, думаю, у тебя нет выбора, как и у меня. Морган и король очень хорошо экранировали тебя. Однако, увы, силы, полученные от Дерини, так же ограничены, как и силы врожденных Дерини. Так что содержимое этого пузырька уничтожит все твоё сопротивление.

В горле у Дерри пересохло. Он посмотрел на пузырек.

— Что это? — прозвучал его хриплый шепот.

— О, любопытство еще не умерло в тебе? Но после моего ответа, ты будешь знать ненамного больше. Основной ингредиент — мараша, а остальное... — он усмехнулся, увидев, как Дерри напрягся.— Ты слышал о мараше? Но, впрочем, это не имеет значения. Ридон, поддержи его голову.

Дерри дернулся, чтобы уклониться от рук второго колдуна, но было поздно. Его голова была захвачена и крепко прижата к груди Ридона. Он не мог шевельнуть ею. Ридон нащупал нужные точки и нажал на них. Рот Дерри открылся, юноша стал беспомощен, как дитя.

Затем малиновая жидкость закапала ему в рот, обжигая язык. Дерри начал захлебываться, и, когда Ридон усилил давление, ему пришлось сделать глоток. Темнота обрушилась на него, а он все глотал, несмотря на все свои старания не делать этого.

Наконец, его голову отпустили, и он зашелся в жестоком кашле. Язык онемел, во рту держался противный металлический привкус, в легких разгорался пожар — это отдельные капли жидкости проникли через дыхательное горло.

Он кашлял и старался вызвать рвоту, чтобы извергнуть все, что Венсит заставил его проглотить.

Все было бесполезно. Кашель прекратился, жжение в легких уменьшилось, и сознание начало затуманиваться. В ушах стоял какой-то гул, как будто могучий вихрь обрушился на него, стараясь вырвать из времени и пространства. Все цвета радуги вертелись у него перед глазами, смешиваясь в самых невероятных сочетаниях. Ему казалось, что в комнате темнеет.

Он попытался поднять голову, но его усилий на это не хватило.

Дерри попытался сфокусировать глаза, но это тоже ему не удалось.

Он увидел перед собой носки бархатных туфель Венсита, услышал ненавистный голос, произносивший слова, которые Дерри узнавал, но смысл их ускользал от него.

И затем вокруг него сомкнулся абсолютный мрак.

Месса приближалась к своему апогею, и в соборе установилась мертвая тишина.

Морган отчаянно пытался вернуться в сознание, выйти из глубокого транса. Он успел ощутить глухую темноту, прежде чем та поглотила Дерри, но не смог понять ее происхождения, ее источника, хотя знал, что это все связано с Дерри, что случилось что-то ужасное. Больше ничего не удалось узнать. Морган с трудом оправился от этого состояния, не желавшего его выпускать, и, наконец, вышел из транса и ощутил себя в соборе рядом с Дунканом.

Дункан понял, что тот вернулся, и послал предостерегающий взгляд.

— Аларик, с тобой все в порядке? — встревоженно прошептал он, а в его голубых глазах читался вопрос: ты притворяешься или в самом деле тебя покинули силы?

Морган проглотил слюну, покачал головой. Он старался прогнать усталость, но недавние усилия и долгое отсутствие пищи полностью истощили его. Будь у него время, он бы оправился, но здесь, окруженный людьми, в которых могли зародиться подозрения, было невозможно прийти в себя.

Он тяжело оперся на руку Дункана, когда на него снова нахлынула волна головокружения, и понял, что больше не может сдерживать черноту, которая обрушивается на него.

Дункан оглянулся на епископов и наклонился к Моргану.

— Они смотрели на нас, Аларик. Если тебе нужна помощь, скажи мне. Епископы... О, Кардиель остановил мессу. Он идет сюда.

Морган прошептал, пошатнувшись:

— Я сейчас потеряю сознание на самом деле. Будь осто...

И, не закончив фразу, рухнул на Дункана.

Дункан положил его на пол, пощупал лоб и повернулся к Кардиелю. Арлиан и два других епископа смотрели на них. На их лицах читалось подозрение. Дункан понял, что нужно действовать быстро, чтобы избежать самого худшего.

— Он не выдержал, он не привык к таким службам,— сказал Дункан, наклоняясь над Морганом и расстегивая тому ворот.— Может быть, дать ему немного вина? Нужно что-нибудь, подкрепляющее силы.

За вином послали монаха, а Дункан постарался незаметно прозондировать мозг Морганом. Тот действительно потерял сознание, сомнений не было. Лицо его побледнело, пульс был редкий и неровный, дыхание еле прослушивалось.

Морган, несомненно, пришел бы в себя и сам, но на это требовалось много времени, а Дункан не хотел затягивать ситуацию дольше, чем необходимо.

Кардиель опустился на колени возле Морганом и взял его руку, чтобы нащупать пульс.

Некоторые бароны, генералы, дворяне, покинув свои места, столпились вокруг. Все, без исключения, были крайне возбуждены. Руки сжимали рукояти мечей и кинжалов. Многих охватило подозрение. Этих людей нужно было успокоить, и как можно быстрее, пока не случилось худшего.

С видом участия, которое не было притворным, Дункан взял голову Морганом в руки, как бы желая внимательно посмотреть на него, а сам произнес в уме заклинание Дерини, снимающее усталость, и почти сразу ощутил слабое излучение мозга Морганом — задолго до того, как шевельнулось неподвижное тело. Затем Морган застонал, голова его шевельнулась, веки затрепетали.

Монах принес бокал с вином. Дункан поднял голову Морганом и поднес бокал к его губам. Морган медленно открыл глаза.

— Выпей это,— приказал Дункан.

Морган слабо кивнул, обхватил ладонями руку Дункана, державшую бокал, и сделал несколько глотков. Затем поднес руку к глазам, как бы стараясь отогнать подступающую слабость, а другой рукой незаметно сжал пальцы Дункана, и тот понял, что опасность позади.

Морган сделал еще глоток, решил, что вино чересчур сладкое, отодвинул бокал в сторону и сел. Он полностью овладел собой.

Епископы столпились вокруг него. Одни проявляли участие и беспокойство, другие — негодование и

подозрительность. И все хотели услышать, что же скажет Морган в свое оправдание.

— Вы должны простить меня, господа,— Морган старался, чтобы голос его звучал устало, а язык заплетался.— Очень глупо получилось, но я не привык постыдиться...

Он изобразил, что голос не слышится его. Морган с трудом проглотил слюну и опустил глаза.

Епископы кивнули. Они могли понять реакцию Моргана на пост. Вполне можно было допустить, что после трехдневного поста герцог Корвина упадет в обморок во время мессы.

Кардиель похлопал Моргана по плечу, а затем обратился к присутствующим с успокоительными словами.

Арлиан стоял, молча глядя на двух Дерини, которые становились на колени.

Епископы вернулись на свои места только после того, как Кардиель вновь поднялся к алтарю. Морган и Дункан заметили его колебания и обменялись встревоженными взглядами.

Но месса возобновилась, и служба благополучно закончилась без всяких других происшествий.

Два кающихся получили прощение, как было провозглашено в последней молитве, и, наконец, дворяне и священники начали покидать собор.

Кардиель, Арлиан и двое Дерини направились в ризницу. Арлиан снял усыпанную драгоценными камнями митру и медленно положил ее на стол. Затем пошел к двери и запер ее.

— Ты ничего не хочешь сказать мне, герцог Корвина? — спросил он холодно, не поворачиваясь к Моргану.

Морган посмотрел на Дункана, а затем на Кардиеля, стоявшего неподвижно и чувствовавшего себя не очень уверенно.

— Я не совсем понимаю, что именно вы имеете в виду, милорд,— осторожно ответил Морган.

— Разве это похоже на герцога Корвина — терять сознание во время Святой Мессы? — Арлиан повернулся и взглянул в лицо Моргану холодными фиолетово-голубыми глазами.

— Я... я уже говорил, милорд. Я не привык к длительному посту. В моем доме это не принято. К тому же в последнее время мы очень устали, ехали долго, мало спали...

— Аларик, не пытайся ввести меня в заблуждение! — рявкнул епископ, приближаясь к Моргану и впиваясь в него глазами. — Ты нарушил свое слово. Ты солгал нам. Ты применил свои силы в самом Святом соборе, хотя мы запретили это! Я слушаю вас и хочу, чтобы вы привели доказательства необходимости этого святотатства!

ГЛАВА 13

Морган без колебаний встретил холодный взгляд Арлиана и выдержал его несколько секунд, затем медленно кивнул.

— Да. Я использовал сегодня свое могущество. У меня не было выбора.

— Не было выбора? — переспросил Арлиан. — Ты рисковал сорвать все дело, которое мы тщательно готовили и разрабатывали всю неделю. И твое неповиновение было бы тому причиной. А ты говоришь, что у тебя не было выбора!

Он переключился на Дункана:

— А ты, Дункан? Ты же священник, и я думал, что твое слово для тебя что-нибудь значит. У тебя тоже не было выбора?

— Мы лишь сделали то, что надо было сделать, Ваше Преосвященство. Если бы не было серьезных оснований, мы бы никогда не пошли на это.

— Если были серьезные причины, вы должны их сообщить. Мы с Кардиелем приложили много сил, чтобы подготовить дело, и должны знать обо всем. Мы не

можем позволить, чтобы вы вдвоем принимали критические решения без нашего участия.

Морган с трудом обуздал свой темперамент.

— Вы обо всем узнали бы в свое время, милорд, но принять решение следовало нам. Если бы вы были Дерини, вы бы поняли нас.

— Я? — воскликнул Арлиан.

Его глаза подернулись дымкой. Он резко отвернулся и сложил руки ладонями вместе.

Морган бросил взгляд на Дункана. При этом он обратил внимание на Кардиеля: растерянный и бледный, тот не спускал глаз с Арлиана.

Прежде чем Морган успел осознать странную реакцию Кардиеля, Арлиан обернулся, двумя длинными шагами приблизился к нему и встал, пристально глядя ему в глаза.

— Отлично, Аларик. Я не хотел говорить тебе, но, по-видимому, время пришло. Ты же не думаешь, что вы с Дунканом единственные Дерини на свете?

— Единственные... — Морган застыл, внезапно поняв причину странной реакции Кардиеля.— Вы... — прошептал он.

Арлиан кивнул.

— Правильно. Я тоже Дерини. А теперь расскажи мне, почему я не могу понять, что вы делали сегодня вечером?

Морган безмолвствовал. В изумлении качая головой, он отступал, пока не наткнулся на стул. Тогда он медленно опустился на него, не отрывая глаз от епископа-Дерини.

Дункан же смотрел на епископа и легонько покачивал головой, вспоминая все странные и любопытные события, которым раньше у него не было объяснений, а теперь все они складывались в определенную картину.

Кардиель молчал.

Арлиан с легкой улыбкой отвернулся от всех и стал снимать свою церемониальную одежду, краешком глаза наблюдая за присутствующими.

— Ну что, вам нечего сказать? Дункан, ты, должно быть, что-то подозревал. Как ты считаешь, я хороший актер?

Дункан покачал головой и, заговорив, постарался скрыть горечь в голосе:

— Вы лучший актер из всех, кого я видел. Я по опыту знаю, как трудно жить во лжи, хранить тайну. Но скажите мне, как вы себя чувствовали, когда народ вашей собственной расы страдал и умирал, а вы не пытались оказать ему помощь? Вы ведь занимали такое положение, что могли помочь, Арлиан. Но вы ничего не сделали.

Арлиан опустил глаза, снял с шеи епитрахиль и коснулся ею губ, прежде чем ответить.

— Я делал, что мог, Дункан. Может быть, мог и больше. Но ведь Дерини-священник — это не просто, и ты с этим согласишься. Ты знаешь, мы с тобой единственные за несколько веков Дерини, которые получили сан священника. Я не хотел и не мог рисковать своим положением, ведь передо мной стояла более высокая цель. Ты можешь понять это?

Дункан молчал, и Арлиан положил руку ему на плечо.

— Я знаю, что ты чувствуешь, Дункан, но ведь такое положение не вечно.

— Может быть, вы и правы, Арлиан. Не знаю.

Вздыхнув, Арлиан посмотрел на Моргана, который сидел неподвижно. Морган, выслушав разговор двух священников, теперь смотрел на епископа почти с ненавистью. Арлиан это понял и подошел к нему.

— Ты не можешь довериться мне, Морган? Я знаю, что твой путь не был легким. У нас, священников, нет монополии на сожаление.

— Почему я должен доверять вам? — сказал Морган. — Вы обманули нас один раз — почему бы не обманывать и дальше? Как вы нас можете убедить, что не замышляете предательства?

— Только поклясться, — улыбнулся Арлиан. — О нет, не кипятись. Есть еще один способ. Я могу тебе показать, что ты можешь верить мне, если не боишься. Ты будешь очень удивлен тем, что увидишь.

— Вы имеете в виду — проникнуть в мой разум? — спросил Морган.

— Нет. Ты должен проникнуть в мой. Попробуйся.

Морган был в некотором замешательстве, но Арлиан опустился на колени возле его кресла и положил руку на подлокотник.

Между ними не было физического контакта, а Морган был уверен, что без этого не прочесть мыслей, но Арлиан, по-видимому, не считал такое условие необходимым.

Осторожно Морган попытался прозондировать мозг Арлиана — и внезапно оказался там, внутри. Он без усилий скользил по обширным камерам, где размещались блоки памяти епископа. Он увидел Арлиана — студента семинарии, увидел его на первой службе, затем в зале Курии в марте, когда тот выступил против Интердикта. Сколько же тут было такого, чего он не предполагал увидеть!

Закончив обследование, Морган дружелюбно посмотрел на Арлиана. Тот, улыбаясь, продолжал снимать одежды. Наконец, он остался в своей обычной пурпурной мантии и плаще и только после этого встретился взглядом с Морганом. Он был спокоен и вел себя так, словно ничего не произошло.

— Ну, мы идем? — спросил он, направляясь к двери и откидывая засов.

Морган кивнул и поднялся на ноги. Дункан и Кардиель молча последовали за ними.

— А по дороге ты нам расскажешь, что же произошло в соборе во время литургии, — добавил Арлиан, раскинув руки, как будто хотел заключить всех троих в дружеские объятия. — После этого нам всем надо хорошо отдохнуть. Мы выступаем завтра на рассвете. Нельзя заставлять ждать короля Келсона.

Через два дня Келсон получил прощение от епископов в Дель Шайе. Он преклонил колени перед ними во время официальной церемонии, был очищен от обвинений в ереси и возвращен в лоно Церкви.

А еще через два дня они были уже у ворот Корота.

Как ни странно, но Келсон, казалось, не был удивлен тем, что Арлиан — Дерини. С той минуты, как Морган, Дункан и восставшие епископы присоединились к нему,

Келсон почувствовал уверенность, что что-то коренным образом изменилось.

Кроме Кардиеля, никто из епископов не знал об изменившемся статусе Арлиана, и тем не менее они стали обращаться к нему так, словно чувствовали ту силу, которая исходила от него. Келсон, который долго обучался внимательности в наблюдениях и замечал малейшие нюансы в движениях и речи, сразу заметил особое отношение Моргана и Дункана к Арлиану, но, несмотря на то, что долго знал обоих, не мог объяснить причину этого. Вскоре Арлиан открылся Келсону в том, что он Дерини, и сделал это между прочим, как будто сообщал давно известный факт. И Келсон принял это как должное.

Так что когда королевская армия появилась перед Коротом, в ее рядах было четыре Дерини — а это уже целая команда.

Келсон остановился на высоком холме и смотрел, как его армия занимает позиции вокруг занятого врагами города Корта.

По пути они столкнулись с несколькими отрядами повстанцев, поэтому неприятелю о них стало известно задолго до приближения к городу.

Обширная долина перед городом, которую обозревал Келсон, была пуста, и только ветер гулял по ней. Волнующиеся травы создавали впечатление раскинувшегося перед ним океана. А на юго-востоке открывалась ширь настоящего океана, который спрятавшееся в тумане солнце окрашивало в серебристо-зеленый цвет. В воздухе стоял острый запах соли, гниющих водорослей, сдобренный дымом городских кухонь.

Келсон долго смотрел на белые стены замка, на пустынную долину и песчаные дюны.

В долине уже располагались передовые отряды его армии. На северо-западе развевались на пиках фиолетовые знамена армии Кардиеля.

Вскоре показались и пешие солдаты, вооруженные высокими острыми щитами. Они медленно поднимались на возвышенность.

На левом фланге среди дюн занимали позицию лучники Нигеля. Их передвижение сопровождалось барабанным боем сотен барабанщиков, одетых в роскошную фиолетово-зеленую форму. Они отбивали четкий ритм марша, высоко поднимая над головами свои палочки.

При каждом лучнике находился пеший солдат с копьем и щитом. В обязанности солдата входила защита лучника от града вражеских стрел.

Все воины корпуса лучников шли в кожаных шляпах, на которых красовались фиолетовые и зеленые перья.

Позади Келсона занимала позицию кавалерия — цвет Гвинедской армии: рыцари, пажи, оруженосцы. Здесь развевались знамена Хортов, Варианов, Рорау, Нетенаров, Пелагогов. Это были знамена благородных родов, преданных короне со времен образования Одиннадцати Королевств.

Справа реяло знамя Моргана с Грифоном, а немного ближе к центру паж нес знамя Мак Лейнов — спящие Львы и розы с тремя красными метками, означавшими, что Дункан — наследник Кассана и Керни, поскольку его брат Кевин умер.

К королю подъехал одетый в боевые доспехи Дункан. Только большой крест, висящий на широкой груди, указывал на его духовный сан. Он поздоровался с Келсоном и, повернувшись, увидел скачущего к ним Моргана.

Знамя с Грифоном присоединилось к спящим Львам и розам, королевскому Льву Гвинеда, епископским знаменам Ремута и Джассы.

К ним спешил и Нигель, неся свое знамя со Львом, держащим копье.

— Ну, что ты думаешь, Морган? — спросил Келсон, снимая шлем и приглаживая потные волосы. — Ты лучше всех знаешь свою крепость. Ее можно взять?

Морган вздохнул, поерзал в седле, держась обеими руками за высокую луку.

— Мне бы не хотелось брать ее силой оружия, сэр. Любую стену можно разрушить, имея хорошее снаряжение и время. Я хотел бы вернуть свой город

неразрушенным, но понимаю, что это вряд ли возможно. У нас мало времени.

Арлиан посмотрел на опускающееся в густом вечернем тумане солнце, а затем повернулся к Келсону. Кожаное седло скрипнуло при его движении, а епископский перстень ярко сверкнул в лучах заходящего солнца.

Он и Кардиель были вооружены и одеты в доспехи. Они были готовы сражаться — эти два храбрых епископа — за свою Церковь.

Глаза Арлиана поймали взгляд Келсона.

— Становится темно, сэр. Если мы не собираемся вступать в битву ночью, пора отдать распоряжение об отдыхе и устройстве лагеря.

— Ты прав. Сейчас слишком поздно, чтобы двигаться дальше.

Келсон отогнал прочь муху, севшую между ушей его лошади.

— Я не хочу сражаться с ними. Есть шанс, надежда, правда, ничтожная, что мы можем прийти к соглашению, не применяя оружия.

— Очень слабая надежда, сэр,— возразил Дункан.— Пока там верховодит ненавистник Дерини Варин, переговоры вряд ли возможны. К тому же, у него много сторонников.

Келсон нахмурился.

— Я знаю. Во всяком случае, мы должны попытаться. Кардиель, вызови остальных епископов сюда на совет. Морган и Дункан, распорядитесь о разбивке лагеря. И пусть выставят часовых. Я не хочу, чтобы во время ночного отдыха нас беспокоили патрули повстанцев.

— Хорошо, мой король.

С крепостных стен за движением королевской армии наблюдали другие глаза. Это были Варин де Грей и несколько его военачальников.

Серые глаза Варина обшаривали долину, замечая все знамена, мысленно подсчитывая число солдат, которых эти знамена объединяли сейчас в лагере под стенами крепости.

Варин вовсе не производил впечатления человека, поставившего на колени половину Корвина. Среднего роста, с коротко остриженными волосами и бородой неопределенного цвета, он весь казался каким-то серым. Серыми были его туника и шляпа, серым был его плащ, накинутый сейчас на его узкие плечи. И только эмблема сокола, вышитая на серой тунике, нарушала серую монотонность ярким черно-белым пятном. Из-под плаща у горла и выше кистей рук выглядывали стальные доспехи, но и блестящая сталь меркла на общем тусклом, скучном фоне.

Только глаза выдавали незаурядного человека — человека, которого многие знали как лорда Варина, мистика, фанатика, а некоторые утверждали — святого.

Говорили, что эти глаза могут проникать в душу человека, могут исцелять, как делали древние пророки и святые.

Этот человек пришел с севера и своими вдохновенными проповедями, призывающими к священной войне против Дерини, зажигал сердца людей и собрал много сторонников.

Говорили, что Варин послан богом. Во всяком случае, его военные успехи подтверждали это. Более того, сама Гвинедская Курия во главе с неистовым фанатиком — архиепископом Лорисом встала на его сторону.

И теперь повстанцы и войска Курии стояли плечом к плечу за стенами Короты, готовые дать бой королевской армии. Они захватили город без единого убитого или раненого — путем предательства. И теперь все приверженцы Моргана были заточены в темницы, а город принадлежал религиозным фанатикам.

Проповеди Варина привлекли на его сторону даже многих жителей Короты, которые всегда были преданы своему герцогу и королю.

И теперь Варин с высоты крепостных стен смотрел на нового врага.

Один из его помощников кашлянул.

— У них большая армия, лорд. Выдержат ли стены?

Варин кивнул.

— Выдержат, Майкл. По крайней мере, некоторое время. Этот Морган не дурак. Он сам укрепил свои

стены и наверняка предусмотрел все. Сможет ли он разрушить собственные укрепления?

Второй помощник, Поль де Гендас, покачал головой.

— Трудно сказать. Вы же знаете этого Моргана. Вспомните, что он сделал в часовне Святого Торина, а ведь тогда он был лишен своего могущества. А сейчас рядом с ним другие Дерини: священник Мак Лейн, сам король, может быть, дядя короля и сын дяди. Да и вообще весь род Халданов обладает могуществом.

— Не тревожься,— мягко сказал Варин.— Я уверен, что даже могущество Дерини не сможет легко сокрушить эти стены. Эй, где архиепископы? Им сообщили о том, что здесь происходит?

— Они идут сюда,— доложил, низко кланяясь, третий помощник.— Милорды были разгневаны, когда узнали об этом.

— Конечно,— пробормотал Варин, и легкая улыбка скривила его губы.— Архиепископ Валорета — человек горячий. К счастью, он не боится встретиться лицом к лицу с Морганом. Он будет нашим оратором, вдохновляющим войска на святую битву.

На широких стенах и в укреплениях занимали позиции лучники и копьеносцы. Огромные кучи камней были приготовлены заранее, и теперь возле них стояли дюжие молодцы, готовые обрушить эти метательные снаряды на головы ничем не защищенных нападающих.

Варин обернулся назад и окинул взглядом башни крепости.

На самой высокой башне развевалось знамя архиепископа Лориса. Знамя самого Варина с эмблемой сокола украшало башню пониже. На остальных башнях реяли знамена других епископов и дворян, присоединившихся к священной армии.

Варин снова посмотрел вниз, в долину, и увидел, что вожди вражеской армии собрались на высоком холме.

К Варину подошли архиепископы Лорис и Корриган, а также несколько епископов.

Лорис поверх своей обычной темно-пурпурной мантии накинул плащ для защиты от вечернего воздуха. Светлые волосы, выбивающиеся из-под шапочки вокруг головы, казались нимбом. Единственные украшения,

которые он себе позволил,— это серебряный нагрудный крест и епископский перстень. Лорис был бледен и сосредоточен.

Корриган нервничал. Его глаза перебегали с Варина на Лориса, а когда он случайно смотрел вниз, в долину, где скапливалась королевская армия, лицо его бледнело.

При появлении прелатов люди Варина низко поклонились, а сам он лишь чуть склонил голову.

Лорис кивком ответил на приветствия и поклоны и приблизился к парапету.

— Я уже направлялся сюда, когда прибыл посыльный,— сказал он, осматривая армию, с трех сторон окружающую крепость.— Когда они двинутся вперед, как ты думаешь?

— Кажется, они разбивают лагерь, Ваше Преосвященство. Сомневаюсь, что они нападут ночью. Вон там,— показал рукой Варин,— собрались король Келсон, епископы Арлиан и Кардиель, принц Нигель. И, конечно, Морган и священник Мак Лейн. Они, очевидно, смогли убедить епископов в своей невиновности, так как одеты в обычные боевые доспехи.

— Невиновности! Надо же! — фыркнул Лорис.— Я думаю, эти сказки не для нас с тобой. Ты же был в часовне Святого Ториана, верно?

— О да, милорд! — злобно подтвердил Варин.— А теперь эти «невиновные» располагаются военным лагерем здесь и, по всей вероятности, захотят вести с нами переговоры. Как вы считаете, Лорис?

Лорис перегнулся через край парапета, чтобы получше рассмотреть вражеские войска, и увидел, как от королевской свиты отделилась небольшая группа всадников и медленно поехала к городским воротам. Один из них держал в руке белое знамя.

— Отлично, мы их слушаем,— сказал Лорис, повернувшись к Варину.— Дай сигнал людям, чтобы не стреляли.

В это время из группы вырвался вперед всадник с белым флагом и зигзагами поскакал к крепости. Он был без шлема и, по всей видимости, безоружен. Белый шелковый флаг в его руках в лучах заходящего солнца вспыхивал серебром и золотом.

Варин, подняв подозрную трубу, разглядел герб на плаще всадника.

Это был Конал, старший сын принца Нигеля.

Варин опустил трубу и, рассматривая всадника, который остановился в пятидесяти ярдах от стены, поднял руку, чтобы остановить своих людей. Все копья и стрелы, нацеленные на парламентаря, неохотно опустились.

Всадник медленно приблизился еще ярдов на тридцать, а затем поехал вдоль стены.

Варин понял, что тот высматривает офицера, к которому мог бы обратиться.

— У меня письмо архиепископу Лорису и человеку, которого называют Варин де Грей! — крикнул он, подняв голову и обводя глазами людей, стоящих вдоль парапета.

Лорис напрягся, шагнул вперед.

Конал, заметив движение, подъехал поближе. При этом зрители смогли убедиться, что он превосходный наездник.

— Лорд архиепископ? — крикнул он.

Голос его был по-юношески высок, но в нем чувствовалась нервозность.

— Я архиепископ Лорис, а Варин де Грей стоит рядом со мной. Что у тебя за послание?

Молодой человек поклонился и поднял голову.

— Король поручил мне предложить вам переговоры. Он просит, чтобы ему и нескольким его приближенным предоставили возможность приблизиться и говорить с вами. Вы можете удовлетворить его просьбу?

Лорис взглянул на Варина и кивнул.

— Я согласен. Но передай Его Величеству, что все переговоры о примирении с Церковью будут бесполезны, если он не отдаст на наш суд двоих Дерини, которым он покровительствует. Это наше обязательное условие, без него переговоры не состоятся.

— Я передам ему все, милорд, — поклонился юноша.

С этими словами он прищипорил лошадь и помчался обратно. Белое шелковое знамя развевалось у него над головой.

Варин и Лорис смотрели ему вслед и видели, как он приблизился к одетой в малиновый плащ фигуре, стоящей в центре группы знати.

Лорис сжал кулак и в бешенстве сильно ударил по каменной стене.

— Не нравится мне это, Варин,— пробормотал он.— Мне это совсем не нравится. Пошли своих людей к солдатам, пусть они проследят, чтобы не было измены. Я не доверяю больше нашему королю.

Келсон смотрел на две фигуры, возвышающиеся на крепостной стене: Одна — в епископском пурпуре, другая — в монотонном сером одеянии.

Затем он поправил шлем и знаком приказал знаменосцу ехать.

Когда юноша, который был всего на год младше Келсона, отъехал, король прищипорил своего коня и направился следом. Слева его сопровождал Морган, справа — Кардиель.

Королевский знаменосец ехал чуть впереди них, а два королевских оруженосца замыкали процессию. Вечернее солнце освещало блестящий шлем Келсона, украшенный зелеными перьями шлем Моргана и простую митру Кардиеля.

Келсон взглянул вверх, на золотого Льва, вышитого на королевском знамени. Затем опустил глаза и с удовлетворением оглядел такого же Льва, украшавшего малиновую попону его лошади.

На Моргане поверх кольчуги развевался роскошный зеленый плащ. К седлу Кардиеля вместо пики было приторочено распятие.

Впереди с белым знаменем парламентаря ехал Конал, гордый от важности порученной ему миссии.

Когда они приблизились к стене, Келсон поймал устремленный на него сверху взгляд Лориса, а когда в следующее мгновение он ощутил ненавидящий взгляд Варина, молодой король внутренне содрогнулся.

Король остановился, знаменосцы с белым и алым знаменами заняли места рядом с ним, образовав как бы почетный караул. На них, из каждой бойницы в стене, смотрело множество глаз.

Успокоившись, светский владыка Гвинеда взглянул на духовного и начал говорить:

— Приветствую тебя, архиепископ Лорис! Благодарю за твое согласие на переговоры.

Лорис слегка наклонил голову:

— Когда король проявляет раскаяние, разве может священник отказать ему во встрече?

— Раскаяние, архиепископ? — Келсон оглянулся на Кардиеля, а затем снова посмотрел на Лориса. — Я этих слов не произносил. Я хочу заключить с вами перемирие в целях безопасности Гвинеда. Все наши внутренние распри нужно забыть, и как можно быстрее, так как государству угрожает страшная опасность с севера.

Лорис сложил руки на груди, вздернул подбородок.

— Я буду рад заключить с вами перемирие, если вы объясните мне, почему вы держите в своей свите предателей и еретиков. Разве вы забыли, почему мы здесь? Тому причиной те, кто сейчас вместе с вами.

Кардиель откашлялся и выехал немного вперед.

— Милорд, я и мои братья во Христе удовлетворены объяснениями, которые представили герцог Аларик и священник Мак Лейн, и рады, что они раскаялись и с чистой душой вернулись в лоно Церкви.

— Это нелепость! — заявил Лорис. — Морган и Мак Лейн были отлучены от Церкви постановлением Курии. И вы, епископ, со своими коллегами принимали участие в голосовании. А теперь вы предлагаете отменить решение всей Курии и заменить его решением семи человек. Правильно ли это?

— Нас восемь, милорд, а не семь. И мы выяснили, что Курия допустила ошибку. Поэтому мы решили восстановить герцога Аларика и Мак Лейна в правах, чтобы они могли присоединиться к королю Келсону и оказать ему помощь в тяжелой войне.

Лорис с негодованием отвернулся.

— Это недопустимо. Вы отменили решение Курии! Почему я должен верить вам? Вы сошли с ума!

— Тогда выслушайте своего короля,— сказал Келсон. Его глаза сузились и в них засверкал гнев.— Между нами лежит еще одно дело: действия вашего союзника Варина. Его банды целых шесть месяцев совершали в Корвине грабежи, убивали моих баронов, жгли поля и поместья, призывали к восстанию против меня.

Варин поправил его:

— Не против вас, сэр. Против Дерини.

— Разве я не Дерини наполовину? — спросил Келсон.— А если ты выступаешь против Дерини, то, значит, и против меня.

Варин смотрел на Келсона холодными серыми глазами.

— Очень жаль, сэр, что в ваших жилах течет кровь Дерини. Но мы решили пренебречь этим обстоятельством, раз вы наш король. Мы объявили священную войну настоящим Дерини, вроде тех, кто сейчас рядом с вами. Вы не должны быть с ними, сэр!

Келсон рывкнул:

— Ты смеешь указывать своему королю! Варин, у меня нет ни времени, ни желания обсуждать с тобой вопрос о Дерини. Венсит из Торента стоит у наших границ и готов вторгнуться в страну. А Венсит несет зло, даже если бы он был не Дерини. Все наши внутренние распри ему только на пользу.

Лорис сердито покачал головой и принял горделивую позу.

— Не впутывайте сюда Венсита, сэр. Дело не в нем. Я не отрекусь от заветов Господа даже по приказу самого короля!

— Вы лучше слушайте своего короля,— спокойно сказал Келсон, но в его голосе зазвенела сталь. — Как вы сами сказали, я законный король Гвинеда. Вы сами совершили церемонию помазания и коронации. И то, что было сделано тогда, люди не могут отменить. А теперь, своей властью, которую вы от имени Бога вручили мне как королю, я требую, чтобы вы сложили оружие и сдали город его законному господину. Позже,

когда у нас будет достаточно времени, мы обсудим наши точки зрения на вопрос о Дерини.

В окружении Лориса слышалось перешептывание, а сам архиепископ покачал головой:

— Я признаю ваше право приказывать, сэр, но, к сожалению, я не могу подчиниться этому приказу. Я не могу сдать город. Далее, я предлагаю вам и вашей армии покинуть долину, а то ваши слова достигнут ушей моих людей и разбудят в них гнев. А я вовсе не желаю, чтобы кровь короля Гвинеда была бы на моей совести.

Несколько бесконечных секунд Келсон смотрел на архиепископа. От гнева он не мог произнести ни слова. Затем ударил шпорами коня и поскакал назад, к своему войску.

Сопровождающие поскакали за ним, правда, внимательно следя, как бы не стать жертвой стрелы какого-нибудь рьяного фанатика, о которых их предупредил Лорис.

И только когда они отъехали на безопасное расстояние, Келсон остановился. Он справился с душившим его гневом и заговорил:

— Ну, Морган? Что я должен был сказать этому наглому священнику? — он стянул с головы шлем и бросил его пажу. — Ответь, Чемпион короля! Что я должен был сказать? У него хватило дерзости угрожать мне!

— Спокойствие, мой принц, — прошептал Морган.

Лошади Келсона передался гнев хозяина, и она, заржав, поднялась на дыбы. Морган взял поводья, чтобы успокоить ее.

— Господа, простите нас, — обратился он к окружающим. — Причин для тревоги нет. Нигель, ты поезжай и проверь, как разбили лагерь. Лорды епископы, вы тоже следуйте с ним. Дункан, ты и епископы Арлиан и Кардиель поедете с нами. Его Величеству нужен совет.

— Я не ребенок, Морган, — пробормотал Келсон. Он вырвал поводья из рук Моргана и зло глянул на него.

— Но Ваше Величество должны выслушать совет людей, которым он доверяет, — продолжал Морган, оттесняя своей лошастью лошадь Келсона от собравшихся

офицеров к королевскому шатру.— Дункан, ты осмотрел окрестности замка Корот?

— Конечно,— ответил Дункан, понимая, что Морган старается отвлечь внимание от Келсона.— Мой принц, я уверен, что у Моргана есть план.

Келсон позволил увлечь себя туда, где солдаты только что поставили королевский шатер.

Король повернулся к Моргану, и было ясно, что он уже остыл, гнев его угас. Он тихо сказал:

— Прости. Я не хотел устраивать сцену. Это Лорис взбесил меня. У тебя действительно есть план?

Морган наклонил голову, на его губах играла легкая улыбка.

— Да.

Он осмотрелся вокруг, спешился и предложил остальным сделать то же самое.

Когда они вошли в шатер, он подождал, пока все рассядутся по местам, и тогда изложил свой план:

— Сейчас нам делать нечего, так как требуется темнота, чтобы все подготовить. Но когда наступит ночь, я предлагаю сделать вот что...

ЧАСТЬ 3

ГЛАВА 14

Ночью тысячи сторожевых огней зажглись в открытой всем ветрам долине под Коротом. Эти мерцающие огни, как тысячи глаз, следили за настороженным городом.

У королевского шатра стояли наготове пять лошадей. Сбруя и копыта были обмотаны темными тряпками, чтобы их невозможно было ни видеть, ни слышать в темноте.

За ними присматривал сын Нигеля Конал. Его задачей было привести обратно лошадей, когда те, кто поедет на них, достигнут места назначения. Мальчик закутался в темный плащ и бесцельно ковырял землю носком сапога.

Он встрепнулся и обернулся, когда сзади откинулся полог палатки. На пороге стоял его отец. Мальчик подошел к нему, и тут из палатки вышли Морган, Дункан, король и все остальные.

— Ты все понял, что надо делать, если наша попытка не увенчается успехом, дядя? — спросил Келсон.

— Все понятно, — кивнул Нигель.

— А ты, епископ Арлиан? — повернулся король к епископу. — Я знаю, что могу на тебя рассчитывать.

— Думаю, моя помощь не потребуется, сэр, — сказал Арлиан, и легкая улыбка скользнула по его губам. — Ваш план предусматривает все неожиданности. И вы знаете, как вызвать меня в случае необходимости.

— Мы будем молиться, чтобы этого не случилось, — ответил король.

Он опустился на одно колено. То же сделали и Морган с Дунканом. После некоторого колебания к ним присоединился и Конал. Кардиель склонил голову.

— Бог с вами, мой принц,— прошептал Арлиан, благословляя их.

Благословение закончилось, мужчины поднялись с колен и сели в седла, взяв в руки поводья. Морган двинулся вперед. За ним Дункан. Арлиан положил руку на шею лошади Кардиеля и попросил его наклониться к нему.

— Храни себя, друг мой,— сказал он тихо.— Мне бы не хотелось, чтобы ты погиб раньше времени. Впереди у нас много работы.

Кардиель молча кивнул, не решившись заговорить, и Арлиан улыбнулся ему.

— Ты понимаешь, почему вместо меня едешь ты?

— Я знаю, что ты остался помогать принцу Нигелю, если будет нужно. Кто-то должен остаться с ним, вдруг, не дай бог, принц Нигель погибнет.

Арлиан засмеялся и покачал головой.

— Это одна из причин, но не основная. А тебе не пришлось в голову, что из всех четверых, которые отправляются в путь, ты один не Дерини?

Кардиель посмотрел на своего коллегу несколько мгновений, а затем опустил глаза.

— Я решил, что поскольку все считают, будто я возглавляю мятежных епископов, то меня будут слушать. Разве не это другая причина?

Арлиан хлопнул его по плечу, чтобы успокоить.

— Да, это вторая причина, но опять не главная! Просто я хочу дать тебе возможность увидеть настоящих Дерини в действии. Знаю, ты поверил мне, когда я рассказывал тебе о них, но я хочу, чтобы ты все увидел собственными глазами и поверил всем сердцем в то, во что уже поверил твой разум.

Кардиель поднял глаза, встретил взгляд Арлиана и улыбнулся.

— Спасибо, Денис. Я... я постараюсь держать открытым разум и... сердце.

— Большого я и не прошу,— кивнул Арлиан.

Кардиель прищпорил лошадь и поехал догонять остальных. Постепенно он растаял во мраке. Вокруг было тихо, лишь слабо потрескивали, разгоняя тьму, огни костров.

Арлиан с улыбкой на губах повернулся к Нигелю, который все еще стоял у входа.

Пять всадников сначала двигались прямо на запад, а затем повернули на юг и поехали под защитой прибрежных скал. Примерно через полтора часа всадники остановились в глухом ущелье к юго-западу от замка Корот и спешились.

Они находились в полумиле от передовых постов обороны города. Морган потребовал строгого соблюдения тишины, связал всех лошадей в цепочку и передал поводья первой лошади Коналу.

— Давай, Конал,— прошептал он.— Поезжай и не сворачивай в долину, пока не доберешься до места, где свернули мы. Я не хочу, чтобы тебя заметили из замка.

— Я буду осторожен, Ваша Светлость.

— Хорошо. Бог с тобой,— напутствовал его Морган, легонько хлопнув мальчика по колену.— В путь, друзья.

Конал повернул лошадь и вскоре исчез во тьме.

Морган подошел к каменной гряде и стал взбираться наверх, ловко выбирая путь между острыми камнями.

Остальные ждали, закутавшись в темные плащи, и наблюдали. Наконец, Морган поднял руку. Это был сигнал следовать за ним.

Морган привел их к узкой расщелине в камнях, которую, если не знать о ней, невозможно было бы найти, настолько искусно она была укрыта камнями и зарослями колючего кустарника.

Морган, спустившись в эту расщелину, мгновенно исчез из виду в крошечной тьме.

Трое оставшихся — Дункан, Келсон и Кардиель — переглянулись между собой, а затем уставились на темное отверстие в скале. Дункан наклонился и сунул туда голову, надеясь что-нибудь разглядеть.

Там была крошечная тьма, и Дункан вздрогнул от неожиданности, когда вдруг рядом с ним оказалось лицо Моргана.

— Боже,— ахнул Дункан, отпрянув.— Как ты напугал меня!

Морган улыбнулся, и его зубы сверкнули в лунном свете.

— Давайте сюда, ногами вперед. Здесь небольшой обрыв глубиной примерно с ярд. Ты первый, Келсон.

— Я?

— Быстрее, быстрее. Дункан, помоги ему. Здесь не так уж глубоко.

Келсон с помощью Дункана неохотно спустился в расщелину. В свете луны лицо Келсона казалось совсем белым, когда он пытался нащупать ногами обещанное дно и не находил. Внезапно он исчез. Послышалось приглушенное «Ох!», за которым последовал мягкий удар, а затем из расщелины появилось бледное лицо Келсона.

Дункан ухмыльнулся, помог спуститься Кардиелю и затем полез сам.

Вскоре все четверо стояли в полном мраке подземелья. Морган дал возможность их глазам немного привыкнуть к отсутствию света, а сам стал осторожно продвигаться вперед, ощупывая руками стену, пока не наткнулся на отверстие, ведущее дальше. Улыбнувшись, он вернулся к остальным и собрал их вокруг себя.

— Чем дальше, тем лучше. Память не подвела меня. Мы не будем зажигать огонь, пока не отойдем подальше,— кто знает, вдруг наверху пройдет патруль. Но надо связаться ремнями: впереди я, за мной Келсон, Кардиель и Дункан.

Морган повел эту странную процессию в глубины мрака. Келсон бросил последний взгляд на несколько звезд, которые смог увидеть через узкое отверстие, а затем решительно поспешил за Морганом.

Спустя некоторое время, которое показалось им годами, хотя на самом деле прошло несколько минут, Морган остановился. Темнота вокруг была абсолютной, ни малейшей частицы света не проникало сюда.

— Все в порядке? — спросил Морган.

В темноте послышался шепот. Морган отпустил руку Келсона и шагнул вперед, и тут же вокруг него образовалось сияние. Раздалось удивленное восклицание Кардиеля. Морган повернулся. На ладони его левой руки лежал излучающий слабое свечение огненный шар.

— Успокойтесь, епископ,— прошептал Морган, вытягивая руку по направлению к Кардиелю.— Это только свет — ни добрый, ни злой. Потрогайте его. Он холодный и абсолютно безвредный.

Кардиель стоял, окаменев и глядя не на свет, а в лицо Моргану, и только когда Морган остановился возле него, глаза епископа опустились на светящуюся сферу. Огонь был зеленоватым, холодным и походил на сияние, которое окружало голову Арлиана в ту ночь, когда он признался в том, что он Дерини.

Наконец, Кардиель протянул руку, чтобы коснуться огня. Он ничего не ощутил, а только свежий ветерок прошелся по его пальцам, когда рука погрузилась в огонь. Коснувшись руки Моргана, епископ поднял глаза, встретил взгляд Моргана и заставил себя улыбнуться.

— Вы должны извинить меня, я несколько растерялся...

— Чепуха,— рассмеялся Морган.— Теперь уже недалеко, и у нас есть свет. Вперед.

Морган не обманул: действительно, было недалеко. Они быстро добрались до конца туннеля, но он был завален камнями, а сразу после завала начиналось большое озеро.

Этого Морган не ожидал. Проведя рукой над сферой зеленоватого огня, он заставил сферу подняться повыше, а сам подозвал Дункана и Келсона. Все трое простерли руки в направлении завала и закрыли глаза, их соединенная психическая энергия устремилась вперед, чтобы расчистить путь. Вскоре все было кончено, завала больше не было, но выход из туннеля по-прежнему был закрыт. Морган долго стоял, вглядываясь в подземное озеро, а затем стал раздеваться.

— Что ты делаешь? — спросил Кардиель, приближаясь к Моргану и тоже глядя в воду.

Эти слова заставили Дункана и Келсона отвлечься от поисков выхода, и они тоже подошли к Моргану. Тот уже разделся, и на нем не было ничего, кроме рубашки и пояса с кинжалом.

— Мне кажется, что выход из туннеля под водой,— сказал Морган, осторожно входя в воду.— Я вернусь через минуту.

Он сделал глубокий вдох и, сильно оттолкнувшись ногами, исчез под водой.

Трое оставшихся людей с замиранием сердца смотрели в мрачные глубины. Хмурый Дункан опустил светящуюся сферу к поверхности воды. Наконец, в нескольких ярдах от того места, где исчез Морган, вода всколыхнулась, и вскоре показалась мокрая золотоволосая голова. Морган откинул волосы с глаз и широко улыбнулся, а затем поплыл к ним.

— Я нашел проход,— сообщил он, трясая головой, чтобы вылить из ушей воду.— Длина его всего футов три, но он находится на глубине шесть-семь футов. Кардиель, вы умеете плавать?

— Я... да. Но я никогда...

— Тогда все хорошо. У вас получится великолепно,— ухмыльнулся Морган и хлопнул его по колену.— Келсон, я поведу тебя первым. На другой стороне темно, конечно, но край озера совсем близко. Как только достигнешь берега, сотворишь свет и возвращайся в воду, чтобы встретить Кардиеля. Мы с ним подождем, пока ты не будешь готов.

Келсон кивнул и стал раздеваться.

— А как насчет оружия? Мы не берем его, а ведь оно может понадобиться.

— В моей башне полно оружия. Но сначала туда надо попасть,— ответил Морган и протянул руку, чтобы помочь Келсону войти в воду.

— Ну, давай, показывай свой подводный проход.

Кивнув, Морган сделал глубокий вдох и нырнул. Келсон немедленно последовал за ним. Они моментально исчезли из виду, и через некоторое время Морган снова показался на поверхности, уже один. Дункан к этому времени был готов, и процесс повторился. Когда Морган в очередной раз вынырнул на поверхность, его ждал

поблудневший Кардиель в длинной белой рубашке, полы которой он подоткнул за пояс, чтобы не мешали. Пока Морган подплывал к берегу, епископ беспокойно теребил пальцами простое деревянное распятие, висевшее у него на шнурке.

— Пора? — спросил Кардиель. Вопрос прозвучал несколько глуповато.

Морган кивнул и протянул мокрую руку. Кардиель, со вздохом берясь за нее, сел у границы воды. Он вздрогнул, когда его ноги соскользнули в воду, темные глаза засветились странным блеском в призрачном свете, исходившем от зеленоватой таинственной сферы.

Морган осторожно поддерживал Кардиеля, а тот, ежась и повизгивая, вошел, наконец, в озеро. Они поплыли к тому месту, где нужно было нырять. Кардиель явно нервничал. Он все старался заглянуть под воду, и Морган опустил источник света ниже.

— Ну как, сможете нырнуть сюда? — тихо спросил Морган.

— У меня нет выбора,— лицо епископа было бледным, но чувствовалось, что он твердо решил на этот шаг.— Ты только скажи, что я должен делать.

Морган кивнул.

— Входное отверстие на глубине шести футов, прямо под нами. Видите его?

— Смутно.

— Хорошо. Теперь ныряйте, как делали остальные. Я нырну вместе с вами и помогу проплыть до конца. Только помните, нельзя дышать, пока не вынырнешь на другой стороне. Ясно?

— Я попытаюсь,— с сомнением в голосе ответил епископ.

Помолившись тому святому, который оберегал епископов, ныряющих в воду, Кардиель ощутил легкое похлопывание по спине. Он крепко зажмурил глаза, вдохнул воздух, задержал дыхание и нырнул. Морган последовал за ним.

Но случилось то, чего Морган не предполагал. Кардиель бестолково молотил руками и ногами, но проку от этого было мало. Они не могли опуститься на нужную глубину.

Морган обхватил епископа руками за пояс и пытался тащить его вниз, но ничего не получалось. Кардиель не понимал, что от него требуется. Наконец, измученный Морган направил его вверх.

Пока они были под водой, свет погас, и теперь воцарилась полная темнота. Кардиель все еще бил руками по воде, не понимая, где он. Морган положил ему руку на плечо, и епископ постепенно стал успокаиваться. В темноте раздавалось его хриплое дыхание.

— Мы уже перебрались на ту сторону? — спросил он.

Морган был рад, что в пещере темно, и епископ не видит выражения его лица в этот момент.

— Увы, нет, мой друг, — сказал Морган, пытаясь придать своему голосу сердечность, которой вовсе не ощущал. — Но мы сейчас переберемся, не беспокойтесь. Мне кажется, что вы гребли недостаточно энергично.

Наступила тишина, и затем Кардиель кашлянул. Это был единственный звук в пещере, за исключением редких всплесков воды.

— Мне очень жаль, Аларик. Я же говорил, что я плохой пловец. Мне не нырнуть так глубоко.

— Вам придется сделать это, — ответил Морган, — иначе вы останетесь здесь, а я не могу этого допустить.

— Боюсь, что у меня не получится, — слабым голосом возразил Кардиель.

Морган вздохнул.

— Давайте попытаемся еще раз. Не набирайте так много воздуха перед тем, как нырнуть. Это поможет погрузиться глубже. Я буду помогать вам.

— А вдруг мне не хватит воздуха? — в голосе епископа прозвучал страх.

Морган понял, что епископ испуган сверх всякой меры.

— Не беспокойтесь ни о чем, только не дышите в воде, — прошептал он и легонько подтолкнул Кардиеля. — Ну, вдохните, выдохните — и вниз!

Морган услышал хриплый вдох, медленный выдох, а затем Кардиель стал погружаться в темную глубину.

Морган схватил его за плечи, толкая в том направлении, где должен быть проход. Он почувствовал,

что Кардиель задыхается, что епископа охватывает паника. Но Морган решительно затащил его вниз и втолкнул в отверстие. Однако достигнув другого конца прохода, он заметил, что Кардиель перестал сопротивляться и тело его обмякло.

Мысленно призывая Дункана и Келсона, Морган начал изо всех сил толкать тело епископа наверх, где над поверхностью маячило слабое пятно света. Только бы Кардиель не захлебнулся. Но как ни мало времени они находились под водой, Морган вытащил на поверхность бесчувственное тело.

Как только голова Моргана оказалась наверху, он крикнул Дункана и Келсона, прося о помощи. Те были уже в воде, и понадобилось всего несколько секунд, чтобы доставить бесчувственного Кардиеля на берег. Морган перевернул его на живот и начал ритмичными движениями выдавливать воду из легких. Вода ручьями лилась изо рта и носа.

Морган сердито покачал головой и выругался:

— Черт возьми, я же говорил, что нельзя дышать под водой! Неужели он считает себя рыбой?

Кардиель все еще не дышал. Морган перевернул его на спину, но грудь епископа была неподвижной.

Морган снова выругался и принялся хлопать много-страдального епископа по щекам. Дункан наклонился к Кардиелю и начал вдвухать воздух ему через рот. Время тянулось бесконечно долго, но вот грудь затрепетала, и все удвоили свои усилия.

Наконец, они были вознаграждены: послышался слабый кашель, который тут же перешел в судороги, потрясшие все тело.

Кардиель с трудом перевернулся на бок и изверг из себя еще фонтан воды. Потом открыл глаза и повернул голову, чтобы посмотреть на них.

— Неужели я жив? — прохрипел он.— Я прошел через кошмар.

— Да, вы чуть не расстались с жизнью,— качая головой, сказал Морган.— Очевидно, кто-то на небесах покровительствует вам, милорд.

— Хвала нашему Господу,— простонал Кардиель и попытался перекреститься.— Я благодарю всех вас.

С помощью Дункана он сел, снова закашлялся, а затем жестом попросил помочь ему подняться на ноги. Не сказав ни слова, но всем видом показывая, что он восхищен стойкостью епископа, Морган подал ему руку и помог встать.

Через несколько минут все четверо стояли у развилки, где каменный коридор разделялся на два рукава. В левом коридоре их ждал сплошной мрак, а правый был завален кучей камней. Морган осторожно прозондировал завал.

— Плохо. Я хотел пройти по этому проходу в крепость, после того как мы переоденемся и вооружимся в моей башне.

— А в башню мы попадем по левому ответвлению? — спросил Келсон.

— Конечно. Но затем придется идти по коридорам замка, где нас могут заметить. Увы, делать нечего. Пошли. Впереди у нас несколько коридоров и лестниц. Будьте осторожны и не шумите.

Вскоре Морган привел их к узкой винтовой лестнице — не шире полуярда. Лестница заканчивалась небольшой площадкой. В каменной стене они увидели тяжелую дверь. Морган остановил своих спутников движением руки, ослабил магический свет до еле заметного огонька и подошел к двери. Остальные видели только его неясный силуэт, но не могли разобрать, что он делает.

Послышался тихий голос Моргана, произносившего заклинание,— и по каменным стенам забегали призрачные огоньки.

Вскоре они погасли. Тогда Морган повернулся к молча ожидающим его людям и жестом пригласил их приблизиться. Дверь бесшумно распахнулась, и все четверо вступили в комнату Моргана, занимавшую верхнюю часть башни. Это было личное убежище Моргана, куда никто не мог войти без него.

В комнате стоял полумрак. Она освещалась только слабым светом луны, проникающим через семь окон с зелеными стеклами, прорезанными в толстых стенах.

Морган вошел в комнату, бесшумно ступая босыми ногами по толстому ковру на полу, и на ходу дал знак остальным задернуть шторы на окнах и зажечь свечи.

Вскоре все четверо стояли, щурясь от яркого света, что никому не мешало с любопытством оглядываться. На круглом столе близ камина сразу привлекал внимание тщательно отполированный шар золотистого цвета — большой, величиной с кулак, казалось, он парит в воздухе. Его поддерживала подставка, выполненная в виде золотого грифона.

У Кардиеля при виде этого от изумления перехватило дыхание. Он шагнул к шару, но Дункан тихо позвал епископа, чтобы заняться делом.

И вот все четверо уже рылись в сундуках и ящиках, сбрасывая с себя мокрую одежду и переодеваясь в сухую. Когда они закончили, оказалось, что только Морган и Дункан одеты нормально, по размеру. Келсону туника Моргана, хотя он постарался выбрать самую короткую, доходила до колен, а плащ лишь немного не доставал до земли. А Кардиель постарался найти себе обязательно все черное, хотя он сейчас вовсе не походил на лицо духовного звания. Туника была ему тесна в талии, а сапоги немного малы. Однако широкий черный плащ скрывал все огрехи его одежды. Он тщательно вытер деревянное распятие и протер епископский перстень, не забыв полюбоваться его сиянием. Морган и Дункан в это время просматривали арсенал Моргана, выбирая оружие.

Наконец, Морган дал знак соблюдать полную тишину и пошел к двери — тяжелой двери из старого потемневшего дуба, на которой был изображен зеленый грифон.

Морган приложил глаз к изображению грифона и осмотрел пространство по ту сторону двери. Приложив палец к губам, он осторожно ее открыл. Недалеко за ней оказалась вторая дверь, и Морган долго прислушивался возле нее, а затем вернулся обратно и прикрыл первую дверь.

— Там, как я и предполагал, стоит охранник. Дункан, пойдем со мной и послушаем вместе. Если он

достаточно чувствителен, мы сможем управлять им из-за двери. В противном случае придется убить его.

— Давай попытаемся,— кивнул Дункан, направляясь вслед за Морганом.

Они встали вдвоем у двери, приложив к ней головы и руки, закрыв глаза. Так они долго стояли, затаив дыхание, излучая психическую энергию. Наконец, Морган недовольно покачал головой, достал стилет и попробовал его острие на ноготь. Его губы прошептали одно слово: «Готов», и священник угрюмо кивнул.

Келсон и Кардиель подошли поближе, влекомые острым любопытством, а Морган опустился на колени, пробежал рукой по двери, отыскивая щель. Он приставил лезвие стилета к найденной щели и резким движением вогнал его туда. Затем осторожно вытащил лезвие. Оно было запачкано чем-то красным. За дверью раздался стон, и затем послышался тихий звук, как будто что-то сползло на пол.

Покачав головой, Дункан открыл дверь. Они увидели на полу перед дверью распростертое тело человека. Из еле заметной ранки на спине медленно сочилась кровь. Охранник не двигался, и после некоторого колебания Морган взял его за руки и втащил в комнату.

Лицо Кардиеля омрачилось, когда на полу, покрытом ковром, он увидел труп. Кардиель перекрестил его и, перешагнув через тело, присоединился к остальным.

— Мне очень жаль, епископ, но другого выхода не было,— прошептал Морган, запирая за ним дверь и давая знак следовать дальше.

Кардиель ничего не сказал, но его кивок ясно говорил, что он не осуждает Моргана за это убийство.

Они шли минут пять — осторожно, вздрагивая при каждом шорохе, и вскоре оказались в коридоре, стены которого были обшиты деревянными панелями. На одной из стен был укреплен факел. Морган правой рукой снял факел, а пальцами левой руки быстро пробежал по панели, нажимая потайные кнопки.

Центральная панель сдвинулась в сторону, давая им проход. Морган пропустил всех, прошел сам и вернул панель на место, а затем повел их дальше. Через

несколько десятков ярдов, повернувшись к ним, он сказал:

— Теперь слушайте меня, и слушайте внимательно, потому что времени повторять больше не будет. Сейчас мы находимся в начале сети тайных ходов, пронизывающих стены замка. Этот ход ведет прямо в мои покои. Полагаю, там сейчас расположились Варин или архиепископы. Ну, а теперь ни слова, пока я не разрешу. Согласны?

Никто не возражал, и все четверо двинулись в путь, пока не дошли до коридора, стены которого скрывались под коврами и гобеленами.

Морган подал факел Дункану, а сам двинулся к левой стене. Там он отодвинул край гобелена и заглянул в глазок, внимательно осматривая комнату, узнавая всю обстановку: ведь эта комната совсем недавно была его спальней. Затем Морган повернулся к своим спутникам с выражением угрюмого торжества на лице.

Как он и предполагал, комнату занимал Варин де Грей. И сейчас он совещался со своими людьми. Жестом Морган приказал Дункану погасить факел, а затем показал несколько глазков в стене.

Теперь все они могли видеть предводителя повстанцев и слышать его слова.

— Как мы можем бороться с ними? — с тревогой спросил один из людей Варина. — Я буду драться с Дерини и даже готов умереть, если надо, но если герцог применит магию, то у нас ведь нет защиты против нее, Господи спаси наши души.

— Разве этого недостаточно? — спросил Варин, сидевший в кресле у камина. Он поднял вверх сложенные пальцы.

— Да, но...

— Нужно верить в наше дело, Маркус, — сказал второй. — Разве Бог не вступился за нас там, в часовне Святого Торина? Магия там не подействовала!

Варин покачал головой и посмотрел в пламя.

— Неудачный пример, Поль. Морган был одурманен, когда мы захватили его там. Я уверен, что он, как сам

утверждал, и вправду не мог использовать в тот день свою магию, так как находился под действием снадобья. В противном случае его кузен не открыл бы себя как Дерини: он слишком долго сохранял эту тайну, чтобы раскрыть ее без серьезных причин.

— Значит, мы не знаем, что он может сотворить,— стоял на своем Маркус.— Может, он решит обрушить на наши головы весь замок. Он может...

— Нет, помимо того что он Дерини, это человек разумный. Он не станет разрушать замок, если найдет другие возможности. Он...

Послышался частый взволнованный стук в дверь, который тут же повторился, хотя никто еще не успел среагировать на первый.

Варин прервал фразу и посмотрел на двух своих приближенных.

— Войдите,— сказал он.

Снова послышался стук, на этот раз более настойчивый, и Поль направился к двери.

— Они не слышат, милорд. Эта комната хорошо звукоизолирована. Я впущу их.

Когда Поль был уже у двери, снова послышался стук. Поль откинул засов, и в комнату буквально ввалился сержант в форме милиции Варина.

— Лорд, лорд, ты должен помочь нам! — воскликнул он, падая на пол у ног Варина. — Мои люди готовили камни на стене, и куча камней обвалилась.

Варин сел прямо в кресле и пристально посмотрел на человека.

— Кто-нибудь ранен?

— Да, лорд, Свен Матиссон. Все успели отскочить в сторону, а у него нога застряла между камнями. У него переломаны ноги.

Четыре человека вошли в комнату. Они тащили тело несчастного Свена.

Варин встал. Сержант схватил полу его одежды, поднес к груди, затем поцеловал и прошептал:

— Помоги ему, лорд! Ты можешь его спасти.

Четверо человек со своей ношей в нерешительности остановились посреди комнаты, и Варин медленно

кивнул, указав им на огромную кровать самого Моргана, стоящую в другом конце комнаты.

Солдаты быстро положили пострадавшего на кровать и по приказу Варина удалились.

Варин пошел к раненому, приказав Маркусу запереть дверь. Он с участием посмотрел на беднягу.

Свен был сильным человеком, но это не помогло, когда на него обрушилась груда камней. Выше пояса он был совершенно невредим, здесь ничто не указывало, что он серьезно пострадал. Но его ноги, затянутые в кожаные штаны и сапоги, были вывернуты под невероятными углами.

Варин жестом велел Полю поднести поближе свечи и, заметив, что лицо Свена исказила гримаса боли, ласково положил руку на лоб раненого.

— Ты слышишь меня, Свен?

Свен замигал, стараясь сфокусировать взгляд на лице Варина, и когда ему это удалось, стало ясно, что он узнал Варина. На его лице появилось спокойное выражение, и он опять закрыл глаза.

— Прости меня, лорд. Мне следовало быть более осторожным.

Варин посмотрел на неподвижное тело, а затем снова перевел взгляд на лицо Свена.

— Тебе очень больно, Свен?

Свен кивнул. Его челюсти были плотно сжаты. Преодолевая боль, он снова разомкнул веки, чтобы видеть своего кумира. Никакими словами нельзя было передать того, что Варин увидел в глазах страдающего человека.

Варин выпрямился, посмотрел на изуродованное тело и протянул руку к Полю.

— Кинжал.

Когда Поль подал кинжал, глаза Свена расширились, и он сделал попытку приподняться, но Варин мягко уложил его снова.

— Спокойствие, мой друг. Я не собираюсь убивать тебя. Мне придется испортить тебе штаны, но мне нужна твоя жизнь. Доверься мне.

Когда Свен успокоился, Варин приложил лезвие к пропитанной кровью кожаной штанине и начал резать снизу до самого пояса.

При первом прикосновении к изувеченной ноге Свен вскрикнул от боли, потом обмяк и затих. Вторая штанина была вскрыта таким же образом, и теперь взору присутствующих открылись исковерканные и окровавленные ноги.

Варин бросил кинжал на постель, долго рассматривал конечности, подзвал Поля и Маркуса, чтобы они помогли ему выпрямить сначала одну ногу, а затем другую. Когда все было сделано, Варин надолго задумался, сложив руки, потом, стряхнув оцепенение, обратился к трем зрителям:

— Повреждение очень серьезное,— тихо сказал он.— Если ему сейчас не оказать помощь, он погибнет.

Наступила долгая тишина, в которой слышалось их тяжелое дыхание, затем Варин продолжил:

— Я никогда не лечил такие серьезные раны,— он помолчал.— Вы будете молиться со мной, друзья мои? Мне нужна ваша поддержка, хотя только воля Господа излечит этого человека.

Все трое — Поль, Маркус и сержант рухнули на колени и воздели руки к небу.

Варин продолжал смотреть вниз, в пол, как будто в комнате никого кроме него не было, затем поднял глаза и простер руки над раненым.

— Ин номинэ Патрис, эт Фили, эт Спиритус Санкти. Амэн... Орэмус...

Варин начал молиться, глаза его закрылись, над головой начало формироваться слабое сияние. Слова его молитв шелестели по комнате, так что присутствующие не могли разобрать этих слов, как не могли разобрать их и те, кто подсматривал через потайные отверстия в панелях. Но они не могли не заметить сияния над головой новоявленного пророка, спокойной уверенности, с которой он простер руки над изувеченными ногами Свена и коснулся их.

Они смотрели в тишине, как пальцы Варина скользили по искалеченным ногам, и страшные рваные раны затягивались от их прикосновения.

Спустя некоторое время Варин запел последнюю молитву. Он приподнял сначала одну ногу, затем другую. И все могли убедиться, что ноги снова стали прямыми и невредимыми, как будто и не было груды тяжелых камней, обрушившихся на эти ноги, сокрушивших кости, нанесших страшные раны.

Когда последние слова Варина растаяли в тишине, глаза Свена тяжело раскрылись, и он сел в постели, с изумлением глядя на свои ноги, пробежал пальцами по ним сверху вниз и обратно, чтобы убедиться, что они целы и невредимы.

Все поднялись с колен. Варин некоторое время смотрел на Свена, а затем истово осенил себя крестным знаменем и прошептал:

— Чудо свершилось.

А в тайном укрытии Морган готовился действовать. Подозвав Дункана и Келсона, он прошептал им несколько слов, выпрямился и снова посмотрел в глазок. Дункан положил меч и исчез в темноте. Морган обратился к Кардиелю:

— Пора, Ваше Преосвященство. Следуйте моим указаниям. Они подготовили сцену для нашего эффектного появления, и я хочу сохранить весь настрой как можно дольше. Согласны?

Кардиель торжественно кивнул.

— Келсон?

— Готов.

Варин и его люди стояли над исцеленным Свеном, и тут откуда-то со стороны камина послышался слабый звук.

Поль посмотрел в ту сторону, откуда раздался звук, и застыл. Рот его раскрылся от изумления, а глаза в ужасе расширились.

— Лорд!

При этом восклицании Варин и остальные оглянулись — как раз вовремя, чтобы увидеть, как часть стены раскрылась и в образовавшуюся дверь вошел Келсон.

Да, это был Келсон. Все узнали его юное лицо, освещенное слабым светом огня в камине.

А затем у повстанцев вырвались гневные возгласы: рядом с королем встал высокий золотоволосый Морган. И тут же появилась третья фигура. Этого — человека с серо-стальными волосами — Варин не знал. Дверь в стене за ними закрылась.

Варин бросил дикий взгляд на своих людей, и те бросились к выходу, но тут же остановились: у двери стоял Дункан. Обнаженный меч в его руке не угрожал, но был наготове. Варин застыл и сумасшедшими глазами уставился на Дункана, припомнив последнюю встречу с ним.

Варин закрыл глаза и с видимым усилием постарался овладеть собой. Только после этого он повернулся, чтобы встретиться лицом к лицу со своим королем и возмездием.

ГЛАВА 15

— Прикажи своим людям сдаться, Варин. Теперь здесь буду командовать я,— произнес Келсон.

— Я не могу этого позволить, сэр,— карие глаза Варина без страха встретили взгляд короля.— Поль, вызови стражу.

— Прочь от двери, Поль,— приказал Келсон прежде, чем тот двинулся с места.

Поль замер при звуке своего имени, произнесенного королем, а затем посмотрел на Варина, ожидая приказаний.

Перед зеленой дверью стоял Дункан, сжимая в руке меч. Он готов был без колебаний пустить его в ход.

Взгляд Варина упал на дверь, затем на перекошенное лицо Поля, на непроницаемые глаза Моргана, стоявшего рядом с королем. Спустя несколько мгновений плечи его безвольно обмякли.

— Мы проиграли, друзья мои,— сказал он устало.— Бросьте оружие и встаньте в сторону. Мы не можем

противостоять колдовству Дерини с простой сталью в руках.

— Но, милорд... — запротестовал один из его людей.

— Довольно, Джеймс,— он поднял голову и снова встретил взгляд Келсона.— Все знают, какова судьба тех, кто восстает против короля и терпит неудачу. Во всяком случае, я и все остальные умрем с мыслью, что мы сражались в защиту Господа. А ты, король, дорого заплатишь за наши жизни там, на небесах.

Четверо людей Варина начали перешептываться, бросая на Келсона злобные взгляды, но все же стали расстегивать ремни с мечами и перевязи.

Тишину в комнате нарушали только глухие звуки падающей на ковер стали. Побросав оружие, повстанцы снова сгруппировались вокруг Варина. Даже теперь их вид внушал опасение.

Келсон замечал все мелочи, когда по его приказу Дункан собирал оружие. И пока внимание пленников было отвлечено действиями Дункана, Морган еле заметно показал Келсону на низкое кресло у камина.

С легким кивком Келсон подошел к креслу, подождал, пока Морган развернет его лицом к Варину и его людям, а затем уселся и величественно расправил складки плаща. Морган тут же занял позицию справа и чуть сзади. Кардиель оставался слева от камина.

Создалось впечатление, будто король сидит на своем троне и вершит суд над подданными. Правда, роскоши для тронного зала здесь было маловато.

Такое впечатление создалось и у Варина с его людьми, так что они по укоренившейся привычке тут же приготовились слушать, что скажет им их гордый юный король.

— Мы не требуем ни твоей жизни, ни жизни твоих людей,— сказал Келсон Варину, переходя на королевское «мы».— Мы требуем только вашей преданности с этого момента... или, если не преданности, то, по крайней мере, желания выслушать то, что мы скажем.

— У меня нет уважения к королю-Дерини,— набылся Варин.— Ваш королевский сан больше не пугает меня. Вы, Дерини, всегда очень наглы, когда находитесь под защитой своей магии.

— Да? — удивился Келсон, приподнимая одну бровь.— А мы припоминаем, как ты глумился над генералом Морганом, обманом заманив его в ловушку и лишив возможности защищаться. Так что пользоваться полученным преимуществом люди имеют право. А почему Дерини не могут?

— Я не буду сотрудничать с теми, кто занимается проклятой магией! — выкрикнул Варин, упрямо тряхнув бородой.

Морган с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться.

— Да? А как же ты собираешься сохранить свою душу, Варин? Ведь твой дар исцеления — это твоя магия, разве нет?

— Магия? — Варина передернуло, и он повернулся к Моргану.— Ты святотатствуешь! Как смеешь ты, нечестивец, сравнивать свою вонючую магию с милостью, дарованной мне Богом? Наш Господь — исцелитель. И ты не должен даже дышать одним воздухом с ним!

— Все возможно,— спокойно кивнул Морган.— Об этом не мне судить. Но скажи, как ты сам понимаешь свой дар исцеления?

— Исцеления?

Варин заморгал и обернулся в недоумении. Он не мог понять смысла вопроса. Потом с жаром заговорил:

— Святое Писание говорит, что Господь наш исцелял страждущих. И его ученики тоже, после того как он ушел. Даже ты должен знать об этом.

Морган кивнул.

— А вы, епископ Кардиель, согласны с тем, что сказал Варин?

Кардиель, который до этого момента оставался на заднем плане, встрепетул, услышав свое имя, и после некоторых колебаний вышел вперед, заняв место рядом с молодым королем.

— Я всегда верил в то, что Господь наш и его ученики могли исцелять болезни,— осторожно сказал он.

— Отлично,— кивнул Морган и снова обратился к Варину: — Значит, вы оба утверждаете, что дар исцеления — Божий дар?

— Да,— ответил Кардиель.

— Конечно,— согласился Варин, все еще недоумевая.

— И твой дар исцеления — это Божий дар?

— Я...

Келсон шумно вздохнул и вытянул ноги, скрестив их.

— Ну, Варин, не будь дураком. Мы же знаем, что ты можешь исцелять. Мы своими глазами только что видели это. Мы знаем, что прошлой весной ты исцелил человека в Кингслэйке. Не будешь же ты этого отрицать?

— Я... конечно, нет,— сказал Варин. Кровь прилила к его лицу. Он старался держаться прямо и независимо.— Если Господь выбрал меня, то почему я должен отказаться от этой милости?

— Я понимаю,— сказал Морган, нетерпеливо кивая и подняв руку, чтобы установить тишину.— Так, значит, дар исцеления — знак Божьей милости, Варин?

— Да.

— И только те, кто угоден Богу и заслужил его милость, могут исцелять?

— Да.

— А если и Дерини могут исцелять? — спокойно спросил Морган.

— Дерини?

— Я могу исцелять, Варин. А ведь ты не будешь отрицать, что я Дерини. Следовательно, мы можем заключить, что дар исцеления может быть также обусловлен могуществом Дерини?

— Могуществом Дерини?

Люди Варина стояли оглушенные. Лицо Варина побледнело и стало мертвенно-белым, казалось, только пустые, ничего не понимающие глаза жили на его лице.

Среди людей Варина послышалось оживленное перешептывание. Люди обсуждали реакцию своего предводителя, но тут же смолкли, когда Варин неожиданно покачнулся и протянул руку, прося поддержки.

Постепенно предводитель повстанцев, утративший свою воинственность и непримиримость, пришел в себя и недоверчиво смотрел на Моргана. В его глазах был ужас.

— Ты сумасшедший,— прошептал он, когда, наконец, обрел дар речи.— Ересь Дерини затуманила твой мозг. Дерини не могут исцелять!

— Я исцелил Сина лорда Дерри, когда тот умирал от страшной раны. Это случилось в Ремуте прошлой весной,— спокойно сказал Морган.— А позже, в соборе, я исцелил свою собственную рану. Я говорю правду, Варин, хотя я и не могу объяснить, как я это делаю. Но я исцелял и Дерини, и не Дерини.

Варин пробормотал:

— Это невозможно. Этого не может быть. Дерини — порождения Сатаны. Так нас всегда учили.

Морган задумчиво рассматривал свои пальцы.

— Я знаю. Иногда я сам был готов в это поверить, когда вспоминал, какие ужасные страдания пришлось испытать людям моей расы в прошлые годы. Но если мои руки могут исцелять... то, может быть, Господь с нами? Может быть, мы вовсе не проклятая раса, Варин?

— Нет, ты лжешь,— покачал головой Варин.— Ты лжешь, и ты пытаешься запутать меня своей ложью.

Морган вздохнул и посмотрел на Келсона, на Кардиеля и на Дункана.

Он увидел, что Дункан приготовил свой меч. На его лице играла странная улыбка.

Дункан вопросительно посмотрел на Моргана и подошел к своим друзьям.

Варин и его люди в замешательстве подались назад, с надеждой поглядывая на не охраняемую сейчас дверь.

Дункан сказал:

— Аларик не лжет. И если вы согласны выслушать меня, вместо того чтобы думать о бегстве, то я докажу вам это.

Все переключили свое внимание на Дункана, а Варин не скрывал недоверия.

— Ты хочешь, чтобы он показал нам способность исцелять? — презрительно спросил он.

— Именно это я и предлагаю,— ответил с легкой улыбкой Дункан.

Морган нахмурился, а Кардиель в тревоге переступил с ноги на ногу. Руки его судорожно сжали крест.

Келсон, казалось, онемел от изумления.

Дункан снова обратился к Варину.

— Ну, Варин?

— Но... кого он будет исцелять?

Дункан снова улыбнулся.

— Вот мой план, Варин. Ты отказываешься выслушать нас, если Морган не докажет способность исцелять. А ты, Аларик, не можешь доказать это Варину, так как исцелять здесь некого. Я предлагаю нанести одному из нас легкую рану, чтобы Аларик смог показать свою способность и Варин был удовлетворен. Так как идея моя, то для проведения этого опыта предлагаю себя.

— Что? — воскликнул Келсон.

— Этого мы даже обсуждать не будем,— отрезал Морган.

— Дункан, ты не должен... — прозвучали слова Кардиеля.

Варин и его люди только переглядывались между собой.

Дункан спросил:

— А почему бы и нет? Ведь ни у кого из вас нет других предложений, так что о выборе говорить не приходится. Сейчас мы в тупике, и нужно что-то сделать, чтобы выйти из него. В серьезной ране необходимости нет. Простой царапины будет вполне достаточно. Что скажешь, Варин? Это удовлетворит тебя?

— Я... — Варин не смог сказать ни слова.

— Ну, а кто нанесет тебе эту царапину? — спросил, наконец, Морган. В его серых глазах читалось неодобрение.

— Ты или Келсон, какая разница? — ответил Дункан, стараясь говорить легко и спокойно.

Кардиель недовольно покачал головой.

— Я не могу этого позволить. Ты священник, Дункан. Священник не должен...

— Я отлученный священник,— напомнил Дункан,— и вы понимаете, Ваше Преосвященство, что надо это сделать.

После некоторого колебания он вытащил кинжал и протянул его в сторону своих друзей рукояткой вперед.

— Ну, давайте. Один из вас сделает мне царапину, да поскорее, а то я начинаю нервничать.

— Нет! — внезапно сказал Варин.

Он приблизился к ним на несколько шагов и остановился.

— У тебя есть возражения? — спросил Келсон, медленно опускаясь на место.

Варин стиснул руками локти и порывисто заходил по комнате, качая головой и резкими жестами подчеркивая слова.

— Все это ложь, ложь! Я не верю вам! Ведь я не могу узнать, нанесли ли вы подлинную рану или, может, создали только иллюзию раны и, значит, иллюзию исцеления. Это не доказательство. Сатана мастер на ложь и обман!

Дункан посмотрел на своих друзей, а затем повернулся и протянул кинжал Варину.

— Тогда ты сам пусти мне кровь,— сказал он ровным тоном.— Ты сам нанеси мне рану, исцеление которой докажет тебе, что мы говорим правду.

— Я? — Варин удивился, и даже голос у него сорвался.— Но я никогда...

— Ты никогда не пускал кровь, Варин? — рявкнул Морган.— Не верю. Но если это и правда, так даже лучше, если ты нанесешь удар сам. Ты хочешь доказательств — ты их получишь. Но ты сам должен принять участие в этом.

Варин долго смотрел на них, как бы борясь со своей совестью, а затем отступил назад и с ненавистью посмотрел на кинжал.

— Хорошо, согласен. Но не этим кинжалом. Я возьму свой собственный кинжал, не запятнанный колдовством Дерини.

— Как хочешь,— согласился Дункан.

Он вложил свой кинжал в ножны и стал расстегивать пояс.

Варин медленно подошел к грудe брошенного ими оружия и опустился на колени возле нее. Несколько секунд он смотрел, выбирая что-нибудь подходящее, затем протянул руку и взял из кучи узкий кинжал с крестообразной ручкой, отделанной слоновой костью.

Лезвие засверкало на свету, когда Варин вытащил кинжал из ножен и благоговейно поцеловал его. Потом он молча поднялся с колен.

— Должен предупредить тебя, что ты имеешь право нанести рану, которую можешь исцелить сам,— сказал Дункан.

Он уже раздевался, готовясь к тяжелому испытанию, на которое обрек себя сам.

— Если ты решишь нанести смертельный удар, то я настаиваю, чтобы смерть была медленной. Я не хочу испустить дух раньше, чем Аларик успеет привести в действие свои силы и исцелить меня.

Варин тревожно смотрел на священника, нервно сжимая потной рукой рукоять кинжала.

— Я не нанесу раны, которую не смог бы исцелить сам.

— Благодарю.

Дункан через голову стянул тунику и бросил ее в кресло, где недавно сидел Келсон.

Дункан торжественно стоял перед Варином, хотя лицо его слегка побледнело.

Варин поднял кинжал до уровня пояса и медленно, с явной неохотой пошел вперед. Но в его глазах светилась радость: перед ним стоял враг, добровольно согласившись подставить себя под удар.

В его голове молнией промелькнула мысль, что он может перед смертью убить хотя бы одного Дерини, но он тут же отбросил эту мысль, как ни соблазнительна она была: он должен убедиться, что эти проклятые Дерини лгут, что они не могут обладать Божественным даром исцеления.

Он подошел к Дункану на расстояние вытянутой руки и с трудом заставил себя встретить спокойный взгляд голубых глаз, затем перевел глаза на обнаженное тело Дункана — чистое, загорелое, обтянутое тугими мышцами. Плечи священника были широкими и сильными, под левой грудью виднелся небольшой шрам, полученный, очевидно, в тренировочных боях. Правый бицепс пересекал шрам поменьше.

Варин медленно поднял кинжал и приложил лезвие к левому плечу Дункана.

Тот не вздрогнул от прикосновения стали, но Варин не смог заставить себя взглянуть в голубые глаза Дункана.

— Делай свое дело,— сказал Дункан, готовясь встретить безжалостную сталь кинжала.

ГЛАВА 16

Левое плечо Дункана обожгла короткая боль и судорогой прокатилась по телу. Он успел ответить, как перед ним мелькнули сумасшедшие глаза Варина, раскрытый в возгласе рот Келсона, протянутая к нему для поддержки дружеская рука Моргана. Все поплыло перед глазами, он медленно опустил на пол и провалился во тьму.

Аларик бросился к Варину. Глаза его сверкали гневом.

Варин пришел в себя, и его охватил ужас при виде неподвижного тела Дункана.

К Дункану вернулось сознание, и он почувствовал пальцы Моргана на кинжале, торчащем из раны. Другая рука поддерживала его голову. Все отступило назад. Все, кроме Моргана. Варин стоял ближе всех.

Аларик наклонился к Дункану, заглядывая ему в глаза.

— Дункан! Дункан! Ты слышишь меня? Черт бы тебя побрал, Варин! Зачем ты ударил так сильно? Дункан, это я, Морган, слушай меня!

Дункан видел, что губы Моргана шевелятся, но слов разобрать не мог, он с трудом собрал силы, пробуя угадывать слова по движениям губ, и молча смотрел на своего кузена.

Моргану показалось, что прошла целая вечность, прежде чем он заметил слабый кивок Дункана. Дункан перевел взгляд с лица Моргана на свое плечо, где торчал кинжал с крестообразной рукояткой из слоновой кости.

Он снова взглянул на Моргана, и теплая волна спокойствия прокатилась по его мозгу, когда Морган положил свою руку ему на лоб.

— Дело серьезное, Дункан,— проговорил Морган, глядя прямо в глаза кузену.— Мне нужна твоя помощь. Постарайся не терять сознания. Я не уверен, что у меня получится без твоей поддержки.

Дункан снова повернул голову, чтобы взглянуть на кинжал.

Его щека прижалась к руке Моргана.

— Давай, начинай,— прошептал Дункан.— Я постараюсь.

Он увидел, как серые глаза Моргана закрылись в знак согласия, а затем почувствовал, как сильные руки приподнимают его и прижимают к груди.

Левая рука Моргана готова была опуститься на рану, как только кинжал будет вырван.

Дункан поднял свою руку и положил ее на левую руку Моргана, чтобы оказать тому посильную помощь, когда понадобится. Приготовившись к боли, которая, как он был уверен, обрушится на него, едва кинжал будет извлечен из тела, он слабо прошептал:

— Давай.

И сразу Дункан почувствовал скрежет металла по кости, разрывы мышц, сухожилий. Увидел, что его плечо стало красным — это из глубокой раны хлынула кровь. Ощутил твердую руку Аларика, зажимающую рану. Почувствовал, как сквозь пальцы его руки, прижавшейся к руке Аларика, сочится теплая кровь. А затем его мозга коснулась мысль Аларика, успокаивающая, отгоняющая боль. И тут же Дункан почувствовал облегчение, смог открыть глаза и заглянуть в глубину серых глаз Моргана. Между ними возникла связь, которая была гораздо крепче любой физической связи.

Морган закрыл глаза. Дункан сделал то же самое.

У Дункана возникло ощущение, будто он погрузился в какое-то звенящее облако, музыку которого он слышал не ушами, а всем телом.

Связь углублялась, становилась крепче. Мир и покой нисходили на Дункана, словно чья-то добрая и заботливая рука опускалась на его пламенеющий лоб.

Дункан внезапно ощутил, что к нему и Моргану присоединился кто-то третий. Кто-то, кого они никогда не видели и не слышали.

Исчезла боль, исчезла кровь. Дункан открыл глаза и увидел склонившуюся над ним золотоволосую голову Моргана. Связь между ними стала исчезать, рассеиваться.

Он слегка коснулся руки Моргана, тот вздрогнул, открыл глаза, посмотрел на окровавленную руку, которая все еще лежала на плече Дункана.

Морган убрал руку — раны не было. На плече виднелся лишь слабый шрам в том месте, где вошел кинжал, но и он постепенно исчезал, таял. Крови не было.

Дункан взглянул на Аларика, затем положил голову ему на плечо и тогда уже обратил внимание на круг зрителей.

Ближе всех стоял Варин — побелевший, растерянный, пораженный, трепещущий, за ним — Келсон и Кардиель, а дальше — люди Варина, охваченные суеверным страхом.

Дункан слабо улыбнулся, медленно опустил руку, кивнул Аларику.

— Спасибо,— прошептал он.

Аларик засмеялся и помог Дункану сесть.

— Ну, Варин,— сказал он.— Теперь ты веришь? Ты признаешь, что если дар исцеления послан Богом, то он дарован и Дерини?

Бледный Варин покачал головой.

— Этого не может быть! Дерини не могут исцелять! И все же ты исцелил. Значит, Дерини имеют дар исцеления, и я...

Ужасное подозрение зародилось в нем, голос его оборвался. Он стал еще бледнее, хотя дальше уже было некуда.

Морган заметил реакцию Варина и понял, что добился того эффекта, к которому стремился. Он с улыбкой помог подняться Дункану и повел его к Варину.

— Да, такая возможность не исключена, Варин,— сказал он.— Если бы я раньше сказал тебе об этом, ты бы не стал меня слушать. Может быть, теперь ты

будешь более объективен. Мы считаем, что и в тебе, вероятно, есть кровь Дерини.

— Нет, невозможно,— пробормотал Варин.— Этого не может быть. Я ненавижу Дерини всю свою жизнь. И я знаю наверняка, что среди моих предков нет Дерини. Нет, это невозможно.

— Может быть, и нет,— согласился Келсон, подходя к ним и устремляя пронзительный взгляд на Варина.— Но многие живут всю жизнь, не подозревая правды о себе. Хочешь, скажу, как я узнал, что моя мать чистокровная Дерини? А ведь раньше никому и в голову такое не приходило. Джехана тоже ненавидела Дерини и, может быть, даже больше, чем ты, Варин.

— Но как узнать правду о себе? — жалобно спросил Варин.— Как обрести уверенность?

Морган засмеялся.

— Джехана применила силы, о которых никто не знал, когда у нее не стало выбора. А с другой стороны, есть люди, обладающие могуществом, которое нельзя объяснить иначе, чем родством с Дерини. Единственный способ узнать правду — это чтение мыслей, зондирование мозга. Я могу сделать это, если хочешь.

— Чтение мыслей?

— Да. Тебе нужно просто расслабиться и позволить мне проникнуть в твой мозг. Я уверен, что, установив с тобой связь, смогу сказать, Дерини ты или нет. Ты знаешь, что я могу это сделать. Ну как?

— Зондировать мой мозг? Я... — он вопросительно посмотрел на Кардиеля, инстинктивно ища у него защиты как у могущественного представителя Церкви.— Я... это можно разрешить, Ваше Преосвященство? Я... я не знаю, как быть. Умоляю, посоветуйте мне.

— Я верю Моргану,— тихо сказал Кардиель.— Я не знаю, как он это делает, но, уверен, он предлагает это с добрыми намерениями. Ты должен понять, что совершил ошибку. Перед лицом страшной опасности в Гвинее должно быть единство. Думаю, ты и сам это понимаешь.

— Но... разрешить Моргану... — он многозначительно посмотрел на Моргана, и тот понимающе кивнул.

— Мне тоже не слишком-то хочется иметь дело с тобой. Я ничего не забыл. Но, кроме меня, здесь нет никого, кто справился бы с зондированием мозга. Келсон, хоть и обладает могуществом, не имеет опыта в этом деле. А Дункана ты ранил так сильно, что он слишком слаб, и я не могу позволить ему рисковать собой. Ведь для этого требуется психическая энергия. Так что если хочешь узнать правду, выбирать тебе не приходится.

Варин опустил глаза и долго смотрел в пол, а затем повернулся к своим людям.

— Скажите,— вырвался у него свистящий шепот,— вы верите, что я Дерини? Поль? Свен?

Поль переглянулся с остальными и решительно шагнул вперед.

— Я... поверьте мне, лорд, я говорю от имени всех. Мы не знаем, что и думать.

— Что же делать? — прошептал Варин, не ожидая ни от кого ответа.

Поль снова оглянулся на товарищей и заговорил:

— Это необходимо сделать, лорд. Может быть, мы все ошибаемся относительно Дерини. Ведь если и вы Дерини, то, значит, не все они воплощение зла. Мы пойдем за вами в огонь и воду, вы же знаете. Но это нужно сделать.

Плечи Варина бессильно опустились. Затем он медленно повернулся к Моргану, однако не рискнул встретиться с ним глазами.

— Я должен подчиниться. Все знают, каковы мои убеждения, во что я верю... Я... что я должен делать?

Морган подал Дункану его одежду и посадил поближе к огню. Затем ответил:

— Я не требую от тебя подчинения, Варин. Единственное, чего я хочу, это помочь тебе увидеть свои ошибки. Я хочу, чтобы ты присоединился к нам. Если в какой-то момент ты испугаешься и не пожелаешь, чтобы я проник в твой мозг, можешь прервать связь. Обещаю, что не буду насильно зондировать тебя. Сядь, пожалуйста, сюда.

С трудом проглотив слюну, Варин посмотрел на кресло и заставил себя присесть на самый краешек.

Морган зашел сзади, положил руки на плечи Варину, притянул его к спинке кресла и заговорил, не убирая рук.

Все остальные сгрудились сзади, так что видели только спину Моргана и плечи Варина.

Голос Моргана звучал в полной тишине.

— Успокойся, Варин. Сядь прямо и смотри в огонь. В этом деле магии совсем немного. Расслабься и смотри в огонь. Сосредоточься на звуках моего голоса и на прикосновении моих рук. Я не причиню тебе ничего плохого, Варин, обещаю тебе. Расслабься и доверься мне. Пусть языки пламени будут единственными движущимися предметами, которые ты видишь. Расслабься и следуй за мной.

Монотонный голос Моргана звучал в комнате, языки пламени колебались в такт его словам.

Варин полностью поддался чарам вкрадчивой речи. Морган ослабил давление на плечи Варина, и тот никак не отреагировал на это. Хороший признак!

Мягко и осторожно, по мере того как Варин поддавался магии заклинания, Морган начал усиливать свое воздействие. Он вглядывался в зеленую глубину своего перстня с Грифоном и, наконец, вошел в первую стадию чтения мыслей.

К этому времени Варин был уже в легком трансе. Дыхание его замедлилось, углубилось, глаза почти закрылись. Морган осторожно приложил руки к его голове, не выпуская того из-под контроля. Варин не ощутил этого движения, и Морган начал проникать в глубины его мозга.

Притянув голову Варина к груди, он наклонился и сквозь полуопущенные ресницы вглядывался в его закрытые глаза.

Вскоре глаза Моргана тоже закрылись. Он проник в мозг Варина.

Прошло почти пять минут, прежде чем Морган поднял голову и посмотрел на Келсона и Дункана. Вид у него был усталый.

— В его мозгу все заблокировано ненавистью к Дерини,— прошептал Морган.— Но я почти уверен, что он не Дерини.— Возможно ли это?

Не говоря ни слова, Келсон и Дункан подошли к Варину и положили руки на его лоб. Через несколько секунд они выпрямились в изумлении.

— Морган прав. Он не Дерини,— прошептал Дункан.

— И тем не менее обладает даром исцеления,— пробормотал озадаченный Келсон.— Кроме того, у него сильно развита та часть мозга, которая отвечает за искренность. А талант исцеления и искренность всегда присущи тем, кто верит, что он выполняет Миссию, возложенную на него Богом.

Морган кивнул, снова взглядываясь в лицо Варина.

— Хорошо, я постараюсь поосторожнее подготовить его к этому.

Он закрыл глаза, снова открыл их и, сняв руки с плеч Варина, тихо позвал его.

Варин встрепенулся, открыл глаза и в изумлении уставился на Моргана.

— Я... я не Дерини,— выдохнул он с благоговейным трепетом.— И все же я чувствую себя почти разочарованным. Я...

— Но теперь ты все понял? — осторожно спросил его Морган.

— Не понимаю, как я мог так ошибаться относительно Дерини? А мое видение... оно было?

— Не знаю,— тихо сказал Дункан.— Возможно, Бог действительно возложил на тебя какую-то миссию, но ты не понял своей задачи.

Варин долго смотрел на Дункана, затем понял, что рядом стоит Келсон, глядя на него в упор. Варин вдруг сообразил, что нельзя сидеть в присутствии короля, и в замешательстве вскочил с кресла.

— Сэр, простите меня. Простите за мои дела, за мои поступки, за мои слова. Позвольте искупить вину перед вами.

— Будь моим верным подданным,— просто сказал Келсон.— Помоги архиепископам понять то, что понял ты. Убеди их, что мы вместе должны выступить против общего врага — Венсита. Если ты сделаешь это, я забуду обо всем, что было раньше. Мне нужна твоя помощь, Варин.

— Я с готовностью сделаю все, сэр,— Варин упал на колени и склонил голову перед королем.

Люди Варина, с трепетом наблюдавшие за происходящим, последовали его примеру.

Келсон ласково потрепал Варина по плечу и помог ему встать на ноги.

— Благодарю вас, господа, но на церемонии нет времени. Варин, нам нужно немедленно оповестить всех о твоём решении. Что ты можешь предложить?

Варин подумал, а затем кивнул:

— Думаю так, сэр. Раньше в решающие моменты я видел вещие сны. Мои люди знают об этом и верят мне. Я скажу, что этой ночью мне было видение: ко мне явился ангел и сказал, что я должен явиться к королю и помогать ему, а иначе погибнет Гвинед. Потом, когда будет время, мы сообщим людям, что произошло в действительности. Одобряете?

— Морган? — спросил Келсон.

— Варин, ты настоящий интриган,— засмеялся Морган.— Твои помощники могут сейчас заняться этим?

Варин кивнул.

— Отлично. А когда освободитесь, собирайтесь в башне. И освободите из заточения моих офицеров, мне нужны их советы. Вы ведь бросили их в тюрьму?

— Увы, боюсь, что так,— ответил Варин.

— Ладно. Я знаю способ освободить их. Значит, встречаемся через два часа.

— В три уже светает,— напомнил Поль.

Морган пожал плечами.

— Ничего не поделаешь. У нас мало времени. Значит, через два часа в башне. Идет?

ГЛАВА 17

К рассвету о чудесном и странном видении, посетившем Варина этой ночью в Короте, знали все. Люди Варина, которые составляли ядро защитников Короты, полностью верили своему духовному отцу, хотя

и не могли понять внезапного смягчения его отношения к Дерини.

Горстка солдат, пришедших вместе с архиепископами, колебалась, но открыто своего недовольства не высказывала, так как последователей Варина было подавляющее большинство. Однако нашлись и такие, которые попытались все же выступить против. Но сопротивление было слабым. Все несогласные с новой политикой были тут же схвачены и брошены в тюрьму.

Так что утро застало архиепископов Лориса и Корригана, а также с полдюжины их коллег в герцогской часовне. Формально они собрались на утреннюю молитву, а на самом деле хотели обсудить проблемы, неожиданно вставшие после событий этой ночи.

Никто из них не верил в реальность видения, которое явилось Варину, но и никто не понимал, в чем же смысл этих событий и перемен.

— Говорю вам, все это чушь, — твердил Лорис. — Этот Варин чересчур далеко зашел. Видения в наше время! Какая нелепость!

Прелаты сидели в часовне тесной кучкой, а Лорис расхаживал перед ними, неслышно ступая по мягкому ковру.

Корриган, выглядевший гораздо старше своих лет, занимал небольшой стул в стороне от остальных, как бы подчеркивая, что он второй по значению после Лориса.

Остальные — Лэйси, Креода из Карбери, Карстен из Меары, Ивор и двое странствующих епископов без епархий — Морис и Конлан — теснились поближе друг к другу, встревоженные. Больше в часовне не было никого, и она была тщательно заперта изнутри. Конлан, один из самых младших епископов, осторожно откашлялся.

— Вы можете говорить, что это неслыханно, милорд, но я очень встревожен. Ведь из этого следует, что Варин переменит свое отношение к Дерини. А что, если он решит поддержать короля?

— Верно, — согласился Ивор, — я уже слышал, что он подумывает об этом. Если он решится, мы окажемся в крайне затруднительном положении.

Лорис, выслушав их, категорически заявил:

— Он не посмеет. А кроме того, даже ему самому будет трудно переубедить своих людей. Ведь не может же он за одну ночь в корне изменить свою политику?

— Может быть,— сказал Креода. Голос престарелого епископа был очень слаб и все время прерывался мучительным кашлем.— Может быть. Но сегодня утром произошло что-то странное. Двое людей из моей свиты, прибывшие с нами, исчезли, а на всех постах стоят неизвестные мне люди.

Лорис фыркнул:

— Но не верит же кто-нибудь из вас в «видения» Варина?

— Да, это сомнительно,— согласился Лэйси, поигрывая аметистовым перстнем.— Однако мои люди доносят, что все в крепости только и говорят об ангеле, который явился Варину.

— Ангеле?

— Какая чепуха! — воскликнул Лорис.

Лэйси пожал плечами.

— Так говорят. Ангел с огненной трубой явился к Варину во сне и предупредил, что тот должен пересмотреть все, что делает.

— Черт бы побрал этого Варина с его ангелом! — вскричал Лорис.— Он может во сне видеть, что угодно, но нельзя же из-за этого менять свои убеждения! Кто поручится, что...

В дверь постучали, и все замерли. Стук повторился. Все глаза обратились к Лорису. Тот махнул рукой, и Конлан направился к двери. Положив руку на засов, он спросил:

— Кто там?

После некоторого молчания последовал ответ:

— Это Варин. Почему вы заперлись?

По сигналу Лориса Конлан откинул засов и отошел в сторону.

В часовню вошли Варин, его офицеры и целый отряд вооруженных солдат. Солдаты тут же выстроились вдоль стен. Один из них подтолкнул Конлана туда, где стояли остальные епископы, повскакивавшие на ноги при этом неожиданном вторжении солдат.

— Что это значит? — холодно спросил Лорис, вытягиваясь во весь рост в соответствии со своим саном.

Варин торжественно поклонился ему.

— Доброе утро, архиепископ,— поздоровался он.— Надеюсь, вы и ваши коллеги хорошо спали?

— Довольно любезностей, Варин,— рывкнул Лорис.— Почему ты врываешься сюда с вооруженными солдатами во время нашей утренней молитвы? Солдатам не место в Божьем храме.

— Иногда это необходимо, милорд,— ответил ровным голосом Варин.— Я пришел сюда просить вас отменить отлучение.

— С солдатами? — негодуя спросил Лорис.

— Выслушайте меня, архиепископ. Я хочу, чтобы вы отменили отлучение, которое наложили на Аларика Моргана, Дункана Мак Лейна и короля. А также сняли Интердикт, наложенный на Корвин.

— Что? Ты с ума сошел!

— Нет, архиепископ. Но я очень рассержусь, если вы не выполните мою просьбу.

Лорис был вне себя.

— Это... это безумие! Конлан, вызовите стражу. Мы не можем...

— Поль, запри дверь,— оборвал Лориса Варин.— А вы, архиепископ, заткнитесь и слушайте. Ваше Величество, войдите, пожалуйста.

При этих словах все ахнули. Дверь ризницы за алтарем распахнулась, и на пороге появился закутанный в алую мантию Келсон в сопровождении Моргана, Дункана, Кардиеля и нескольких освобожденных из тюрьмы офицеров.

Келсон имел парадный вид: на голове красовалась золотая корона, поверх туники, расшитой золотыми нитями, ниспадала малиновая мантия.

Моргана украшала туника с вышитым на груди золотом и изумрудами крылатым Грифоном.

На плечо Дункана, одетого в черное, в соответствии с традицией был наброшен плед клана Мак Лейнов, сколотый серебряной брошью.

Кардиель тоже был в черном, но его мантия сверкала серебряными нитями, а голову венчала высокая серебряная митра.

Такое явление действовало на епископов, как удар грома. Некоторые торопливо перекрестились, Конлан и Корриган заметно побледнели, и даже Лорис потерял дар речи.

Варин и его люди бросились перед Келсоном на колени, солдаты приложили руки к груди, приветствуя своего короля.

Келсон, взглянув на прелатов, застывших в немом изумлении, знаком предложил Варину встать и направился к нему, сопровождаемый своей свитой.

Епископы в ужасе отшатывались от них.

Приблизившись к Варину, Келсон повернулся лицом к Лорису и остальным епископам. Его люди сгруппировались сзади, образовав плотное полукольцо союзников и единомышленников.

— Ну, Лорис? Ты еще не забыл клятву верности нам? — холодные серые глаза под короной обежали ряд епископов.

Лорис выпрямился и постарался собрать все свое мужество.

— Несмотря на мое почтение к вам, сэр, должен сказать, что вы отлучены от Церкви. А отлучение лишает вас всех королевских привилегий. Вы мертвы для нас, сэр.

— Нет, архиепископ,— возразил Келсон,— мы не мертвы. Ни Морган, ни Мак Лейн, ни другие, кого вы предали анафеме, не разобравшись в сути. Даже Варин теперь наш союзник.

— Варин предатель! — крикнул Лорис.— Он поддался на ваши гнусные уловки Дерини. Вы его развратили.

— Напротив,— прервал его Келсон.— Варин очень предан и верен. Он просто понял свои ошибки и добровольно пришел к нам. Инцидент в часовне Святого Торина, на котором вы основали все свои обвинения, теперь полностью объяснен и исчерпан. Если вы и далее будете упорствовать в своем неповиновении королевской власти, то нам придется предположить, что для вас это

всего лишь повод к восстанию. И предатель вовсе не Варин.

— Вы что-то сделали с ним! — вскричал Лорис, указывая на Варина и захлебываясь от бешенства.— Вы применили свои дьявольские силы, чтобы развратить его, столкнуть с пути истины и заставить служить себе! Он бы не расстался так просто со своими идеями, если бы вы не вмешались.

Морган шагнул вперед.

— Не забывайте, кто перед вами, архиепископ,— угрожающе сказал он.— Даже королевское терпение может лопнуть.

— А! — вскричал Лорис, воздев руки к небу.— Как смеет этот еретик говорить здесь! Я не желаю говорить ни с кем из вас.

— Тогда вы будете брошены в тюрьму в замке Корот, пока не измените своего решения,— спокойно сказал Келсон.— Мы не намерены мириться с вашей ненавистью. Стража, возьмите архиепископа Лориса. Епископ Кардиель, мы назначаем вас примасом Гвинеда до тех пор, пока Курия официально не утвердит вас или не выберет нового достойного примаса. В наших глазах Лорис потерял право быть главой Церкви.

— Ваше Величество, вы не можете этого сделать! — завопил Лорис, которого взяли под руки два солдата.— Это нелепость!

— Спокойно, архиепископ. Иначе придется заткнуть вам рот. Ну, а у остальных, кто не желает разделить судьбу Его Преосвященства и пребывать с ним в одной камере, есть две возможности. Если вы чувствуете, что не можете с чистой совестью присоединиться к нам для борьбы с Венситом, мы освободим вас: уезжайте в свои епархии и соблюдайте полнейший нейтралитет, пока не закончится война.

Однако если вы не можете дать клятву о соблюдении нейтралитета, то лучше не клянитесь. Тогда вам лучше остаться в заточении здесь, чем встретиться с нами потом, когда мы уличим вас в вероломстве.

Тем, кто присоединится к нам, мы предоставим возможность искупить свою вину перед нами, очистить свое имя, доказать преданность королю. Мы простим их

и вернем свою милость. Ваши молитвы будут нужны, когда наша армия встретится в бою с Венситом, а это будет скоро.

Он снова оглядел всех епископов.

— Ну так что? Тюрьма, монастырь или возможность покрыть себя славой, верно служа королю? У вас большой выбор.

Лорис был в бешенстве.

— У вас нет выбора! — закричал он. — Какой может быть выбор, если речь идет о ереси? Корриган, ты же не предашь свою душу! Конлан, Креода, неужели вы преклоните колени перед этим колдуном, душа которого проклята навеки и никогда не найдет успокоения?

Келсон подал знак, и один из солдат, вытащив тряпку, стал заталкивать ее в рот Лорису.

— Вас предупреждали, — сказал Келсон, холодно глядя на извивающегося Лориса. Затем он повернулся к остальным. — Ну что? У нас мало времени, так что долго не раздумывайте.

Епископ Креода нервно кашлянул, оглянулся на коллег и вышел вперед.

— Я не могу говорить за всех, сэр, но лично меня вы не убедили. Если Ваше Величество не против, я удалюсь к себе в Карбери и останусь там.

Келсон кивнул, обвел взглядом остальных.

После некоторого колебания вперед вышли Карстен и Ивор. Поклонившись, Ивор заговорил:

— Мы просим вашей милости, сэр. Мы принимаем ваше предложение и решили удалиться. Даем слово, что не будем мешать вам.

Келсон кивнул.

— А остальные? Я же сказал, что времени мало.

Епископ Конлан решительно подошел к Келсону и упал перед ним на колени.

— Я больше не верю в то, что говорят о событиях в часовне Святого Ториана. Если вы считаете Моргана и Мак Лейна невиновными, мне этого достаточно. Нас всех ввели в заблуждение. Простите меня, сэр.

— Я с удовольствием прощаю тебя, Конлан, — Келсон легонько тронул коленопреклоненного епископа за плечо. — Ты поедешь с нами на север?

— Со всей душой, сэ.

— Хорошо.

Келсон посмотрел на Лориса, который бился в руках державших его солдат, на Ивора и Карстена, решивших удалиться в свои епархии, а затем на двух оставшихся прелатов, которые еще не решились, что им выбрать.

— Лейси, что скажешь ты?

Лейси опустил глаза в пол и долго смотрел вниз, затем решительно поднял голову и упал на колени перед королем.

— Простите мою нерешительность, сэ. Но я старик, и мне трудно перестроиться. Я не привык оказывать неповиновение ни архиепископу, ни королю.

— Но тебе сейчас придется сделать выбор между нами. Кого ты выбираешь?

Лейси склонил голову.

— Я поеду с вами, сэ. Но мне придется ехать в повозке. Мои кости слишком стары, и я не могу ехать верхом.

— Капитан, приготовьте повозку для Его Преосвященства. Корриган, а что решили вы? Почему мне приходится спрашивать? У вас было время решиться на что-то.

Корриган был бледен. Его толстое круглое лицо лоснилось, покрытое каплями пота. Он оглянулся на своих коллег, посмотрел на Лориса, которого крепко держали солдаты, затем вынул огромный носовой платок, вытер лоб и медленно пошел к королю. Не дойдя до короля футов десяти, он снова оглянулся на Лориса и опустил голову.

— Простите меня, сэ, но я стар, болен и не могу сражаться. Я с вами не согласен, но у меня нет сил бороться, а тюрьму мне уже не выдержать. Я прошу разрешения удалиться в мои владения в Ремуте. Сэр... я... мне нехорошо.

— Пусть так,— спокойно согласился Келсон.— Если вы дадите слово, что не будете выступать против меня, я освобожу вас. Лорды, благодарю вас всех за решение этого важного вопроса. Ну, а теперь, Морган, Варин, лорд Гамильтон, я хочу выступить в полдень, если получится. Подготовьте все к предстоящему походу.

Все было готово не в полдень, а к вечеру, но, несмотря на близость ночи, Келсон дал объединенной армии приказ выступить. Если двигаться всю ночь до следующего полудня, они пересекут почти весь Корвин, а там, отдохнув до утра, к полудню следующего дня достигнут Джассы. Таким образом, через два дня похода они уже соединятся с армией, ожидающей их в долине под Джассой. Так что можно ожидать, что через неделю им предстоит встреча с армией Венсита на севере. Келсон с нетерпением ожидал этой встречи.

Было уже довольно поздно, когда первые отряды вышли из Корота. Но, несмотря на поздний выход, никто не выражал недовольства. Они шли по направлению к северо-западу, и над ними полоскались на ветру алые королевские знамена со львами, серо-черные с соколами Варина, пурпурные — епископа Кардиеля.

Груженные провиантом и одеждой телеги скрипели на выбоинах дороги, конные отряды весело скакали прямо по изумрудным полям Корвина. Выючные животные ржали и фыркали, когда по их бокам прохаживался безжалостный кнут погонщика, подгоняя их, чтобы не отстать от основного отряда армии короля.

Разодетые солдаты Моргана, копейщики Халданов, пехотинцы Брунка, корпус королевских лучников — все они соперничали друг с другом в роскоши одежды, стройности рядов, боевой выправке. Но всех их — от знатного лорда до простолюдина — связывали крепчайшие узы: преданность королю Келсону, который гордо ехал впереди.

Вернувшись в свой лагерь, Келсон переоделся для похода: накинул золоченую кольчугу королей Гвинеда, зашнуровал сапоги позолоченными шнурками, обтянул талию широким кожаным белым ремнем, отделанным золотом, вложил в ножны меч Халданов, с которыми ходили в походы его предки.

Золотой шлем Келсона сверкал в лучах заходящего солнца, соперничая блеском с игрой драгоценных камней, которыми была усыпана маленькая корона, украшавшая шлем. Со шлема горделиво спускалось алое перо. На плечах свободно висел алый плащ, а руки обтягивали тонкие перчатки алой кожи.

Белый конь плясал под ним и горделиво выгибал длинную шею, когда руки в алых перчатках твердо и уверенно натягивали поводья.

Рядом с Келсоном ехали Морган, Дункан, Кардиель, Арлиан, Нигель и его сын Конал, офицеры Моргана и некоторые другие из числа наиболее знатных.

Вот в таком порядке они выехали сегодня из Корота и в таком порядке должны были вступить в бой с армией Венсита спустя несколько дней.

Но в данный момент главным было то, что они объединились, что они идут на соединение с другими войсками, верными престолу.

Они знали, что одержали первую победу в этой войне — моральную победу в стенах Корота. Впереди у Келсона будут и другие, более примечательные дни. Но вряд ли король Гвинеда забудет о том дне, когда он выехал из Корота, так как этот день принес ему первую настоящую военную победу — победу, несмотря на то, что ни один меч не был обнажен.

Он выступил в двухдневный поход к Джассе в приподнятом состоянии духа.

ГЛАВА 18

Они прибыли в Джассу, как и планировали, так что им еще оставались ночь и день на согласование военных планов. Однако никаких вестей от армии с севера не поступало. Более того, уже целую неделю вестей не было ниоткуда. Беспокойство возрастало. Теперь, когда в Гвинеде было достигнуто согласие и единство, исход войны представлялся Келсону благоприятным, но неизвестность тяготила молодого короля. Морган, ко всему, был сильно обеспокоен тем, что ему не удавалось вступить в контакт с Дерри.

Он пытался много раз, но контакт через магический медальон не получался. Все попытки Моргана и Дункана были тщетны. Морган был уверен, что на таком сравнительно небольшом расстоянии можно было бы, по

крайней мере, нащупать, где находится Дерри в данный момент. Но никаких следов Дерри Моргану обнаружить не удалось. Даже усилив свои чувства до предела, Морган не нащупал ни малейшего контакта и с неохотой должен был заключить, что Дерри либо погиб, либо находится в руках могущественного врага и поэтому не может ответить на вызов Моргана.

Больше всего Морган боялся, что Дерри мертв, он ругал себя, считая, что дал ему очень опасное задание, послал на верную смерть.

Итак, в ночь перед выходом армии в поход в епископском дворце Джассы допоздна горели свечи.

Епископ Кардиель предоставил Келсону для проведения военного совета зал заседаний Курии как самое подходящее место. В то время как там обсуждался план действий, солдаты армии Гвинедра спали у своих костров в долине у озера под Джассой.

Военный совет был в самом разгаре. Огромный стол очистили от посуды и остатков ужина, чтобы освободить место картам, схемам, руководствам по тактике и стратегии. В комнате звучали с полсотни голосов. Опытные военачальники обсуждали план кампании, рисовали на картах яркие стрелы, указывающие перемещения войск, своих и чужих, направления ударов и прочие военные премудрости.

Слуги вносили в зал фрукты и сыр, но мало кто интересовался едой. Хотя на столах стояли кувшины с вином и люди время от времени наполняли кубки, веселья не ощущалось, атмосфера была суровой, напряженной, даже угрюмой. Военачальники стояли плечом к плечу с князьями Церкви, которые, несмотря на свое сугубо невоенное образование, иногда давали дельные советы, поражавшие даже опытных вояк. Изредка в зал вызывали младших офицеров различных родов войск, чтобы они, как специалисты, ответили на некоторые частные вопросы. Зал был полон звяканьем металлических шпор о каменный пол, стуком ножей о дубовые кресла и стол, люди входили и выходили, споры не утихали.

Король решил в эту ночь остаться в стороне. Одеты в простую тунику, без короны, Келсон беседовал с мелкими священниками и дворянами, стараясь успокоить свои разгулявшиеся нервы. Все дела Келсон предоставил решать Моргану, Нигелю и другим генералам. Он решил провести время среди тех, кто был его опорой, но не мог предложить ему ничего, кроме слепой преданности.

В случае необходимости Келсона приглашали в зал. Он выслушивал военачальников, но принимать решения отказывался, понимая, что генералы и военные советники разбираются в вопросах войны гораздо лучше него, несмотря на то что он был сыном Бриона, великого воина. Поэтому он предоставил им самим принимать решения. Он не хотел никого обидеть, приняв чью-то сторону. Келсон хорошо понимал, что их сила в единстве и что без поддержки каждого человека в армии нет надежды победить в грядущей войне с Венситом.

Но не только Келсон общался с мелкими дворянами, стараясь успокоить их и себя. В противоположном конце зала Морган и Конлан спорили о чем-то с тремя баронами Моргана, присоединившимися к Келсону в Короте. Несколько молодых аристократов, в том числе и Конал, сын Нигеля, слушали их, раскрыв рты. Сам Нигель тоже принимал участие в споре, но затем вернулся к главному столу, чтобы разрешить конфликт между Варином и графом Данком.

Только Дункан, казалось, не принимал участия в жарких спорах этой ночи. Он спокойно стоял у открытого окна и думал о чем-то своем. Дункан держался в стороне потому, что, как и Келсон, не считал себя специалистом в военных делах. Однако Мак Лейн был неплохим бойцом и, несомненно, получил некоторые зачатки военного образования, прежде чем сердце призвало его принять духовный сан.

Келсон заметил, что священника что-то беспокоит. Безразличие и инертность были несвойственны Дункану.

Дункан вздохнул и оперся на подоконник, бессознательным движением откинув назад плед, когда тот стал сползать с плеча. Его голубые глаза рассеянно скользили по чернильному мраку гор к востоку от Джассы, и тонкие пальцы машинально постукивали по стене.

Если бы кто-нибудь спросил его, почему он молчалив в эту ночь, он не смог бы ответить. Он был встревожен, беспокоен. Конечно, все эти жаркие споры могли взволновать кого угодно, и волнение непрерывно усиливалось по мере того, как приближался час выступления в поход. Но он также тревожился и о Дерри, а еще больше о состоянии духа Моргана, который считал себя ответственным за гибель юноши. Дункан знал, что смерть Дерри сильно подействует на Моргана. И это действительно большая потеря для Гвинеда. Дерри, несмотря на молодость, горячность и легкомыслие, был одним из немногих людей, кто мог общаться с Морганом на расстоянии при помощи магии Дерини. Если Дерри погиб, выполняя задание Моргана, хотя идея послать Дерри принадлежала Келсону, Морган долго не сможет прийти в себя и забыть об этом юноше.

Кроме того, Дункан думал о себе. Он находился на перепутье. Как может он теперь следовать своему призванию быть священником, если все знают тайну его происхождения?

На дальних холмах выли волки, и глаза Дункана скользнули по городским стенам. Он увидел факелы, которые приближались от озера к городским воротам: с полдюжины танцующих огненных точек, которые несли всадники. Ворота открылись, и группа всадников с факелами въехала во внутренний двор.

Один из всадников — паж, судя по одежде, — сидел в седле согнувшись, припав к шее лошади. Голова его болезненно дергалась при каждом толчке. На таком расстоянии трудно было разглядеть подробности, но Дункану показалось, что лошадь пажа хромает и сильно ранена.

К группе приблизился конюший, вспыхнули еще факелы. Но как только конюший взялся за поводья раненой лошади, она внезапно споткнулась и упала на колени, выбив своего всадника из седла. Паж покатился по земле, затем с трудом поднялся на ноги, опираясь на руку охранника, и посмотрел в окна дворца, прежде чем двинуться к крыльцу.

Дункан стиснул пальцами край подоконника, высу-
нулся из окна и ахнул, провожая глазами всадника,
уже скрывающегося в дверях.

Он узнал тунику. Небесно-голубой шелк Мак Лейнов
был знаком ему с детства, так же как и вышитый на
груди спящий Лев серо-серебряного цвета.

Но эта туника была оборванной и грязной. Она была
запачкана чем-то более красным, чем глина. Лев на
груди был разорван пополам от самой шеи всадника до
его пояса.

Что случилось? Паж принес известия об армии
герцога Джареда?

Удар меча, оборвавший страдания смертельно ранен-
ной лошади, вывел Дункана из оцепенения. Он пришел
в себя.

Мальчика проведут прямо к Келсону, подумал он.
Дункан повернулся, чтобы посмотреть, где находятся
Келсон и Морган.

Дверь распахнулась, и на пороге показались охран-
ники и поддерживаемый ими усталый мальчик лет
девяти-десяти с перевязанной головой. С его плеч
свисали обрывки ливреи Мак Лейнов, запачканные, как
и боялся Дункан, красно-коричневой запекшейся кровью.
Под левым глазом кровоточила большая царапина, левое
колено было разрублено сильным ударом меча. Все его
тело было изранено, в царапинах и ушибах.

С трудом перешагнув через порог, мальчик обежал
какими глазами весь зал. Если бы не поддержка стражи,
он бы не мог стоять на ногах.

— Где король? — прохрипел мальчик, опираясь на
охранника и стараясь не потерять сознания.— У меня
плохие вести, сэр.

В этот момент он заметил Келсона, который уже
направлялся к нему. Мальчик хотел опуститься на
колени, но лицо его исказила гримаса боли, и он сполз
на пол.

Стражник подхватил его с одной стороны, а
подоспевший Келсон — с другой.

Морган и Дункан быстро пробрались сквозь толпу, опустились на колени перед мальчиком. Морган подсунул колено ему под голову.

Всех четверых сразу же окружила удивленная толпа.

— Он потерял сознание от истощения,— сказал Морган, ни к кому в частности не обращаясь. Он положил руку на лоб мальчика.— И его лихорадит от ран.

— Конал, принеси вина,— приказал король.— Отец Дункан, это же ливрея вашего клана. Ты знаешь, кто это?

Побледневший Дункан покачал головой.

— Если я когда-нибудь и видел его, то забыл. Но я видел, как он въезжал в город. Его лошадь, которая была смертельно ранена.

— Хм,— промычал Морган, исследуя раны мальчика.— Должен сказать, что, судя по его виду, он прошел через ад. Всего этого много даже для... а это что?

Рука ощутила странную выпуклость под туникой мальчика, рядом с сердцем. Морган быстро достал обрывок шелковой ткани, тщательно свернутый. Он попытался развернуть его, но не смог, так как тот весь пропитался засохшей кровью.

Келсон пришел ему на помощь, и они вдвоем развернули ткань.

Глазам всех предстало боевое знамя. Та часть, что не была запачкана кровью или грязью, переливалась ярко-оранжевым цветом. Центр знамени занимал прыгающий олень в серебряном круге.

Келсон присвистнул и бросил шелк, инстинктивно вытерев руки о бедра.

В словах не было нужды: все знали, что прыгающий олень в серебряном круге — эмблема Торента, и все поняли, что означает это знамя, принесенное сюда пажом.

В наступившей тишине Келсон повернулся и посмотрел в бледное лицо мальчика, лежавшего без сознания.

Вернулся Конал, он принес вино. Морган взял бокал из его рук и поднес к губам раненого. Мальчик застонал, когда Морган приподнял ему голову.

— Все хорошо. Выпей немного,— пробормотал Морган, стараясь влить в рот пажу хоть несколько капель вина.

Мальчик застонал, отвернул голову, но Аларик был неумолим.

— Нет, выпей. Ты же хороший мальчик. Ну, а теперь открой глаза и расскажи нам, что случилось. Его Величество ждет.

Всхлипнув, мальчик с трудом открыл глаза, обвел ими склонившихся над ним Моргана, Келсона и Дункана, а затем снова закрыл и прикусил губу.

Морган вернул чашку Коналу и положил руку на лоб мальчика.

— Все хорошо, сын мой. Расскажи нам, что случилось, и потом отдохнешь.

Мальчик проглотил слюну, облизал губы и открыл глаза, остановив взгляд на Келсоне, как будто присутствие короля помогало ему держаться.

Было очевидно, что мальчик вот-вот потеряет сознание.

— Сэр... — слыбым голосом проговорил он,— нас предали... ужасная битва... в наших рядах предатель... вся армия герцога Джареда... погибли...

Голос его угас, глаза затуманились, и он потерял сознание.

Морган тревожно прощупал пульс. Его глаза были угрюмы, когда он поднял их на Келсона.

— У него нет серьезных ран, только царапины и ушибы. Но он слишком истощен, его лучше не приводить в сознание. Несколько часов сна...

Он умолк и внимательно посмотрел на Келсона.

Тот отрицательно покачал головой:

— Нет, Аларик. Мы не можем ждать. Битва, предатель в наших рядах, армия герцога Джареда погибла... Мы должны знать, что случилось.

— Если я приведу его в сознание, то убью его.

— Мы должны рискнуть.

Морган посмотрел на мальчика, а потом на Келсона.

— Попробую узнать все другим способом. Правда, это тоже опасно, но...

Он несколько секунд смотрел, не мигая, на Келсона, и тот, наконец, медленно кивнул, разрешая.

Келсон беспокоился о безопасности не только мальчика, но и самого Моргана.

— Ты стараешься, чтобы риск был в пределах разумного, Морган?

Морган опустил глаза.

— Ты должен узнать, что произошло. А твои бароны все равно увидят меня в деле. Так что, по-моему, выбора у нас нет.

— Ладно,— выдохнул Келсон, вставая с колен и глядя на Моргана.— Господа, прошу всех отойти подальше и дать Моргану место для работы. Нужно узнать, что хотел сказать мальчик, и только могущество лорда Аларика поможет нам сделать это, не подвергая опасности жизнь пажа. Для вас во всем этом опасности нет.

По залу пронесся легкий шум, возникло перешептывание. Некоторые поспешили к двери, но взгляд Келсона остановил их и заставил замереть на месте. Те, кто был ближе всех, отошли подальше, и возле тела мальчика остались только Морган, Дункан и Келсон.

Морган сел на пол, положил голову мальчика к себе на колени.

Шорох и перешептывание постепенно стихли, и в зале воцарилась тишина. Немногие из присутствующих видели силы Дерини в действии.

Морган оглядел всех, многие лица были испуганными и даже враждебными.

Никогда раньше он не был так по-человечески уязвим, как сейчас, когда сидел на полу с беспомощным мальчиком на руках.

Никогда раньше его серые глаза не были такими мягкими и нежными в присутствии тех, кто мог оказаться врагами.

Но сейчас не время для старой вражды и опасений.

Сейчас нужно было узнать всю правду.

И эти люди должны убедиться раз и навсегда, что могущество Дерини может быть использовано для добра, поэтому от грядущих минут зависело очень многое.

Морган знал, что не имеет права совершить ни одной ошибки, и позволил себе улыбнуться, в то время как его мозг лихорадочно обдумывал, что сказать сейчас.

Он тихо сказал:

— Я понимаю, милорды, ваши опасения и страхи. Вы все слышали много нелепых слухов о моем могуществе и о могуществе моей расы. И совершенно естественно, что вы боитесь и не доверяете тому, чего не понимаете...

Он помолчал, а затем продолжил:

— Все, что вы сейчас увидите и услышите, покажется вам очень странным. Но так всегда бывает, пока незнакомое не станет знакомым.

Он снова умолк.

— Даже я не могу сказать, что случится сейчас, так как понятия не имею, о чем должен был сообщить мальчик. Я только прошу вас не вмешиваться, что бы ни случилось. Вы должны смотреть и слушать молча. Опасности здесь нет ни для меня, ни для мальчика, ни для вас.

Когда он снова взглянул на мальчика, по залу пронеслись шорохи, шепот, вздохи, а затем все стихло. Морган ласково пригладил волосы мальчика и приложил левую руку так, что его перстень с Грифоном почти касался подбородка раненого.

Последний раз взглянув на стоящих рядом Келсона и Дункана, он устремил взгляд на Грифона и начал расслабляться, глубоко дыша, чтобы войти в транс. Эта процедура была известна ему с детских лет. Затем его голова опустилась, глаза закрылись, дыхание стало медленным, глубоким.

Мальчик под его рукой слегка дернулся и вновь затих.

— Кровь.

Морган прошептал это слово, и в нем было столько ужаса, что дрожь прошла по телам стоявших вокруг и смотревших на них людей.

— Как много крови,— проговорил Морган, теперь уже громче.— Кровь везде.

Голос его поднялся, но глаза оставались закрытыми.

Дункан взглянул на Келсона, а затем наклонился к кузену. Его светлые глаза смотрели в странно изменившееся лицо Моргана. И Дункан вдруг понял, что решил сделать Морган. Мысль об этом заставила его содрогнуться, хотя он понимал технику перевоплощения. Дункан нервно облизал пересохшие губы, не отрывая глаз от лица кузена.

— Кто ты? — тихо спросил он.

— О Боже, кто там едет? — слышался голос Моргана, который, казалось, не слышал вопроса.

Как и подозревал Дункан, в голосе, в интонациях Моргана слышалось что-то детское.

— А, это же милорд Джаред со своими добрыми друзьями и союзниками, с графом Марли... Мальчик, принеси вина для графа Марли. Бран Корис привел свои войска, чтобы соединиться с нами. Принеси вина, мальчик. Окажем честь графу Марли!

Морган замолчал.

Затем его голос зазвучал снова, но уже тихо, так что все невольно придвинулись поближе, чтобы разобрать слова.

— Армия Брана Кориса соединилась с нашей. Голубые знамена Марли перемешались со спящими львами Кассана, и все хорошо... Но смотрите! Солдаты Брана Кориса обнажают мечи!

Глаза Моргана открылись, но он продолжал говорить, голос его поднялся до визга, он почти срывался на высоких нотах.

— Нет! Только не предательство! Этого не может быть! У людей Брана на щитах изображен олень Фурстанов! Они убивают людей герцога! Они врубаются в ряды застигнутых врасплох кассанцев!.. Милорд! Милорд Мак Лейн! Бегите, спасайте свою жизнь! Люди Марли предательски напали на нас! Бегите, бегите, Ваша Светлость! Нас предали, о Боже, нас предали!

Вскрикнув, Морган уронил голову на грудь. Тело его сотрясали рыдания.

Келсон хотел коснуться Моргана, но Дункан взглядом остановил его.

Они смотрели на рыдающего Моргана. Напряжение сковало их.

Наконец, всхлипывания затихли, Морган снова поднял голову. Его серые глаза были пусты и измучены, щеки ввалились. У него был вид человека, заглянувшего в ад. Он смотрел невидящими глазами куда-то вдаль и вдруг произнес:

— Я вижу, как милорд герцог пал от удара меча.

Дункан едва сдержал крик.

— Я не знаю, мертв ли он. Я упал со своей лошади и притворился убитым.

Морган задрожал и продолжал, стараясь подавить рыдания:

— Я подкатился под труп зарубленного рыцаря. Его кровь текла на меня, и меня не обнаружили. Вскоре все было кончено. Наступила ночь, но опасность не миновала. Люди Марли бродили по полю, забирая пленников. Торентцы добивали раненых. Никто из живых не покинул поле боя и смерти, кроме как в окопах. Когда все стихло, я вылез из своего жуткого убежища и с трудом поднялся на ноги. Я помолился за душу рыцаря, который своей смертью спас мне жизнь.

Лицо Моргана исказила гримаса, а правая рука сделала движение, как будто прячет что-то под тунуку.

— Руки мертвого рыцаря сжимали шелковое знамя с оленем. Он был из людей Марли, так как его плащ украшали голубые орлы.

Он снова всхлипнул.

— Я взял знамя как доказательство того, что я видел, и затем побрел в ночь. Две — нет, три лошади погибли подо мной, прежде чем я добрался до ворот Джассы с этими вестями.

Морган заморгал, и Дункан решил, что он выходит из транса, но затем странный голос раздался снова. Губы Моргана скривила улыбка.

— Теперь моя миссия окончена. Король знает о предательстве Брана Кориса. И хотя мой лорд, герцог Джаред, лежит мертвый, наш король отомстит за него. Боже... храни... короля...

И голова Моргана снова опустилась на грудь.

На этот раз Дункан уже не остановил дрожащую руку Келсона, которая легла на плечо Моргана. Через несколько секунд напряженные плечи расслабились, опустились, и Морган глубоко вздохнул. Его правая рука разжалась, выпустив из пальцев скомканный шелк знамени, и он открыл глаза.

Морган долго смотрел на лежащее перед ним неподвижное тело мальчика, вспоминая весь ужас, который ему пришлось пережить вместе с юным пажом.

Он с нежностью положил руку на лоб мальчика. Серые глаза закрылись, вновь открылись и только после этого обратились на Келсона. На щеках Моргана не высохли слезы, которые он проливал, перевоплотившись в мальчика, но он даже не пытался вытереть их.

— Он принес тебе тяжелые вести, мой принц,— спокойно сказал Морган.

— Вести о предательстве всегда тяжелы, особенно в такое время,— пробормотал Келсон. Его глаза подернулись дымкой.— С тобой все в порядке?

— Да, только немного устал. Дункан, прими мои соболезнования в связи с гибелью твоего отца. Жаль, что мальчик не знает, какова его судьба.

— Теперь я один остался из этого рода,— прошептал Дункан.— Мне следовало быть рядом с ним. Он был слишком стар, чтобы руководить армией.

Морган кивнул, понимая чувства Дункана. Затем переключил внимание на окружающих. Двое слуг, подошедших, чтобы унести мальчика, не осмелились смотреть Моргану в глаза.

Морган вскочил на ноги, покачнулся, ухватился за плечо Келсона, чтобы не упасть, но тут же твердо выпрямился и холодным взглядом обвел освещенный факелами зал.

Глаза казались темными, почти бездонными в свете мерцающих факелов — чернильные озера могущества и таинственности, несмотря на то, что тело его было утомлено.

Но, к его удивлению, люди в зале не отворачивали от него взгляда. Епископы переминались с ноги на ногу, перебирая нервными пальцами свои четки и складки мантий, однако глаз не опускали. Генералы и знать

смотрели на Моргана с почтением и уважением. Они все еще боялись, но теперь доверяли.

Морган чувствовал, что, прикажи он, не нашлось бы никого в зале, кто не упал бы перед ним на колени, несмотря на присутствие короля.

И только Келсон, спокойно отряхивающий пыль с колен, казалось, вовсе не был поражен магией, с которой они все только что столкнулись. Гнев, а не трепет, и немного сожаления испытывал он, когда, отойдя от Моргана, окинул взглядом свой двор.

— Как вы понимаете, господа, вести о предательстве Брана Кориса удивили и разгневали меня. А об утрате нашего герцога Джареда мы будем вспоминать долгие годы.

Он с участием посмотрел на Дункана, и тот печально опустил голову.

— Но, думаю, дальнейшие наши действия очевидны,— продолжал Келсон.— Граф Марли вступил в союз с нашим злейшим врагом и отвернулся от своего народа. За это он должен понести кару.

— Но кто его народ, сэр? — прошептал епископ Толливер.— Кто мы, смесь людей, Дерини и полукровок? Где линия, разделяющая нас? Кто здесь прав?

— Тот, кто служит добру на стороне добра,— ответил Кардиель, повернувшись к своему коллеге.— Это и человек, и Дерини, и тот, кто Дерини лишь наполовину. Не кровь определяет ценность человека. Добро должно лежать в его душе.

— Но мы так отличаемся... — Толливер с трепетом взглянул на Моргана.

— Дело не в том,— сказал Кардиель.— Люди или Дерини. Главное, что у нас есть общая цель. И то, что связывает нас, крепче, чем кровь, или клятва, или заклинание. Главное, что мы служим Свету. А тот, кто служит Мраку, наш враг, невзирая на то, какова его кровь, кому он клянется, какие произносит заклинания.

Остальные епископы, за исключением Арлиана, переглядывались и молчали. Кардиель, пробежав по их лицам сочувственным взглядом, повернулся к Келсону.

— Я и мои братья будем помогать вам всем, чем сможем, сэр. Вести о Бране Корисе не изменили вашего намерения выступить на рассвете?

Келсон покачал головой, благодарный епископам за поддержку.

— Нет, Ваше Преосвященство. Думаю, нам всем нужно поспать, но сначала следует сделать распоряжения относительно подготовки к походу. Мне скоро понадобится ваша помощь.

— Но мы же не солдаты, сэр,— запротестовал старый епископ Карстен.— Как мы можем...

— Молитесь за меня, Ваше Преосвященство. Молитесь за всех нас.

Карстен открыл рот и снова закрыл его, как рыба, выброшенная на берег. Затем он поклонился и отошел к своим коллегам.

После некоторой паузы многие стали покидать зал. Нигель и другие генералы вернулись к своим картам и возобновили прерванные разговоры, но они уже были менее горячими, так как дыхание смерти охладило пылкие головы.

Келсон смотрел, как Морган отвел Дункана к окну, усадил его там, сказал несколько слов и вернулся к генералам. Некоторое время Келсон прислушивался, а затем повернулся и медленно пошел к камину. Вскоре к нему присоединился и Морган, заметивший отсутствие короля у стола с картами. Больше никто этого не заметил.

— Надеюсь, ты не будешь обвинять себя в предательстве Брана Кориса? — тихо поинтересовался Морган.— Я уже выслушал Дункана, который утверждает, что всего этого не случилось бы, будь он рядом с отцом в Ренгарте.

Келсон опустил глаза и стал задумчиво рассматривать царапину на своем сапоге.

— Нет,— он помолчал.— Жена Брана и его наследник сейчас в Джассе. Ты знаешь об этом?

— Я не удивлен. Они ищут здесь убежища?

Келсон пожал плечами.

— Думаю, да. Сейчас здесь много женщин и детей. Поместья Брана недалеко отсюда, но он решил, что здесь, в Джассе, его семья будет в большей безопасности. По-моему, он не собирался стать предателем. Мне хотелось бы думать, что он не замыслил этого заранее.

— Я тоже сомневаюсь, что это был заранее обдуманый шаг,— согласился Морган.— Ни один человек не пошлет свою жену и детей в руки тех, кого собирается предать.

— Но все же я не исключаю такую возможность,— пробормотал Келсон.— Я должен знать точно, думал он о предательстве или нет. Всем известно, что Брана многие ненавидели. Мне не следовало посылать его одного так близко к границе.

— А я уж было решил, что ты не собираешься обвинять себя,— усмехнулся Морган.— Впрочем, если бы это тебя утешило, я бы тоже обвинил себя, Келсон. Нельзя же все время быть правым.

— Я должен быть предвидеть,— повторил упрямо Келсон.— Это мой долг.

Морган вздохнул и с неприязнью посмотрел на генералов, которые все еще спорили. Ему хотелось переменить тему разговора.

— Ты упомянул о семье Брана. Как, по-твоему, его сын тоже доставит нам неприятности?

Келсон сардонически фыркнул.

— Юный Брендан? Вряд ли. Ему всего три или четыре года,— он нахмурился, глядя на пляшущее в камине пламя.— Мне очень не хочется сообщать об этом графине. Насколько я знаю, она и вся ее семья всегда были преданы королю. Мне будет трудно сказать ей, что ее муж предатель.

— Хочешь, это сделаю я?

Келсон показал головой.

— Нет, это моя обязанность. Ты иди к генералам. А кроме того, у меня есть опыт общения с женщинами, когда они в истерике, если, конечно, дело дойдет до этого. Ты же помнишь мою мать?

Морган улыбнулся, вспомнив королеву Джехану, которая сейчас живет в монастыре в самом сердце Гвинеды и борется со своей душой Дерини. Да, у

Келсона богатый опыт общения с такими женщинами. Морган не сомневался, что Келсон великолепно справится со своей задачей без его помощи.

— Хорошо, мой принц,— поклонился Морган.— Мы с Нигелем примем нужные решения и через час отошлем всех спать. Если понадобится твое вмешательство, я отправлю к тебе посыльного.

Келсон кивнул, довольный, что ему представилась возможность уйти отсюда, не говоря никому ни слова, и повернулся к двери.

Когда он вышел, Дункан отошел от окна и, переглянувшись с Морганом, тоже направился к выходу. Морган смотрел ему вслед, не останавливая его, так как знал, что его друг сейчас нуждается в одиночестве, а затем, вздохнув, подошел к столу и занял там место, откуда мог все видеть и слышать. В карту уже были внесены поправки, так как с изменой Брана обстановка существенно изменилась. Кроме того, с уничтожением армии герцога Джареда долины между Джассой и Кардосой были теперь пусты.

Далеко на севере ярко-оранжевые метки на карте означали силы герцога Эвана, но их было очень немного, так что рассчитывать на них не приходилось. А в свете последних событий вполне было возможно, что ни герцога Эвана, ни его войск уже нет. Так что только королевская армия здесь, в Джассе, является препятствием на пути Венсита в Гвинед, единственным препятствием.

— Можно предположить, что Джаред был разбит где-то на Ренгартской равнине к югу от Кардосы,— говорил Нигель.— Мы не знаем, какими силами располагает Венсит, но у Брана, по последним данным, было около трех с половиной тысяч человек. И они располагались где-то здесь, у входа в ущелье,— он ткнул в карту.— У нас теперь, после объединения, примерно двенадцать тысяч. После дневного перехода мы встретимся с врагом и должны будем занять выгодные позиции, которые придется удерживать во что бы то ни стало. К сожалению, мы не знаем, сколько человек у Венсита.

Он помолчал, выслушивая одобрительные возгласы генералов и советников.

— Хорошо. Элас, ты и генерал Реми будете удерживать левый фланг. На правом фланге закрепится Годвин и генерал Мортимор...

Нигель продолжал, подробно объясняя каждому присутствующему его обязанности во время похода и боя.

Морган отошел немного в сторону, чтобы видеть реакцию каждого из генералов на распоряжения Нигеля.

Немного погодя в зале появился посыльный, принесший донесения для Нигеля. Морган взял их сам, чтобы не отвлекать Нигеля. Многие из донесений были просто формальностью, и Морган, бросая на них беглый взгляд, отбрасывал их в сторону. Но вдруг один пакет — грязный, коричневый, с желтой печатью — привлек его внимание. Он нахмурился, сломал печать, вскрыл конверт и ахнул от изумления, едва лишь увидел текст.

Он возбужденно протолкался к Нигелю, схватил его за плечо и повернулся ко всем остальным, прося внимания.

— Прошу прощения, Нигель, но есть потрясающие новости. У меня в руках письмо от генерала Глодрута, который, как все вы знаете, был с армией герцога Джареда в...

Поднявшийся шум не позволил ему продолжать, и Морган ожесточенно стукнул кулаком по столу, требуя тишины. Наконец, в зале установился порядок, и все с нетерпением ждали, что же скажет Морган.

— Глодрут пишет, что Джаред серьезно ранен и взят в плен, а не убит. Вместе с ним захвачены граф Джанас, лорд Канлавэй, лорды Лестер, Харкисс, Кольер, епископ Ричард из Пифольда. Однако сам Глодрут и лорд Бурхард сумели с сотней солдат вырваться и бежать. Он думает, что еще несколько сотен солдат бежали на запад.

При этих словах раздались радостные возгласы. Морган поднял руку, прося тишины.

— Конечно, это хорошие новости, но Глодрут пишет, что они попали в западню. Нападение было совершенно неожиданным, и примерно шестьдесят процентов солдат погибли, а почти все остальные захвачены в плен. Он

будет ждать нас завтра в Дрелингхаме вместе с солдатами, которым удалось избежать печальной участи.

Начались бесконечные вопросы. Все хотели узнать больше, чем было написано, но Морган только качал головой.

Наконец, он сказал:

— Я сейчас вернусь. Сожалею, но я знаю не больше вас. Нигель, я пойду сообщить о письме Келсону и Дункану. Они должны обязательно знать об этом.

И Морган стал протискиваться к дверям.

Дункана он найти не смог.

А Келсон был занят делами более утомительными и менее приятными, чем военные. Покинув совет, он отправился на поиски апартаментов жены Брана Кориса, графини Риченды. Он нашел ее на самом верхнем этаже восточного крыла дворца. Однако ему показалось, что прошла целая вечность, пока слуги графини смогли разбудить ее.

Келсон ждал в гостиной, а вокруг суетились сонные слуги, внося свечи, вытирая несуществующую пыль, поправляя мебель. Белый свет луны струился в открытое окно комнаты, придавая всем предметам какой-то призрачный, неестественный вид, и это еще больше тяготило Келсона, и без того с тревогой ожидавшего неприятного объяснения с графиней.

Наконец, дверь отворилась, и в комнате появилась леди.

Келсон был не готов к появлению этой юной стройной женщины в белом, которая грациозно сделала ему реверанс. Зная Брана Кориса, он представлял ее себе совсем другой.

Прекрасное лицо обрамляли волны медовых волос, перехваченных белым прозрачным платком. А глаз такого голубого сине-зеленого цвета он никогда раньше не встречал. К тому же, хотя Келсон и знал, что перед ним жена Брана и мать его наследника, ему показалось, что он видит молодую девушку, едва вышедшую из детского возраста.

Но весь ее облик был чересчур суров для девушки: строгие белые одежды не украшала ни единая драгоценность, как будто она заранее знала, с какими вестями пришел к ней король.

После того как слуги оставили комнату, наведя порядок, она спокойно выслушала короля, поведавшего о предательстве ее мужа. Выражение ее лица почти не менялось во время рассказа.

Когда Келсон закончил, женщина встала и медленно подошла к открытому окну. На фоне серебристого света луны король видел ее силуэт, чуть смазанный пушистыми волосами.

— Может быть, позвать вашу служанку? — спросил Келсон, боясь, что сейчас она упадет в обморок или начнет биться в истерике.

Он слышал, что с благородными леди такое случается.

Риченда опустила голову и отрицательно покачала головой. Тончайший платок соскользнул с ее волос и упал на пол. Тускло сверкнуло золотое кольцо с тяжелым камнем — вероятно, обручальное, когда она протянула левую руку, чтобы закрыть что-то, вдруг заблестевшее в лунном свете на каменном подоконнике.

Келсону показалось, что он увидел слезы.

Но рука женщины уже закрыла сверкающие брызги, если это, конечно, были слезы. Когда она убрала тонкие пальцы с подоконника, они не дрожали.

Риченда Марли происходила из знатного рода и была хорошо воспитана. Ее научили скрывать от окружающих свою слабость. Она всегда должна быть тверда, невозмутима. Она напомнила Келсону его мать.

— Я очень огорчен, миледи, — сказал, наконец, Келсон, сожалея, что не может уменьшить ее страдания. — Я... хочу сказать вам, что предательство вашего мужа никоим образом не отразится ни на вас, ни на вашем сыне. Вы будете под моим личным покровительством до тех пор, пока...

Внезапно послышался дробный стук в дверь, и тут же раздался тихий голос Моргана:

— Келсон!

Келсон повернулся, услышав свое имя, и пошел к двери, не заметив, какой эффект произвел этот голос на женщину у окна.

Когда Морган вошел, лицо женщины побледнело, ее пальцы судорожно сжали край каменного подоконника. Морган вежливо, но торопливо поклонился ей, практически не видя ее, так как был поглощен желанием быстрее посвятить Келсона в содержание письма. Он приблизился к Келсону, а женщина смотрела на него в изумлении, как будто не верила своим глазам и ушам.

— Прости за вторжение, мой принц,— Морган протянул письмо Келсону.— Я думаю, тебе следует ознакомиться с ним немедленно. Герцог Джаред захвачен в плен, но жив. Генералу Глодруту и нескольким солдатам удалось спастись. Совет уже информирован об этом.

— Глодрут! — выдохнул Келсон. Он торопливо направился к свету, чтобы прочесть письмо.— И Бурхард тоже! Миледи, простите меня, но я получил очень важное известие.

При этих словах Морган вспомнил, что в комнате находится третий человек.

Он взглянул на женщину и встретил взгляд больших сине-зеленых глаз.

Морган мысленно ахнул, в его памяти вспыхнуло воспоминание о встрече на дороге близ часовни Святого Торина: роскошная карета и леди с волосами цвета пламени. Затем он вспомнил вторую встречу — женщину и ребенка, выходящих из собора в Джассе. Это была та самая женщина.

Женщина, чье прекрасное лицо осталось у него в памяти с самой первой встречи на дороге в Джассу.

Кто она?

И что делает здесь, в покоях графини Марли?

Он невольно шагнул к ней, но тут же остановился, скрыв свое смятение коротким поклоном.

Удары пульса звучали колоколом в его ушах, мысли путались.

Единственное, на что он оказался способен, так это поднять голову, заглянуть в ее глаза и пробормотать невнятное приветствие:

— Миледи...

Леди неуверенно улыбнулась Моргану.

— Я вижу, что вы не просто охотник Ален, который помог вытащить мою карету у часовни Святого Торина,— мягко сказала она.

Глаза ее были такими же бездонными, как глубины озера Рендала.

— О, ваше лицо было единственным приятным воспоминанием о том ужасном дне,— произнес Морган, воздавая хвалу небесам за их милость к нему.— Я видел вас еще только один раз, хотя вы меня не заметили. Но в своих снах...

Он внезапно осекся, вспомнив, что не имеет права говорить это.

Женщина опустила глаза и в смущении стала теребить пояс.

— Простите меня, милорд, но я не знаю, как обращаться к вам. Я...

Келсон закончил чтение, повернулся к ним и с удивлением увидел смущенных Моргана и графиню.

— Миледи, простите мои манеры. Я забыл, что вы незнакомы с Его Светлостью герцогом Корвина Морганом. Морган, это леди Риченда, жена Брана Кориса.

Услышав ненавистное имя, Морган с трудом сдержал себя. Он постарался остаться внешне спокойным и не показать глубокого разочарования.

Ну, конечно, она жена Брана. Кто же еще мог быть здесь, в этой комнате?

Риченда Марли! Жена Брана Кориса!

О, как безжалостна судьба! Она свела их вместе после первой встречи, чтобы снова и уже навсегда разлучить.

Риченда Марли!

Боже, как же он не понял этого раньше?

Он нервно откашлялся, поклонился, но покашливания не прекратил, скрывая свое разочарование.

— Леди Риченда и я уже встречались, сэр. Я помог вытащить из грязи ее карету у часовни Святого Торина. Я... тогда был переодет... Она не знала, кто я такой.

— И он не знал, кто я,— пробормотала Риченда и подняла голову, избегая, однако, встречаться глазами с Морганом.

— О,— выразительно произнес Келсон.

Он переводил глаза с Моргана на женщину и обратно и никак не мог понять странную реакцию Моргана.

Наконец, Келсон широко улыбнулся и сказал:

— Рад слышать, что даже в одежде простолюдина ты остаешься галантным, Морган. Простите нас, миледи, но нам пора, нас ждут дела. А кроме того, полагаю, вам сейчас хочется остаться одной. Пожалуйста, не стесняйтесь и обращайтесь ко мне за помощью, если она понадобится.

— Вы очень добры, сэр,— тихо поблагодарила Риченда, кланяясь и снова опустив глаза.

— Морган, мы идем?

— Как пожелаешь, мой принц.

— Простите, сэр,— остановила короля Риченда.

Келсон повернулся к женщине, которая очень странно смотрела на него.

— Что-нибудь нужно, миледи?

Тяжело дыша, Риченда подошла к ним, ее руки нервно перебирали пояс. Затем она рухнула перед королем, опустив голову. Келсон удивленно посмотрел на Моргана.

— Сэр, окажите мне милость, молю вас.

— Милость, миледи?

Риченда подняла глаза на Келсона.

— Да, сэр. Позвольте мне ехать с вами в Кардосу. Может быть, я смогу переговорить с Браном, убедить его покаяться — если не ради меня, то ради нашего сына.

— Ехать с нами в Кардосу? — переспросил Келсон, молчаливо призывая Моргана на помощь.— Миледи, это невозможно. В армии нет места женщинам благородного происхождения. И, кроме того, я не могу подвергать вас опасностям, которые ожидают нас. Мы идем на войну, миледи.

Риченда опустила глаза, но не поднялась.

— Я знаю о трудностях и готова переносить тяжелые испытания. Но это единственное, что я могу сделать,

чтобы как-то загладить вину моего мужа. Пожалуйста, не отказывайте мне, сэр.

Келсон снова посмотрел на Моргана, ожидая совета, но тот был поглощен изучением паркета под ногами.

Внезапно Келсон ощутил, что Морган хочет, чтобы он согласился, хотя Морган ничего не сказал и не сделал никакого движения. Келсон неуверенно рассматривал Риченду, распростертую у его ног, затем наклонился и, взяв ее за руки, поднял с колен. Он решил сделать еще одну попытку переубедить ее.

— Миледи, вы не понимаете, о чем просите. Это будет очень трудно — путешествовать с армией, без удобств, без прислуги...

— Я могу ехать под защитой епископа Кардиеля, сэр,— умоляла она.— Возможно, вы не знаете, но Кардиель — дядя моей матери. Он не станет возражать, я знаю.

— Он поступит очень глупо, если согласится,— сказал Келсон, заглядывая в лицо леди.— Морган, ты хочешь возразить?

— Я могу только повторить твои доводы,— спокойно произнес Морган.— Но миледи трудностей не страшится.

Келсон вздохнул, а затем неохотно кивнул.

— Хорошо, миледи. Я разрешаю вам ехать, но при условии, что епископ Кардиель будет согласен. Мы выезжаем на рассвете, так что осталось всего несколько часов. Вы успеете подготовиться?

— Да, сэр. Благодарю.

Келсон кивнул.

— Морган проследит, чтобы вам были предоставлены все возможные в походе удобства.

— Благодарю, сэр.

— Тогда спокойной ночи.

С этими словами Келсон поклонился и направился к выходу, размахивая зажатым в руке и теперь начисто забытым письмом.

Морган, перед тем как закрыть дверь, обернулся, чтобы еще раз увидеть эту женщину, одетую во все белое, стоящую в потоке лунного света. На бледном и осунувшемся лице ее была написана суровая решимость.

Риченда опустила глаза и поклонилась Моргану, но так и не взглянула на него, хотя Морган еще некоторое время стоял на пороге.

Вздыхнув, Морган закрыл дверь и пошел догонять Келсона.

ГЛАВА 19

В Кардосе был полдень, и жаркие солнечные лучи пронизывали прозрачный горный воздух, хотя в трещинах и расщелинах гор еще сохранились остатки снега.

Этим утром Венсит, Ридон и Лайонелл, родственник Венсита, проехали по Кардосскому ущелью, чтобы встретиться с Браном Корисом и теми генералами, которых Венсит выделил в помощь Брану.

К полудню они закончили инспекционный смотр, и теперь Венсит и вся его свита наблюдали, как ставят огромный шатер огненного цвета, который будет штабом Венсита, когда начнутся боевые действия.

Солдаты в бело-черных одеждах вбивали шесты, натягивали канаты. Они знали, что шатер для Венсита должен быть обеспечен всеми удобствами и отвечать всем требованиям комфорта, какие Венсит считал необходимыми для себя во время войны.

Шатер был огромен. Яйцеобразный шелковый купол покрывал площадь, равную площади большого зала Венсита в его дворце в Белдуре. Все пространство внутри было разделено на дюжину отдельных комнат. Стенами служили ковры, гобелены, шкуры зверей. Это диктовалось не только соображениями красоты, но и выполняло чисто практические задачи: сохраняло тепло и поглощало звуки.

Одна комната была большой, там предполагалось проводить совещания. Однако сегодня Венсит решил, что день слишком хорош, чтобы сидеть взаперти, и, повинувшись взмаху его руки, управитель распорядился

вынести на поляну перед входом большой ковер и расставить кресла.

Пока слуги суетились, приготавливая все необходимое, один из личных слуг Венсита снял со своего господина грязный бархатный плащ, запачкавшийся за время пути, а взамен принес накидку янтарного цвета, которую Венсит надел поверх своей кожаной походной одежды. Сев в кресло, он позволил другому слуге сменить ему сырую обувь на сухую и, когда все было готово, подал знак, чтобы подавали чай.

Венсит кивнул, приглашая всех рассаживаться, а затем своей собственной рукой взял с подноса фарфоровую чашку и подал ее Брану Корису.

— Выпей и подкрепись, друг мой,— предложил он, ласково улыбнувшись, когда Бран наклонился к нему за чашкой.— Ты хорошо потрудился.

Венсит поднял еще две чашки и протянул их Ридону и Лайонеллу. Четвертую чашку он взял себе и улыбнулся, с наслаждением вдохнув аромат напитка. Все приступили к церемонии чаепития.

— Да, я доволен ловушкой, которую ты предложил, Бран,— продолжал Венсит, держа в руках чашку и наблюдая, как поднимается пар над поверхностью жидкости.— И мы сильно выиграли, соединив наши силы и тем самым увеличив их мощь. Нам очень повезло с союзником, Лайонелл.

Лайонелл, встав, поклонился и снова опустился в кресло.

— Да, нам повезло, что лорд Марли решил присоединиться к нам, сэ. Он был бы очень опасным противником, потому что умеет ловко извлекать максимум пользы из того, чем располагает.

Темные глаза Лайонелла в минуты гнева были способны светиться холодным огнем, но сегодня взгляд их поражал мягкостью, теплотой и доверчивостью, как будто Лайонелл и молодой граф стали близкими друзьями, связанными крепкими узами.

Подумав, Лайонелл добавил:

— Даже я кое-чему научился у него, сэ.

— Да? — усмехнулся Венсит.

Наступило длительное молчание, которое никто из присутствующих не собирался прерывать. Бран, довольный похвалами Венсита и Лайонелла, сделал глоток из чашки и расслабился, не заметив испытующего взгляда Ридона. Все четверо молча наслаждались напитком.

Первым заговорил Ридон:

— А мы еще почему-то не обсудили, как поступить с кассанскими пленниками, сэр,— сказал он, поглядывая поверх чашки на Брана.— Конечно, ловушка, которую подготовили Бран и Лайонелл, великолепна, я полностью с этим согласен. Она окажет на войска Келсона не только деморализующее, но даже разрушительное воздействие. Однако то, что мы до сих пор не занялись кассанскими пленниками, большое упущение с нашей стороны. У Брана и Лайонелла есть насчет них какие-то планы, которых мы не знаем.

Лайонелл усмехнулся — почти угрожающе.

— Ты говоришь так, будто мы с Браном должны согласовывать свои планы с тобой, Ридон. Не вмешивайся. Наши планы относительно пленников тебя не касаются.

— Ты хочешь моих возражений, Лайонелл?

— Нет, я хочу, чтобы ты не вмешивался,— подчеркнуто ответил Лайонелл.— Мы получили разрешение использовать пленников по своему усмотрению, именно это мы и намерены сделать. Больше тебе ничего знать не нужно.

Венсит улыбнулся, весьма довольный размолвкой.

— Не надо ссориться, Ридон. Даже я не знаю всех подробностей операции. Мне это ни к чему. О деталях должны думать генералы и военные советники вроде Лайонелла. И если они говорят, что нужно что-то сделать, я полностью доверяю им. Ты не согласен, Ридон?

— Конечно, нет,— ответил Ридон, прихлебывая из чашки.— Но если ты считаешь, что так лучше, пусть будет так.

— Спасибо,— насмешливо поблагодарил Венсит.

Ридон повертел чашку в руках и снова заговорил:

— Я получил донесение от генерала Дикена. Его патрули сообщают, что армия Келсона будет здесь не

раньше вечера. А если учесть, что ваши ловушки замедляют ее продвижение, мы можем спокойно ждать до завтрашнего утра.

— Отлично,— Венсит повернулся в кресле и подозвал управляющего, который все время находился поблизости.

Тот немедленно принес кожаный ларец, отделанный по углам золотом.

Когда управляющий удалился, Венсит открыл крышку и стал перебирать бумаги, что-то отыскивая. Найдя нужную бумагу, Венсит хмыкнул от удовольствия, быстро ее просмотрел, положил обратно и достал другую, которую тоже прочитал.

— Я сегодня получил письмо, которое касается тебя, Бран,— сказал он, хитро поглядывая на Брана.— Келсон каким-то образом узнал о твоём предательстве и взял твою семью под стражу.

Бран замер, затем медленно поднялся, выпрямившись во весь рост. Его руки судорожно сжали чашку.

— Почему мне не сообщили?

— Я сообщаю,— сказал Венсит, протягивая ему письмо.— Только ты не слишком убивайся. Твоя жена и сын сейчас находятся в Джассе, и непосредственной опасности пока нет. Прочти сам.

Бран быстро пробежал глазами письмо. Губы его сжались, превратившись в тонкую линию.

— Их держат как заложников, а вы говорите, что непосредственной опасности нет,— он встретился взглядом с Венситом.— А вдруг Келсон решит использовать их против меня? Неужели я буду спокойно сидеть и ждать, когда моя жена и сын находятся в опасности? Неужели я буду смотреть, как они погибают?

Ридон поднял бровь, весьма удивленный реакцией Брана.

— Послушай, Бран, ты же хорошо знаешь Келсона. Я или ты — мы можем угрожать семье, чтобы заставить главу семьи подчиниться, но молокосос король на это не способен. А кроме того,— он задумчиво посмотрел на свои элегантные ногти,— ты же всегда сможешь обзавестись другими детьми.

Взгляд Брана остановился на Ридоне.

— Что ты имеешь в виду? — прошипел он.

Венсит хмыкнул и неодобрительно покачал головой.

— Хватит, Ридон. Не измывайся над нашим юным другом. Он не понимает твоих шуток... Бран, я вовсе не желаю, чтобы твоей семье был причинен вред. Может быть, в будущем мы организуем обмен заложниками. Во всяком случае, относительно Келсона Ридон полностью прав. Юный король не способен причинить зло невинным женщине и ребенку.

— Вы можете поручиться в этом?

Улыбка Венсита погасла, глаза стали холодно-стальными.

— Я ручаюсь в том, что сделаю все, что смогу. Полагаю, ты знаешь: я могу сделать гораздо больше, чем ты.

Бран опустил голову, внезапно вспомнив свое положение и поняв, что Венсит прав.

— Прошу прощения, сэр. Я не сомневаюсь в ваших возможностях, я только беспокоюсь о своей семье.

— Если бы я заподозрил в твоих словах что-то другое, ты давно уже был бы мертв,— спокойно ответил Венсит, забирая письмо из рук Брана.

Тот отдал бумагу, не говоря ни слова и тщательно скрывая свое замешательство. Венсит сунул письмо обратно в ларец.

На некоторое время воцарилась гнетущая тишина, но Венсит снова поднял голову. Его гнев, только что вспыхнувший, как будто угас.

— Ну, Ридон, что ты скажешь о нашем юном Дерри? Полагаю, там все идет как надо?

— Мне передали, что он готов встретиться с нами,— ответил ему Ридон.

— Хорошо,— Венсит прихлебнул остывший напиток, а затем одним глотком осушил чашку.— Я думаю, нам пора навестить его.

В камере подземной тюрьмы Эсгар Ду на куче грязной соломы лежал Дерри. Руки его сковывали тяжелые цепи, закрепленные на вмурованных в стену кольцах. Его бросили сюда сутки назад и не давали ничего, кроме глотка воды и куска черного хлеба.

Его лихорадило. Ужасно болела голова, голодные спазмы в желудке заставляли корчиться от боли.

Он с трудом открыл глаза и посмотрел на сырой потолок, с которого сочилась вода. Наконец, собравшись с силами, он перекатился на бок и поднял голову.

Боль. Пульсирующая боль в голове и плече. Острая боль в бедре.

Стиснув зубы, Дерри старался сесть, подтягивая себя за цепи, которые тянулись от его рук к кольцам, закрепленным в стене на высоте восьми футов. Он знал, почему кольца так высоко: тюремщики почти распяли его на стене. Они долго избивали его кулаками и кнутами, пока Бог, смилостивившись над ним, не позволил ему потерять сознание. Он пришел в себя много часов спустя и вот теперь обнаружил, что находится в грязной сырой камере на куче соломы.

Юноша вытер потное лицо о здоровое плечо, а затем медленно, с трудом поднялся на ноги. Слева находилось окно. Если он хорошо сохранил в памяти крепость Эсгар Ду, то из нее можно увидеть часть Кардосской долины.

Дерри стоял, шатаясь и цепляясь за цепи. Затем добрал до окна и выглянул наружу.

Далеко внизу занимали позиции войска Венсита.

С северной стороны на холме расположились лучники. На северо-востоке сгруппировались пехота и кавалерия вместе с отрядами копейщиков. Большая часть кавалерии располагалась в центре: кавалерия — ядро армии Венсита. Дерри видел забрызганных грязью всадников, которые широким потоком вливались в долину, слышал ругань и крики офицеров, старавшихся поддержать порядок в колонне.

На юго-востоке, прямо против ущелья, солдаты Торента занимали позиции вокруг шатра, где, вероятно, во время битвы будет находиться Венсит со штабом и откуда он будет руководить действиями своих войск.

Дерри не видел никаких признаков приближающейся армии Келсона, но знал, что король идет сюда. Кто-нибудь должен предупредить Келсона о трагической судьбе герцога Джарета и его людей. Дерри очень

надеялся, что внутренние неурядицы в Гвинее улажены и сюда идет объединенная армия.

О, если бы Морган и Дункан наладили отношения с епископами, подумал он.

Со вздохом Дерри повернулся и в сотый раз безнадежно рванул цепи. Пока он будет закован, как дикий зверь, у него нет ни малейшего шанса выбраться отсюда. Но даже если бы удалось освободиться от цепей, его раны не позволили бы ему уйти далеко.

Нога, как только он встал, мучительно болела, пронизывая острыми импульсами боли все тело. Плечо как будто бы стало болеть меньше, но он был уверен, что лихорадочное состояние и легкий звон в голове вызваны воспалением именно этой раны. Когда охранники приносили воду, он пытался осмотреть рану, но все старания были тщетны: бинт туго стягивал плечо, и он не мог снять повязку. Может быть, там уже началось загноение?

Скрип ключа в замке прервал течение его мыслей. Юноша повернулся к двери, с трудом выдерживая тяжесть цепей.

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова стражника. Открыв дверь полностью, он вошел в камеру и отступил в сторону, пропуская высокого рыжебородого человека в шелковой тунике янтарного цвета.

Это был Венсит. За ним стоял Ридон.

Дерри содрогнулся, у него перехватило дыхание от гнева, когда глазам его предстали два смертельных врага.

Под шелком и мехами на них была кожаная одежда: на Венсите — коричневая, на Ридоне — темно-синяя.

Холодные аквамариновые глаза Венсита рассматривали пленника, а руки поигрывали рукояткой хлыста.

Дерри постарался выпрямиться, насколько мог, пытаясь забыть о больной ноге, о тяжести цепей и о звоне в ушах.

Венсит прошел на несколько шагов вперед. Стражник застыл у двери, бесстрастно глядя прямо перед собой. Ридон прислонился к стене, беззаботно выставив ногу.

— О,— сказал Венсит,— наш юный пленник уже пришел в себя. И уже на ногах. Очень хорошо, мой мальчик. Твой господин должен гордиться тобой.

Дерри не отвечал. Он знал, что Венсит хочет вывести его из себя, и решил не поддаваться на уловки.

— Но ты, конечно,— продолжал Венсит,— не заслуживаешь похвалы такого господина. Трус и предатель немногого стоит, верно?

Глаза Дерри сверкнули, однако он промолчал, хотя и не знал, долго ли сможет выдержать это глумление.

— Ты согласен? — спросил Венсит, подняв бровь и подходя ближе к Дерри.— Я был о тебе лучшего мнения, Дерри. Но, оказывается, ты достойный ученик своего господина. Говорят, вы с Морганом близкие друзья — гораздо ближе, чем люди имеют право быть. Говорят, что вас связывают тайны, какие и не снились обычным людям.

Дерри закрыл глаза, чтобы успокоиться, но Венсит щелкнул кончиком хлыста перед лицом Дерри, и тот снова увидел перед собой голубые глаза, прикрытые светлыми ресницами.

— Дерри, не скромничай. Все знают, что вы делите с ним и могущество, и постель.

С отчаянным воплем Дерри бросился на своего мучителя, пытаясь цепями разmozжить ему лицо.

Но Венсит рассчитал расстояние с точностью до дюйма и даже не шелохнулся, когда руки Дерри остановились, сдерживаемые цепью, у самого его лица.

Со стоном Дерри рухнул на пол.

Венсит презрительно посмотрел на него и приказал стражникам поднять юношу. Те стали натягивать цепи, пропуская их через кольца. Тело Дерри медленно поднималось, и вскоре он был распят на стене.

Венсит долго наблюдал за пленником, находящимся в полубоморочном состоянии, постукивая рукоятью хлыста по ладони, потом приказал стражникам выйти вон.

Дверь со скрипом закрылась за ними. Ридон задвинул засов и встал у двери, заслонив собою глазок.

— Значит, гордость еще осталась, мой юный друг,— заключил Венсит, приближаясь к Дерри, поднимая его

подбородок рукоятью кнута.— Чему еще Морган обучил тебя?

Дерри вновь попытался овладеть собой. Никогда раньше не был он так безрассуден, а Венсит только того и добивается. Проклятая лихорадка затуманила разум. О, если бы разум его был ясен!

Венсит опустил хлыст, довольный тем, что снова овладел вниманием пленника.

— Скажи мне, чего ты боишься больше всего, Дерри? Смерти?

Дерри молчал.

— Нет, по твоим глазам вижу, что не смерти. К своему несчастью, ты этим страхом овладел. Я могу извлечь из твоего разума, из глубин твоего мозга такие ужасы, каких ты и представить себе не можешь.

Он отвернулся и стал расхаживать по камере, продолжая говорить.

— Значит, ты не боишься утраты жизни, но боишься утраты... Утраты чего? — он резко повернулся к Дерри.— Так, Дерри?

Не дождавшись ответа, Венсит продолжал:

— Ты боишься потери здоровья, чести, целостности? Чего ты боишься больше: потери чести или целостности? А если целостности, то чего? Тела? Души? Разума?

Дерри не реагировал, заставляя себя смотреть поверх головы Венсита. Рассматривая трещину в противоположной стене, он изучал маленького паучка, который своей паутиной постепенно оплетал эту трещину. Дерри подумал, что если будет считать ячейки в паутине, то не будет воспринимать слов Венсита.

Щелк!

Лицо Дерри обжег удар хлыста.

Венсит рывкнул:

— Ты не слушаешь меня, Дерри! Предупреждаю тебя, что не люблю нерадивых учеников.

Дерри с трудом сдержал желание броситься на своего мучителя и заставил себя посмотреть ему в лицо.

Венсит стоял в двух футах от него. Глаза колдуна, похожие на два озера расплавленного серебра, пронизывали юношу насквозь.

— Теперь,— спокойно сообщил Венсит,— ты будешь слушать меня, Дерри. Я не буду отвлекаться. Я буду бить и бить тебя, пока ты не начнешь слушать меня. Или подохнешь. А подохнуть будет не просто, уверяю тебя. Ты слушаешь, Дерри?

Дерри изобразил кивок и заставил себя слушать Венсита.

Губы его пересохли, а язык увеличился вдвое и не помещался во рту. Он ощущал, как теплая кровь течет по его лицу — в том месте, куда пришелся удар хлыста.

— Хорошо,— сказал Венсит, проводя рукоятью по щеке и шее Дерри.— Первый урок, который ты должен усвоить, и усвоить хорошо, это то, что твоя жизнь в моих руках, в буквальном смысле слова. Если я захочу, ты будешь молить меня о милосердии, о смерти, чтобы положить конец мучениям, которым я тебя подвергну.

И внезапно он резким движением рванул правую раненую руку. У Дерри вырвался крик, и он почти потерял сознание от боли. Но боль исчезла сразу же, как только Дерри ее ощутил, и юноша поднял голову, с ужасом глядя на Венсита. Рука Венсита все еще лежала на раненом плече, но Дерри старался не думать о том, что колдун сделает дальше.

Венсит улыбнулся.

— Я сделал тебе больно, Дерри? — промурлыкал он, массируя плечо мягкими пальцами.— Но это еще не все, что я могу сделать. Пытать тебя я не собираюсь, так как ты полностью в моих руках. Ты вынужден повиноваться мне. И хотя твой разум будет сопротивляться моим приказам, твое тело будет выполнять все мои желания.

С улыбкой Венсит провел рукой по телу Дерри, отступил на шаг и начал постукивать хлыстом по сапогу. Затем, бросив хлыст Ридону, стал разглаживать на руках перчатки, с презрением глядя на Дерри.

— Скажи, тебя когда-нибудь благословляли? — спросил он, все еще занимаясь перчатками.— Простирали когда-нибудь священник руку над твоей головой?

Дерри нахмурился, когда Венсит протянул руку, словно хотел благословить его.

— Я, конечно, не священник, да и то, что я собираюсь сделать,— не благословение,— продолжал Венсит.— Помнишь, я говорил о целостности тела, души, разума? Пожалуй, мы начнем с души, Дерри. И этим хлыстом я накладываю на тебя чары.

Поднятая рука медленно опустилась. Пальцы, сложенные в подобие того, что делает священник при благословении, прошли перед глазами Дерри. Рука пошла сначала вправо, потом влево. Дерри почувствовал, что он впадает в странную летаргию, холод охватил его конечности. Дерри ахнул, пытаясь осознать, что же с ним происходит, затем из его груди вырвался стон, когда Венсит коснулся наручников. Они упали на пол, освободив Дерри.

Юноша не мог стоять сам, ноги не слушались. Но опускаясь на пол, он почувствовал, как сильные руки подхватили и поддержали его. Голова его беспомощно свесилась, откинулась назад, ударившись о каменную стену, волосы цеплялись за грубую поверхность камня. Затем холодные голубые глаза стали приближаться к нему, жесткий хищный рот приник ко рту Дерри долгим бесстыдным поцелуем.

Дерри выскользнул из рук Венсита, тело его беспомощно распростерлось на каменном полу. Глаза закрылись, губы плотно сжались, но по телу прошел невольный трепет сладостной истомы. Дерри, ненавидя за это самого себя, спрятал лицо в ладони и сквозь туман в голове услышал хохот Венсита и издевательское хихиканье Ридона.

Затем сапог Венсита ткнул его в бок, и Дерри поднял голову. Тошнота подступила к его горлу.

Венсит засмеялся и оглянулся на Ридона, который с явным наслаждением наблюдал эту сцену.

Венсит протянул руку, указывая глазами на кинжал Ридона. Тот бросил его, и Венсит ловко поймал оружие — красивое, с отделанной золотом и изумрудами рукоятью. Лезвие отражало холодный спокойный свет. Венсит приложил острие кинжала к подбородку Дерри.

— О, как ты ненавидишь меня,— тихо сказал он.— Если бы этот кинжал попал к тебе в руки, ты бы с радостью перерезал мне горло. Я дам тебе шанс,— с

этими словами Венсит вложил кинжал в руку Дерри. — Ну, давай, убей меня, если сможешь.

Дерри замер, не в силах поверить в случившееся, а потом бросился на Венсита. Конечно, это было безрассудством: Дерри был слаб, как котенок.

Венсит просто отступил в сторону, оторвав пальцы Дерри от кинжала и легким толчком отшвырнул его к стене.

Дерри с ненавистью смотрел на хохочущего Венсита, который, наклонившись к нему, приложил лезвие к одежде и одним движением взрезал ее всю сверху донизу. Затем мучитель сорвал одежду, обнажив тело Дерри, и приложил правую руку к груди юноши чуть повыше сердца. Левая рука сжимала кинжал. Глаза Венсита излучали холод, и Дерри понял, что он близок к смерти.

Как мог он подумать, что Венсита можно убить кинжалом? Это же не человек, а демон, нет, сам дьявол.

— Ну, Дерри, ты видишь, что сопротивление бесполезно? Твоя душа в моих руках. И тело тоже, если я захочу. Ты даже убить меня не можешь. Ты не можешь взять мою жизнь, Дерри,— мягко сказал он.— Но я могу приказать, чтобы ты взял свою жизнь, и ты повинешься. Возьми кинжал, Дерри. И приложи его в том месте, где лежит моя ладонь, повыше твоего сердца.

Рука Дерри помимо его воли протянулась к кинжалу, который держал Венсит, взяла его и приложила острие к груди. Он видел все как бы со стороны. На этот раз он не ощущал смятения, паники, он совершенно не сопротивлялся происходящему. Дерри понимал, что его собственная рука без колебаний нанесет смертельный удар, если Венсит пожелает этого, и Дерри ничего не мог изменить.

Венсит убрал руку с груди Дерри. Он стоял, покачиваясь на каблуках.

— Ну, а теперь начнем. Начнем с небольшого пореза, чтобы показалась кровь.

Нож плавно двинулся по груди. Рука Дерри вела лезвие, за которым тянулся аккуратный порез. Из него выступила кровь, капли которой, как драгоценные камни, падали на белую кожу. Когда порез достиг длины

в три пальца, кинжал остановился, готовый, однако, продолжить движение.

— Ну, вот и кровь,— прошептал Венсит мягким бархатным голосом.— И теперь мы будем тихо приближаться к смерти, Дерри. Вместе. Только ты и я. Нужно немножко надавить на кинжал, мой друг. Только чуть-чуть. И мы будем ждать ангела смерти. Будем ждать здесь — в этой обители горя и скорби.

Лезвие стало погружаться в тело. Кровь выступала там, где металл встречался с мягкой податливой плотью. Лицо Дерри приобретало серый оттенок. Он чувствовал, как сквозь кожу, сквозь мышцы движется металл, как к сердцу неумолимо приближается смерть. И он ничего не мог поделать.

Дерри закрыл глаза, стараясь справиться с охватившей его паникой, стараясь успокоить пораженную ужасом душу, в отчаянии взывая к давно забытым святым и богам.

Рука Венсита легла на его руку, вынула кинжал из раны. На рану лег кусок белой шелковой ткани.

Венсит что-то сделал, от чего Дерри почувствовал озноб. На лице колдуна появилась удовлетворенная улыбка. Повернувшись к Ридону, он сказал, что на сегодня хватит и они могут идти.

Дерри с трудом поднялся на колени. Кинжал оставался в его руке. Затуманенным ненавистью взглядом он следил, как скрывается за дверью голубой плащ Ридона.

Стражник принес факел. Венсит, остановившись на пороге, приветственным жестом поднял хлыст.

— До скорого свидания, мой юный друг,— сказал он. Его глаза в свете факела казались темно-голубыми и совсем ласковыми.— Думаю, ты кое-что усвоил из моих уроков. Это очень важно для тебя, так как я хочу, чтобы ты предал Моргана и перешел на мою сторону.

Кулаки Дерри непроизвольно сжались, и он вдруг почувствовал кинжал, все еще лежавший в его руке. Он замер и слегка повернулся, чтобы прикрыть его от взгляда Венсита, но тот заметил это движение и рассмеялся.

— Можешь оставить себе эту игрушку. Она мне больше не нужна. Но и тебе, думаю, она принесет мало радости. Я не могу позволить, чтобы ты воспользовался им. Но ты и сам скоро все поймешь.

Когда закрылась дверь и ключ повернулся в замке, Дерри вздохнул и лег ничком на пол, совсем изнуренный. Некоторое время он лежал не шевелясь, а затем крепко зажмурил глаза, стараясь отогнать от себя ужасы, которые только что прошел. Но едва лишь разум прояснился и боль утихла, слова Венсита вновь всплыли в его мозгу.

«Ты предашь Моргана».

Почти в истерике он перекатился на полу и закрыл лицо здоровой рукой.

Боже! Что Венсит сделал с ним? Может быть, он не так расслышал? Нет, все верно! Колдун сказал, что Дерри предаст Моргана! Что Дерри будет Иудой по отношению к своему другу и господину! Нет! Этого не должно случиться!

С трудом усевшись, Дерри принялся ощупывать все вокруг в поисках кинжала, оставленного Венситом. Дерри схватил его, поднес к глазам и вдруг увидел странный перстень, сверкающий на его мизинце. Никогда раньше Дерри его не видел. Однако затуманенное сознание не остановилось на этом факте, блеск лезвия отвлек внимание юноши от перстня, и он вернулся к своим прежним мыслям.

Венсит виноват во всем. Он может управлять телом Дерри так же, как управляет своими подчиненными. И еще Венсит сказал, что заставит Дерри предать Моргана, и Дерри не сомневался, что колдун выполнит свое обещание, если захочет. Он также исключил самоубийство Дерри, хотя, возможно, здесь он просчитался. Дерри не может, не должен стать подлым орудием в руках Венсита.

Расчистив место на полу, Дерри кинжалом расковырял одну из трещин, сделав ее достаточно широкой, чтобы можно было закрепить в ней ручку кинжала. Оглянувшись на дверь, чтобы убедиться, что за ним никто не следит, он лег на живот у выемки, которую только что сделал, и сжал кинжал обеими руками.

Самоубийство. О нем запрещено даже думать человеку, который верит в Бога и бессмертие души. Самоубийство обрекает верующего на вечные муки в аду.

Но есть вещи похуже, чем ад, убеждал себя Дерри.

Предать себя, предать друга.

С первым он бороться не мог. Король Торента вынудил его к этому. И никто ему тут уже не поможет.

Но Морган. Морган много раз спасал ему жизнь, извлекая из самых когтей смерти. Мог ли Дерри сейчас отказать другу в том же, хотя бы и ценой собственной жизни? Он обязан спасти Моргана, пожертвовав собой!

Взяв кинжал за лезвие, Дерри долго смотрел на крестообразную рукоять. Тысячи молитв пронеслись в его мозгу и рассеялись.

Юноша поцеловал крест и вложил рукоять в приготовленную выемку. Бог должен его понять, должен понять и простить его, Дерри, за то, что он собирается сделать.

Лезвие торчало острием вверх и пылало, как маленький серебряный факел. Дерри приподнялся на колени и лег так, чтобы лезвие было направлено прямо в сердце. Долго так продолжаться не может. Его усталые руки продержат тело на весу всего несколько минут, а затем он рухнет всей тяжестью на сверкающую сталь. Даже Венситу не удержать его от падения.

Дерри закрыл глаза. Ослабевшие руки начали дрожать.

Дерри вспоминал недавние дни, когда они с Морганом ехали через поля Кандор Ри. Он вспоминал битвы, хороших коней, молоденьких девушек, с которыми развлекался на сеновалах отцовских конюшен, свою первую...

Тело начало опускаться.

ГЛАВА 20

О Боже! Он не может этого сделать!

Как только острое кинжала коснулось груди, руки Дерри внезапно окрепли, подняли его тело, отогнали подступившую смерть.

С отчаянным криком Дерри схватил кинжал и хотел ударить себя в грудь, перерезать горло. Но все было тщетно. Как будто невидимая рука мешала ему, лишала его удары силы, отводила лезвие от цели.

Венсит!

Венсит! Ты был прав!

Дерри не мог даже убить себя, не мог распорядиться своей собственной жизнью и смертью.

Вытирая слезы отчаяния, Дерри лег на живот и всхлипнул. Раны страшно болели, голова кружилась. А кинжал все еще оставался в его руке, и он, в исступлении вскочив на колени, раз за разом вонзал его в пол. Он бил снова и снова.

Через некоторое время его движения замедлились, всхлипывания прекратились, милосердная темнота окутала измученный мозг, избавив на время от ужаса, который одолевал его.

Он пришел в себя. А может быть, это ему приснилось.

Дерри решил, что был без сознания всего несколько минут, когда очнулся от легкого прикосновения к своему плечу.

Чья-то рука тихо дотронулась до него.

Дерри вздрогнул и сжался, решив, что это опять Венсит, и, значит, его ожидают новые изощренные мучения. Но прикосновение было мягким, не вызывающим боли.

Когда Дерри смог собрать все свое мужество и повернуться, он с изумлением увидел человека в сером плаще с капюшоном, который, участливо наклонившись над ним, с жалостью смотрел на юношу.

Дерри почему-то не испугался, каким-то образом он знал, что бояться этого человека не следует. Он открыл рот, чтобы заговорить, но незнакомец покачал головой и положил холодную руку на губы юноши.

Из-под капюшона на Дерри смотрели серебристо-дымчатые глаза, а над ними, утопая в тени, мягко сияли не то серебристые, не то золотые волосы.

Дерри был уверен, что уже видел это лицо прежде, но не мог припомнить, где и когда. Затем зрение Дерри затуманилось, в голове поплыли волны, и он снова потерял сознание. Он смутно ощущал, как руки незнакомца гладят его тело, касаются ран, и его мучения ослабевают. Но Дерри больше не мог полностью прийти в себя.

Смутно он почувствовал, как незнакомец взял его правую руку, услышал возглас неодобрения, когда тот осматривал что-то холодное на его мизинце, но Дерри был не в силах шевельнуть даже пальцем. Незнакомец встал, и у Дерри снова все поплыло в голове. Он, как в тумане, увидел светящийся нимб вокруг головы незнакомца, но решил, что это, вероятно, галлюцинация.

Затем незнакомец пошел к двери и, дойдя до нее, обернулся. И Дерри совершенно отчетливо увидел, как на месте только что стоявшего человека вспыхнуло голубое сияние, сменившееся синим облаком. Дерри краем сознания понимал, что оказался свидетелем чего-то странного, но сосредоточиться на этом у него не было сил.

Голова его упала на солому. Он заснул.

Дерри не знал, что армия Келсона уже приближалась к долине Линдредра. Так как Келсон хотел прийти к месту битвы до темноты, королевская армия выступила в поход задолго до рассвета. Вперед были высланы разведчики, чтобы предупредить о засадах, однако до полудня они не обнаружили ничего необычного.

До Кардосской долины оставалось часа три пути. И вот тут пришли неожиданные сообщения.

Одна из патрульных групп, ехавшая впереди, отклонилась немного к западу от основного направления

марша и заметила в зарослях отряд солдат. Разведчики не стали приближаться к ним, чтобы не обнаружить себя, поэтому не смогли рассмотреть форму солдат и цвет знамени. Однако было понятно, что солдаты одеты в полную боевую форму, их шлемы, кирасы, кольчуги, пики сверкали в лучах солнца.

Очевидно, это была западня.

Разведчики немедленно вернулись и доложили обо всем королю. Келсон нахмурился, пытаясь разгадать хитроумную уловку врага.

Оставленная врагом группа, очевидно, предназначалась для отвлекающих маневров, так как была слишком малочисленна, чтобы напасть на объединенную армию Гвинед. Но такие акции были бы самоубийством, если, конечно, для защиты солдат не предназначалось колдовство.

Все эти мысли вихрем пронесли в голове Келсона, и после некоторого размышления он вызвал к себе генерала Глодruta.

Глодрут после присоединения его группы, уцелевшей в резне при Ренгарте, к королевской армии стал ближайшим советником Келсона. Глодрут выслушал приказ короля относительно порядка дальнейшего перемещения войск и поехал исполнять его, а король тем временем решил, что пора посоветоваться с Морганом.

Келсон нашел Морган, едущим на белом коне впереди главной группы в сопровождении Нигеля, Дункана и епископа Кардиеля.

В данный момент Морган расспрашивал молодого перепуганного солдата, который, вероятно, только что вернулся из разведки. Неподалеку крутился небольшой отряд всадников, форма одежды и эмблемы которых были такими же, как и у допрашиваемого Морганом разведчика.

Морган был полностью поглощен полученным донесением, а Кардиель нервно перебирал поводья своей лошади. Только Нигель приветствовал Келсона, подъехавшего к ним.

Король поразился, увидев в руках Дункана окровавленные лохмотья боевого знамени с алыми розами и спящим Львом — эмблемой Мак Лейнов. Он посмотрел на Моргана, в его глазах застыл безмолвный вопрос.

— Я не могу сказать тебе, что случилось, мой король,— сказал Морган подъехав к Келсону.— Вероятно, на той стороне холма творится что-то неладное. Добо привез сюда это зная,— он показал на шелк в руках Дункана,— но так испуган, что из него ничего нельзя выжать. Придется нам самим посмотреть.

— Ты думаешь, это ловушка? — Келсон снова бросил взгляд на зная и вздрогнул.— Добо, что ты там видел?

В ответ на вопрос короля Добо стиснул поводья в руке и испуганно перекрестился.

— Боже, спаси их души. Сэр, я... я не могу об этом говорить,— прошептал он. Судорога сдавливала его горло.— Это отвратительно, сэр. Прикажите нам уезжать отсюда, пока еще не поздно. Нельзя сражаться с врагом, который способен на такое.

— Поехали,— сказал Морган, чтобы прекратить дальнейшие расспросы.

Он пришпорил коня и понесся вперед, сопровождаемый Келсоном, Дунканом и остальными. На вершине холма их поджидали Варин и два его помощника. С ними был и епископ Арлиан. Он, стоя в стременах, осматривал раскинувшуюся внизу долину.

Варин коротким кивком приветствовал подъехавших.

— Жуткое зрелище, сэр,— сказал он, указывая на долину.— Посмотрите, сколько здесь воронов и грифов. Они кружат над полем, а некоторые сидят на земле. Не нравится мне все это.

Келсон посмотрел в том же направлении и невольно вскрикнул.

Там, в полумиле от них, он увидел группу вооруженных людей, стоящих наготове. Люди отбрасывали на землю длинные зловещие тени. Их доспехи и в лучах солнца казались отлитыми из золота. Но люди эти были совершенно неподвижны. Над ними вилась туча птиц — пожирателей падали.

Еще больше гнусных стервятников облепили кусты, под которыми разведчики Келсона обнаружили другую группу вооруженных людей.

Нетрудно было представить, почему они выются там, и Келсон опустил голову, стараясь отогнать подступившую к горлу тошноту.

— Это... это наши знамена? — спросил он.

Один из помощников Варина опустил голову.

— Кажется, да, сэр. Они... все мертвы, — голос его звучал глухо. Казалось, он сдерживает рыдания.

— Ну, хватит, — сказал Морган, беря командование в свои руки. — Поскольку Венсит оставил нам это жуткое послание, нам ничего не остается, как прочесть его. Нигель, дай указание, чтобы охрана следовала за нами.

Он вонзил шпоры в бока лошади и помчался вниз по склону. Дункан и епископы поскакали следом.

Келсон нерешительно посмотрел на Нигеля, который, казалось, ждал указаний короля, затем кивнул и поскакал догонять остальных. Варин ехал рядом с ним. Нигель повернулся и подозвал охрану.

Всадники летели вниз по склону, но, по мере приближения к жуткому месту, лошади замедляли бег. Их пугал стоящий в воздухе запах смерти.

Лошади испуганно шарахались, когда мимо них пролетали огромные черные птицы, оглушительно хлопая крыльями.

Да, страшна была участь тех, над кем кружили эти стервятники.

Они были одеты в голубые, серебряные и алые цвета — цвета Кернея и Кассана, и каждый из них был посажен на вбитый в землю дубовый кол. Некоторые, наименее защищенные доспехами, почти целиком стали добычей птиц. В воздухе стоял тошнотворный сладковатый запах тлена и разложения. Келсон стал блее, чем горделивое перо на его шлеме. Его спутники выглядели не лучше и молчали.

Дункан опустил голову и закрыл глаза, не в силах смотреть на жуткую сцену.

И даже Варин заерзал в седле, словно собирался упасть в обморок.

Кардиель достал белый платок и зажал им рот и нос, очевидно, борясь с приступом тошноты.

— Сэр... — начал он, повернувшись к Келсону, но вдруг осекся и некоторое время молчал, а затем заговорил снова.— Сэр, кем же надо быть, чтобы сделать такое? Есть ли душа у этого человека? Может быть, он собрал всех демонов для служения себе?

Келсон покачал головой.

— Демоны здесь ни при чем, епископ,— прошептал он.— Он рассчитывает на то, что нас охватит ужас. И ужас более сильный, чем тот, которого он мог бы достичь с помощью магии.

— Но зачем?

Морган одернул упирающуюся лошадь и с трудом проглотил комок в горле.

— Венсит знает природу человеческого страха,— тихо прошептал он.— Вид своих близких убитыми и подвергнувшимися надругательствам производит жуткое впечатление на людей. Тот, кто это придумал...

— Это придумал не человек — Дерини! — крикнул Варин, резко повернув лошадь, чтобы посмотреть в лицо Моргану.— Это мог сделать только Дерини,— в глазах Варина вспыхнул фанатичный огонь, хотя Келсон думал, что никогда больше не увидит этого.— Теперь вы видите, на что способны Дерини. Ни один человек не сделает такого с убитым врагом. Это мог сделать только Дерини. Я же говорил вам, что им нельзя доверять!

— Ты забыл, Варин! — оборвал его Келсон.— Я тоже возмущен этим, но в истории уже был прецедент, когда люди делали подобное. Ты лучше воздержись от оскорблений Дерини. Ясно?

— Сэр,— начал Варин.— Вы меня не поняли. Я не имел в виду вас, Ваше Величество...

— Его Величество знает, что ты имел в виду,— сказал Арлиан, окидывая взглядом жуткую картину.— Самое важное во всем этом...

Он замолчал, внезапно задумавшись и глядя на насаженные на колья трупы, затем резко соскочил с седла.

Все смотрели с недоумением. Арлиан подошел к ближайшему мертвецу и откинул его плащ. После

секундной паузы он перешел к следующему и сделал то же самое. Затем он вернулся к Келсону и остальным, которые ждали его, не двинувшись с места.

— Сэр, подойдите сюда на минуту. Все это очень странно.

— Что? Смотреть на мертвецов? Нет, я не хочу. Они мертвы. Разве этого мало?

Арлиан покачал головой.

— Нет. Вы должны посмотреть. Морган, Дункан, вы тоже подойдите. Мне кажется, эти люди были убиты до того, как их посадили на кол. Возможно, в бою. У них у всех огромные раны, сделанные кольями, но крови вытекло совсем мало.

Обменявшись озадаченными взглядами, Морган и Дункан соскочили с лошадей и направились к Арлиану. После секундного замешательства к ним присоединился и Келсон. По склону в сопровождении вооруженных всадников спускался Нигель. По мере приближения к жуткому месту их тоже охватывал ужас.

На вершине холма собрались генералы Келсона и смотрели вниз, на равнину, раскинувшуюся впереди.

Когда подсказавший Нигель соскочил с седла, Арлиан подозвал его и указал на ближайший труп.

— Посмотри, теперь я уверен, что прав. На нем столько ран, а одежда совершенно чистая, без следов крови. Их, вероятно, переодели в новую одежду, чтобы ввести нас в заблуждение. И, следовательно... — он потянулся к шлему одного из мертвецов,— это совсем не обязательно наши люди.

Когда он скинул шлем на землю, у присутствующих вырвался крик ужаса: мертвец был без головы. Только запекшиеся почерневшие сгустки крови и плоти предстали перед их глазами.

Арлиан торопливо бросился к следующему трупу и снял с него шлем.

И этот труп был обезглавлен!

Выругавшись, Арлиан стал сбивать шлемы направо и налево. Они со звоном катились по траве, а глазам ошеломленных людей открывались жуткие обрубки,

торчащие из доспехов. В бешенстве Арлиан отвернулся в сторону и ударил кулаком по ладони.

— Будь они прокляты на веки вечные! Я знаю, что для них нет ничего святого, но я даже представить себе не мог, на что способен Венсит!

— Это... это работа Венсита? — спросил Нигель, глотая слюну и стараясь не смотреть на страшную картину.

— А чья же еще?

Нигель недоверчиво покачал головой и сказал:

— Боже, здесь ведь человек пятьдесят,— голос его оборвался,— и у всех отрублены головы. А ведь это были наши товарищи! И мы теперь даже не знаем, кто они! Мы...

Он опять замолчал и отвернулся в сторону, издав слабый стон.

Келсон посмотрел на Моргана. Морган казался невозмутимым. Его эмоции выражались только в нервных движениях рук, сжимавшихся и разжимавшихся в кулаки.

Дункан тоже держал себя в руках, хотя Келсон мог представить себе, какого усилия воли ему это стоило.

Морган, должно быть, почувствовал на себе взгляд Келсона, потому что, обернувшись, похлопал его по плечу и повернулся к остальным.

— Необходимо исполнить ритуал похорон, но, конечно, не полный: у нас мало времени. Нужно также осмотреть окрестности. Наверняка мы еще найдем что-нибудь подобное, если не хуже. Келсон,— обратился он к королю.— как ты думаешь, не следует ли нам сообщить об этом всем нашим людям?

— Непременно.

— Согласен. Но надо сказать о том, что эти люди погибли до того, как их принесли сюда, что они погибли в бою, а не посажены на колья, как дикие звери.

— Верно,— согласился Арлиан.— Это укрепит солдат в решимости драться с врагом. Они поймут, что нельзя отдавать родную землю Венситу на поругание.

Келсон кивнул. Самообладание вернулось к нему.

— Хорошо. Нигель, подготовь все к похоронному обряду.

— Да, сэр.

— А ты, Варин, возьми своих людей и осмотрите окрестности.

Варин кивнул:

— Хорошо, сэр.

— Арлиан и Кардиель. У нас нет времени для настоящей службы, но все же несколько слов вы должны сказать. А если вы сможете опознать кого-нибудь из несчастных, то... скажите мне. Я знаю, как это сложно, ведь трупы обезглавлены, но... — он вздрогнул и отвернулся.— Пожалуйста, сделайте, что можно.

С опущенной головой Келсон подошел к своей лошади, повернул ее так, чтобы больше не видеть ужасного зрелища, вскочил в седло и поехал, не оглядываясь, прочь.

Он поднимался вверх по склону, чтобы присоединиться к своим генералам, а Арлиан, проводив его глазами, посмотрел сначала на Варина с его людьми, потом на Нигеля с его свитой, и начал свою скорбную работу. Он снимал несчастных с кольев и укладывал их на землю.

Закончив, Арлиан подошел к Моргану и Дункану и обнял их за плечи.

— Наш юный король очень потрясен, друзья мои,— тихо сказал он, глядя на солдат, которые продолжали начатую им работу.— Как это отразится на нем?

Морган фыркнул, сложив руки на груди.

— У тебя удивительная способность задавать вопросы, на которые я не могу ответить. Как это отразится на всех нас? Ты знаешь, что меня беспокоит больше всего?

Арлиан покачал головой, а Дункан вопросительно посмотрел на своего кузена.

— Сейчас перед нами просто трупы,— тихо сказал Морган.— Может быть, это просто мертвые солдаты Венсита, переодетые в нашу форму, хотя я сомневаюсь в этом,— он помолчал, глаза его сузились.— Но кто-то ведь знает, кто эти солдаты. Трупы их здесь, а головы где-то в другом месте. Я вот задаю себе вопрос: что наши люди сделают, если мы найдем эти головы?

Похоронный ритуал занял час времени, а затем колонны двинулись мимо погребальных костров, салютуя погибшим товарищам.

Гнев и возмущение вызвало у солдат это надругательство над телами погибших. Такое зверство требовало отмщения: тому, кто сделал это, не могло быть пощады. Битва, которая должна начаться завтра утром, будет жестокой и кровавой.

Армия двинулась дальше, оставив позади погребальные костры, распространяющие запах скорби.

Дальше ничего непредвиденного не случилось. Возможно, враг решил, что потрясение было слишком сильным и продолжения не требуется. А может быть, он просто берег силы для завтрашней битвы. Во всяком случае, Келсон был рад, когда они, наконец, достигли места, где решили разбить последний перед битвой лагерь.

После долгого дня наступали сумерки. Солдаты устали — как физически, так и морально. Все нуждались в хорошем отдыхе.

Разбивка лагеря потребовала почти три часа. Наконец, Келсон был удовлетворен оборонительными сооружениями и пошел в свою палатку, собираясь поужинать. Морган, Дункан и Нигель сопровождали его. Однако они все, как сговорившись, болтали только о пустяках и не хотели обсуждать подробности минувшего дня.

Когда кубки были наполнены вином, Келсон встал и поднял свой кубок. Остальные сделали то же.

— Друзья, я предлагаю последний тост: за победу, которая, надеюсь, придет к нам завтра!

— И за короля! — добавил Нигель, прежде чем Келсон успел поднести кубок к губам.— Долгой ему жизни и царствования!

— За победу и короля! — повторили все и осушили кубки.

Келсон улыбнулся, выпил вино и, поставив кубок на стол, опустился в кресло. Затем улыбка его погасла, он с тревогой оглядел всех, покачал головой и вздохнул.

— О Боже, как я устал. Но ничего не поделаешь. У каждого из нас есть свои обязанности. Морган, могу я просить тебя об одной услуге?

— Конечно, мой король.

— Спасибо,— кивнул Келсон.— Я хочу, чтобы ты посетил леди Риченду и рассказал ей о том, что случилось сегодня, но без подробностей, конечно. Она очень чувствительна. Скажи ей, что я не буду хуже относиться к ней, если она не пожелает завтра обратиться к своему мужу, чтобы попытаться убедить его перейти на нашу сторону.

— Судя по тому, что я о ней слышал,— хмыкнул Дункан,— Моргану придется трудно, уговаривая ее в этом. Леди Риченда, хотя и очень чувствительна, в то же время и очень упряма.

Келсон засмеялся.

— Знаю. Морган, дай ей понять, что мы против такой ее попытки. Я не имею права теперь просить ее о помощи. Мне не следовало брать ее с собой в поход.

Морган поклонился.

— Я сделаю, что смогу, мой король.

— Благодарю. Нигель, нам надо пойти и проверить северные укрепления. Я в них не очень уверен, и мне нужен твой совет.

Пока Келсон продолжал говорить, Морган выскользнул из королевской палатки.

Он был рад поручению Келсона и в то же время беспокоился, не будучи уверен, что ему следует видеться с Ричендой после их короткой, но заполненной переживаниями встречи в Джассе.

Часть его души рвалась к встрече с Ричендой, но другая часть, более осторожная и осмотрительная, отвечающая, как он был уверен, за вопросы чести, советовала ему держаться подальше и не встречаться с женой другого человека, пусть даже он может этого человека завтра убить.

Но сейчас от него ничего не зависело. Он получил приказ короля и должен повиноваться.

Обуреваемый противоречивыми чувствами, Морган шел по лагерю, пока не добрался до покоев епископа Кардиеля.

Самого Кардиеля не было. Очевидно, он вместе с Арлианом и Варином проверял укрепления. Однако стража свободно пропустила Моргана.

Вскоре он уже был у освещенного факелами входа в ярко-голубую палатку Риченды. Через полуоткрытый полог Морган вошел в освещенную мягким светом палатку и откашлялся.

— Леди,— позвал он осторожно.

Послышалось шуршание ткани, и перед ним возникла высокая женская фигура. Сердце Моргана на мгновение замерло, но затем разочарованно успокоилось: это была сестра, а не Риченда.

— Добрый вечер, Ваша Светлость,— проговорила сестра, склонив голову.— Леди укладывает сына в постель. Вы хотите поговорить с ней?

— Да. У меня послание от короля.

— Я передам, Ваша Светлость. Подождите здесь, пожалуйста.

Когда сестра исчезла, Морган повернулся и вышел из палатки, попав в освещенный факелом круг. Через некоторое время снова послышался шелест ткани и снова на пороге появилась чья-то фигура. Леди Риченда была в легком белом платье, которое совсем не скрывала накинутая поверх него небесно-голубая мантия. Волосы цвета пламени спокойно спадали на спину. Свеча в серебряном подсвечнике отбрасывала мягкие блики на ее лицо.

Морган поклонился, стараясь смотреть мимо.

Риченда сделала реверанс и склонила голову.

— Добрый вечер, Ваша Светлость. Сестра сказала, что у вас послание от короля.

— Да, миледи. Вы, наверное, слышали о том, что случилось сегодня днем, до того как мы пришли в лагерь?

— Да,— ответ был спокойным, прямым, и женщина опустила глаза.— Входите, пожалуйста, Ваша Светлость. Ваша репутация Дерини вовсе не улучшится, если вас увидят у моего шатра.

— Вы считаете, что лучше бы меня увидели входящим в него? — засмеялся Морган, входя в палатку.

— Сестра удостоверит, что в нашей встрече не было ничего недозволенного, Ваша Светлость,— слегка улыбнулась Риченда.— Простите, что заставила вас ждать. Сын долго не засыпал.

— Ничего.

Внутри палатку разделял пополам тяжелый и в то же время прозрачный занавес, а единственным освещением была свеча в руке Риченды, так что подробности Морган рассмотреть не мог.

Очевидно, спальня сестры, графини и ее сына была во второй половине, так как здесь, где они находились, не было никаких спальных мест. Вся мебель состояла из двух стульев, столика и подсвечника со свечами у центрального шеста. Под ногами лежали ковры для защиты от сырости, но они были неважного качества. Вероятно, из-за слишком поспешных сборов времени выбрать что-нибудь более подходящее не было.

Морган подумал, что графиня и ее сын терпят большие неудобства в походной жизни, но, как он надеялся, долго это не продлится.

Риченда, удалившаяся за занавес, появилась оттуда и прижала палец к губам. На ее лице играла нежная улыбка.

— Он уснул, Ваша Светлость. Не хотите ли взглянуть на него? Ему четыре года, и я очень горжусь им.

Видя, что ей очень этого хочется, Морган кивнул и прошел за ней. Когда они вошли, сестра разбирала кучу белья. Увидев их, она встала, поклонилась и хотела удалиться, но Риченда покачала головой и провела Моргана к маленькой кровати, где спал ее сын.

У Брендана были такие же огненные волосы, как у матери, и, насколько понимал Морган, он мало походил на отца, Брана Кориса. Конечно, что-то похожее чувствовалось, например в форме носа, но в остальном все было материнское, может быть, даже чересчур хрупкое для мальчика.

У него были длинные густые ресницы, а растрепанные рыжие волосы сейчас, при свете свечи, казались золотыми.

Морган вспомнил, что он уже видел эти волосы у часовни Святого Ториана. И хотя Морган забыл, какого

цвета глаза у мальчика, он почему-то был уверен, что они голубые.

Мать мальчика улыбнулась, поправила сбившееся одеяло и поманила Моргана за собой. Он шагнул, и в глаза ему бросилась кровать, застланная голубым покрывалом. Морган покраснел и с трудом заставил себя выбросить ее из головы.

Риченда повернулась к нему.

— Благодарю, что вы пришли, сэр,— сказала она, садясь на один из стульев и приглашая Моргана последовать ее примеру.— Должна признаться, что с тех пор, как мы выехали из Джассы, мне не хватает общества. Сестра очень мила, но она говорит только о делах. А остальные — они предпочитают не общаться с женой предателя.

— Даже если жена предателя предложила свою помощь королю? Даже если она молодая и беспомощная женщина? — спросил Морган.

— Да.

Морган опустил голову, удивляясь, как он может говорить с этим прекрасным созданием, к которому его так тянет.

— Ваша родина похожа на Корвин? — спросил Морган.

Не в силах сдержать свое волнение, он встал и заходил по комнате.

Глаза Риченды следили за ним, но на ее лице ничего не отражалось.

— Похожа. Хотя и не так много гор и холмов. У вас, в Корвине, самые красивые горы. Бран говорил, что... — она осеклась и после секундной заминки продолжала: — Мой муж говорил, что наше графство Марли самая богатая провинция во всех Одиннадцати Королевствах. Вы, наверное, знаете, что в Марли за четыреста лет не было серьезных неурожаев, даже когда в других провинциях была засуха. Я думаю, что это знак милости божьей.

— И сейчас так думаете?

Риченда долго изучала свои руки, лежащие на коленях, а затем пожала плечами.

— Я говорила о прошлом. А вот теперь Бран... О, я снова вернулась к тому же. Вы ведь не хотите говорить перед битвой о графе-предателе? Зачем король послал вас ко мне, Ваша Светлость?

— Частично из-за того, что случилось сегодня, миледи,— ответил он после паузы.— Вы сказали, что знаете причину нашей задержки?

— Обезглавленные тела, насаженные на колья,— сказала она странно звенящим голосом.— Кассанская форма на трупах, причем кровь из ран даже не испачкала одежду,— она посмотрела на него прямо и открыто.— Король послал вас узнать, не мой ли муж сделал это? Вы хотите, чтобы я ответила «да», что мой муж способен на такое? Но вы же знаете, что я много дней нахожусь под королевским надзором и, следовательно, не могу сказать, мой ли муж повинен в этом.

Морган проглотил слюну. Его поразили прямота и пылкость этой женщины.

— Простите меня, миледи, но вы неправильно судите обо мне и о короле. У нас даже в мыслях не было спрашивать вас об этом. Все указывает на то, что ваш муж не планировал предательство заранее, он совершил его внезапно. Человек, который замышляет предательство, не оставляет жену и сына в руках тех, кого предает. Если у вас создалось впечатление, что вас в чем-то подозревают, то приношу извинения. Я не хотел этого.

Риченда долго смотрела на него яркими голубыми глазами, а затем снова перевела взгляд на свои руки. Ее обручальное кольцо тускло мерцало в свете свечи.

— Прошу прощения. Мне не следовало выплескивать свое раздражение на вас. И король тоже не повинен в моем нынешнем положении,— ее голос был тверд, как камень.— А что касается Брана, то я не могу сказать, правы вы или нет. Хочу надеяться, что предательство не было задумано, но... он очень честолюбив и всегда мечтал о большем. Даже наш брак в основном был заключен ради того, чтобы закрепить его права на некоторые земли, иначе эти права были очень сомнительными. Но он очень хороший отец. Он любит Брендана, хотя наши с ним отношения определяются более всего материальными соображениями.

Она помолчала, а затем покачала головой.

— Нет, не так уж все плохо было у нас. Я даже думаю, что он любит меня, по-своему.

— Вы думаете, что вам надо с ним встретиться? — спросил Морган, не желая вдаваться в подробности их семейных отношений.

Риченда пожала плечами.

— Не знаю, милорд. Если он дал согласие на все, что мы видели сегодня, то, что бы я ни сказала, будет иметь для него мало значения. Возможно, он выслушает меня ради спасения Брендана. Так или иначе, все же я хочу сделать попытку, если король позволит.

— Это ненужный риск, миледи.

— Возможно. Но все мы должны играть каждый свою роль. Моя роль — быть женой предателя и бороться за жизнь моего мужа. Конечно, я не жду, что король пожертвует целой армией ради моей безопасности. В любом случае, чем бы все ни кончилось, мы с Бренданом будем женой и сыном предателя, несмотря на исход битвы. Очень неприятно сознавать это, не правда ли?

— Конечно, — пробормотал Морган.

Риченда, облокотившись на шест, посмотрела на него.

— А вы, Ваша Светлость? Что вы хотите выиграть в этой войне? У вас есть все: богатство, могущество, здоровье, милость короля. И все это вы хотите поставить на карту. Ведь, если война будет проиграна, вы тоже погибнете. Венсит не оставит вас в живых. Вы всегда будете угрозой ему.

Морган опустил глаза, внимательно рассматривая пыльные носки своих сапог.

— Не уверен, что могу ответить вам, миледи. Как вам известно, я всю жизнь был мятежником. Я никогда не скрывал своего происхождения. Я первый, пятнадцать лет назад, применил свое могущество, чтобы помочь королю Бриону сохранить трон. С тех пор я часто использовал свое могущество открыто, в надежде на то, что когда-нибудь все Дерини будут так же свободны, как и я. И, однако, во всем этом есть ирония: когда же я, как Дерини, был свободен?

— Но вы же применяли свое могущество?

— Иногда,— пренебрежительно махнул рукой Морган.— И это всегда приносило мне больше неприятностей, чем выгод. Ведь конфликт с архиепископами начался из-за моих действий во время коронации Келсона и событий во время коронации, а также в часовне Святого Торина. Если бы я тогда не вытащил на свет магию, мы бы сейчас спокойно сидели дома, в безопасности.

— Может быть,— усомнилась Риченда,— но если бы все было так, Келсон не стал бы королем. И я очень сомневаюсь, что вы и другие спокойно спали бы в эту ночь, да и в другие ночи тоже.

Морган усмехнулся, а затем нахмурился, заметив, что Риченда серьезна.

— Простите меня, миледи, но я так редко беседую с красивыми женщинами, что не знаю, как себя вести в их присутствии. Многим людям трудно понять, почему я занимаюсь магией. Иногда я сам удивляюсь.

— Почему? Неужели вы стыдитесь этого?

Морган посмотрел на нее с удивлением.

— Нет. Конечно, нет. Если бы мне сейчас пришлось выбирать, я выбрал бы тот же путь. Но так как это невозможно, то вопрос носит чисто академический характер, верно?

— Возможно. Но ведь все решения, которые мы принимаем, всегда основываются на старом опыте, разве не так?

— Ваша логика безупречна, миледи,— неохотно признал Морган.— Но проблема более глубока, чем вы думаете. Мы, Дерини, немного отличаемся от обычных людей, как вы, несомненно, знаете.

— Чем отличается?

Риченда улыбнулась, а затем чуть отвернула голову. Свеча, стоящая позади нее, отчетливо высвечивала ее профиль, как бы выгравированный из золота. Через некоторое время она вновь повернулась к нему, и на ее лице ничего нельзя было прочесть.

— Милорд, можно я вам исповедуюсь?

— Я не священник, миледи,— Морган откинулся на спинку стула.

Риченда встала и подошла к нему. Он не мог хорошо рассмотреть выражение ее лица, так как свеча была у нее за спиной.

— Я благодарю Бога и всех Святых, что вы не священник, милорд. Так как если бы вы были им, я никогда не осмелилась бы сказать то, что хочу сказать. Нас с вами связали крепкие узы. Назовите их как хотите — судьба, воля Бога, предназначение, хотя я думаю, что... О, не смотрите на меня так, милорд.

Морган застыл при первых же ее словах и теперь сидел полностью оглушенный. Ему было трудно поверить в то, что сказала Риченда.

Это было слишком чудесно, слишком невозможно. Он думал, что только в нем клокочут чувства, которые он боялся выпустить наружу. Но оказывается, что и Риченда...

Он отвернулся, стараясь собраться с мыслями.

— Миледи, мы не должны... Я... — он замолчал, а затем начал снова, надеясь найти слова, которые она поймет. — Миледи, много лет назад вы дали клятву другому мужчине. Вы родили ему сына. Этот человек еще жив. Несмотря на все ваши чувства, на ваши с ним отношения, вы все еще... Риченда, я ведь могу убить его завтра. Неужели вам это безразлично?

— Бран — предатель, и он должен умереть. Я это знаю. Я буду оплакивать его смерть. Я буду скорбеть, что ребенок остался без отца. Но если Бог направит ваш меч, — она говорила шепотом, который странно звучал в полутемной палатке, — или ваше могущество, чтобы взять его жизнь, я не возненавижу вас. Как я могу? Вы в моем сердце.

— О Боже, вы не должны этого говорить, — прошептал он, закрывая глаза, чтобы не видеть ее. — Мы не должны, мы не смеем... — он сбился и замолчал, не находя больше слов.

Она взяла его руку в свои и коснулась ее губами.

Морган вздрогнул, а затем заставил себя посмотреть на нее. Риченда взяла и вторую руку. Когда их руки соприкоснулись, между ними вспыхнуло сияние, и их разум стал единым!

Риченда была Дерини — чистокровная Дерини, рожденная от знаменитых лордов древности.

Дерини во всем великолепии, со всем могуществом, со всей гордостью Дерини, настоящего Дерини.

Когда Морган почувствовал единение их разумов, он ощутил такие глубокие и удивительные эмоции, что ему показалось, будто он, наконец, добрался до самых корней своего могущества, что он, наконец, нашел другую часть своего Я, которую не мог найти всю жизнь.

Он понял: что бы ни произошло завтра, он навсегда сохранит эту женщину, эту благословенную женщину возле себя. Она создана для него, и с ней он, наконец-то, чувствует себя одним целым.

Он пришел в себя, отступил от нее на шаг и выдернул свои руки.

Он долго смотрел на нее, моля Бога, чтобы сестра в другой половине спала, а затем опустил глаза и усилием воли заставил себя вернуться к действительности со всеми ее завтрашними проблемами.

— Теперь, после ваших слов, мне будет завтра гораздо труднее,— проговорил он.— Ведь на мне и без того лежала большая ответственность — задолго до того, как еще и эта ноша легла на мое сердце.

— Я просто добавила еще кое-что, за что завтра вам придется воевать, — мягко ответила она.

— Да, и если мне придется завтра убить Брана или стать причиной его смерти...

— Если это случится, то мы оба знаем, что вы сделаете это во имя правого дела.

Снаружи вокруг слышались окрики часовых и затем тихие голоса. Морган подошел к выходу и откинул полог, чтобы посмотреть, что там происходит.

Вскоре в освещенный факелами круг из тьмы вышла закутанная в черное человеческая фигура. Это был Дункан, и, судя по выражению его лица, что-то случилось.

— Что случилось? — спросил Морган и вышел из палатки, загораживая собою вход.

Дункан смущенно откашлялся:

— Прошу прощения за беспокойство, но я был в твоей палатке и не нашел тебя там. А ты нужен Келсону.

— Сейчас буду.

Вернувшись в палатку, Морган увидел глаза Риченды, которые все сказали ему без слов. Он поклонился и вышел к Дункану.

— Разговор оказался более долгим, чем я предполагал. В чем дело?

Дункан принял бесстрастный вид, старался никак не выразить своего отношения к женщине, которую только что покинул Морган.

— Никто точно не знает. Может быть, ты нам скажешь. Мы слышим звуки, как будто Венсит что-то строит.

— Что-то строит? — они прошли посты, и Морган снова повернулся к Дункану.

Дункан пожал плечами.

— Идем, оттуда лучше слышно.

Когда они подошли к северным границам лагеря, один из часовых вызвался показать им дорогу. Морган и Дункан шли за ним, потом по его знаку упали на землю и поползли, как змеи, пробираясь между камнями.

На вершине холма они нашли Келсона, Нигеля и двух разведчиков, все лежали и смотрели в сторону вражеского лагеря.

Вдали горели костры, простираясь к северу насколько хватало глаз. Высоко вверху в горах светились огни захваченной Кардосы.

Морган быстро окинул взглядом окрестности. Все было ему хорошо знакомо, так что осмотр не занял много времени. Он лег на землю рядом с Келсоном и ткнул его локтем.

— Что тут вас заинтересовало? — прошептал он.

Келсон покачал головой, не отрывая взгляда от вражеского лагеря.

— Слушай. Звук очень слаб. Но иногда ветер доносит его. Как ты думаешь, что это?

Морган прислушался, постепенно приводя в действие свои способности Дерини. Сначала он слышал только

обычные звуки военного лагеря: фыркание лошадей, стук их копыт, окрики часовых, звон оружия и доспехов.

Но затем из обычных звуков ему удалось выделить другой, более слабый и странный. Он наклонил голову и закрыл глаза, чтобы лучше слышать.

— Ты прав,— с недоуменным выражением на лице сказал Морган Келсону.— Это звучит так, словно стучат по дереву.

— Да, мы так и решили,— ответил Келсон.

Он задумчиво подпер подбородок руками и уставился в ночное небо.

— Что же может Венсит сейчас строить? Что означают звуки топоров и молотков? Почему они слышны в ночь перед битвой?

ЧАСТЬ 4

ГЛАВА 21

День обещал быть очень жарким, но это позже, когда солнце полностью поднимется над горизонтом, а сейчас, на рассвете, когда жара еще не началась, было хорошо.

Армия Гвинеда занимала свои боевые позиции. Люди поднялись задолго до рассвета. Офицеры в подразделениях проверяли оружие и доспехи воинов. Ходили священники, благословляющие солдат на бой. Проводились короткие совещания для уточнения задачи каждого солдата и каждого подразделения.

Однако времени для обсуждения не было. К рассвету ратники уже шли на позиции: колонна за колонной, ряд за рядом. Две тысячи рыцарей на конях, примерно вдвое больше лучников, а остальные — пехота.

Солдаты были молчаливы и строго выдерживали строй. Даже лошади не ржали и не фыркали, как будто чувствовали, что приближается час игры со смертью.

Со стороны врагов никаких признаков активности не замечалось, хотя все знали, что там тоже готовятся к бою — всего в миле отсюда.

Когда солнце взошло и осветило равнину, по рядам солдат пронесся удивленный шепот: вражеская армия еще не заняла боевые позиции.

Келсон со своими советниками осматривал поле будущей битвы. Когда совсем рассвело, стало видно, что вдоль всей границы вражеского лагеря в землю воткнуты пики с насаженными на них человеческими головами.

Варин и Нигель пытались с помощью подозрных труб опознать лица, но расстояние было слишком велико, да и процесс разложения сделал свое дело.

Тем не менее задуманный Венситом спектакль удался, произвел впечатление на ожидающих битву людей. Хотя гвинедцы знали, что Венсит стремится оказать на них психологическое воздействие, что эти головы, может быть, принадлежат не кассанцам, но все же глаза всех были прикованы туда, губы шептали молитвы попеременно с проклятиями, нервное напряжение росло с каждым часом.

Тем временем Келсон занимался своим делом. Закончив рассматривать карту, он сложил ее и вскочил в седло, одновременно выслушивая Моргана, который докладывал ему о расположении резервов.

Молодой король казался бодрым и отдохнувшим, но глаза его омрачались, когда взгляд их обращался в сторону врага — туда, где на пиках торчали отрубленные головы.

Высших офицеров Венсита еще не было видно. Вражеские колонны стояли спокойно, не собираясь двигаться вперед.

А солнце поднималось все выше и выше. Вскоре епископы Арлиан и Кардиель оставили свои подразделения и подъехали к группе Келсона, присоединившись к Дункану и обеспокоенному генералу Глодруту.

Первым заметил движение во вражеском лагере Арлиан. Подъехав к Келсону, он тронул его за плечо и указал на группу всадников, показавшихся из расступившихся перед ними рядов солдат. Передний всадник держал белый флаг переговоров.

— Нигель, какой у него герб? — спросил король, доставая подозрную трубу.

— На таком расстоянии не разобрать, сэра. Может быть, послать людей навстречу?

— Пока не надо. Сначала посмотрим, чего они хотят. Глодрут, дайте указание приготовиться.

Всадники, отъехав от своих рядов ярдов четыреста, остановились, и только всадник с флагом доскакал до середины поля.

Келсон приказал Глодруту выслать своего человека и, когда ратник выехал, поднял трубу, всматриваясь в лица людей, составляющих свиту парламентаря.

Их было семеро. Четверо — конные лучники в ярко-оранжевой форме с вышитым на груди оленем Фурстанов, бородатые, в оранжевых шлемах, с короткими луками за спиной и короткими мечами в руках.

Остальные трое не походили на солдат: один, по всей вероятности, был монахом, о чем свидетельствовали черная сутана и черный плащ с капюшоном, надвинутым на глаза, но двое других были высшими лордами, разодетыми, как петухи. Сталь и шелк сверкали на солнце яркими красками.

В одном из них — в накинута поверх доспехов белой шелковой мантии — Арлиан узнал герцога Лайонелла, родственника самого Венсита. Из-под мантии сверкала на солнце кольчуга. Шлем украшала маленькая герцогская корона, усыпанная драгоценными камнями.

Второй — в кафтане с голубой и золотой вышивкой... И тут Арлиан нахмурился: второй был Ридон. Чистокровный Дерини, которого Арлиан очень не любил, хотя и скрывал это.

Келсон опустил трубу. Два парламентаря встретились в центре, и их лошади ходили кругами, пока всадники вели переговоры. Посмотрев на Моргана, Келсон понял, что тот смотрит в глубь вражеских рядов.

На небольшой холм в глубине вражеского расположения въехала группа всадников. Подняв подозрную трубу и наведя ее на фокус, Морган хмыкнул.

— Ну, вот и Венсит,— тихо сказал он.— Пора уже ему появиться. А слева от него Бран.

Келсон некоторое время изучал эту группу, а затем обратился к Моргану:

— Морган, по-моему, надо оставить эту идею переговоров Риченды с Браном. Здесь не место для женщины, мне не следовало брать ее.

Морган пожал плечами и вложил трубу в футляр.

— Мне кажется, тебе стоит попробовать переубедить ее, мой король. Я пытался это сделать вчера ночью, но... она очень гордая женщина.

— Да, знаю,— вздохнул Келсон.

К ним подъехал Дункан, о чем-то переговоривший с капитаном стражи.

Парламентеры уже мчались галопом к месту расположения Гвинедской армии. Белые флаги развевались у них над головами.

— Наши наблюдатели узнали парламентаря Венсита. Это барон Торваль Неттерхавен,— сообщил Дункан,— из окружения самого Венсита. Он приехал на переговоры в сопровождении сильной охраны.

Келсон повернулся к Моргану:

— Может быть, Венсит хочет предложить переговоры или договор?

— Вряд ли, мой король. И даже если это так, то его условия будут для нас неприемлемы. Мне кажется, что это еще одна попытка психологического давления. Будь внимателен при переговорах.

— Не беспокойся.

Когда всадники приблизились, из рядов выехал отряд кавалерии, который окружил вражеского парламентаря, чтобы сопровождать его к королю.

Посланец был без шлема. Ему было не более двадцати лет, но держался он самоуверенно и высокомерно. Он поклонился королю, и его усыпанная драгоценностями накидка засверкала на солнце.

— Келсон, король Гвинеда?

— Говори, что тебе приказано передать.

Юноша снова поклонился с елейной улыбкой на лице.

— Я Торваль Неттерхавен, милорд. Я передаю приветствия милорда герцога Лайонелла, родственника нашего короля,— он кивком головы показал на группу всадников, оставшихся позади, в центре поля.— Его милость герцог послан королем Венситом, чтобы предложить условия битвы. Он хочет, чтобы вы и столько же, как у него, людей выехали на равнину для обсуждения условий.

— Да? — с сарказмом спросил Келсон.— Почему я должен вести переговоры с простым герцогом? Почему я должен рисковать, если ваш король не делает того же самого? Я не вижу на равнине Венсита.

— Тогда пошлите кого-нибудь вместо вас,— быстро ответил Торваль.— Я останусь заложником до его возвращения.

— Ясно,— ледяным тоном процедил Келсон.

Король так пристально посмотрел на Торваля, что тот не выдержал взгляда и был вынужден опустить

глаза. Келсон, собрав поводья, взглянул на Моргана, на генералов и объявил решение:

— Хорошо, я поговорю с вашим герцогом Лайонеллом. Нигель, ты останешься за меня до моего возвращения. Морган, ты и Арлиан будете сопровождать меня. Отец Дункан и Варин, вы поедете со свитой.

Затем он обратился к всадникам, которые сопровождали Торваля:

— Сержант, обезоружьте барона, а потом поедете с нами. Торваль, отдайте кинжал.

Торваль усмехнулся, отстегнул от пояса кинжал и отдал его дюжим кавалеристам, которые взяли его под стражу. Он продолжал усмехаться, когда Келсон и сопровождающие его люди поехали вниз по склону холма.

Солдаты приветствовали Келсона, когда он проезжал мимо, а затем замолкали, смыкая ряды. Все глаза были обращены на Келсона, который выехал на равнину.

Отъехав четыреста ярдов, вооруженная свита остановилась, и дальше отправились только Келсон и сопровождающие его Морган и Арлиан.

Тотчас же от вражеской группы отделились два всадника — Ридон и Лайонелл — и поскакали им навстречу.

В спокойном утреннем воздухе раздавался только drobный стук конских копыт по земле.

Келсон смотрел на приближающихся всадников и старался держать голову высоко, а поводья крепко. И все же его напряжение передавалось его лошади, она нервничала и начала приплясывать, отклоняясь в сторону. Ему стоило больших усилий направлять ее к месту, где должна была состояться встреча.

Келсон бросил короткий взгляд на Моргана, но внимание того было полностью поглощено приближающимися всадниками.

Арлиан, ехавший слева от Келсона, был спокоен, уверен, и ничто не выдавало его чувств и эмоций. Он был так спокоен, что можно было подумать, будто он едет в церковь.

— Приветствую тебя, король Гвинеда,— воскликнул Ридон, слегка кланяясь, когда всадники встретились.—

Думаю, тебе не хотелось бы говорить лично с нами. Но ничего не поделаешь. Наш король шлет тебе сердечные приветствия.

Арлиан посмотрел на него. На подбородке епископа пульсировала жилка.

— Придержи язык, Ридон. Ты передаешь приветствия, но мы уверены, что вряд ли они сердечные. Твоя репутация всем хорошо известна.

Ридон повернулся в седле и подчеркнуто вежливо поклонился Арлиану, затем указал жестом на Лайонелла.

— Это Его Светлость герцог Лайонелл, родственник Венсита, как вы, возможно, знаете. Я Ридон. Я знаком с епископом Арлианом с давних лет, о которых здесь говорить не следует, так что, уверен, золотоволосый человек рядом с вами — не кто иной, как великий Морган. Мой господин шлет личные приветствия вам, Ваша Светлость, и подарок.

Он наклонился и что-то достал, затем тронул шпорами коня и подъехал к Моргану. Ридон протянул руку. Морган моментально прозондировал его, чтобы быть уверенным, что нет никакой ловушки, и устремил взгляд на медленно разжимающиеся пальцы Ридона.

— Это, наверное, принадлежит вам,— мягко сказал Ридон. На его ладони появилась серебряная цепь с медальоном.— Венсит считает, что вам приятно будет получить вещь обратно. Жаль только, что цепь оборвалась.

Морган понял, что это такое. Не говоря ни слова, он протянул руку, и Ридон опустил в нее медальон. Как только металл коснулся ладони Моргана, тот ощутил легкое прикосновение Дерри. Но в голосе и взгляде Моргана не было и следа эмоций, когда он поднял глаза на Ридона.

— Дерри мертв?

— Нет. Но вы сами пожелаете ему смерти, если не будете сотрудничать с нами.

— Ты угрожаешь нам смертью Дерри? — прошипел Келсон.

Ридон усмехнулся, холодно, угрожающе.

— Да нет, мой юный друг. Мы знаем, что у вас есть пленники, представляющие для нас большой интерес. Мой король Венсит хочет предложить сделку:

ваш Дерри, живой и невредимый, в обмен на наших людей.

— А я и не знал, что у нас есть пленники из Торента,— нахмурился Келсон.— О ком ты говоришь, Ридон?

— Разве я сказал, что они из Торента? О, простите мою неточность. Пленники эти — графиня Марли и ее сын лорд Брендан. Граф Бран хочет получить свою семью.

Глаза Моргана расширились, сердце подскочило чуть ли не до горла. Он ощущал удивление Келсона, знал, что молодой король поражен этим предложением, но он также знал, что решение может принять только сам король, несмотря на заинтересованность и вмешательство Моргана. Торговли не могло быть. Морган был уверен в этом. Но не мог же он сам подписать смертный приговор Дерри. Юный лорд заслуживал лучшего, хотя Морган не мог сейчас помочь ему.

Ладонь Моргана стиснула медальон. Пальцы побелели от напряжения, но его суровый взгляд был устремлен на Ридона.

Келсон заерзал в седле и после минутного молчания вновь повернулся к Ридону. Арлиан молчал. Он, несомненно, тоже ждал решения Келсона, хотя и знал, каким оно будет.

— Вы предлагаете сделку? — осторожно начал Келсон.— Но как мы можем быть уверены, что Дерри жив и невредим, в чем вы хотите нас убедить.

Ридон отвесил елейный поклон и, повернувшись к своей свите, махнул рукой. Тотчас же закутанный в черное человек, которого Морган принял за монаха, отделился от группы и медленно поехал к ним. Он откинул черный капюшон на плечи. Не доезжая нескольких ярдов до Лайонелла и Ридона, он остановился. Глаза его встретились с глазами Моргана, но он не сказал ничего. Сомнений не было — это был Син лорд Дерри.

Келсон твердо взглянул на Лайонелла и Ридона, а затем тронул лошадь и решительно поехал между ними по направлению к Дерри.

Дерри посмотрел на своего короля. Лицо его было совсем белым, а руки крепко привязаны к луке седла. Дерри знал, какова ставка в этой игре, и знал, каково

будет решение короля. Сердце Келсона рванулось из груди.

— Ты действительно Дерри? — спросил он.

— Увы, боюсь, что да, сэр. Я... меня схватили сразу же после того, как я узнал о предательстве Брана, я не мог вас предупредить. Мне очень жаль.

— Я знаю,— прошептал Келсон. Он слегка коснулся руки Дерри, и снова выпрямился в седле. Лицо его было бледным, но голос тверд.— Прости меня, Дерри, но я уверен, что ты поймешь мое решение. Я не могу позволить, чтобы невинные женщина и ребенок использовались, как пешки в грязной игре,— он взглянул в лицо Ридона.— Милорд, можешь сказать своему хозяину, что сделка не состоится. Леди Риченда и ее сын действительно у нас, они в безопасности, и я не выдам ее вам ни при каких обстоятельствах. Они возмущены предательством графа, и я не могу позволить им отдаться в руки врага даже в обмен на жизнь моего приближенного, к которому я питаю самые лучшие чувства.

Дерри улыбнулся королю — смело и открыто, потом опустил голову. Ридон медленно кивнул.

— Я ждал такого ответа, милорд. Я понимаю. Но не могу обещать, что мой король не будет разгневан и не будет искать мести. Он не привык нарушать обещания, которые дает тем, кто хорошо служит ему. Вам придется дорого заплатить за свое решение.

— Я готов к этому.

— Ну что ж.

Ридон поклонился, прищипорил лошадь и поскакал вместе с Лайонеллом, кивнув Дерри, чтобы тот возвращался с ними. Дерри бросил последний взгляд на Моргана, а затем повиновался и поехал следом. Голова его была высоко поднята.

У Моргана было очень тяжело на душе, так как он знал, что Дерри скачет навстречу смерти. Будучи не в силах более смотреть, он повернул лошадь и медленно поехал к своему лагерю. Келсон и Арлиан присоединились к нему. Как и Дерри, никто из них не оглядывался.

Дункан Мак Лейн смотрел на троих всадников, возвращавшихся обратно. По их виду он понял, что переговоры не были успешными. Он знал, что всадник

в черном был Дерри, так как разглядел его лицо в подзорную трубу, и теперь догадывался, о чем велись переговоры.

Рядом с Дунканом сидел на лошади самодовольный лорд Торваль. Лицо молодого вельможи было спокойным, одежда сверкала в лучах солнца, руки неподвижно замерли на луке седла. Казалось, что он впал в транс. У Дункана даже создалось впечатление, что он не в своем уме: так мало он беспокоился о своей судьбе. Справа от Торваля возбужденный Варин нервно хватался за рукоять меча. Он был горяч и пылок, этот Варин, и походил на кота, который подстерегает мышь. Два всадника чуть позади Торваля делили свое внимание между пленником, которого они стерегли, и королем, возвращавшимся после переговоров. И только Дункан знал, что это еще не все.

И вот это случилось.

Возвращающиеся всадники еще не доехали несколько десятков ярдов до своих передовых линий, как во вражеском стане вспыхнула бурная активность. В небо поднялись пятьдесят толстых столбов. Они были немедленно закреплены в специально подготовленных гнездах. Каждый столб имел перекладину, и с каждой перекладины свисала веревочная петля.

Дункан привстал в стременах и приложил к глазу подзорную трубу. Он не смог удержать крик ужаса, когда увидел, что под каждой петлей встают сто пленников, одетые все в голубую и серебряную форму кассанцев.

Над всем этим взвилось знамя — знамя Кассана, отца Дункана. И затем высокий седой человек в мантии, на которой вспыхивали в солнечных лучах вышитые алые розы и спящий лев, поднялся на помост под одной из петель. Когда ему накинули на шею веревку, Дункан ахнул — это был герцог Джаред. Солдаты медленно тянули веревку. Петля затягивалась на шее старика.

Замерев от ужаса, Дункан смотрел, как петли накидывали на шеи сотен пленников, стоящих под перекладинами, — по сто пленников на каждый столб. Руки их были скручены за спиной. Дункан увидел, что Морган, Келсон и Арлиан остановились, оглянулись. Лошадь Келсона хрипела и вставала на дыбы, он с трудом справлялся с ней.

И затем со стороны врага донесся радостный вопль, когда веревки были натянуты и ноги несчастных оторвались от земли.

Со стороны армии Гвинедра раздался единый крик ярости и гнева. Этот крик потряс все вокруг, казалось, сама земля вторила ему.

И тут случились одновременно три вещи.

Варин со сдавленным криком выхватил меч и всадил его в бок улыбающегося лорда Торваля, опередив всего на мгновение Дункана, потрясенного ужасной смертью отца.

Келсон с побелевшими губами хлестнул коня и поскакал к своим войскам, крича Варину и Дункану, чтобы они немедленно возвращались.

Но Морган, после секундного колебания, повернул коня обратно и помчался вслед за удаляющимися Ридоном и Лайонеллом. В его руке сверкал меч.

— Дерри! — кричал он на скаку.

Его лицо стало серым от гнева. Позади него уже выступили первые ряды королевской армии, готовые к бою, но Морган не видел этого. Он скакал, выкрикивая имя своего друга.

Дерри обернулся на крик Моргана и мгновенно оценил ситуацию: во вражеском стане болтаются на веревках повешенные; Ридон и Лайонелл, изо всех сил прищипывая лошадей, мчатся к своему лагерю, а Морган скачет за ними с мечом в руке.

Дерри осадил лошадь и полетел навстречу Моргану, стараясь скакать по кратчайшему расстоянию. Ридон и Лайонелл уже развернули лошадей и теперь скакали за ним. Их разделяло не более десяти ярдов, и они быстро настигали его. Лучники вкладывали стрелы в луки.

Лайонелл пытался отсечь Дерри путь к бегству, но Морган был уже рядом с ним, бок о бок. Он бросил свою лошадь всей тяжестью на лошадь Лайонелла. Та споткнулась, оступилась и, когда Морган ударил ее сапогом, упала на землю. Лайонелл перекатился через голову. Морган полетел дальше, чтобы перехватить Ридона, а Лайонелл поднялся и подскочил к своей лошади. Град стрел обрушился на них. Стрелы без всякого вреда ударялись о шлемы и кольчуги Ридона и Моргана.

Но лошади их не были защищены, и одна из стрел пронзила горло лошади Ридона. Та, захрипев, упала на колени. Ридон вскочил на ноги и побежал к Лайонеллу, уже вновь сидящему в седле. Он махал руками лучникам, чтобы те прекратили обстрел.

И тут стрела вонзилась в спину Дерри, но Морган уже был рядом с ним. Лучники прекратили стрелять.

Морган подхватил безжизненное тело Дерри на свое седло и поскакал к своим.

Ридон вскарабкался на лошадь позади Лайонелла, и они, позабыв о достоинстве, как безумные, стали настегивать лошадь, спеша к своему лагерю.

Морган, изредка оглядываясь, видел Ридона, который выкрикивал проклятия и угрозы в его адрес. Доскакав до расположения своих войск, Морган опустил Дерри на землю.

Солдаты были в страшном возбуждении. Люди стремились в бой, беспорядочно размахивая над головами сверкающими мечами, и боевыми топорами, их воинственные крики разносились далеко по долине. Келсон с помощью офицеров старался умерить общий пыл, но мало преуспел в этом. Крики становились все громче и громче. Пики и мечи сверкали в воздухе. Люди рвались в бой, чтобы отомстить за страшную смерть своих товарищей.

— Спрячьте оружие,— кричал Келсон.— Спрячьте, приказываю вам! Неужели вы не понимаете? Он же хочет, чтобы мы атаковали. Спрячьте оружие, приказываю вам!

Но шум стоял такой, что его слов никто не слышал. Когда ряды расступились, чтобы пропустить Моргана с его безжизненной ношей, левый фланг начал выдвигаться вперед. Офицеры не могли больше справиться с солдатами. Келсон, увидев это, сделал последнюю отчаянную попытку.

Он пришпорил коня, привстал в стремях и, подняв голову, простер руки вверх. Воздух заколебался от запретных слов: прозвучало заклинание, которое слышал только ветер.

Из пальцев Келсона полилось алое кровавое пламя и образовало барьер. Всадники, рвавшиеся вперед, пришли в смятение и ужас, их лошади обезумели от страха... Они испуганно пятились от магического огня.

Во вражеских войсках никакого движения не было. Ридон, Лайонелл и их свита уже добрались до своих, но Келсон сейчас об этом не думал. Он вскинул руки и оглядел гордыми глазами Халданов своих солдат.

Люди уже приходили в себя. Они успокаивали лошадей и возвращались на свои места в общем строю. Хаос медленно уступал место порядку. Постепенно все успокоилось, и Келсон опустил руки вниз. Пламя исчезло, барьер расстаял. И малиновое сияние, которое излучала вся его фигура, тоже растаяло. Король Гвинед а снова стал обычным человеком.

В полном молчании Келсон собрал поводья в кулак и повернулся в сторону врага. Внимательные серые глаза запоминали все, каждую подробность ужасного зрелища.

Затем, развернув коня, он поехал к своей армии, величественный и невозмутимый.

В полной тишине он доехал до передовой линии, и тут раздался стук: кто-то начал бить мечом по щиту. Вскоре все подхватили этот бой, и грозная музыка стали загремела над армией.

Под этот дробный гул Келсон въехал в свое расположение и поднял руку, прося тишины.

Морган с удивлением смотрел на короля, восхищаясь его самообладанием, умением справиться с солдатами.

— Он умер? — спокойно спросил Келсон.

Морган покачал головой и попросил двух оруженосцев помочь ему.

— Нет. Но он очень плох. Позовите Варина, капитан. Я думаю, его можно исцелить.

— Морган, что ты думаешь об этом спектакле, который разыграл Венсит?

Морган быстро переключился на животрепещущие проблемы и быстро ухватил самую суть королевского вопроса.

— Он хотел, чтобы мы ввязались в битву, когда еще не готовы к ней, мой король. Однако я не уверен, что он и сам готов к бою.

— Мне тоже так кажется,— кивнул Келсон. Он повернулся к Дункану: — Как ты себя чувствуешь, отец Дункан?

Дункан поднял голову, посмотрел на Келсона и медленно вздохнул. Меч его уже был вложен в ножны, но руки все еще обагряла кровь заложника, которого зарубили они с Варином. Он посмотрел на вражеские войска, на ряд виселиц, а затем, опустив голову на свои окровавленные руки, сказал:

— Я... я убил заложника, сэр. Я не имел права этого делать. От меня нужно отобрать меч.

— Нет,— торжественно заявил Келсон.— Ты и Варин избавили меня от необходимости сделать это собственноручно. Торваль все знал, когда ехал сюда. Он знал, что будет убит, если Венсит нарушит условия.

— Все это не оправдывает меня, мой король,— горько усмехнулся Дункан.

— Даже если и нет, это можно простить. Я...

— Сэр! Венсит едет сюда,— внезапно крикнул кто-то.

Келсон резко обернулся в седле, ожидая увидеть атаку вражеской армии.

Но он увидел только горстку всадников, которые отделились от рядов своего войска: впереди знаменосец со знаменем Венсита — серебряный олень в черном круге, за ним Лайонелл и Ридон, рядом стройный человек, который не мог быть никем иным, как графом Браном Корисом, и сам Венсит.

Всадники медленно ехали, направляясь к центру равнины. Келсон смотрел на них, сузив глаза.

— Это западня,— прошептал Дункан, глядя ледяными глазами. — Они едут не для переговоров — они едут для предательства, вероломства. Не доверяй им, сэр.

— Морган, а что ты скажешь? — спросил Келсон, не отрывая глаз от приближающегося Венсита.

— Я согласен, им нельзя доверять. Но думаю, что нам нужно выслушать их, хотя у меня не больше причин любить Венсита и торентцев, чем у Дункана.

— Хорошо,— кивнул Келсон.— Арлиан, ты поедешь со мной? Я очень ценю советы.

— Хорошо, сэр.

— А ты, Дункан? Я бы очень хотел, чтобы ты поехал, но приказывать тебе сейчас не хочу и не могу. Ты сможешь сохранять самообладание?

— Я не подведу, мой король.

— Тогда поехали с нами. Нигель, ты примешь командование в мое отсутствие.

Келсон натянул поводья, взглянул налево, где юный барон держал его королевское знамя. Подъехав, Келсон с угрюмой улыбкой взял в руки древко. Барон замер на мгновение, а затем улыбнулся, легко и открыто, и помог закрепить знамя на седле Келсона.

Раздались восторженные крики, когда ветерок развернул знамя и алый шелк со львом Гвинеда гордо заколыхался в воздухе. Король, Морган, Дункан и Арлиан поскакали на встречу со своим врагом — королем-Дерини.

ГЛАВА 22

— Так это ты Келсон Халдан,— голос Венсита был мягок, ровен, манеры самоуверенны, и Келсон сразу же возненавидел его.— Мне нравится, что мы можем культурно обсудить все проблемы, как двое взрослых людей,— продолжал Венсит, с презрением оглядывая Келсона сверху вниз.— Или почти взрослых.

Келсон не мог позволить себе горячности. Сдержав себя, он внимательно осмотрел Венсита с головы до пят. Его серые глаза фиксировали каждую деталь в стройном рыжеволосом человеке, которого все знали как короля Торента Венсита.

Венсит сидел в седле уверенно, как будто родился на лошади. Его руки крепко держали бархатные поводья, украшенные золотом. Голову лошади украшало пурпурное перо. Она фыркнула, когда приблизился черный жеребец Келсона.

Сам Венсит был одет в золото и пурпур, сверкая бесчисленными драгоценными камнями. Тяжелая золотая цепь висела у него на шее поверх бархатной накидки. Голову венчала корона, украшенная драгоценными камнями и жемчугом. На любом другом человеке все это выглядело бы смехотворно, но на Венсите производило впечатление.

Бессознательно Келсон поддался гипнотизирующему облику Венсита, но заставил себя подавить эти чувства, выпрямиться в седле и гордо поднять голову.

Он бегло взглянул на спутников Венсита — на хмурого Ридона, на елейного Лайонелла, на предателя Брана, который не желал встречаться глазами с королем, затем снова переключил внимание на Венсита. Он не содрогнулся, встретив взгляд колдуна, глаза его остались непроницаемыми.

— Как я понял, вы считаете себя цивилизованным человеком,— осторожно сказал Келсон.— Но жестокое убийство сотен беспомощных пленников вовсе не свидетельствует о высокой степени цивилизации.

— Вы правы,— согласился Венсит.— Я всего лишь хотел показать, как далеко могу зайти, если потребуется. Так что вам лучше внимательно рассмотреть мои предложения.

— Предложения? — презрительно фыркнул Келсон.— Не думаете же вы, что я пойду на какую-нибудь сделку после той жестокости, бессмысленной жестокости, которую вы учинили? Вы что, принимаете меня за дурака?

— О нет, не за дурака,— засмеялся Венсит.— Не так я глуп, чтобы недооценивать угрозу, которую вы представляете для меня. Но мне почти жаль, что вам предстоит умереть.

— Ну, я пока еще жив, так что давайте обратимся к более реальным вещам. Что вы хотите сказать, Венсит? Время идет.

Венсит, улыбнувшись, слегка поклонился в седле.

— Скажите мне, как чувствует себя мой юный друг, лорд Дерри?

— А как он должен себя чувствовать?

Венсит прищелкнул языком и покачал головой в знак неодобрения.

— Келсон, поразмышляй немного. Зачем мне было убивать Дерри? Я надеялся обменять его на семью лорда Брана. Клянусь, что лучники действовали без моего приказа и будут наказаны. Дерри жив?

— Теперь это не твоя забота,— коротко ответил Келсон.

— Значит, он жив. Это хорошо,— улыбнулся Венсит. Он бросил взгляд на свои перчатки и снова поднял его на Келсона.— Хорошо. А я пришел сюда сказать

следующее: по-моему, нет необходимости в большой битве между нашими армиями. Зачем людям умирать из-за наших разногласий.

Глаза Келсона недоверчиво сузились.

— Что же ты предлагаешь взамен?

— Личную битву,— ответил Венсит.— Или битву на групповом уровне: поединок магий со смертельным исходом. Дерини против Дерини: я, Ридон, Лайонелл и Бран против тебя и любых трех, кого ты выберешь. Полагаю, что это будут Морган, Дункан и, возможно, Нигель, но, конечно, ты сам выберешь, кого хочешь. В древние дни это называлось единоборством тайных сил.

Келсон нахмурился, посмотрел на Моргана, Дункана, а затем на Арлиана.

Ему вовсе не нравилась идея Венсита. Его пугало единоборство тайных сил. В этом кроется какая-то ловушка. Он должен ее разгадать.

— В таком деле ты имеешь преимущества, Венсит. И ты, и твои помощники — тренированные Дерини, мы — нет. А кроме того, с таким человеком, как ты, рискованно вступать в единоборство.

— О, ты подозреваешь меня в вероломстве? — спросил Венсит, изобразив улыбку.— Да, у тебя хорошие советчики. Однако мое предложение очень разумно. Ведь в большой битве погибнет цвет нации и с той, и с другой стороны. Какая польза нам от королевства, населенного стариками, женщинами и детьми?

Келсон подозрительно посмотрел на Венсита.

— Я не больше твоего хочу, чтобы мои лучшие люди погибли в битве. Исход этой битвы будут ощущать еще в течение многих поколений. Но я не могу доверять тебе, Венсит. Если я нанесу тебе поражение сейчас, кто может поручиться за следующую весну? Кто?

Венсит запрокинул голову и рассмеялся. Его смех подхватили его спутники.

Келсон почувствовал себя неуверенно, недоумевая, что же он сказал смешного. Он приготовился съязвить, когда Венсит прекратил смеяться и подъехал поближе.

— Прости меня, король, но твоя наивность тронула меня. Я предложил поединок до смертельного исхода. А потому те, кто проиграет, вряд ли смогут угрожать победителям, разве что встанут из могил.

Келсон нахмурился, так как слышал и не такое об этом могущественном колдуне из Торента. Только через некоторое время он смог сосредоточиться на словах Венсита: поединок до смертельного исхода.

Его колебания, очевидно, не понравились Венситу, так как он помрачнел, подъехал поближе и положил руку на поводья лошади Келсона.

— Могу сказать, что я очень нетерпеливый человек, Келсон. И не терплю, когда мои планы нарушаются. Если ты обдумываешь, как отклонить мое предложение, советую тебе выкинуть это из головы: в моих руках находятся еще тысячи твоих людей, и я могу придумать более мучительный способ лишить их жизни, чем повешение.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Келсон ледяным тоном.

— Я имею в виду, что если ты не примешь мой вызов, то все виденное вами сегодня померкнет по сравнению с тем, что вы увидите. Если я не услышу твоего слова сейчас, то двести человек будут четвертованы у вас на глазах, а двести других будут живыми посажены на колья и обречены на медленную мучительную смерть. Так что если хочешь спасти этих людей, не откладывай решения.

Лицо Келсона побледнело, когда Венсит описывал судьбу несчастных заложников. Он резко выдернул поводья из рук Венсита и посмотрел на Венсита так, словно хотел испепелить его взглядом.

Колдун отъехал назад. Келсон чуть было не подался за ним, и только благодаря Моргану, который удержал его, остался на месте.

Келсон гневно взглянул на Моргана, как бы приказывая тому выпустить его, но выражение лица Моргана заставило Келсона поколебаться. Глаза Моргана странно замерцали, когда он ответил на высокомерный взгляд Венсита.

— Ты пытаешься заставить нас принять поспешное решение, — сказал он тихо. — Я хочу знать, почему. Почему для тебя так важно, чтобы мы приняли вызов на твоих условиях? — он помолчал. — Ты что-то задумал.

Венсит надменно повернул голову, словно удивленный тем, что Морган осмелился прервать его разговор с

Келсоном, презрительно поднял бровь и заговорил насмешливо:

— Ты много знаешь о Дерини, Морган, открыто говоришь, что ты сам Дерини. Но если останешься жив, ты узнаешь, что есть древние кодексы чести, касающиеся нашего могущества, которые даже я не осмелюсь нарушить.

Он повернулся к Келсону и продолжал:

— Я предложил тебе поединок в соответствии со всеми законами, установленными кодексом Совета Камбера более двухсот лет назад. Кроме того, есть еще более древние законы, которым я тоже обязан подчиняться. Я просил и получил разрешение Совета Камбера вызвать тебя на поединок на тех условиях, которые изложил. На поединке будут присутствовать арбитры из Совета. Поэтому, уверяю вас, никакого вероломства в данном случае быть не может.

Келсон нахмурился в недоумении.

— Совет Кам...

Арлиан впервые вступил в разговор, оборвав Келсона на полуслове.

— Милорд, простите мое вмешательство, но Его Величество еще не готов ответить на ваш вызов. Вы должны понять, что ему нужно проконсультироваться со своими советниками, прежде чем дать окончательный ответ. Если он его примет, то жизнь и благополучие многих тысяч людей будут зависеть от талантов всего лишь четырех человек. Согласитесь, такого рода решения легко не принимаются.

Венсит повернулся к Арлиану и взглянул на него так, как будто перед ним была низшая форма жизни.

— Если король Гвинед не может обойтись без совета своих подчиненных, епископ, то это его слабость, а не моя. Мое предупреждение остается в силе. Если я не получу ответа до вечера, две сотни человек будут четвертованы, а две сотни — живыми посажены на кол. И так будет продолжаться до тех пор, пока я не уничтожу всех пленников. А после этого я приму более серьезные меры. Смотрите, не доводите меня до этого.

Венсит заставил свою лошадь попятиться на несколько шагов, а затем поднял ее на дыбы, повернул и помчался по направлению к своему лагерю.

Его спутники немедленно последовали за ним, а озадаченный Келсон стоял и смотрел им вслед.

Келсон был зол: на Арлиана — за то, что тот вмешался, на Моргана — за то, что тот спровоцировал Венсита, на себя — за свою нерешительность. Но он не решился заговорить до тех пор, пока они не вернулись в лагерь и не остановились у королевского шатра.

Он дал указания ослабить посты, так как было ясно, что до завтрашнего утра нападения не будет, а затем пригласил троих, кто ездил с ним, войти в шатер.

Сначала Келсон решил поговорить с епископом, но когда они вошли в палатку, то увидели, что там человек двенадцать собрались вокруг кровати, над которой склонился Варин. Он был весь в крови. Рядом стоял сын Нигеля, Конал.

Там лежал Дерри.

Глаза Дерри были закрыты, на полу валялись обломки стрелы.

Конал был охвачен благоговейным трепетом, когда он смотрел на Варина, вытирающего полотенцем окровавленные руки.

Когда вошли Келсон, Арлиан, Морган и Дункан, Варин был бледен и утомлен, но в глазах светилось торжество.

— С ним все в порядке, сэр. Я удалил стрелу и исцелил рану. Но его все еще лихорадит от тяжелых испытаний, выпавших на его долю. Морган, он звал тебя. Может быть, посмотришь его?

Морган быстро подошел к Дерри, опустился возле него на колени и положил руку на лоб юноши. При этом прикосновении глаза Дерри открылись. Он некоторое время смотрел в потолок, затем повернул голову и увидел Моргана. В его глазах мелькнул испуг.

— Все хорошо,— прошептал Морган.— Теперь ты в безопасности.

— Морган. Ты прав. Я...

Он замолчал на мгновение, как будто вспомнил что-то ужасное, потом задрожал и отвернулся.

Морган нахмурился, приложил пальцы к вискам, чтобы своим искусством успокоить его, но ощутил сопротивление, какого никогда прежде не встречал в Дерри.

— Расслабься, Син. Худшее позади. Отдохни. Тебе будет лучше, если ты поспишь.

— Нет! Не спать!

Сама эта мысль привела Дерри в возбужденное состояние, и он замотал головой из стороны в сторону так яростно, что Морган с трудом сохранил контакт.

В глазах Дерри светился животный страх, казалось, из них исчез разум, и Морган понял, что должен незамедлительно что-то сделать, в противном случае Дерри сожжет себя.

Он сказал:

— Успокойся, Дерри, не сопротивляйся мне! Все хорошо. Ты в безопасности. Дункан, помоги мне успокоить его!

— Нет! Мне нельзя спать! Я не должен! — Дерри ухватился за край плаща Моргана и пытался подняться.

Дункан схватил его за руки и не выпускал.

— Пустите меня! Вы не понимаете... О Боже, помогите мне! Что мне делать?

— Все хорошо, Син.

— Нет. Вы не понимаете. Венсит...

Глаза Дерри стали совсем безумными, он поднял голову и дико посмотрел в глаза Моргана. Его руки судорожно цеплялись за плащ Моргана, и Дункан не мог сладить с больным.

— Морган, слушай! Говорят, что дьявола нет, но это неверно! Я его видел. У него рыжие волосы, и он зовет себя Венситом. Он лжет! Он — дьявол! Он сделал меня... он сделал меня...

— Потом, Дерри,— Морган покачал головой и заставил его снова лечь.— Потом. Мы поговорим об этом позже. Сейчас ты слишком ослабел от ран и плена. Отдохни. Поговорим, когда ты проснешься и будешь чувствовать себя лучше. Я обещаю, что с тобой ничего не случится. Верь мне, Дерри.

Морган говорил и говорил, все больше и больше овладевая слабеющей волей Дерри, вскоре юноша расслабился, лег на постель, глаза его закрылись, мышцы обмякли. Морган осторожно высвободил плащ из рук спящего, положил его поудобнее и поправил подушку.

Конал, который все время был рядом, принес меховую накидку, и Морган укрыл неподвижное тело Дерри, немного постоял над ним, как бы желая удостовериться

в крепости его сна, а затем они с Дунканом обменялись беспокойными взглядами.

И только после этого Морган посмотрел на встревоженные лица окружающих.

— Я думаю, все будет нормально, когда он отдохнет, сэр. Страшно даже подумать, через что прошел бедный мальчик.

Глаза Моргана потемнели, взор его обратился куда-то вдаль и он пробормотал:

— И да поможет Бог Венситу, когда я узнаю все.

Он вздрогнул, поправил прядь волос, упавших на глаза, и вздохнул. Дункан, обеспокоенно глядя на Дерри, приблизился к Моргану.

Келсон был очень взволнован. Переминаясь, он переводил взгляд с одного лица на другое.

— Что же Венсит сделал с ним? — наконец тихо спросил он.

Морган покачал головой.

— Трудно сказать, мой король. Позднее я зондирую его поглубже, но сейчас он слишком слаб и очень сопротивляется.

— Ясно.

Келсон несколько секунд стоял, глядя в пол, затем встрепенулся, поднял глаза. Все смотрели на него, и он внезапно вспомнил, какую тему предстоит сейчас обсуждать.

— Ну что ж, господа. Для Дерри мы пока ничего сделать не можем, и, полагаю, можно перейти к главному вопросу. Я... — он посмотрел на Арлиана.— Епископ Арлиан, ты можешь рассказать нам о Совете Камбера...

Арлиан выразительно покачал головой и многозначительно откашлялся, взглянув при этом на людей Варина, юного Конала, на нескольких стражников, и Келсон осекся на полуслове.

Кивнув, Келсон подошел к Коналу и положил ему руку на плечо. Ему стало ясно, что Арлиан не хочет обсуждать это в присутствии посторонних.

— Благодарю за помощь, кузен. Будь любезен, пошли ко мне своего отца и епископа Кардиеля, а сам можешь заняться своими делами. А вас, господа,— обратился он

к людям Варина и стражникам,— прошу вернуться на свои посты. Благодарю за помощь и усердие.

Конал и остальные поклонились и вышли из палатки. Варин смотрел им вслед... Было видно, что он неловко чувствует себя и готов последовать за остальными.

— Мне кажется, я тоже должен уйти, потому что ваша беседа не для посторонних ушей. Я могу уйти, если хотите, я не обижусь,— поспешно сказал он.

Келсон посмотрел на Арлиана, и тот покачал головой.

— Нет, ты имеешь полное право остаться, Варин. Мы ведь вызвали даже Кардиеля, а он еще меньше Дерини, чем ты. Келсон, если не возражаешь, то я дождусь прихода Кардиеля и Нигеля, чтобы не повторять десять раз одно и то же.

— Конечно.

Келсон придвинул кресло, отстегнул плащ и бросил его на спинку, а сам сел, устало вытянув свои длинные ноги.

Морган и Дункан сели на стулья справа от него.

Морган снял меч и положил его на пол, к ногам. Дункан, подумав, сделал то же самое, а затем подвинул свой стул, чтобы освободить место Варину, который уселся на подушку около центрального шеста.

Арлиан стоял, смотрел под ноги и делал вид, что поглощен разглядыванием замысловатого узора на ковре. Он даже не взглянул на вошедших Нигеля и Кардиеля, и Келсон указал им на места слева от себя.

Когда все уселись, Келсон выжидающе посмотрел на Арлиана.

Голубые глаза епископа, встретив взгляд короля, слегка затуманились, подернулись дымкой.

— Вы хотите, чтобы я все объяснил, сэр?

— Да, пожалуйста.

— Хорошо.

Арлиан задумчиво постоял некоторое время, собираясь с мыслями, затем заговорил:

— Милорды, Венсит из Торента предъявил нам ультиматум. Его Величество хочет посоветоваться с вами, прежде чем дать ответ. Если мы не дадим ответа до захода солнца, он начнет убивать своих пленников.

— О Боже, это не человек — чудовище! — воскликнул Нигель, вне себя от гнева.

— Да,— согласился Арлиан.— Но таков ультиматум, и он изменен не будет. Венсит вызвал Келсона на поединок магий: его и трех людей, каких он выберет. Со стороны Венсита будут он сам, Ридон, Лайонелл и Бран Корис. Никто, вероятно, не удивится, услышав, что двое из выбранных Келсоном — это Морган и Дункан. Но вас должно удивить, что третьим участником буду я.

Варин посмотрел на него с откровенным удивлением.

— Да, Варин, я чистокровный Дерини.

Варин с трудом проглотил слюну, а Нигель медленно кивнул головой и поднял бровь.

— Ты говоришь так, словно Келсон уже согласился на этот поединок,— сказал он.

Арлиан спокойно ответил:

— Если Келсон не примет вызова до захода солнца, то двести человек пленных будут четвертованы, а еще двести — посажены живыми на кол. Таков ультиматум Венсита. Думаю, никто из присутствующих здесь не сомневается ни в том, что он выполнит свою угрозу, ни в том, что Келсон пойдет на все, в том числе и на поединок магий, чтобы предотвратить эту жестокую казнь своих соотечественников.

После слов Арлиана наступила долгая гнетущая тишина, и взоры всех обратились к нахмутившемуся Келсону.

— Ты абсолютно прав, Арлиан,— печально сказал юный король.— При этих обстоятельствах поединок неизбежен. Я не могу допустить гибели невинных людей,— он помолчал, а затем обратился к Арлиану: — О каком Совете Камбера говорил Венсит? Ты можешь что-нибудь сказать об этом?

Арлиан обвел присутствующих пронизательным взглядом, а затем повернулся к Келсону.

— После Реставрации многие Дерини, которые признали законность возвращения на престол династии Халданов, жили в мире и спокойствии рядом с людьми. Но после смерти Камбера Кулди снова начались гонения на Дерини. Их убивали, изгоняли из домов и имений, лишали всего необходимого. Тогда многие из Дерини стали скрывать свое происхождение, старались утаить свои способности даже от близких, никогда не пользовались ими. И многие их потомки даже не подозревали, что они чистокровные Дерини. Другие Дерини гордились

своими способностями и не хотели терять их, но они также не хотели терять и жизнь и положение в обществе. Эти скрывали свое происхождение от посторонних. Высшие Дерини, то есть те, кто обладает наибольшим талантом и возможностями, образовали Совет Камбера, который объединил всех Дерини, уцелевших после преследований. Только бывшие и теперешние члены Совета знают его состав, и все они поклялись своей кровью хранить в тайне имена своих собратьев.

Как вы знаете, лишь немногие Дерини в настоящее время имеют возможность полностью развить свои способности. Многие таланты были утеряны во времена преследований, вернее, не таланты, а умение их применять. Умение Моргана исцелять — это известный в древности дар, но в настоящее время никто им не владеет. Но сейчас есть такие, кто организует связь между Дерини, обмен знаниями между ними. Так что Совет является организующим началом. Он также выступает в роли арбитра в делах магии, во всякого рода конфликтах, которые возникают время от времени. Так что предложенный Венситом поединок полностью подпадает под юрисдикцию Совета.

— Совет определяет законность поединка? — с подозрением спросил Морган.

Арлиан повернулся к Моргану.

— Да. Почему ты спрашиваешь?

— А как быть с теми, кто не является чистокровным Дерини, вроде меня и Дункана? Они тоже подпадают под юрисдикцию Совета?

Лицо Арлиана побледнело.

— Почему ты спрашиваешь? — повторил он. Голос его был странным.

Морган взглянул на Дункана, и тот кивнул.

— Скажи ему, Аларик.

— Епископ Арлиан, похоже, что я и Дункан вступали в контакт с одним из членов Совета. Это случалось даже не один раз. Последний случай произошел совсем недавно.

— Что же произошло? — прошептал Арлиан.

Лицо епископа стало совсем белым на фоне пурпурной мантии.

— Это было видение, именно такое, как его описывают. Мы ехали в Джассу и по пути остановились для отдыха в аббатстве Святого Неота. Вот тогда и появился Он.

— Он?

Морган кивнул.

— Мы и сейчас не знаем, кто это. Но каждый из нас раньше видел его несколько раз. Рассказывать сейчас нет времени. Он был похож на Камбера Кулди — такого, каким его изображают на портретах.

— Святого Камбера? — прошептал Арлиан, не в силах поверить услышанному.

Дункан заерзал на стуле.

— Поймите нас правильно, Ваше Преосвященство. Мы не говорим, что видели Святого Камбера. Он никогда не говорил, что он Камбер. И даже наоборот. Когда в последний раз мы видели его вдвоем, я и Морган, он сказал, что он не Камбер, а один из его преданных слуг. Мне кажется, он сказал правду. А теперь, после ваших рассказов о Совете Камбера, я думаю, что он один из его членов.

— Это невозможно,— прошептал Арлиан, недоверчиво качая головой.— Что же он говорил вам?

Морган поднял бровь.

— Он сказал, что у нас есть враги из числа Дерини, которых мы не знаем. Он сказал, что «те, чья обязанность знать такие вещи», уверены в том, что я и Дункан имеем могущество большее, чем думаем мы сами, и что нас вызовут на поединок, чтобы определить наши истинные силы. Мне показалось, он не хотел, чтобы это произошло.

Лицо Арлиана стало совсем белым, он покачнулся и, чтобы не упасть, ухватился за центральный шест палатки.

— Это невозможно,— прошептал он, больше не слушая.— И все же это не мог быть кто-нибудь из членов Совета Камбера.

Он, пошатываясь, прошел к свободному стулу и тяжело опустился на него.

— Все это очень странно, Аларик. Вы с Дунканом Дерини лишь наполовину, и вас по закону нельзя вызывать на поединок чистокровному Дерини. Но на последнем Совете было решено, что вас все-таки можно

вызвать на поединок, и именно по тем причинам, о которых сказал ваш незнакомец. Я был на том заседании, однако предотвратить решение не сумел. Но кто мог к вам являться? Кому это нужно? Ведь это так бессмысленно.

Арлиан поднял глаза, окинул всех взглядом.

Варин и Кардиель смотрели на него — ошеломленные, испуганные, не способные полностью осознать его слова. И даже Нигель пребывал в полном смятении, только частично воспринимая смысл его слов.

Морган и Дункан не спускали глаз с Арлиана, сопоставляя его слова с тем, что помнили из встреч с таинственным незнакомцем.

Один Келсон оказался как-то в стороне. Он был не способен логически осмыслить происходящее.

— Ладно,— Арлиан взял себя в руки, решительно отбросив посторонние мысли и возвращаясь к основному вопросу.— Я не могу ничем объяснить ваши странные видения. Но я хочу узнать, действительно ли Венсит входил в контакт с Советом Камбера и получил от него разрешение на поединок. Я об этом не слышал, хотя со мной, как с членом Совета, обязаны были посоветоваться. Однако я из-за похода пропустил несколько последних заседаний, так что это вполне возможно,— он некоторое время помолчал, а затем обернулся к Моргану и неожиданно спросил: — Морган, Оберегающие кубики с тобой?

— Оберегающие? Я... — Морган заколебался, и Арлиан покачал головой.

— Морган, времени мало. Они с тобой или нет?

— Да.

— Тогда давай их. Дункан, мне нужно восемь свечей, и все одинакового размера. Посмотри, что можно найти.

— Сейчас.

— Хорошо. Варин, Томас, помогите Нигелю скатать ковер, чтобы обнажить землю. Келсон, мне нужно что-нибудь старинное. Могу я позаимствовать Кольцо Огня?

— Конечно. Что ты собираешься делать? — спросил Келсон.

Он снял кольцо и удивленно глядел, как из-под скатываемого ковра появляется примятая трава.

Арлиан надел кольцо на мизинец и попросил Моргана и Дункана отойти в сторону.

— Я собираюсь сделать Путь Перехода. С вашей помощью. Это один из древних талантов, к счастью, еще не утерянный. Нигель, мне понадобится ваша помощь, помощь каждого из вас. Вы сможете повиноваться, не задавая вопросов?

Все трое обменялись удивленными взглядами, но кивнули. Арлиан улыбнулся им, а затем ступил на открытую землю и опустил на колени.

Он быстро ощупал площадку, выбросил несколько мелких камней и протянул руку за кинжалом к Нигелю. Тот подал его, не сказав ни слова. Арлиан начал чертить большой октаэдр.

— Могу себе представить, как все это странно для вас,— сказал он, продолжая свою работу.— Варин, ты, вероятно, не знаешь, что Путь Перехода — это устройство, которое позволяет Дерини мгновенно перемещаться в пространстве. К сожалению, создание Пути Перехода требует затрат большого количества энергии, поэтому Морган, Дункан и Келсон должны помочь мне. Сначала я должен погрузить их в транс и затем воспользоваться их энергией, чтобы активизировать Путь. Вреда это никому не принесет.

Он, продолжая чертить, снова взглянул на Варина, который беспокойно заерзал на месте. Очевидно, ему не хотелось участвовать в магическом обряде.

— Боишься, Варин? Беспокоиться нечего. Это мало чем отличается от того, что делал с тобой Морган во время чтения мыслей, исключая, разве, то обстоятельство, что ты ничего не будешь помнить.

— Вы клянетесь в этом?

Арлиан кивнул, и Варин нервно поежился.

— Хорошо, я сделаю, что смогу.

Арлиан уже перешел к последней стороне восьмиугольника, когда вернулся Морган со шкатулкой в руках.

Морган смотрел на Арлиана, который, наконец, все закончил и, поднявшись, вытер руки о сутану. Он вернул кинжал Нигелю и спросил:

— Оберегающие кубики?

Морган кивнул, открыл шкатулку и высыпал черные и белые кубики в ладони епископа.

Арлиан долго смотрел на них. Каждый был размером с ноготь мизинца. Четыре белых и четыре черных кубика тускло мерцали на свету. Арлиан провел над ними рукой и наклонил голову, словно к чему-то прислушиваясь. Наконец, он вернул их Моргану и дал знак, чтобы тот начинал.

Когда Арлиан вышел из восьмиугольника, Морган опустил на колени и положил кубики на траву.

Арлиан, наблюдая за его действиями, откашлялся и сказал, что пусть Дункан, когда вернется, поставит свечи в углах восьмиугольника, а Нигелю и Варину надо устроиться поудобнее: пусть принесут какие-нибудь накидки, чтобы они могли на них лечь.

Варин и Нигель заняли указанные им места.

Дункан вернулся со свечами и обрезал их кинжалом, чтобы длина была одинаковой. Морган указал точки, где надо их поставить.

Когда все было закончено, Морган, обведя всех взглядом, начал работать с кубиками.

Они назывались Оберегающими, и, чтобы их активизировать, нужно было правильно их установить.

Четыре белых кубика должны образовывать квадрат, причем две грани каждого из них должны касаться соседних. После этого необходимо выложить черные кубики: каждый в углу квадрата, составленного из белых. Черные и белые не должны соприкасаться.

Морган выложил фигуру, а затем указательным пальцем правой руки коснулся белого кубика в левом верхнем углу квадрата, взглянул на Арлиана и прошептал:

— Прима.

Никто не смотрел на него, и Морган, взглянув на кубик, с удовлетворением отметил, что в том вспыхнуло молочное сияние. Он не потерял власть над ними!

— Секунда,— прошептал Морган, коснувшись верхнего правого кубика.— Терция, Кварта,— быстро продолжал он, активизируя следующие кубики.

Теперь внутренний квадрат светился молочным светом, слегка отражающимся от черных кубиков внешнего квадрата.

Морган переместил палец на верхний левый черный кубик, сделал глубокий вдох и шепнул:

— Квинта.

Затем он сделал то же самое с тремя оставшимися кубиками.

— Сикста... Септима... Октава...

Черные кубики ожили, и в них разгорелся темно-зеленый свет.

Там, где сияние белых кубиков встречалось с сиянием черных, свечение взаимно уничтожалось и возникала темная область, которая непрерывно пульсировала, дышала.

Морган огляделся: все были заняты своим делом. Дункан, покончив со свечами, склонился над погруженным в транс Варином, голова которого лежала у Дункана на коленях. Глаза обоих были закрыты. Арлиан и Келсон стояли на коленях возле спящего Нигеля. Арлиан, очевидно, помогал молодому королю, еще неопытному в таких делах, установить полный контроль над Нигелем.

И только Кардиель сидел в стороне от остальных.

Он, вероятно, с интересом наблюдал за происходящим, и теперь очень смутился, заметив взгляд Моргана. Однако любопытство пересилило смущение, и он перебрался поближе, чтобы лучше видеть.

— Прошу прощения. Я не буду мешать. Ты не будешь против, если я посмотрю?

Морган подумал, стоит ли позволять епископу знать больше, чем тот уже узнал, а затем пожал плечами и сказал:

— Я не возражаю. Только не мешай, пожалуйста. Следующая стадия очень ответственная, и мне нужна полная сосредоточенность.

— Не беспокойся,— пробормотал Кардиель и придвинулся еще ближе.

Со вздохом Морган вытер ладони о колени и поднял Приму — первый из белых кубиков. Поднеся его к Квинте — черному соседу, он коснулся его и прошептал:

— Примус!

Послышался мягкий щелчок, и два кубика слились в серебристую продолговатую фигуру.

Морган быстро отложил ее в сторону и взял в руки Секунду. Взглянув на замершего епископа, он прикоснулся белым кубиком к черному — Сиксте — и прошептал:

— Секундус!

Со щелчком образовалась вторая фигура. Кардиель с трудом сдержал возглас удивления, а Морган уже взял Терцию.

Но Моргану уже не доставало энергии: он много ее истратил, поэтому пришлось использовать прием Дерини, снимающий усталость. Он провел рукой перед глазами — слабость исчезла. Однако он знал, что это ненадолго. Но сейчас надо составить фигуру из Оберегающих, чего бы это ему ни стоило.

— Терциус!

Вспыхнула третья фигура. Так, уже три четверти работы сделано.

— Мы почти готовы,— сказал Арлиан, подходя к Кардиелю.

Морган поднял Квинту.

— Томас, ты сейчас мне нужен.

С трудом глотнув, Кардиель подошел вместе с Арлианом и лег на спину. Арлиан положил холодную руку на лоб Кардиеля, веки которого затрепетали, когда он начал погружаться в транс. Морган подключился к нему, накапливая энергию для образования четвертой фигуры.

— Квартус!

Опять вспышка, и вот перед ним на земле лежат четыре продолговатые серебристые фигуры.

Морган, оглядываясь, сел на корточки и начал устанавливать фигуры в нужных точках восьмиугольника. Когда он обозначил пределы защитного действия Оберегающих, Арлиан вошел в круг и пригласил Келсона и Дункана последовать его примеру.

Однако ни тот, ни другой не потеряли контроль над Варином и Нигелем.

Морган вошел в центр круга, нервно огляделся по сторонам, когда трое сгрудились вокруг него, затем поправил сбившуюся фигуру.

— Ну, давай, включай защиту,— прошептал Арлиан.— Пока включи только три, а я зажгу свечи.

Морган осмотрел круг, взглянул на спящих и поднял правую руку.

— Примус, Секундус, Терциус эт Квартус, фиат люкс!

Сразу же после его слов вспыхнуло сияние — туманная люминисценция, охватившая всех семерых молочно-белым туманом.

Когда сияние стабилизировалось, Арлиан протянул руку, как бы опробуя его на ощупь, а затем провел этой рукой над свечами, установленными по углам восьмиугольника.

Свечи вспыхнули. Арлиан переместился к центру восьмиугольника и положил руку на плечо Моргана.

— Отлично. Теперь, когда наши разумы сольются, я поведу вас через процесс формирования Пути Перехода. Это будет не очень приятно: каждый из нас истратит огромное количество энергии, но мы можем это сделать. Я сделаю все, чтобы оградить вас от худшего. Есть вопросы?

Вопросов не было.

Кивнув, Арлиан взял Дункана и Келсона за руки и склонил голову. Чувствовалось дыхание ветра, проникающего в шатер.

Пламя свечей колебалось, и вдруг над головой Арлиана стало образовываться белое сияние. Оно разгоралось все ярче и ярче, в нем появились извивающиеся языки пламени алого и зеленого цвета. Все три цвета постепенно растворялись друг в друге — по мере того, как из их мозга и тел истекала энергия.

Сияние бурлило, потрескивало, крутилось в непрекращающемся бешеном вихре, наконец, ослепительно яркая вспышка осветила шатер, и все кончилось.

Келсон вскрикнул, Морган покачнулся, едва держась на ногах от внезапной усталости, а Дункан испустил стон. Но все уже кончилось, белый свет исчез.

И изумленные Дерини почувствовали под ногами знакомую вибрацию, означающую, что под ними находится Путь Перехода.

С удовлетворением Арлиан поднялся и, подойдя к Кардиелю, вытащил его за пределы круга. Затем он попросил Дункана и Келсона вынести Варина и Нигеля.

В круге не осталось никого, кроме Моргана, который сидел на корточках в самом центре. Прикусив губу, Арлиан опустился на колени рядом с ним и положил ему руку на плечо.

— Я знаю, как ты устал, но хочу попросить тебя еще кое о чем, прежде чем уйду. Нужно сделать так, чтобы Оберегающие охраняли всю палатку целиком. Мы все утомлены, но те, кто спит, должны быть защищены. Они будут спать до полуночи и окажутся совершенно беззащитными при любом нападении.

— Понял.

С трудом поднявшись, Морган раскинул руки ладонями вверх. Он тяжело вздохнул, как бы собираясь с силами, а затем начал медленно произносить слова заклинания. Руки его в такт словам двигались так, словно отодвигали барьер.

Когда свет распространился на всю палатку, он повернул ладони вниз и опустил руки.

— Я все сделал, как ты хотел? — устало спросил он.

Арлиан кивнул и попросил Келсона и Дункана помочь Моргану удалиться за пределы восьмиугольника. Входя в центр круга и оглядываясь на них, он сказал:

— Я буду отсутствовать не больше десяти минут. За это время постарайтесь, насколько возможно, восстановить силы Моргана. И будьте готовы действовать сразу, как только я вернусь. Совету все это явно не понравится, и я не хочу давать им время подумать и отказать в нашей просьбе.

— Мы будем готовы,— пообещал Келсон.

Арлиан кивнул, сложил руки на груди и склонил голову.

И внезапно исчез.

ГЛАВА 23

Тьма. Еще до того, как его глаза привыкли к слабому свету, Арлиан понял, что стоит у больших дверей зала заседаний Совета Камбера — в небольшой нише, которая как бы ограничивала пространство Пути Перехода.

Вокруг никого не было, как и должно быть в это время, и тем не менее он осторожно осмотрелся, прежде чем двинуться к большим золотым дверям. Ему вовсе не хотелось, чтобы его сейчас задержали.

Когда он подошел к дверям, те медленно открылись, и его взору представился большой зал. Там было почти темно. Скользящие лучи клонившегося к закату светила не могли проникнуть в огромный зал.

Проходя через золотые двери, Арлиан поднял руки и сделал неуловимый жест, и тут же по его команде зажглись факелы и посветлели фиолетовые стекла, пропуская солнечный свет.

Усевшись в свое кресло, Арлиан положил руки на стол из слоновой кости, откинул голову на спинку кресла, чтобы удобнее было собраться с мыслями, а затем устремил взгляд на большой серебряный кристалл, висящий над восьмиугольным столом, и начал вызывать членов Совета.

Он продолжал вызов, текли бесконечные минуты. Несколько раз Арлиан беспокойно ерзал в кресле, усиливая и усиливая интенсивность сигнала и досадуя на задержку.

Через некоторое время он отключился и сел, ожидая результата. А потом начали открываться золотые двери, пропуская одного за другим членов Совета.

Первой появилась рыжеволосая Кирн Флэйм, одетая в роскошные темно-зеленые одежды.

Затем Лоран де Бардис в профессорской мантии.

Торн Хаген, босой и в наспех накинутаой оранжевой мантии.

Стефан Корам, выглядевший весьма непривычно в синем костюме для верховой езды.

Наконец, появился слепой Баррет де Лейни, которого вела за руку Вивьена, а за ними Тирсель де Кларан, выглядевший очень странно: наверное, в легком подпитии. Его темно-красная туника была расстегнута до пояса.

Когда члены Совета расселись, Арлиан внимательно осмотрел их всех. Никто не произнес ни слова, но все глаза были устремлены на него. Всем было понятно, кто созвал Совет.

Епископ-Дерини окинул лица твердым решительным взглядом и заговорил:

— Кто из вас выдал санкцию Совета Венситу из Торента на единоборство тайных сил?

Тишина. Беспокойство. Удивление.

Все семеро членов Совета удивленно переглядывались, как будто считая, что их коллега сошел с ума.

— Я задал вопрос и жду ответа,— повторил Арлиан, пробегая внимательным взглядом по лицам членов Совета.— Кто будет посредником?

Все повернулись к Стефану Корама, который медленно поднялся со своего места.

— Никто не являлся в Совет, прося посредничества, Денис. Ты ошибаешься.

— Ошибаюсь? — Арлиан в изумлении посмотрел на Корама. На его лице появилось выражение подозрительности.

— О, не надо изображать невинность. У Венсита много недостатков, но глупость не входит в их число. Он бы не осмелился заявить, что у него есть санкция Совета, если бы у него ее не было. И вы после этого говорите, что ничего не знаете!

Тирсель откинулся на спинку кресла и вздохнул. Его красивое лицо исказила легкая гримаса.

— Корама говорит правду, Денис, и он говорит от имени всех нас. Мы не имели никаких дел с Венситом в последнее время, тем более по поводу поединка. Ты же знаешь, что я сочувствую тебе и королю и не стал бы тебе лгать.

Арлиан заставил себя расслабиться и откинулся на спинку кресла.

— Но если Венсит не обращался в Совет, то тогда... Я начинаю понимать,— пробормотал он, обводя всех взглядом.— Милорды, миледи, прошу простить меня. Кажется, мы — король и я — стали жертвами обмана. Венсит заявил, что поединок будет проводиться с санкции и под эгидой Совета, то есть он заверил нас в законности действий и в соблюдении всех правил.

Более того, он сказал, что поединок произойдет в присутствии арбитров — членов Совета.

Но он не знает, что я тоже член Совета, он даже не знает, что я Дерини. А как Келсон может быть уверен, что арбитры — члены Совета? Он же узнал о

существовании Совета только несколько часов назад. О, это предательство, вероломство!

Члены Совета были в шоке, не в силах понять, что же произошло: ведь уже столько лет Совету никто не противоречил, никто ему не противостоял, во всяком случае, открыто.

Старое поколение не могло этому поверить, однако более молодые быстро оценили ситуацию.

Тирсель, который только что говорил от имени Совета, теперь сел и задумался, а затем спросил Арлиан:

— Кто участники поединка, Денис?

— Это поединок четыре на четыре: Венсит, Лайонелл, Ридон и Бран Корис против Келсона, Моргана, Мак Лейна и, возможно, меня. Венсит никого не назвал по имени, но больше некому,— он помолчал.— Но я не собираюсь участвовать в этой затее, если здесь таится вероломство,— во всяком случае, на его условиях! Я объявляю, что мои коллеги и я находимся под защитой Совета, милорды. Истинного Совета!

Баррет откашлялся.

— Боюсь, это невозможно, Денис, хотя мне очень жаль. Ведь никто из названных тобой не является Дерини.

— Они не чистокровные Дерини,— согласился Арлиан,— однако их вынуждают действовать, как чистокровных. Вы возражаете против Моргана и Мак Лейна?

— Но они же Дерини только наполовину! — воскликнула Вивьена.— Почему мы из-за них должны менять свои законы?

— Черт возьми! — выругался Арлиан, ударив кулаком по столу, и вскочил на ноги.— Неужели вы так слепы, так связаны законами и догмами, что мы должны погибать из-за этого?

Он вскочил из-за стола, подбежал к золотым дверям и встал, ожидая, когда они откроются перед ним.

— Я сейчас вернусь, милорды. Так как меня вызвали на поединок, я требую рассмотрения этого на Совете. И в заседании должны принять участие мои союзники — Дерини они или нет. Я думаю, сейчас самое время встретиться с ними!

С этими словами он повернулся и исчез за огромными золотыми дверями.

Члены Совета остались, будучи не в силах произнести хотя бы слово.

Но буквально через несколько секунд двери открылись снова, и на пороге появился Арлиан в сопровождении троих людей. Едва они вошли, послышались возгласы неодобрения. Лоран вскочил на ноги и попытался что-то сказать, но взгляд Арлиана остановил его, и он опустился на место.

Арлиан подошел к своему креслу и подождал, пока Келсон, Морган и Дункан встанут рядом с ним. И только потом обратился к членам Совета:

— Милорды и миледи, надеюсь, вы простите мою дерзость, выразившуюся в том, что я привел этих людей сюда, но вы сами вынудили меня к этому. Ведь если бы мне пришлось ввязаться в битву, в которой я считался бы тем, кем меня признают в обществе людей, то мне все равно пришлось бы прибегнуть к защите древних законов. Но вместе со мной в битве должны участвовать и мои менее защищенные коллеги. А поскольку известно, что где тонко, там и рвется, то я, следовательно, должен просить защиты и для своих друзей. Каждому из нас должна быть гарантирована ваша защита.

Милорды и миледи, я представляю вам Его Величество Келсона Синила Риса Энтони Халдана, короля Гвинеда, принца Меары, господина Ремута и лорда Пурпурного Марта.

Лорда Аларика Энтони Моргана, герцога Корвина, господина Корота и Чемпиона Короля.

А также монсеньора Дункана Говарда Мак Лейна, исповедника Его Величества, а теперь, после злодеяний Венсита из Торента, герцога Кассана и графа Керни. Его отец вчера был казнен Венситом.

Каждый из этих людей, по нашим стандартам, является полукровкой Дерини, но если судить по результатам нашей последней встречи — чистокровными Дерини.

Он повернулся к тем, кого привел сюда.

— Сэр, милорды. Я хочу представить вам Совет Камбера.

Трое вновь прибывших поклонились, а затем Морган обратился к Арлиану:

— Ваше Преосвященство, могу я задать несколько вопросов?

— Конечно!

— Вопросы будем задавать мы, сэр,— повелительным тоном прервала его Вивьена.— Почему вы решили явиться на Совет?

— Нас пригласил милорд Арлиан, миледи. Как я понимаю, Совет принадлежит всем Дерини.

— Это опора древних обычаев,— холодно ответила Вивьена.— Можете ли вы, полукровки, участвовать в Совете?

Морган поднял бровь и обратил свои широко раскрытые невинные глаза на величественную леди.

— Конечно, миледи. Наш король имеет полное право. Ведь если я не ошибаюсь, вы приняли участие в борьбе короля с леди Чариссой. Я уверен, что без вашего участия наш король не смог бы обрести силы и умение, чтобы справиться со своим смертельным врагом.

Вивьена раздраженно ответила Моргану:

— Да, с Келсоном все ясно. Ваш Халдан — редкое исключение. Со стороны матери он чистый Дерини, хотя она и скрывала это. А со стороны отца он принадлежит к тем, кому Камбер передал могущество Дерини. Так что его мы можем считать одним из нас. Он всегда мог рассчитывать на нашу защиту, хотя и не знал об этом. И сейчас он ее получит, как и лорд Арлиан. Совет будет защищать их двоих.

— А я? А Дункан?

— Вы оба рождены от сестер, чистокровных Дерини. Но отцы ваши — люди, и, следовательно, мы не можем признать вас своими.

— А каково ваше могущество? — спросил Тирсель, без колебаний перебивая Вивьену.— Морган, это правда, что вы можете исцелять?

Морган посмотрел в глаза Тирселя де Кларана, а затем окинул взглядом лица всех членов Совета. Все ждали: одни — с симпатией, другие — с неприязнью, и Морган внезапно почувствовал, что ему не стоит раскрывать здесь свою способность. Он взглянул на Арлиана, как бы прося совета, но на лице того ничего не отразилось.

Ну что же. Он должен изменить тактику. Он должен перевести весь Совет в защиту, он должен дать им понять, что с ним, Морганом, хотя он и полукровка, следует считаться.

— Можем ли мы исцелять? — переспросил Морган. — Может быть, мы позднее и скажем вам об этом. А сейчас я хочу, чтобы вы удостоверили наш с Дунканом статус. Если нас могут вызвать на поединок магий, ссылаясь на то, что наши матери — Дерини, то мы должны пользоваться правом защиты. Ведь если мы можем только подвергаться опасности, так как в нас течет кровь Дерини, но не имеем права на защиту, то где же справедливость?

— Вы вызываете к нашей справедливости? — осторожно спросил Моргана Корам.

Морган ответил ему:

— Я прошу вашей справедливости там, где мы не можем защитить свои жизни, сражаясь на равных. Если вы откажете нам в защите, полагающейся нам по праву рождения, и принудите сражаться против чистокровных Дерини, к тому же тренированных, то вы будете ответственны за наши жизни.

Слепой Баррет повернулся к Арлиану и кивнул:

— Попросите ваших друзей подождать за дверью. Этот вопрос требует обсуждения, и я не хочу выносить наши внутренние разногласия наружу.

Арлиан повернулся и тихо обратился к своим коллегам:

— Подождите за дверью, милорды, пока я не позову вас.

Как только за ними закрылась дверь, вскочил Торн Хаген и стукнул пухлым кулаком по столу.

— Это неслыханно! Мы не можем предоставить защиту Совета двум полукровкам! Вы же слышали, как высокомерен этот Морган! Вам это нравится?

Баррет медленно повернулся к Кораму, полностью игнорируя выходку Хагена.

— Что ты думаешь, Стефан? Мне нужен твой совет. Может быть, нам вызвать сюда Ридона и Венсита и потребовать их объяснений по этому поводу?

Светлые глаза Корама потемнели, на лице появилось выражение решимости.

— Я буду протестовать против вызова посторонних на Совет, особенно тех двоих, кого ты назвал. Здесь уже были трое чужих. Думаю, на сегодня нам этого достаточно.

— О Стефан,— мягко упрекнул Баррет.— Мы все знаем, как ты относишься к Ридону, и это длится уже много лет. Но вопрос очень важен. Отбрось свою неприязнь к Ридону ради нашего общего блага.

— Это не общее благо. Это вопрос безопасности двух полукровок Дерини. Конечно, Совет имеет право вызвать Венсита и Ридона, но это совершится без моего согласия и без моего участия.

— Ты уйдешь из зала заседаний? — спросила Вивьена. На ее лице было написано изумление.

— Да.

— Мне бы тоже не хотелось видеть здесь Ридона,— сказал Арлиан.— Он не знает, что я Дерини, и пусть это останется для него тайной как можно дольше. Это может помочь моему королю во время поединка, если дело дойдет до него.

Баррет медленно кивнул.

— Да, веская причина. То же можно возразить и против приглашения Венсита. Совет согласен? А каково ваше отношение к Моргану и Мак Лейну? Считаете ли вы, что они подлежат нашей защите?

Тирсель воскликнул:

— Конечно! Ведь Венсит не только смошенничал, объявив о присутствии на поединке представителей Совета, но он привлек к участию в поединке двух человек, в могуществе которых можно сомневаться: в них нет ни капли крови Дерини. А поэтому почему бы нам не согласиться стать арбитрами в этой схватке? И пусть представители Совета присутствуют на завтрашнем поединке и обеспечивают защиту всех восьми участников. Это чистая формальность, предостерегающая от вероломства любую из сторон. Результат будет определяться только искусством и могуществом участников.

Наступила тишина, и затем Вивьена кивнула головой.

— Тирсель, несмотря на свою молодость, прав. Мы не можем пренебречь тем, что на стороне Венсита два

не Дерини, а также тем, что он проигнорировал Совет, не сообщив о поединке. А что касается Моргана и Мак Лейна,— она пожала плечами,— пусть будет так. Если их сторона выиграет и они останутся живы, это будет доказательством того, что они имели право на нашу защиту.

— Но... — начал Торн.

— Успокойся, Торн,— прозвучал голос еще одной женщины — Кирн Флэйм.— Милорды, я согласна с леди Вивьеной и уверена, что Тирсель и Арлиан тоже согласны. Лоран, что скажешь ты? Что подскажут тебе твое любопытство и твоя гордость?

Лоран кивнул.

— Я согласен, что поединок должен пройти по всем правилам. И я надеюсь, что они выиграют. Было бы преступлением вновь потерять дар исцеления, если, конечно, Морган действительно обладает им.

Вивьена усмехнулась:

— Самое практичное обоснование, какое я когда-либо слышала. Ну, милорды? Пятеро из вас поддерживают защиту. По-моему, формальное голосование излишне.

Все молчали, и Вивьена улыбнулась Баррету.

— Отлично, Баррет. Кажется, наши августейшие коллеги согласны взять полукровок Дерини под защиту и быть арбитрами на завтрашней встрече. Ты готов выполнять свои обязанности?

Баррет кивнул:

— Готов, Арлиан, позови своих друзей.

С торжествующей улыбкой Арлиан подошел к золотым дверям, которые медленно распахнулись перед ним. Трое ожидающих, полные тревоги, поднялись ему навстречу, но вид Арлиана сказал им все, что они хотели знать.

Они вошли в зал заседаний уверенным шагом, высоко подняв головы. Совет Камбера их больше не подавлял.

— Встань рядом со своими коллегами, Арлиан,— сказал Баррет, когда все четверо подошли к креслу Арлиана.

Арлиан остановился, а Келсон, Морган и Дункан окружили его, выжидаяще глядя на Баррета.

— Келсон Халдан, Дункан Мак Лейн и Аларик Морган, выслушайте вердикт Совета Камбера. Решено, что вы все подпадаете под юрисдикцию Совета и можете рассчитывать на его защиту. Арбитрами на поединке

будут Лоран де Бардис, леди Вивьена, Тирсель де Кларан и я. Арлиан, ты не должен больше вступать в контакт с Советом, пока не закончится поединок. Ритуал должен быть соблюден полностью с самого начала. Никто из вас не должен обсуждать вопрос о поединке с людьми, не находящимися сейчас в этом зале. Понятно?

Арлиан поклонился, официально выражая повиновение.

— Все будет сделано в соответствии с древними законами, милорд.

И он повел всех троих из зала заседаний Совета назад, в темноту Пути Перехода. Хотя он знал, что его спутников переполняют вопросы, он не позволил задавать их здесь и сейчас.

Но уже спустя несколько секунд после возвращения в палатку все происшедшее казалось им сном. И только спящие Нигель, Кардиель, Варин, закатанный ковер да начерченный восьмиугольник немедленно вернули их к действительности.

Келсон медленно повернулся к Арлиану:

— Это все было на самом деле... не правда ли?

Арлиан засмеялся:

— Конечно. И чудеса изредка случаются, Келсон. Если ты сейчас подпишешь согласие на поединок, мы немедленно отошлем его Венситу,— он вздохнул, перешагнув через свечу и сел в кресло.— А теперь нужно размонтировать Путь Перехода. Им, конечно, еще можно пользоваться, но необходимости в контакте с Советом нет.

Келсон кивнул, пододвинул к себе маленький стол, достал чернила и пергамент.

— Какой тон послания лучше выбрать? Воинственный? Спокойный? — спросил он.

Арлиан покачал головой.

— Нет, нужно написать так, чтобы чувствовалось, что ты не хочешь дуэли, но тебя вынуждают к этому обстоятельства. Не надо ему знать о нашем контакте с Советом.

Внезапно в глазах Арлиана вспыхнул озорной огонь, и он продолжил:

— Напиши, чтобы прозвучало приниженно, почти испуганно. Интересно будет посмотреть на Венситу, когда утром действительно появятся арбитры: настоящие члены Совета.

Уже настала ночь, и на темном небе выпали звезды. Арлиан стоял на пороге шатра Келсона.

Он слышал звуки лагеря, укладывающегося на ночной отдых — отдых, который мог стать для них последним.

Он слышал фыркание и ржание лошадей, окрики часовых, обрывки разговоров.

Вокруг шатра Келсона горели восемь факелов, так что Арлиану казалось, что он находится под оранжевым колпаком, однако этот свет не затмевал ярких ночных звезд.

Арлиан подумал, что никогда еще он не видел таких ярких звезд. И, может быть, видит их в последний раз.

Он услышал, как кто-то тихо подходит к нему сзади, и обернулся. Это был Келсон.

Юный король тоже взглянул в небо. Без головного убора, в накинутом на плечи простом солдатском плаще, король долго молчал, околдованный летней ночью.

— Аларик и Дункан идут сюда? — наконец спросил он.

— Я за ними послал. Скоро они будут.

Келсон вздохнул, потянулся, вытянув перед собой руки, осмотрелся вокруг, задерживая взгляд на круге факелов и на часовых внутри этого круга.

— Ночь будет короткой,— сказал он Арлиану.— Мы должны быть готовы задолго до рассвета, так как Венсит может попытаться что-нибудь сделать. Посыльный, который отвозил письмо с нашим согласием на поединок, сказал, что ему там все показалось подозрительным.

Они некоторое время стояли молча, думая каждый о своем. Затем Арлиан заметил, что юный Келсон немного нервничает.

— Мы будем готовы,— успокоил его Арлиан.— А что касается неожиданностей и сюрпризов, то, думаю, наибольший сюрприз получит на рассвете Венсит.

Он замолчал, заметив, что в темноте кто-то приближается к ним, но тут же расслабился, узнав Моргана и Дункана, которые проходили мимо часовых, приветствующих их.

— Что-нибудь случилось, Келсон? — спросил Морган.

Келсон покачал головой.

— Нет, просто я нервничаю. Может быть, нам стоит подняться на вершину холма и посмотреть на лагерь Венсита? Я ему не доверяю.

— О, и правильно делаешь,— пробормотал Дункан. Морган поднял бровь и заглянул в палатку.

— Как Дерри? — спросил он, игнорируя замечание Дункана.

Келсон тоже заглянул в палатку.

— Он мирно спал,— сказал Келсон,— когда я выходил из палатки. Пойдем на холм. По-моему, с ним все в порядке.

— Я догоню вас, я хочу сам взглянуть на него.

Когда Келсон со спутниками скрылись во тьме, Морган повернулся и вошел в палатку, освещенную внутри лишь одной свечой да огнем походной печки.

Морган прошел к спящему Дерри и опустился возле него на колени. Тот заворочался и приподнял голову, не открывая глаз. Было ясно, что сейчас его мучают кошмары. Он застонал, провел рукой перед глазами, затем расслабился и, снова рухнув на подушки, погрузился в сон.

Моргану показалось, что в бреду Дерри произнес имя «Бран», хотя он мог и ослышаться. Нахмурившись, Морган поднес руку ко лбу Дерри, но мозг не поддавался зондированию, заблокированный какими-то сильными ощущениями. Однако кошмары кончились, может быть, теперь Дерри заснет спокойно.

Морган никак не мог понять, почему Дерри так беспокойно спит после исцеления, почему произносит во сне имя Брана. Вероятно, он прошел через многое, очень многое, но этого никто не узнает, пока Дерри не придет в себя и не расскажет все своим друзьям.

Но почему он все-таки не может избавиться от жутких воспоминаний? Может быть, то, что говорил он вчера, имеет какой-то темный смысл. Может быть, те новые связи, которые Венсит ввел в разум Дерри, еще не разорваны?

Морган поставил еще одного часового у входа в палатку и пошел куда-то в ночь, не думая, куда идет, просто шел, чтобы успокоиться, расслабиться.

Непонятно как, но он оказался вблизи расположения палатки Кардиеля. Он бросил взгляд вперед, в прост-

ранство, освещенное факелами, а затем прошел мимо часового к палатке Риченды. Конечно, ему не следовало бы быть здесь после последней встречи с ней, но вдруг она сможет пролить кое-какой свет на мотивы Брана? Морган старался придумать себе разумное оправдание. Возможно, она подскажет, почему Дерри в бреду произносил имя ее мужа. А если быть честным, он хотел еще раз увидеться с ней, хотя отлично понимал, что не имел на это права.

Он вошел в освещенный круг, приветствовал часового и подошел ко входу в палатку. В первой половине помещения никого не было, но из-за занавески слышался женский голос, певший колыбельную песню.

Морган подошел поближе и заглянул внутрь. Он увидел Риченду, сидящую возле постели сына и ласково поправляющую его одеяло. Мальчик уже засыпал, но когда протянул руки, чтобы обнять мать за шею, заметил Моргана.

Он сразу же проснулся, встал на колени и с удивлением смотрел на Моргана своими огромными голубыми глазами.

— Папа? Ты пришел рассказать мне сказку?

Смущенный Морган подался назад, но Риченда повернулась и успела заметить его. Ее удивление, вызванное словами мальчика, быстро растаяло, она поняла, что это Морган, а не ее муж. Подняв мальчика на руки, она подошла к Моргану, слегка улыбаясь.

— Нет, милый, это не твой отец. Это герцог Аларик. Добрый вечер, Ваша Светлость. Брендан в темноте принял вас за отца.

Она поклонилась, и мальчик крепче прижался к ней. Теперь он тоже понял, что это не отец, но не знал, как относиться к незнакомцу. Увидев улыбку матери, мальчик понял, что это не враг, поэтому он шаловливо улыбнулся Моргану и спрятал лицо в волосах матери.

— Герцог Аларик,— пробормотал он. Это имя ничего для него не значило.

Морган шагнул вперед и поклонился.

— Хелло, Брендан. Я слышал о тебе много хорошего.

Брендан подозрительно посмотрел на Моргана и повернулся к матери.

— Мой папа герцог? — спросил он.

— Нет, милый. Он граф.

— А кто главнее?

— Оба одинаковые. Ты не хочешь поздороваться с Его Светлостью?

— Нет.

— Ты должен поздороваться. Скажи: добрый вечер, Ваша Светлость.

— Добрый вечер, Ваша Светлость,— повторил мальчик.

— Добрый вечер, Брендан. Как поживаешь?

Мальчик засмутился, сунул в рот пальцы и опустил глаза, но затем вскинул голову.

— Расскажи мне какую-нибудь историю.

— Ладно. Сегодня я тебе расскажу о короле, когда он был таким же мальчиком, как и ты. Король тогда был не королем, а принцем, и была у него лошадка, которую звали Ночной Ветерок. И вот однажды...

Через некоторое время Морган протянул руку, притронулся ко лбу мальчика, и тот закрыл глаза.

Морган выпрямился и повернулся к Риченде.

Она как бы излучала покой, умиротворение. Аларик протянул графине руку, и та без слов приблизилась к нему и взяла его руку в свою. Морган оглянулся на спящего мальчика.

— Он Дерини, миледи, вы знаете?

— Да, я знаю,— торжественно кивнула она.

Неожиданно для себя Морган почувствовал беспокойство.

— Он такой же, как и я в его возрасте — невинный, уязвимый. Его нужно обучать, хотя это и рискованно. Но ведь его тайна не будет храниться вечно, и он должен научиться защищать себя.

Она кивнула, глядя на сына.

— Когда-нибудь он сам обнаружит, что отличается от других мальчиков. Но его надо подготовить к этому заранее, чтобы неожиданность не ранила его, хотя, увы, мне тяжело брать на себя эту миссию. И еще... его отец. Мальчик обожает отца, как и все мальчики. Но теперь...

Она замолчала, однако Морган понял, что она хотела сказать.

Выпустив ее руку, Морган осторожно заглянул на другую половину.

Сестра уже вернулась откуда-то и теперь сервировала стол для ужина, расставляя посуду. Морган подумал, сколько же времени она здесь находится и слышала ли что-нибудь из их разговора.

Но женщина ничего не сказала. Она молча поклонила и зажгла свечи. Морган, досадуя, вернулся в первую часть помещения, но Риченда с мальчиком уже скрылись за занавеской.

Через некоторое время Риченда вышла, и Морган, чтобы замаскировать беспокойство, начал разливать вино.

— Она слышала? — прошептал Морган, когда Риченда взяла кубок и пригубила вино.

Риченда покачала головой и села за походный столик напротив Моргана.

— Нет, но если слышала, ей это не понравится. Однако я уверена, что часовой предупредил ее, что я не одна. Да вы и были со мной не так уж долго, так что большого урона ваша честь не понесла.

Морган улыбнулся, смущенно опустив глаза.

— Насчет завтрашнего дня, миледи,— заговорил он тихо.— Если Гвинед одержит победу, то Бран умрет. Вы это знаете?

Он пристально смотрел на нее, наблюдая за ее реакцией.

— Да, конечно,— прошептала она.— Но, боюсь, может случиться другое. И что тогда будет с нами, Аларик? Что будет со всеми нами?

В это же время, в другом месте — в палатке Келсона другой человек думал над тем же вопросом. Это был Дерри.

Он лежал без сна близ затухающего огня, не открывая глаз, не в силах больше сопротивляться зову. И несмотря на то что он проснулся, импульс становился все сильнее.

Дерри открыл глаза, сел — палатка была пуста. Юноша сбросил одеяло и вскочил на ноги. И тут же споткнулся, как будто что-то ударило его, но он покачал головой, как бы прогоняя прочь запрещенные мысли. Его глаза закрылись на мгновение, и пальцы нащупали перстень на мизинце.

Когда он снова открыл глаза, в них светилась решимость, которой раньше не было. Без колебаний он подошел к выходу из палатки. Его глаза горели.

— Часовой!

— Да, милорд.

Солдат был внимателен и готов служить. Он вошел в палатку и отдал честь.

— Ты можешь помочь мне,— схитрил Дерри.— Кажется, у меня оторвался рукав от плаща,— он показал на кучу мехов и одеял, где только что спал.— Я поискал бы и сам, но у меня кружится голова, когда я наклоняюсь.

— Не беспокойтесь, сэр,— усмехнулся солдат. Он положил копье и наклонился над мехами.— Рад видеть, что вы встали и чувствуете себя лучше. Мы все очень беспокоились за вас.

Пока тот говорил, Дерри сжал ручку тяжелого охотничьего кинжала и, приблизившись сбоку, с силой ударил солдата чуть ниже уха. Не проронив ни звука, тот рухнул на пол.

Дерри не терял времени. Оттащив бесчувственное тело солдата в Путь Перехода, он подошел к выходу из палатки и плотно задернул полог. Затем вернулся к часовому, встал возле него на колени и приложил руки ему к вискам.

Странное ощущение охватило Дерри. Веки часового затрепетали и открылись, но это уже был не взгляд простого солдата, теперь в глазах светились хитрость и ум.

Дерри почувствовал, что эти глаза подчиняют его себе, делают совершенно беспомощным, не способным к сопротивлению.

— Молодец, Дерри,— прошептал часовой, хотя голос его стал совсем другим.— Ну, так что ты узнал? Где Келсон и его друзья?

— Пошли на холм, чтобы наблюдать за вашим лагерем, сэр,— услышал Дерри свой ответ. Он был не в силах сопротивляться и ничего не мог поделать с собой.

— Хорошо,— кивнул солдат.— Тебя никто не видел, когда ты напал на часового?

Дерри покачал головой.

— Думаю, что нет, сэр. Что вы еще хотите от меня?

Наступило молчание, а затем солдат повернул голову к Дерри. В его глазах светилась мощь.

— Лорд Бран хочет возвращения своей жены и сына. Ты знаешь, где они?

— Я могу найти их,— опять сказали губы Дерри, хотя он презирал себя за это.

— Хорошо. Тогда найди и приведи их под удобным предлогом сюда, в Путь Перехода. Скажи леди, что..

Снаружи послышались голоса, и Дерри застыл. Ему показалось, что часовые говорят с Варином. Осторожно поднявшись на ноги, он проскользнул к выходу из палатки и укрылся за портьерой. Шаги уже слышались совсем рядом, за пологом. Рука откинула полог, и в палатку просунулась голова Варина. Глаза его наткнулись на лежащее посередине палатки тело часового.

Варин не успел повернуться и крикнуть солдат, как Дерри схватил его и втащил внутрь. Железная рука Дерри зажала рот Варина, чтобы тот не мог крикнуть.

Всего несколько секунд спустя Варин тоже лежал без сознания. Руки и ноги у него были связаны, во рту торчал кляп, а сам он, завернутый в плащ, был брошен в угол палатки.

Дерри вышел из палатки.

Морган опустил глаза, стараясь не смотреть туда, где в нескольких футах от него стояла Риченда.

Вино было выпито, и слова были сказаны — те слова, которые он мог сказать в настоящий момент. Если он завтра убьет Брана, это может уничтожить любовь к нему молодой женщины, а если Бран останется жив, то ни для кого из них нет будущего.

Он поднял на нее глаза и внезапно осознал, что еще никогда не касался ее, никогда не держал ее в своих объятиях, за исключением того краткого мгновения прошлой ночью, и что завтра уже, может быть, будет поздно. Завтра они все могут уйти в вечность.

Его глаза долго всматривались в ее глаза, видели ее нерешительность. Он медленно протянул к ней руки и заключил в объятия, его губы приникли к ее губам, и только колеблющееся пламя свечи было свидетелем этого.

Когда они оторвались друг от друга, Морган долго смотрел в глаза Риченды, ее пальцы оставались в его руках. Но он твердо знал, что сегодня не может остаться с ней: так требовала его честь.

Долгое время в палатке слышался только стук их сердец. Затем Морган коснулся ее пальцев губами и вышел в ночь.

Возвращаясь к друзьям, он не знал, что к палатке уже приближается другой, не знал, что Дерри ждет возможности проникнуть туда, где он только что оставил часть своего сердца, что под действием сильного заклинания юноша выполнял все предписания врага.

Риченда стояла на пороге палатки и смотрела вслед уходящему Моргану, затем повернулась и вошла в свою палатку. Свечи горели, но все равно внутри палатки было полутемно. Она была поражена тем, что безоглядно влюбилась в этого высокого золотоволосого человека, что он, а не ее муж, нежно касался губами кончиков ее пальцев.

Все еще улыбаясь, она прошла за занавеску и встала на колени у постели спящего сына. Постепенно улыбка сменилась выражением беспокойства.

Какое будущее ее ждет? Несмотря на исход завтрашней битвы, тень Брана всегда будет висеть над их головами, будь он мертвый или живой, так как она связана с Браном узами более крепкими, чем любые слова и законы,— их связал сын. А если Аларик Морган убьет Брана завтра...

Она долго думала над этим, но ответа так и не нашла. Женщина должна быть предана своему мужу — так говорят. Но если он предатель, тогда как? Может ли женщина возненавидеть человека, который совершил справедливый суд над ее мужем-предателем? Она не могла прийти ни к какому выводу.

Риченда вздохнула, плотнее укрыла сына одеялом и вдруг замерла: ее привлек звук снаружи. Она тихонько поднялась на ноги и, подойдя к занавеске, увидела силуэт мужчины во входном отверстии палатки. Охранники его не окликнули, и он не двигался с места. В нем не было угрозы, но кто же это такой? Она прошла в первую половину палатки, стараясь в полутьме рассмотреть лицо вошедшего.

— Кто ты? — тихо спросила она, не желая будить сестру.— У тебя ко мне послание?

Человек проскользнул в палатку и опустился на колено.

— Я Син лорд Дерри, миледи, помощник Моргана. Я... не могли бы вы сейчас явиться в шатер короля? Лорду Варину очень плохо, а Морган сейчас не имеет возможности заняться им. Он думает, что вы могли бы ему помочь.

— О, конечно, я попытаюсь,— сказала она, взяла плащ и начала собираться.— А что случилось с Вариним? Ты что-нибудь знаешь?

Дерри покачал головой и поднялся на ноги.

— Нет, миледи. Его лихорадит.

Риченда застегнула плащ.

— Я готова. Идем. Показывай дорогу.

Дерри смущенно смотрел вниз.

— Миледи, прежде чем идти, я... я не знаю, как сказать, вы сочтете это глупым, но король пожелал, чтобы вы принесли с собой лорда Брендана.

— Он хочет, чтобы я принесла Брендана? Но зачем?

— Пожалуйста, миледи. Епископ Арлиан и отец Дункан боятся, что Венсит и ваш муж могут предпринять попытку похитить мальчика, если он останется один. Предосторожность не повредит. Кроме того, Морган обеспечил меня защитой.

— О мое бедное дитя,— прошептала Риченда.

Она перекрестилась и бросилась во вторую половину. Несколько секунд она стояла там, глядя на спящего мальчика, а затем повернулась к Дерри

— Они правы. Может быть, есть заговор. Бран очень любит Брендана. Он может уговорить Венсита на похищение. Заверните его в плащ, Дерри,— сказала она, подавая Дерри меховой плащ и направляясь к постели сына,— но, не разбудите сестру. Мы справимся без нее.

Дерри улыбнулся, но Риченда не могла видеть этой улыбки, так как Дерри склонился над мальчиком.

— Конечно, справимся, миледи,— тихо сказал он.— Идемте, Варину нужна ваша помощь.

Через несколько минут Риченда и Дерри входили в королевский шатер. Дерри нес спящего мальчика.

Горящие факелы ярко освещали пространство внутри палатки, и Риченде потребовалось некоторое время,

чтобы ее глаза приспособились к свету после ночной тьмы.

Дерри прошел вперед и положил мальчика на одеяла, разостланные в центре палатки, а затем указал Риченде на угол, где лежал Варин. Риченда направилась к нему.

Дерри отошел в сторону, сложил руки на груди. На его губах играла легкая улыбка, однако Риченда не видела этого.

— Он лежит совершенно неподвижно,— сказала она, становясь около него на колени и трогая лоб Варина.— Варин! Варин, ты слышишь меня?

Едва наклонившись к нему, она вздрогнула, так как увидела, что рот Варина заткнут поспешно изготовленным кляпом. Теперь она поняла, почему плечи Варина так странно изогнуты: его руки под плащом были связаны.

Пораженная, она подняла голову и увидела, что Дерри склонился над спящим мальчиком, не обращая на нее внимания. Она застыла, увидев, как над его головой вспыхнуло слабое сияние.

— Дерри!

Внезапно ей все стало ясно, Риченда увидела, как сияние Пути Перехода смыкается вокруг ее сына. Она вскочила на ноги и бросилась к нему.

Риченда достигла Пути Перехода в тот момент, когда тот включился. Она применила все свое могущество, чтобы предотвратить действие, но Дерри подскочил к ней и оттолкнул.

Мать пыталась криком разбудить сына, но рука Дерри крепко зажала ей рот. На ее отчаянный крик в палатку просунулась голова часового, а в круге Пути Перехода появилась злобная расплывчатая фигура, за ней другая, и обе направились к спящему мальчику.

— Нет! — закричала Риченда, вырываясь из рук Дерри, когда человек поднял ее сына.— Нет! Бран! Нет!

На кончиках ее пальцев заструилась, стекая, энергия, но она не могла точно направить ее на Брана, так как ей приходилось бороться с Дерри, а часовые не очень-то спешили, как ей казалось, прийти на помощь. Она уже ничего не могла поделать. Яркая вспышка осветила круг, а затем вновь стало темно. Она крикнула:

— Брендан!

Часовые оторвали от нее Дерри и начали скручивать его. Но спасти мальчика было уже поздно. Он исчез.

К тому времени как Келсон узнал о происшедшем, его палатка была полна солдат. Шум затих, когда вошли король, Морган, Дункан и Арлиан.

Теперь слышалось только всхлипывание Риченды, сидящей в центре палатки, да хрипы Дерри, все еще старающегося освободиться от связывающих его веревок.

Несколько солдат в нерешительности стояли возле Риченды, не зная, как ей помочь, а другие толпились у лежащего без сознания Варина.

Дерри время от времени возобновлял борьбу, как бы проверяя бдительность солдат, державших его.

Келсон окинул всю сцену взглядом и взглядом же приказал лишним солдатам выйти. Послышался ропот недовольства, но люди повиновались.

Когда они вышли, Келсон и Морган подошли к Риченде. Она взглянула на них и отвернулась.

— Не трогайте меня, сэр. В этом круге зло. Они похитили моего сына, и теперь я не могу вернуть его.

— Они похитили Брендана? — выдохнул Морган, вспомнив, как они совсем недавно укладывали его спать.

Арлиан, не колеблясь, вошел в круг, встал на колени возле Риченды и помог ей подняться, а затем передал ее в руки Дункана. Дункан старался увести ее подальше от круга, но она отчаянно сопротивлялась, вырывая руки. Ее волосы рассыпались по плечам и закрыли лицо.

Морган направился было к ней, но Арлиан остановил его, посоветовав Дункану отвести подальше безутешную леди.

— Оставь ее, Аларик, — тихо сказал он. — Дункан лучше справится с этим. Самое главное сейчас — закрыть Путь Перехода, чтобы Венсит не смог воспользоваться им еще раз. Мне не следовало оставлять его здесь открытым.

— Тебе нужна наша помощь? — спросил Келсон, глядя на епископа широко открытыми глазами.

Арлиан сел на корточки и закрыл лицо руками.

— Нет, ваши силы нужны сейчас для Дерри. Отойдите подальше, пока я делаю то, что нужно сделать.

Они отошли, а Арлиан взглянул на потолок, вздохнул, как бы собираясь с мыслями, а затем опустил

голову и положил руки на землю. Вокруг его головы возникло сияние, пульсирующее в такт его сердцу. Затем все вспыхнуло, и снова стало темно.

Арлиан тяжело опустился на четвереньки, шатаясь, как пьяный, но когда Морган хотел помочь ему, епископ покачал головой:

— Оставьте меня. Займитесь Дерри,— прошептал он заплетающимся языком.— С Путем все.

Взглянув на Келсона, Риченду и Дункана, Морган со вздохом направился к солдатам, державшим Дерри. Глаза Дерри остановились на нем, и юноша стал отчаянно вырываться из рук.

Морган посмотрел на Дерри несколько секунд, затем опустился на колени возле него и стал снимать перчатки.

— Что вы видели? — спросил он одного из часовых, который ему показался поумнее прочих.

— Нам сказали, что Дерри принес сюда ребенка, завернутого в плащ, и что леди Риченда пришла с ним вполне добровольно.

— Да, это было именно так, Ваша Светлость. Они пробыли там, в палатке, с минуту — я как раз был на посту, а затем леди закричала. Она кричала: «Дерри!» Когда мы вбежали, я увидел, что она борется с ним вон там — где епископ. А затем что-то произошло с мальчиком. Он тоже лежал там, где сидит сейчас епископ. Появился яркий свет, и как будто там возникло два человека.

Келсон, подошедший выслушать рассказ часового, опустился на колени рядом с Морганом и внимательно посмотрел в лицо солдата.

— Нам сказали, что один из них был Венсит из Торента, а другой — граф Марли. Ты можешь это подтвердить?

— Я не знаю Венсита, сэр. Но другой действительно был граф Марли. Правда, я видел его всего несколько раз, но...

— А что потом? — нетерпеливо спросил Морган.

— Лорд Дерри вытащил женщину прежде, чем мы подоспели на помощь, а потом мальчик и двое мужчин исчезли. Не понимаю как.

— И не пытайся,— пробормотал Морган.

Он сунул перчатки за пояс и посмотрел на все еще бьющегося Дерри.

— Он все время так бьется?

— Да, сэр. Он хотел обратно в круг. Он что-то кричал о том, что круг не закрыт, что ему надо обратно. Мне пришлось заткнуть ему рот.

— Понятно,— кивнул Морган.

Он осмотрел Дерри с ног до головы — задумчиво, почти печально. Затем снова обратился к солдатам.

— Хорошо. Вытащите кляп, развяжите веревки и держите его. Учтите, это будет нелегко.

— Но что с ним? — спросил Келсон, когда охранники повиновались.— Морган, ты уверен, что его можно развязать? По-моему, он сошел с ума.

— И мы должны определить, как далеко это зашло,— ответил Морган.— Он ведь боялся еще тогда, когда впервые оказался здесь. Мне тогда же следовало заняться им.

Он снова повернулся к Дерри. Юноша содрогнулся, закрыл глаза и хрипло задышал, когда рука Моргана легла ему на лоб. Затем его глаза раскрылись.

В них уже был разум. Он изумленно посмотрел на Моргана, на солдат, которые прижимали его руки и ноги к земле. В его глазах появились боль и испуг.

Морган не ожидал такой реакции.

— Что... что я сделал, Морган? — спросил Дерри.

— Ты не помнишь?

Дерри заморгал и покачал головой.

— Что-нибудь ужасное? Я убил кого-нибудь?

Морган прикусил губу, чтобы не ответить ему резко, думая о страдающей женщине.

— Да, ты плохо сделал, Дерри. Ты помог Венситу и Брану похитить сына леди Риченды. Кроме того, ты нанес раны Варину и охраннику. Ты действительно ничего не помнишь?

Дерри покачал головой.

Моргану было его очень жаль, и он опустил глаза, не выдержав страдальческого взгляда юноши. Он нежно положил руку на плечо Дерри, но как только его рука коснулась юноши, тот резко рванулся из рук охранников и вцепился в горло Моргана.

— Держите его! — крикнул Келсон, бросаясь на ноги Дерри, в то время как охранники отрывали его руки от Моргана.

Дерри держался примерно секунды три. Но вот Морган освободился и прижал его к полу. Охранники

вновь оседлали пленника. И даже теперь Дерри рвался из их рук. Он кричал:

— Нет! О Боже, помоги мне. Нет! Морган, я ничего не могу поделать! Убей меня! О, пожалуйста, убей меня, пока я...

Кулак Моргана обрушился на челюсть Дерри. Тот дернулся и обмяк.

Тяжело дыша, Морган поднялся, дав знак охранникам держать пленника покрепче.

Келсон с участием посмотрел на Моргана и отослал прочь солдат, которые вбежали в палатку на его крик.

— Боже, что произошло? С тобой все в порядке? — спрашивал он, глядя на Моргана.— Он же пытался убить тебя!

Морган кивнул, потер горло, на котором уже появились следы пальцев Дерри.

— Да. Единственное, что можно предположить,— это что Венсит ввел в него очень сильные управляющие связи на многих уровнях. Поэтому я и не смог их обнаружить. Я нейтрализовал внешние уровни, но остались более глубокие. Теперь нам нужно их уничтожить или, если ничего не выйдет, убить Дерри.

Он хрипло вздохнул и постарался расслабиться:

— Когда он придет в себя, будьте рядом, мне может понадобиться ваша помощь.

Келсон кивнул, а Морган обратился к солдатам:

— А вы держите его все время. Я не могу работать, когда он бултыхается, как рыба в сети, да еще старается схватить меня за горло.

Солдаты кивнули и тут же напряглись, услышав стон Дерри.

Прежде чем тот успел прийти в сознание, Морган стал делать пассы у него перед глазами. Взгляд Моргана был устремлен вдаль.

— Слушай меня, Дерри,— сказал он, опуская руки ему на голову.

Тело Дерри сотрясали судороги. Морган с трудом удерживал голову юноши, хотя солдаты старались изо всех сил помогать ему.

Покачив головой, Морган крепче прижал руки и начал зондирование.

— Теперь все хорошо, Дерри. Ты в безопасности. Успокойся и дай мне проникнуть в твой мозг. Я хочу разрушить то, что сделал Венсит.

Дерри извивался в руках солдат, а Морган старался сосредоточиться.

Вскоре все было кончено. Дерри затих. Морган устало опустил голову и долго оставался неподвижным.

— Все хорошо, Келсон. Теперь следуй за мной и помогай мне. А вы не отвлекайтесь ни на мгновение, пока я не разрешу,— обернулся Морган к солдатам.— Он может опять начать все сначала.

— Хорошо, Ваша Светлость.

Морган опустил голову, его глаза подернулись дымкой. Келсон коснулся его рукой и приготовился войти с ним в контакт.

В палатке стало тихо, и тишина нарушалась только всхлипываниями Риченды, которая плакала на руках Дункана. Дункан поглаживал ее по голове, но все его внимание было приковано к лежащему Дерри.

Арлиан, истративший почти всю энергию на уничтожение Пути Перехода, теперь старался собрать остатки сил и помочь Моргану и Келсону.

И только солдаты были заняты исключительно Дерри.

Дункан решил, что настало время вывести Риченду из состояния отчаяния и безысходной тоски и расспросить обо всем, что произошло.

— Миледи,— тихо позвал он.

Риченда вздрогнула, громко высморкалась и, вытерев слезы платком, с несчастным видом опустила голову, не глядя на Дункана.

— Я сделала ужасную вещь, отец,— прошептала она.— Я сделала ужасную вещь и даже не могу просить у вас прощения, так как я снова сделала бы то же самое, если бы представился случай.

Дункан быстро перебрал в уме все, что слышал о происшедшем, но не мог понять, что же она имеет в виду. Он совершенно забыл в тот момент, что не имеет права исполнять обязанности священника, и сердечно спросил:

— О чем вы говорите, миледи? Я не понимаю, за что вы можете ругать себя. Во всем происшедшем вашей вины нет... Разве Дерри не обманом заманил вас сюда? Разве не он устроил похищение вашего сына?

Риченда покачала головой.

— Вы не понимаете, отец. Мой... мой муж стоял здесь, в этом кругу. Он похитил мое дитя. И я хотела убить его.

— Вы хотели убить его? — переспросил с удивлением Дункан, не в силах понять, как это хрупкое создание может кому-то угрожать смертью.

— Да. И я убила бы его, если бы здесь не оказалось Венсита и если бы Дерри не помешал мне. Вы Дерини, отец, и вы знаете, о чем я говорю.

— Знаю,— Дункан замолчал, внезапно поняв все.— Миледи,— прошептал он, чтобы никто не слышал,— вы Дерини?

Она кивнула не глядя на него.

— А Бран знает об этом?

— Теперь знает,— прошептала она, взглянув ему в лицо.— О отец, я не хочу лгать вам. Есть еще одна причина, по которой я хотела убить его. Боже, помоги мне! Отец, я люблю другого человека. Я люблю Аларика, и он любит меня. Но я пока не нарушила своей супружеской клятвы. И если Аларик убьет Брана завтра... О, простите меня, отец, я совсем не молюсь о Бране. Он ведь предатель. Боже, что мне делать?

Она снова зарыдала. Дункан обнял ее за плечи и заставил присесть на край постели Келсона.

Морган и Келсон, опустившись на колени, все еще трудились над неподвижным телом Дерри, а рядом стоял Арлиан и смотрел на них.

Дункан ничем не мог помочь им. Ведь в руках у него была чаша, которую он не мог отложить, пока не выпьет до дна. Он наклонил голову и стал размышлять.

Риченда и Аларик. Конечно. Теперь все понятно. Нужно было быть слепцом, чтобы не увидеть всего этого раньше.

Зная щепетильность Аларика, Дункан был уверен, что между ними еще ничего не произошло. Да и Риченда поклялась, что не нарушила верность супружескому ложу.

Но Дункан знал, что оба они сейчас чувствуют внутреннюю вину. Дункан подумал, почему же Морган не поделился с ним, но затем сообразил, что у них совершенно не было времени. К тому же, наверняка Аларик считает свое чувство постыдным, бесчестным, а потому и не захотел в этом признаться даже своему другу и родственнику. Возжелать жену ближнего своего — это же страшный грех в глазах Аларика.

Но Риченда обратилась к нему как к священнику. А имеет ли он право на такое обращение? Кто он — Дерини или священник? С тех пор как он принял обет, у него не было сомнений в том, что должен быть священником.

Дункан посмотрел на Арлиана. Ведь у Арлиана не было сомнений в том, что вполне можно быть одновременно и служителем Церкви и Дерини. Он уже много лет епископ, и ни одна из его ипостасей не входила в противоборство с другой. Но сам же Арлиан говорил, что со времен Реставрации только два Дерини получили духовный сан: он и Дункан.

И Дункан не сомневался, что Арлиан искренне верил в свое призвание и был преданным и верным слугой Господа. Дункан почувствовал святость, исходящую от этого человека, с момента их первой встречи шесть лет тому назад.

Да, не было никаких сомнений, что Арлиан искренне давал обеты и служил Церкви честно и бескорыстно.

Тогда почему же он, Дункан, не может быть священником, если он так же искренен и честен?

Ведь если Арлиан без всяких угрызений совести может быть епископом-Дерини, то почему он, Дункан, не может быть священником-Дерини?

Дункан взглянул на Риченду и увидел, что она уже овладела собой и вытирает глаза, красные от слез. Но прежде чем он успел заговорить, леди подняла на него свои прекрасные голубые глаза.

— Не беспокойтесь, святой отец, уже все хорошо. Я знаю, что не заслуживаю прощения, но вы выслушали мою исповедь, и теперь мне стало легче.

Дункан опустил глаза.

— Вы забыли, миледи, что я по решению Курии не имею права исполнять обязанности священника.

— Мой дядя Кардиель сказал, что отлучение незаконно, и он не видит причин, почему вы не можете быть священником.

Дункан удивленно поднял брови, но ничего не сказал, так как, по его мнению, это было правдой. Его отлучил Корриган, и именно он должен был бы снять отлучение, но поскольку Корриган лишен сана, почти изгнан, то вопрос о снятии отлучения стал чисто академическим.

И теперь Дункан — может быть, первый раз в жизни — получил возможность самому принять решение.

— А то, что я Дерини, разве не мешает вам? — спросил он, делая последнюю попытку убедить себя в правильности своего решения.

Она посмотрела на него очень странно.

— Для меня это даже удобнее, отец, так как вы лучше, чем кто-либо другой, сможете снять мои волнения. Вы спрашиваете так, как будто принадлежность к Дерини является вашим недостатком. Неужели теперь, когда всем известно, что вы Дерини, вы по-прежнему будете следовать своему призванию и быть точно таким же простым священником, как и раньше?

— Конечно.

— И вы полагаете, что вы будете таким же хорошим священником, как и раньше?

Он помолчал.

— Да.

Риченда еле заметно улыбнулась и упала перед ним на колени.

— Тогда отпустите мне грехи, отец. Моя страждущая душа просит, чтобы вы выполнили свой долг священника. Вы слишком долго были отстранены от своих обязанностей.

— Но...

— Отлучение, как утверждают высшие служители Церкви, с вас снято. Почему вы сопротивляетесь? Разве вы рождены не для этого?

Дункан глуповато улыбнулся, а затем склонил голову. Риченда перекрестилась и сложила руки в молитвенном жесте.

Внезапно он понял, что уже делает то, для чего был рожден, и у него нет никаких сомнений в правильности своего решения. Спокойный и уверенный, он слушал шепот Риченды, которая исповедовалась перед ним.

Морган поднял голову, вздохнул и приказал солдатам освободить Дерри и выйти из палатки. Дерри спокойно лежал перед ними с закрытыми глазами. Он спал естественным сном.

Когда солдаты вышли, Морган разжал ладонь и посмотрел на лежащее в ней кольцо. И он сам, и

Арлиан, избегали смотреть на мизинец Дерри, поблевший и дрожавший, с которого это кольцо было удалено.

Кольцо и заклинание были сняты, но сколько же сил это стоило им!

Морган, не сумев подавить зевоту, с удовольствием потянулся. Он с удовлетворением оглядел остальных: пройдено трудное испытание.

— Теперь с ним все в порядке. Заклятие разрушено, он свободен...

Келсон посмотрел на руку Моргана, державшую кольцо, и вздрогнул.

— Через что же он прошел, Морган! Ты поставил экраны и не дал мне возможности увидеть все, но... как же он теперь будет жить после всего этого?

— Он будет жить, как обычно,— сказал Морган.— Я стер из его памяти почти все, что случилось в Эсгар Ду. Конечно, кое-что уцелело, но от худшего я его избавил. Через несколько недель от этого останутся лишь смутные воспоминания. И он будет очень недоволен, что пропустил поединок, который состоится завтра. Он проспит несколько дней.

— Может быть, это и к лучшему,— тихо произнес Келсон.

— Что? — переспросил Морган.

Он в это время вставал и не расслышал слов короля.

— Чепуха, не обращай внимания,— усмехнулся король.— Не поспать ли нам? Миледи?

Он подал руку Риченде, которая окончила свою исповедь, и леди с почтительным поклоном приняла ее.

— Миледи, очень сожалею, что вам пришлось перенести столько ужасного. Уверяю вас: я сделаю все, что смогу, чтобы вернуть вам вашего сына.

— Благодарю, сэр.

— Ну, идемте, друзья,— спокойно сказал Арлиан.— Рассвет близится.

Рассвет был очень хмурым. Висел тяжелый туман. Воздух, насыщенный влагой, затруднял дыхание.

На востоке, над горными пиками Кардосы, едва просматривались лучи восходящего солнца, с которыми боролись низкие хмурые темно-серые облака.

Люди в лагере Келсона со страхом смотрели на жуткую картину восхода. Многие крестились, видя во всем этом дурное предзнаменование.

Келсон хмурился, натягивая золотой пояс на алую тунику с королевским Львом.

— Это смешно, Арлиан. Ты говоришь, что нам нельзя брать оружие, что нельзя иметь при себе ни кусочка стали. Во время моей битвы с Чариссой такого условия не было.

Арлиан качал головой и улыбался, поглядывая на Моргана и Дункана. В палатке были они одни. Так требовал ритуал перед тем испытанием, которое их ждало.

Немного раньше Кардиель прямо здесь отслужил торжественную мессу. Ему прислуживали Нигель и Варин. На мессе присутствовали особо приближенные генералы и советники короля.

И вот теперь они остались в палатке одни, зная, что не скоро смогут вновь насладиться одиночеством.

Арлиан завязал шнурки своей сутаны и положил руку на плечо Келсона.

— Послушай, Келсон. Помни, что ты еще не принимал участия в групповых поединках под защитой Совета. В таких случаях правила очень строги, так как возможностей для вероломства и предательства больше.

— Вероломства следует ожидать,— согласился Морган.— После того, что он сделал с Дерри, я ни за что не поручусь, если в деле участвует Венсит.

— За зло следует платить,— грозно сказал Арлиан.— Идем. Свита ждет нас.

У палатки ждали Нигель и генералы с лошадьми для всех четверых. Келсон вышел из палатки последним, при его появлении все упали на колени и склонили перед ним головы. Келсон обвел своих приближенных спокойным взглядом. Люди выражали ему свою предан-

ность и полное повиновение. Каждый готов был пойти за него на смерть.

Коротким кивком, чтобы скрыть свои чувства, Келсон разрешил всем подняться.

— Благодарю вас, милорды,— спокойно сказал он.— Я не знаю, увижу ли когда-нибудь вас снова. Как всем вам известно, мы идем на смертельный бой. Если мы победим, то с востока нам никогда больше не будет угрожать враг. Могущество Венсита из Торента будет сокрушено навсегда. Если мы проиграем... — он прикусил губу.— Если мы проиграем... Мы согласились на эту битву потому, что ни Венсит, ни я не желаем гибели лучших сынов королевства, цвета рыцарства. Я не могу вам обещать ничего, кроме того, что приложу все силы, чтобы победить. Я буду молиться о нашей победе и возвращении.

Он опустил глаза, как будто закончил речь, но Морган наклонился к нему и что-то прошептал на ухо.

Келсон, выслушав его, кивнул головой.

— Мне напомнили о последнем долге, который я должен выполнить перед тем, как уйти. Я должен назвать имя своего преемника. Знайте, что если мы не вернемся с битвы, трон займет мой дядя, принц Нигель. После него трон перейдет к его сыну и так далее. Если мы... — он помолчал и снова заговорил: — Если я не вернусь, прошу оказывать ему те же честь и преданность и полное повиновение, какие вы оказывали моему отцу и мне. Он будет для вас хорошим королем.

Наступила гнетущая тишина.

Затем вперед вышел Нигель и упал на колени перед Келсоном.

— Ты наш король, Келсон. И ты им останешься. Боже, храни короля Келсона! — крикнул он.

И крик этот подхватили все присутствующие.

Келсон посмотрел на Нигеля, на тысячи обращенных к нему преданных лиц, затем кивнул и вскочил в седло.

Конь заплясал под ним, зафыркал, но Келсон собрал поводья и успокоил его.

Нигель повел их через лагерь к границе, где ждала группа вооруженных всадников. Здесь был юный Конал с королевским знаменем и с полдюжины других людей. Тут был и Кардиель, а рядом с ним закутанная в голубой плащ леди Риченда. Она сидела в седле, опустив голову, и даже не взглянула на Моргана, когда он и

король проезжали мимо, зато взгляд, полный любви и тревоги, достался Дункану.

Морган чувствовал, что она будет здесь. Он решительно выбросил ее из головы и полностью отдался мыслям о предстоящей битве.

В полумиле от них из вражеского лагеря выехала группа всадников. Морган взглянул на Келсона, на Дункана, с которыми за последние двадцать четыре часа обрел новое внутреннее родство, на Арлиана, спокойного и невозмутимого в своей епископской сутане. Краем глаза Морган заметил движение Келсона и пришпорил лошадь.

Дункан ехал справа от него, Келсон — слева, а слева от Келсона — Арлиан. Позади на почтительном расстоянии следовали Нигель и остальные.

Над ними развевалось королевское знамя Гвинеда. А перед ними был враг.

Всадники сближались, пока расстояние между ними не сократилось до двухсот ярдов. Обе группы остановились.

Несколько минут Келсон сидел на коне неподвижно, как статуя, внимательно рассматривая четырех врагов, которые неторопливо спешивались на травяном, мокром от утренней росы поле.

Затем он и три его спутника соскочили с коней и передали поводья слугам, которые немедленно удалились. Четверо остались стоять одни, поеживаясь от пронизывающего утреннего ветра, от которого не спасали даже их теплые плащи.

— Где же Совет? — прошептал Морган, слегка повернувшись к Арлиану, когда они уже шли, направляясь в сторону врага.

Арлиан улыбнулся.

— В пути. Они хотят выявить тех, кто должен был, присутствуя на поединке, изображать членов Совета. Обманщики будут наказаны, и тогда появятся истинные члены Совета. Но уж, конечно, не те, кого ожидает Венсит.

Келсон усмехнулся.

— Надеюсь, все будет хорошо. Но мне не хочется, чтобы вы думали, будто я боюсь.

— Мы все боимся,— прошептал Арлиан.— Но мы будем делать все возможное и надеяться на Провидение. Господь не допустит нашей смерти, если вера наша будет крепка и дело справедливо.

— Молитвы Богу не пустые слова, епископ,— проговорил Келсон.

Они были уже на расстоянии пятидесяти ярдов от врага, и Келсон мог различать лица.

В это утро Венсит был почти взволнован, обеспокоен. Отказавшись от обычной роскоши в одежде, он надел простую тунику фиолетового бархата. Его королевская диадема была лишь чуть более украшена, чем корона Келсона.

Лайонелл, одетый в свои черно-серебряные цвета, стоял слева от Венсита. На сей раз роскошный кинжал не украшал его пояс.

Бран, справа от Венсита, был бледен, и эту бледность подчеркивали голубые тона одежд.

Справа от Брана, одетый в темно-синюю тунику, стоял Ридон. Темные волосы были перехвачены серебряным обручем.

Ридон и Венсит поглядывали на север, как бы ожидая кого-то, и Келсон понял, что они ожидают прибытия членов Совета.

Келсон подумал, не заподозрили ли они что-нибудь. Но гадать ему оставалось недолго.

Когда расстояние между ними не превышало тридцати ярдов, на севере послышался стук копыт и показались четыре роскошно одетых всадника. Белые лошади были почти не видны в лучах солнца, и всадники в золотых одеждах древних лордов Дерини приблизились к застывшим на месте людям, словно летя по воздуху.

Келсон услышал, как Венсит что-то шепотом сказал Ридону. Лицо Венсита посерело от ярости, Ридон же не выразил никаких эмоций.

Четверо всадников спешили: слепой Баррет, врач Лоран и юный Тирсель де Кларон, помогающий спуститься на землю леди Вивьене. Белые лошади стояли неподвижно, как изваянные из белого камня. Всадники сняли плащи и бросили их на седла.

Изумрудные глаза слепого Баррета величественно заскользили по ожидающим людям, когда четверка приблизилась.

— Кто вызывал Совет Камбера на это поле чести?

Венсит бросил на Келсона взгляд, полный ненависти, и, выступив вперед, опустился на одно колено. Голос его был спокоен, но в нем чувствовалось напряжение, когда Венсит заговорил:

— Благородный член Совета, я Венсит из Торента, король Торента и чистокровный Дерини, прошу августейшей защиты и арбитража на поединке, на который я вызвал этого человека,— он ткнул пальцем в сторону Келсона. — Я прошу защиты от вероломства для себя и своих коллег: герцога Лайонелла...

Герцог опустился на колени.

— ...графа Марли и лорда Ридона.

Бран и Ридон тоже опустились на колени, а Венсит продолжил:

— Мы просим разрешения на битву со смертельным исходом, четыре на четыре, мы против тех, кто стоит перед нами. И мы просим, чтобы поединок не прекращался до тех пор, пока все противники не будут мертвы. Этому мы посвящаем свои жизни и используем для этого все могущество.

Изумрудные глаза Баррета медленно повернулись к Келсону.

— А каково ваше желание?

Келсон нервно сглотнул слюну, встал на колени.

— Милорд, я Келсон Халдан, король Гвинеда, принял вызов на поединок, чтобы не проливать лишней крови во время войны. Я также прошу защиты от вероломства для себя, герцога Моргана, епископа Арлиана и монсеньора Мак Лейна.

Все трое опустились на колени.

— Мы с неохотой соглашаемся на поединок со смертельным исходом, но вынуждены сделать это и используем все свое могущество, чтобы победить.

Баррет кивнул и стукнул по траве концом посоха из слоновой кости.

— Да будет так. А что получают победители? Согласно ли воины обеих армий признать справедливым исход вашего поединка?

— Да, милорд,— ответил Келсон, опередив Венсита.— Мои люди знают, что если мы проиграем, то их жизни

пощадят, и мои преемники поклянутся в верности королям Торента, чтобы наступил мир между нашими народами. Это ведь правильное условие. Согласен ли король Торента?

Венсит, оглядев своих, повернулся к Баррету.

— Мы согласны с условиями, милорд. Если мы проиграем, то мои преемники поклянутся хранить верность королю Гвинеда как его вассалы.

Баррет кивнул и спросил:

— Кто твой наследник, король Торента?

Венсит посмотрел на Лайонелла.

— Принц Альрой, старший сын моей сестры Иораг и моего родственника Лайонелла. А после Альроя его братья Анам и Ронал.

— И принц Альрой готов поклясться в верности Келсону, королю Гвинеда, если ты и его отец будут убиты?

— Да,— кивнул Венсит, плотно сжав губы.

Затем Баррет повернулся к Келсону.

— А ты, Келсон, готов ли твой преемник поклясться в верности Венситу из Торента, если ты погибнешь сегодня?

Келсон с трудом проглотил комок в горле.

— Мой наследник — брат отца принц Нигель, а после него его сыновья Конал, Рори и Пейн. Принц Нигель знает свой долг.

— Хорошо,— кивнул Баррет.— И эти условия удовлетворяют обе стороны?

Келсон возразил:

— Не полностью. Есть еще один вопрос, милорд.

Глаза Венсита расширились, и он с трудом заставил себя устоять на месте.

— Говори свое условие, Келсон,— разрешил Баррет.

— Прошлой ночью Венсит и Бран Корис проникли в мой лагерь и похитили ребенка у матери. Если я одержу победу, пусть ребенка вернут мне, чтобы я смог возвратить его этой женщине.

Бран, вскакивая на ноги, закричал:

— Нет! Брендан мой сын! Он принадлежит мне! Она не получит его!

— Держи себя в руках, Бран! — рявкнула Вивьена, впервые подав голос. — Если Келсон победит, какая тебе разница, у кого будет ребенок? Ты ведь будешь мертв.

— Она права, Бран,— сказал Венсит, прежде чем Бран успел возразить.— Но, с другой стороны, я требую: если победу одержу я, то мать ребенка должна вернуться к своему мужу, который стоит здесь,— он показал на Брана, и Баррет кивнул.— Если Келсон согласится с этим условием, я соглашусь на возвращение мальчика, а также остальных пленных, которые еще живы.

Баррет спросил:

— Келсон?

Келсон колебался недолго.

— Я согласен, и у меня нет других условий.

— А ты, Венсит?

— Условий больше нет.

— Тогда можете встать.

Все восемь человек поднялись на ноги.

— Образуйте круг для битвы,— продолжал Баррет, проходя между двумя группами вместе с Лораном.— Мы уверены, что вы выполнили наши требования относительно оружия, так что не станем никого осматривать. Но если кто-нибудь из вас имеет вопросы по правилам ведения поединка, то задавайте их сейчас, прежде чем Совет замкнет первый круг.

Лоран и Баррет отошли от своих коллег на сорок футов. Члены Совета стали отмерять стороны большого квадрата, каждая из которых равнялась сорока футам.

Когда они встали по углам квадрата, восемь бойцов расположились на дугах круга внутри этого квадрата.

Два короля выжидающе посмотрели на Баррета, но в центр круга вышел Тирсель.

— Да будет благословенна память Святого Камбера, великого Святого, указавшего нам путь. Так сказано, и так должно быть. Да будет благословенна память Самого Высшего,— сказал он.

Тирсель опустил на колени и начал чертить пальцем на земле какие-то фигуры. И там, где палец касался травы, она становилась золотой.

— Да будет благословен Создатель, ныне и присно. Начало и Конец, Альфа и Омега,— он пальцем начертил крест с греческими буквами сверху и снизу.— Пусть его слава возрастает с каждым днем, с каждым месяцем, с каждым годом, с каждым веком, всегда. Да будет благословен Господь, да будет благословен Святой Камбер.

Когда он поднялся, в четырех углах фигуры были начертаны символы: печати членов Совета. Они гарантировали защиту внутри круга.

Тирсель вернулся на место, а Баррет воздел руки к небу и запел:

— Я Альфа и Омега, Начало и Конец, сказал Господь. Он ушел в белой одежде, но имя его не вычеркнуто из Книги Бытия. Мы поклоняемся ему, его Отцу,— пел Баррет.

— Благословение и честь, слава и могущество — все в нем, сидящем на небесном троне,— сказала Вивьена, подняв руки над головой.— О Господь, яви свою милость нам, ничтожным, и защити правое дело. Распространи свет милости своей на этот круг. О Боже, те, кто стоят здесь, знают величие твое и отдают себя на суд твой.

Лоран начертал последнюю линию и тоже воздел руки к небу. Тут же над четырьмя высшими Дерини вспыхнуло сияние: янтарное, серебряное, алое и голубое.

Лоран заговорил, сияние стало распространяться по кругу, и он замкнулся. Цвета сливались, смешивались, играли разными оттенками, когда слова Лорана разносились в воздухе:

— Охрани слуг своих, Боже, укрепи круг, дабы никто не мог войти в него и никто не мог помочь тем восьмерым, что пришли сюда сражаться. Защити тех, кто вне круга, от могущественных сил, кои столкнутся здесь, и охрани их от гнева своего.

— Так было в первые дни нашего бытия,— запели все четверо,— и пусть будет так во все времена. ...О Боже, пусть будет так и сегодня. Да будет так.

Они закончили песнопение, и в раскатах грома сияние стало подниматься вверх, образуя бледную голубовато-фиолетовую полусферу над ними — над членами Совета и над участниками поединка. Купол был прозрачным, но затуманенным, так что внутри его стало сумрачно.

Следующий круг должны были сформировать уже сами сражающиеся. Он был нужен им не только для защиты от внешнего мира, но и от тех, кто создал внешний круг. Даже члены Совета не смогли бы проникнуть через внутренний круг.

— Внешний мир отрезан,— сказал Баррет.

Голос его звучал гулко, как в большом зале.

— Теперь надо создать внутреннюю защиту. Только победитель сможет выйти из круга.

Он сделал паузу, ожидая, пока стихнет эхо, вызванное его словами, и продолжил:

— Я предлагаю вам создать круг и начать то, для чего вы пришли сюда. Во имя Самого Высшего, начинайте.

Все восемь оценивающе оглядели друг друга, а затем Венсит вышел вперед и поклонился.

— Кто начнет — вы или я?

Келсон пожал плечами.

— Это не имеет значения. Начинай ты, если хочешь.

— Отлично.

С легким поклоном Венсит вернулся на место и раскинул руки в стороны.

Границы внутреннего круга должны быть сделаны лидерами враждующих сторон, причем не одновременно.

И теперь Венсит говорил один. Его голос гудел под фиолетовым куполом. Он пел старое песнопение — вызов на бой. Огонь струился из его пальцев.

Он создал полусферу, охватывающую его и трех его союзников. Это был сверкающий фиолетовый купол на пять футов ниже внешнего купола.

Келсон поджал губы и, не глядя на друзей, раскинул руки. Он запел ответную песнь.

Над Келсоном вспыхнуло алое сияние. Оно начало расширяться, сомкнулось с куполом Венсита, и теперь они все были под одной полусферой. Келсон опустил руки, взглянул на товарищей, которые подошли к нему.

Поле боя было готово.

Очертания фигур членов Совета сквозь внутреннюю полусферу казались нечеткими, размытыми. Они наблюдали за происходящим, но Келсон знал, что даже они не смогут вмешаться, теперь он и его друзья могут надеяться только на свой ум и свое могущество.

— Первый удар мой, юный принц, — издевательски произнес Венсит.

Его рука уже готова была сделать пассы для первого заклинания.

— Нет, постой! — сказал Ридон. — Мы забыли этикет. Даже начиная битву, нельзя забывать о хороших манерах.

Все повернулись к Ридону. Тот достал серебряный кубок из складок своей мантии и кожаную бутылку.

— Нужно поднять тост за победу одного из королей.

Ридон поднял кубок в знак приветствия и осушил его наполовину.

— Конечно,— сказал он, передавая кубок Брану,— мы понимаем, что вы наверняка считаете это какой-то хитростью... — он посмотрел, как Бран выпил все одним глотком, снова наполнил кубок и передал его Лайонеллу.— Но можете быть спокойны: ведь мы пьем первыми.

Лайонелл поднес кубок к губам и осушил, а затем протянул его Венситу. Венсит спокойно держал кубок, пока Ридон наполнял его снова.

— Ридон говорит правду,— сказал Венсит, держа кубок перед собой обеими руками.— Наши враги, мы пьем за вас.

С ехидной улыбкой он поднес кубок к губам и выпил, а затем медленно подошел к Келсону.

— Хочешь выпить, мой юный принц?

— Нет, он не хочет,— спокойно сказал Ридон.

Голос его вдруг изменился и стал резким, проницательным.

Венсит замер, глаза его расширились от изумления. Он медленно повернулся к Ридону.

Все глаза устремились на Ридона, а Лайонелл и Бран беспокойно придвинулись к Венситу, подальше от этого человека, который внезапно превратился в кого-то другого.

— Что это значит? — ледяным тоном спросил Венсит.

Ридон посмотрел на Венсита без страха, саркастическая улыбка играла в углах его губ.

Он спокойно сказал:

— Ты все узнаешь очень скоро, Венсит. Шесть лет я играл роль, нося личину другого человека. Жаль только, что этот день не наступил раньше.

Внезапное подозрение исказило черты лица Венсита. Его взгляд упал на кубок, который все еще держал в руках. Он с криком ярости швырнул его на землю.

— Что ты сделал? — ледяные глаза устремились на Ридона.— Кто ты?

Ридон рассмеялся. Голос его был тихим и угрожающим.

— Я не Ридон.

— Ты не Ридон? Что ты несешь?! — взорвался Венсит.— Ты сошел с ума! Ты понимаешь, что ты делаешь?

— Я это хорошо понимаю,— улыбнулся лже-Ридон.— Настоящий Ридон умер шесть лет назад. К счастью, я смог занять его место. Но ты этого не подозревал, Венсит. Никто не догадался, что я лже-Ридон.

— Ты сошел с ума? — Венсит глядел на него дикими глазами.— Это дьявольский заговор. Это они тебя в него втянули? — указал он на Келсона и его ошеломленных друзей.— Или это ты подстроил, чтобы здесь присутствовали настоящие члены Совета? Ты никогда не хотел честной битвы. Именно поэтому ты обратился к Совету.

Венсит повернулся к членам Совета, которых можно было видеть через прозрачную полусферу. Те оживленно разговаривали, но слов не было слышно.

Внезапно Венсит понял, что они удивлены не меньше, чем он сам. Кроме того, он должен был признать, что и Келсон безмерно удивлен случившимся.

Он взглянул на мертвенно-бледных Лайонелла и Брана, а затем, ошеломленный, посмотрел в лицо того, кто так долго был для него Ридоном.

— Ты частично сказал правду,— подтвердил лже-Ридон.— Я никогда не хотел быть честным с тобой. Но все, что я сделал, имеет свою цель, и за ее осуществление мне придется платить. Путь, который я выбрал, необычен, но он ведет меня к цели. Обернись.

Венсит обернулся.

Бран Корис шатался и спотыкался, стараясь удержаться на ногах, ухватившись за плечо Лайонелла. Затем он опустился на землю.

Венсит смотрел на него со странным выражением на красивом лице.

Лайонелл опустился на колени, чтобы помочь Брану, но зашатался сам и сел на землю, не в силах подняться вновь.

Венсит нервно стиснул ворот туники, глаза его в ужасе смотрели на незнакомца. Он прошептал:

— Что ты с ними сделал? Ты отравил их! — он с трудом проглотил комок в горле.— А я... почему же на меня не подействовал яд? Почему ты сделал это?

— Это особый яд,— сказал лже-Ридон.— И не теши себя надеждой, что ты останешься жив. Просто на Дерини он действует дольше. А что касается меня, то у меня времени еще меньше. Я принял противоядие, которое замедляет первую реакцию, но усиливает последний удар. Однако мне хватит времени, чтобы открыться, а тебе хватит времени, чтобы впервые ощутить страх за свою жизнь. Посмотри на свои руки, Венсит, они дрожат. Это первый признак действия яда.

— Нет! — громко вскричал Венсит, стиснув руки и отвернувшись в сторону.

Лже-Ридон долго смотрел на Венсита, а затем повернулся к Келсону и впервые низко поклонился ему.

— Прошу прощения, что лишил тебя победы, которую ты мог одержать, но ты мог и проиграть, а я не мог допустить этого. Шесть лет я был приспешником Венсита, и я не хотел начинать все сначала.

Венсит, качнувшись, опустился на землю. Он уже не мог держать голову прямо, хотя изо всех сил старался подняться на ноги.

Келсон с тревогой смотрел на лже-Ридона:

— Что... что ты им дал? И что будет с тобой?

— Я дал яд, подобный мараше,— спокойно ответил лже-Ридон.— Он тоже лишает жертву возможности пользоваться тайными силами, которыми та обладает, но, в отличие от мараша, его нельзя обнаружить, и он более медленно действует. Я знал, на что иду, но такова цена за освобождение от этого человека.

Он указал на Венсита, который теперь лежал, корчась, на земле и смотрел на всех затуманенными ненавистью глазами.

Лайонелл и Бран были неподвижны, и только испуганные глаза жили на бледных лицах и следили за тем, что происходит.

Ридон продолжал:

— Моя смерть будет быстрой и относительно безболезненной. Их смерть будет долгой и мучительной. Она будет продолжаться почти весь день, если вы не вмешаетесь. Ты не можешь исцелить их, Келсон, но ты можешь облегчить им путь. Только четыре человека могут выйти из этого круга. Это вы.

— Но это же вероломство,— пробормотал Келсон.— Мне не нужна такая победа.

— Поверь мне, что грехи этих людей с лихвой искупают тот способ, каким их умертвили. Они виноваты в очень многом, хотя их никто не судил. Я знаю... — он внезапно заморгал, как будто ощутил сильный удар, а затем продолжал: — Прошу прощения, но яд уже начал действовать. Времени у меня мало. Ты принимаешь победу, которую я принес тебе, Келсон? Ты вступишь на трон как полноправный король-Дерини? Ты принесешь мир и покой всем Одиннадцати Королевствам?

Впервые Келсон обернулся к своим друзьям.

Дункан и Морган были бледны, но Арлиан смотрел на Ридона, как будто видел перед собой привидение.

Арлиан подошел к Келсону, как бы почувствовав его взгляд, и, не отрывая глаз от Ридона, неуверенно сказал:

— Мне кажется, я узнал тебя. О нет, не по внешности и не по голосу. Ты великолепно изменил свою внешность. Но из твоих слов... Зачем тебе скрывать себя? Ведь теперь все равно — будем мы тебя знать или нет.

Лже-Ридон усмехнулся, но тут же побледнел, покачнулся и едва удержал равновесие. Его черты вдруг заколебались, расплылись и затем перед изумленными глазами всех четверых появился... Стефан Корам!

— Хелло, Денис! — прошептал он удивленному епископу.— Пожалуйста, не читай мне нотаций по поводу моей глупости. Во-первых, уже поздно, а во-вторых, я не считаю это глупостью. Жаль только, что это был единственный способ избавить мир от этого человека.

— Стефан! — крикнул Арлиан и в отчаянии замотал головой.

Корам улыбнулся и снова покачнулся.

— Я являлся в другом облиции твоим друзьям — Моргану и Дункану.

Снова по его чертам поплыла мелкая рябь, и они увидели перед собой старца с серебряными волосами и надвинутым на самое лицо капюшоном.

Через некоторое время перед ними снова появился Корам.

— Это был ты, Святой Камбер! — выдохнул Морган.

— Нет, я же сказал тебе, что я не Камбер,— покачал головой Корам.— Я являлся вам всего несколько раз: на коронации Келсона — как представитель Совета, тебе, Дункан, на пути в Корот, в аббатстве Святого Неота.

Болезненная гримаса исказила его черты, он закрыл глаза, и Арлиан бросился ему на помощь.

— Стефан!

Корам с сожалением покачал головой.

— Ты не в силах помочь мне жить, друг мой, но можешь помочь умереть,— он проглотил слюну, тяжело оперся на руку Арлиана. Страх появился на его лице.— Да поможет мне Бог, Денис. Это пришло скорее, чем я думал.

Он обвис на руке Арлиана, и тот осторожно опустил его на землю.

Морган стянул с себя плащ и подложил его под голову Корама. Глаза Корама были закрыты, но вот, с трудом открыв их и обратившись взглядом к Арлиану, он пробормотал:

— Я совершил самоубийство, Денис. Но у меня не было другого выбора...

— Тебе... тебе очень больно, Стефан?

Корам покачал головой.

— Нет, не очень. Скоро все кончится. А... члены Совета видят нас?

Арлиан посмотрел на барьер и кивнул.

— Да, но барьер искажает картину. Ты хочешь им что-то сказать?

— Нет, но передай им, чтобы они назначили тебя моим преемником. Хотя мы часто спорили с тобой, я всегда ценил твою дружбу, честность, мужество во Внутреннем Круге. Обещай, что ты передашь им мои пожелания, когда будешь рассказывать о том, как я умер.

Глаза его закрылись. Ему стало трудно дышать.

Морган с тревогой посмотрел на Арлиана.

— Неужели ничего нельзя сделать. Может быть, нам с Дунканом попытаться исцелить его?

Арлиан покачал головой.

— Я знаю этот яд. Даже Дерини не могут справиться с ним. Яд уже почти все разрушил внутри, и Стефан ощущает жуткие боли. Он пытается скрыть это, но конец близок.

Морган снова взглянул на Корама, покачал головой и бессознательно придвинулся к Дункану.

Глаза Стефана приоткрылись, но было ясно, что он ничего не видит. Его тело сотрясали судороги. Корам схватил руку Арлиана и крепко ее сжал. Арлиан положил другую руку на лоб Стефана, пытаясь ослабить его мучения, и ему это удалось.

Стефан немного успокоился.

— Твое распятие, Денис,— дай мне его,— прошептал Стефан.

Арлиан снял распятие и вложил его в руку друга. Корам несколько секунд держал его перед глазами, затем, тяжело дыша, приложил к губам.

— Ин манус таус, Домини,— прошептал он.

Глаза его закрылись, руки разжались.

Со вздохом Арлиан прижал голову Корама к своей груди. Губы епископа шевелились в последнем напущствии отлетевшей душе.

Морган и Дункан взглянули друг на друга, медленно поднялись на ноги и подошли к Келсону.

— Он умер? — спросил Келсон, рискуя нарушить тишину.

Дункан кивнул и проглотил комок в горле, а Морган низко опустил голову.

— Неужели ничего нельзя было сделать?

Морган покачал головой.

— Мы спрашивали, можно ли исцелить его, и Арлиан сказал, что уже поздно. Что ты собираешься теперь делать, Келсон?

Келсон повернулся в сторону троих врагов, лежавших на траве всего в нескольких ярдах от них, а затем покачал головой.

— Не знаю. Я не хочу хладнокровно убивать их, ведь они совершенно беспомощны, но Ридон... Корам сказал, что они будут умирать мучительной смертью, если не помочь им умереть.

Дункан пробормотал:

— Он сказал, что они будут умирать целый день. И если смерть Корама была быстрой и относительно безболезненной, представляю, какие мучения испытывают они.

Арлиан резко встал и повернулся к ним. В его глазах стояли слезы.

— Мы убьем их, Келсон, иного пути нет. Корам прав: они осуждены высшим судом. И я знаю, что чувствовал Корам, когда умирал. Нет смысла ждать, пока они умрут сами. Это бессмысленная жестокость, даже по отношению к Венситу.

— Но мы без оружия,— выдохнул Келсон.— Ведь не можем же мы бить их камнями по головам или ногами по животу... кроме того, здесь и камней-то нет, в этом круге,— глупо добавил он.

Арлиан выпрямился во весь рост, посмотрел на поверженных врагов, а затем оглядел круг.

— Нет, это нужно сделать не физически, а с помощью магии. Это поединок тайных сил, и оружием уничтожения должна быть магия.

Келсон прошептал:

— Но как? Арлиан, я еще никогда не убивал незащищенных людей, даже мечом. Но мечом, по крайней мере, я хоть знаю, как это делается.

Наступила тишина. Келсон смотрел в землю, Арлиан глубоко ушел в себя, Морган и Дункан стояли плечом к плечу, неподвижные и безмолвные.

Морган подошел к Келсону, положил руку ему на плечо и опустил голову, избегая смотреть на три неподвижные фигуры, особенно на Брана.

— Это должен сделать я, мой принц. В отличие от тебя, я уже убивал. Это не труднее, чем отрубить руку. Есть способ, которым Чарисса убила твоего отца.

Дункан замер.

— Нет, Аларик, только не так.

Морган покачал головой, не глядя на Дункана.

— Нет, другого пути у нас нет. Венсит и его союзники сейчас беспомощны, как люди. Они должны умереть, как умирают люди. Венсит должен умереть так, как умер Брион. Ведь он несет полную ответственность за смерть Бриона. Возмездие, наконец, настигло его.

— Тогда это должен сделать я,— выдохнул Келсон.— Брион мой отец. Я его сын. Я должен отомстить за его смерть.

— Мой принц, я хотел спасти твою...

— Нет! Это обязан сделать я! Скажи, что надо делать. Не заставляй меня приказывать тебе.

— Я...

Морган посмотрел на Келсона, намереваясь переубедить его, но лицо короля было решительным и непреклонным.

В серых глазах Моргана что-то промелькнуло, а затем они стали твердыми, стальными. Морган бесстрастно поднял голову.

— Хорошо, мой король. Открой мне свой мозг, и я покажу тебе все, что ты ищешь.

Наступила глубокая тишина, взгляд Келсона устремился куда-то вдаль, а когда король вышел из транса, его лицо стало пугающе жестоким.

— Это все? — выдохнул он, немного напуганный теми могущественными силами, которые чувствовал в себе.

— Этого хватит,— пробормотал Морган.

Келсон отвернулся и пошел по кругу. Он увидел четырех членов Совета, которые стояли и наблюдали. Его взгляд пробежал по телу того, кто был Ридоном-Камбером-Корамом, а затем переместился на три неподвижные фигуры, лежащие на земле.

Келсон медленно, как в трансе, направился к ним. Руки его сжимались и разжимались, когда он остановился перед Венситом. Тот не шевелился, но его светлые глаза были устремлены на короля.

— Тебе больно? — спокойно спросил Келсон.

Венсит попытался двинуться, но не мог, тогда он попробовал заговорить. Это стоило ему больших усилий, но слова прозвучали — тихие, неразборчивые:

— Зачем ты спрашиваешь, если знаешь, как умер Ридон?

Келсон отвернулся.

— Все произошло без моего участия, Венсит. Я победил не благодаря предательству. Лучше смерть в честном бою, чем сомнительная победа.

— Если ты думаешь, что я поверю в это, значит, ты считаешь меня большим дураком,— усмехнулся Венсит.— Но, во всяком случае, ты не уйдешь отсюда со своей победой, не подвергнув свою драгоценную гордость большим испытаниям.

— Что ты имеешь в виду? — Келсон в упор смотрел на Венсита.

— Не оставишь же ты нас умирать здесь, Келсон? — Венсит слабо усмехнулся. — Твой отец никогда не оставлял умирать раненого сокола или оленя. Ты ведь тоже мужчина.

— Ты хочешь, чтобы я убил тебя?

Венсит кашлянул, и его лицо исказила гримаса. Очевидно, это причинило ему ужасную боль.

Когда он снова взглянул на Келсона, в его глазах была мольба, слова давались ему с трудом.

— Дурак. Конечно же, я хочу, — прошептал он. — Мне уже не жить. Ридон-Корам великолепно сделал свое дело. И я знаю, каким будет мой конец, если ты не убьешь меня. Корам меня уже убил, Келсон. Мое тело мертво, хотя мой мозг еще об этом не знает. Спаси меня от ужасной муки, которая начнется, когда он догадается о конце.

Келсон с трудом проглотил слюну и опустился на колени позлее Венсита. Он все еще не знал, что собирается сделать.

С одной стороны, все его существо протестовало против убийства, но, с другой стороны, он хотел, чтобы убийцу его отца настигло возмездие. Он протянул было руку, но тут же отдернул ее, прижал к груди и опустил голову. В его ушах раздался шепот Венсита:

— Пожалуйста, Келсон, пожалуйста.

Келсон услышал шаги позади и понял, что друзья рядом, готовые поддержать его. Он решительно отключился от них, глаза его потемнели, подернулись дымкой.

Он протянул руку над грудью Венсита и уже начал движение, когда в голову ему пришла одна мысль.

— Венсит, ты признаешь Святую Церковь?

Венсит моргнул и улыбнулся бы, если бы ему не было так больно.

— Я признаю только смерть, Келсон, и приветствую ее. Спаси меня от мук, сделай то, что должен сделать.

Келсон видел, что Бран и Лайонелл смотрят на него. Келсон снова повернулся к Венситу, правая рука его протянулась над сердцем Венсита, и он тихо прошептал:

— Тогда умри, Венсит. Получи освобождение. Получи смерть за смерть моего отца Бриона. Пусть остановится сердце Венсита!

При последних словах его рука сжалась в кулак, и Венсит замер. Гордое тело короля Венсита, бывшееместилищем для разума и страстей, перестало жить.

Прежде чем остальные успели опомниться, Келсон уже встал между Лайонеллом и Браном и раскинул руки в стороны над их головами.

— Идите за своим господином и ангелом смерти, Лайонелл Аркенол и Бран Корис, граф Марли. И, может быть, Господь в бесконечной мудрости своей найдет для вас милосердие, которое не мог найти в себе я. Покойтесь с миром!

Опять его кулаки сжались, тела содрогнулись в последний раз и вытянулись. Келсон медленно опустил руки и потерял сознание.

Через некоторое время он открыл глаза. Над ним склонились три встревоженных лица. Он медленно поднялся на ноги, не приняв помощи Арлиана, который хотел поддержать его.

— Нет, Ваше Преосвященство. Сейчас духовное лицо не может меня касаться, я только что убил троих людей. Мои руки в крови.

— У тебя не было выбора, Келсон,— спокойно возразил Арлиан.— Это были твои враги. Им суждено было умереть.

— Возможно. Но не так. Я не должен был так убивать их.

Морган изучал носки своих сапог.

— Мы не всегда являемся хозяевами своей судьбы, Келсон. Ты это знаешь. Иногда королю приходится выполнять ужасную обязанность — убивать.

— Но не так,— прошептал Келсон.— Это не то, чем король может гордиться.

— А разве ты гордишься? — спросил Дункан.— Ведь нет же. Я слишком давно знаю тебя и уверен в этом.

— Но я рад, что они мертвы,— ответил Келсон.— Я хотел, чтобы они умерли, и я убил их. Но теперь не знаю, как мне замолить мой грех. Ни один человек не должен быть способен убивать других людей.

— Но Венсит был способен на это,— сказал Морган.— И однажды он убил.

Наступила долгая тишина, которую никто не решился нарушить. Потом Келсон подошел к Венситу и долго смотрел на труп, тяжело дыша, а затем медленно наклонился и снял с его головы корону.

— Это наш приз сегодня, друзья мои,— с горечью сказал он.— Корона королевства, которым я никогда не хотел править, и смерть друга, которого я только что узнал,— он показал жестом на тело Корама.— И еще чувство разочарования, что я не смог победить обычным, честным путем.

Арлиан попытался что-то сказать, но Келсон повелительным жестом остановил его.

— Нет, я не хочу слышать сейчас успокоительных слов, епископ. Позволь мне почувствовать себя виноватым за то, что я сделал. Скоро останутся только смутные воспоминания, все утонет в реальности жизни. Но не сегодня, — он помолчал.— Нет. Сегодня я должен выйти из этого круга с вами, мои верные друзья, и принять радость моего народа, которому я принес победу. Сегодня я приму присягу верности от принца-ребенка, отца которого я убил, верну ребенка другой женщине, мужа которой я убил, хотя они, правда, должны были погибнуть, и я должен буду делать вид, что очень доволен всем,— он повертел в руках корону Венсита, с отвращением глядя на нее.— Идемте. Король должен играть свою роль. Народ ждет. И если моя победная улыбка покажется вам горькой, то вы знаете почему.

И круг растворился, погас. Магия исчезла.

И когда появился король с короной Торента в руках, армия Гвинета в едином порыве взорвалась восторженными криками. И послышался гром: это тысячи мечей застучали по щитам в знак восхищения и тысячи копыт застучали по земле — это тысячи всадников поскакали навстречу своему королю.

И четверо Дерини, наблюдавшие за поединком в согласии с древними правилами, возложили свои белые и золотые мантии на плечи победителей.

Дружеские руки посадили короля на белого коня, и его хорошо было видно, когда он ехал к войскам Торента объявить о своей победе.

Но корона сегодня была тяжелым бременем для наследника дома Халданов.

Литературно-художественное издание

**КЭТРИН КУРТЦ
ХРОНИКИ ДЕРИНИ
КНИГА 2**

Составитель *Лютиков А. Г.*

Редактор *Лютиков А. Г.*

Художник *Румянцев В. А.*

Литературный редактор *Рошаль В. М.*

Технический редактор *Жихарев Ю. А.*

Оригинал-макет изготовлен в ТОО «Агентство «СФИНКС СПб». 193167, Санкт-Петербург,
Невский пр., 176, а/я 875.

Издание подготовлено при участии ТОО «МИМ»

ИБ № 160

Подписано к печати 07.09.92. Формат 84×108 1/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 19,32. Уч.-
изд. л. 22,03. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1965.

АП «Васильевский остров». 191028, Санкт-Петербург, Манежный пер., 2.

«Печатный Двор». 197110, Санкт-Петербург, П-110, Чкаловский пр., 15.

4

5

6

7

